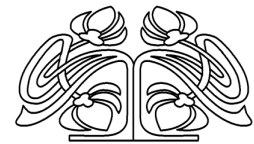

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2018 Том 18

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)
Издается с 2005 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Моисеев М. В.** Латышки Василия Ржевского. Опыт комментирования одного завещания 414
- Ризаева Е. Н.** В. А. Пыпина: «Отец и мать в моем уме и сердце» 419
- Самохина Г. А.** Советская историография 1930 – середины 1960-х годов о роли России в Антанте (к истории тезиса о полуколониальной зависимости России от союзников) 425
- Мякшев А. П.** События в Алма-Ате в декабре 1986 г.: первый ультиматум национальных элит Центру 432

Всеобщая история

- Колоколова Н. С.** Спартак на дорогах свободы: герой, «Христос-искупитель восставших рабов», убийца 440
- Болдырева И. И.** Женщина как правонарушительница в англосаксонском обществе X–XI веков 445
- Краснова И. А.** Гвельфизм как основа коммунальной идентичности (на примере Флоренции XIV–XV веков) 451
- Майзлиш А. А.** В поисках согласия: города и граф Фландрии в начале правления Людовика Мальского 458
- Анисимова А. А.** Инкорпорация Фавершема: к истории создания городской общины 464
- Многолетняя Е. Н.** Лексикографические труды чешского типографа XVI века Даниэля Адама Велеславина 470
- Зайцева Н. В.** «Реабилитация» термина «галантный»: историография вопроса 474
- Креленко Д. М.** Отдельные элементы потенциала крепости Гибралтар в контексте стратегической роли данной позиции в 1940–1942 годах 481
- Бонцевич Н. Н.** Теория «народного капитализма» и Формирование внутриполитического консенсуса в правление Д. Эйзенхауэра 488
- Мозебах В. А.** Японское «экономическое чудо»: сущность и подходы к пониманию 495

Международные отношения

- Савенко Е. И.** Швеция – ЕС: эволюция сотрудничества в рамках политики обороны и безопасности 501
- Баранов А. В.** Президентские выборы 2012 года в Египте и перспективы ирано-египетских отношений 508
- Вахштех А. Н.** Роль России в урегулировании сирийского конфликта 514

Региональная история и краеведение

- Малов Н. М.** Золотоордынский Укек и Увекское городище 523
- Рабинович Я. Н.** Рыболовный промысел в левобережном Саратове в третьей четверти XVII века 528
- Коновалов И. Н.** Влияние поволжских кооперативных организаций на повышение самостоятельности и культурного уровня российского крестьянства в начале XX века 536
- Варфоломеев Ю. В.** Саратовский «дневник» историка А. А. Корнилова: часть вторая 540
- Шишкин Д. П.** Формирование основных предпосылок аграрной реформы в Саратовской губернии начала XX века 547

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 07.00.00 – исторические науки и археология)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56135 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Крылова Елена Борисовна

Адрес учредителя, издателя и издательства:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 28.11.18.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 16,27 (17,5).
Тираж 500 экз. Заказ 155-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2018

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Moiseev M. V.** Latvian Women of Vasilij Rzhevskij. Experience of Commentary on one Testament 414
Rizaeva E. N. V. A. Pypina: «Father and Mother in my Mind and Heart» 419
Samokhina G. A. Soviet Historiography of the 1930s – mid-1960s about the Role of Russia in the Entente (to the History of the Thesis of Semi-colonial Dependence of Russia from the Allies) 425
Myakshev A. P. The Events in Almaty in December 1986: the First National Elite Ultimatum to the Centre 432

World History

- Kolokolova N. S.** Spartacus on the Roads of Freedom: a Hero, «Christ the Redeemer of Rebellious Slaves», a Murderer 440
Boldyreva I. I. Woman as Offender in the Anglo-Saxon Society of X–XI Centuries 445
Krasnova I. A. Guelphism as the Basis of Communal Identity (on the Example of Florence of XIV–XV Centuries) 451
Mayzlish A. A. In Search of Agreement: the Towns and the Count of Flanders at the Beginning of Louis of Male Reign 458
Anisimova A. A. Incorporation of Faversham: Creation of an Urban Community 464
Mnogoletnyaya E. N. Lexicographic Works of the Czech Printer of the XVI Century Daniel Adam Velešlavín 470
Zaytseva N. V. Revisiting the Role of the Term «Gallant»: Historiography 474
Krelenko D. M. Some Elements of the Gibraltar Fortress Potential in the Context of its Strategic Role in 1940–1942 481
Bontsevich N. N. «People's Capitalism» Theory and Making Internal Consensus during the Eisenhower Administration 488
Mozebakh V. A. Japanese «Economic Miracle»: the Essence and Approaches to Understanding 495

International Relations

- Savenko E. I.** Sweden – the EU: Evolution of Cooperation in the Framework of the Defense and Security Policy 501
Baranov A. V. Presidential Elections of 2012 in Egypt and Prospects of Iran–Egypt Relations 508
Vakhshiteh A. N. Role of Russia in the Syria's Negotiation Process 514

Regional History and Local Studies

- Malov N. M.** The Golden Horde City of Ukek and the Uvek Settlement Site 523
Rabinovich Ya. N. Fishing and Trade in Left-Bank Saratov in the Third Quarter of the XVII Century 528
Kononov I. N. The Influence of Volga Cooperation Organizations on Increasing Amateur Initiative and Cultural Level of the Russian Peasantry at the Beginning of the XX Century 536
Varfolomeev Yu. V. Saratov «Diary» of the Historian A. A. Kornilov: Part Two 540
Shishkin D. P. Formation of the Main Prequisites of Saratov Province Agricultural Reform at the Beginning of the XX Century 547

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Denningkhauz (Luneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald Rayleigh (Chapel Hill, USA)

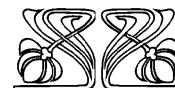
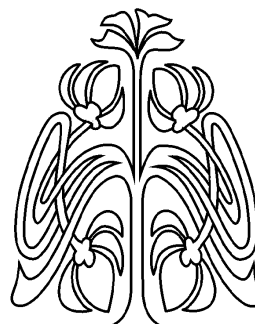
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

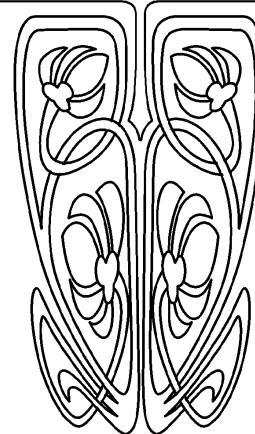
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.23

ЛАТЫШКИ ВАСИЛИЯ РЖЕВСКОГО. ОПЫТ КОММЕНТИРОВАНИЯ ОДНОГО ЗАВЕЩАНИЯ

М. В. Моисеев

Моисеев Максим Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий сектором, Государственное бюджетное учреждение культуры г. Москвы «Музейное объединение «музей Москвы» – отдел «Музей археологии Москвы», научный сотрудник Центра научного проектирования, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, maksi-moiseev@yandex.ru

Статья посвящена изучению сведений завещаний об истории плена и работорговли в Московском государстве времен Ливонской войны и эвристическому значению этой группы источников. Анализируется стратегия упоминания в завещании В. М. Ржевского своих служб. Выявлена фальсификация, которая позволяет говорить о «местнической ментальности».

Ключевые слова: плен, Ливонская война, латыш, завещание.

Latvians Women of Vasilij Rzhevskij. Experience of Commentary on one Testament

M. V. Moiseev

Maksim V. Moiseev, <https://orcid.org/0000-0003-0421-8982>, Museum of Moscow, 2, Zubovsky Bul., Moscow, 119021, Russia, Research Fellow, Russian State University for the Humanities (Moscow), 6, Miusskaya Square, Moscow. 125993, Russia, maksi-moiseev@yandex.ru

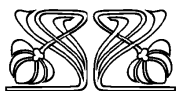
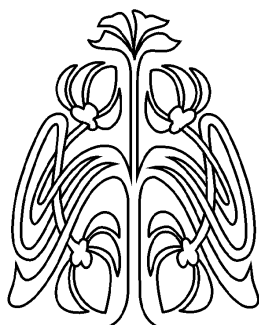
The article is devoted to the study of testaments to the history of captivity and slave trade in the Moscow state during the Livonian war and heuristic value of this group of sources. The strategy of mentioning the services in V. M. Rzhevsky's testament is analyzed. Falsification that allows to reckon upon "local mentality" is revealed.

Key words: captivity, Livonian war, Latvian, testament.

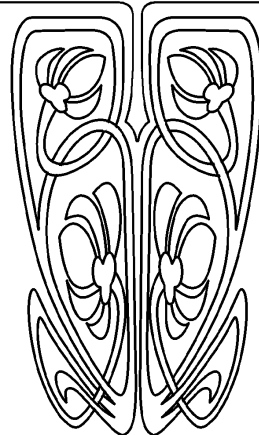
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-414-418>

История изучения Ливонской войны имеет давние традиции. Относительно недавно А. И. Филюшкин обосновал понимание этой войны, как серии балтийских войн 2-й половины XVI в.¹ Непосредственно под Ливонской войной автор понимает конфликт 1558–1561 гг.² Эту же точку зрения поддержал и В. В. Пенской³. Белорусский исследователь А. Н. Янушкевич считает, что хронологически Ливонскую войну необходимо поместить в промежуток 1558–1570 гг.⁴ Одним из последствий балтийских войн времени правления Ивана IV, вошедшее в историографию как «Ливонская война», стало значительное движение населения территорий, втянутых в этот конфликт. Одни перемещались как свободные землевладельцы, получая поместья на приобретенных территориях, другие поступали на службу к победителям, многие оказывались в плену. Эти миграционные сдвиги лишь недавно стали привлекать внимание исследователей. Судьбы пленников ливонцев, оказавшихся вдали от родины, впервые привлекли внимание И. П. Ермолаева, который отметил наличие «латышей» в числе нерусского населения в Казанском уезде⁵.

А. Л. Хорошкевич посвятила им специальную статью, в которой она дала общую характеристику этому явлению, очертила круг источников и наметила основные пути исследования⁶. Впрочем, в оптику историка попали, с одной стороны, все группы иноземцев (не только «латыши», «немчины» и «литвины»), но и «грузинцы», «ногаи» и т.п.), а с другой, исследование было ограничено рамками Казанского уезда.

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Как один из важнейших источников для исследования истории плена в Московском государстве А. Л. Хорошкевич определяла писцовые книги.

Т. А. Опарина в двух обстоятельных работах проанализировала пути попадания ливонцев в плен, указала факты работорговли⁷, а также проследила дальнейшие судьбы некоторых из пленников⁸.

К проблематике «немцев» Поволжья XVI в. обратился и финнский исследователь Юкка Корпелла, так же, как и А. Л. Хорошкевич построивший свое исследование на писцовых материалах, но сосредоточив свое внимание в первую очередь на проблематике сохранения своей конфессиональной идентичности и конверсии в православие⁹.

Практике выкрадывания полоняников, которых покупали татары Крымского ханства и Ногайской Орды, дабы они не оказались в «мусульманской неволе», посвятил внимание и автор этих строк¹⁰.

В целом на данном этапе изучения истории плена и работорговли в Московском государстве XVI в. общепринятым тезисом стало понимание заметного воздействия «ливонского» полона на этническую карту уездов царства. Однако география размещения полоняников не ограничивается только Казанским или Новгородскими уездами. Так, например, Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. фиксирует людей с этническими прозвищами: «немчин» – 8 человек, «латыш» – 2 и «литвин» – 1¹¹. В Дозорной книге Темниковского уезда 1613/14 г. фиксируются 6 «немцев» и 2 «латыша»¹². Фиксируют «латышей» и «немцев» и другие документы¹³. Также сейчас очевидно, что к корпусу источников, задействованных при исследованиях «ливонского полона», необходимо привлекать материалы посольских книг, особенно ногайских, в которых сохранился довольно любопытный массив данных.

Суммируя наши наблюдения за текстами этих документов, можно отметить следующее. Ногайские посольские книги фиксируют факты торговли ливонским полонем. Осуществлялась эта торговля в рамках прямого запроса царю, с указанием численности покупаемых людей. Отталкиваясь от сообщений посланий, мы можем полагать, что продажа людей разрешалась одновременно с разрешением вообще торгова с ногаями. Торговля была регламентирована, легально приобрести «немецкий полон» можно было только в Москве. Пристав, сопровождавший ногайских послов, должен был следить за тем, чтобы под видом «немцев» не были проданы русские. В Казани осуществлялась сверка купленных рабов со списками. Посольские книги отмечают жесткую позицию Московского государства по вопросам возвращения беглых пленников ногаям. Однозначно запрещалось отдавать православных беглецов, на католиков и протестантов эта норма

не распространялась, но анализ конкретных данных позволяет считать, что на практике беглые независимо от их вероисповедания татарам не возвращались. В посольских книгах время от времени приводятся и количественные данные, которые позволяют заметить, что непосредственно продавалось в Ногайскую Орду небольшое число пленников, а вот захватывалось ногаями и потом угонялось в степь значительное число ливонцев. Так, в 1579 г. были проданы ногайскому бию и мирзам 54 человека¹⁴, а после участия в походе в апреле 1580 г. степняками были угнаны 1028 человек¹⁵.

Еще одним источником, содержащим интересные подробности по истории плена, но пока редко привлекающимся, являются завещания (духовные грамоты) служилых людей Московского царства. Именно анализу одного из завещаний и посвящена предлагаемая работа.

В журнале «Исторический архив» в №1 за 2016 г. Н. А. Комычевым был опубликован ряд завещаний вкладчиков Иосифо-Волоколамского монастыря¹⁶. Одно из них, а именно духовная Василия Михайловича Ржевского от 1596/97 г., привлекло наше внимание сведениями о латышках. Приведем этот отрывок полностью:

«Да што у меня была девка Фенка латышка немецког(о) полану, как ходил князь(ь) Офонасеи Шейдяков, воевал с Микитою Романовичем в Большом полку, а я, Василей, тогда был в передовом полку со князем Семеном Ордасавичам да со князем Михаилом Юрьевичам Лыкова, и яз тое девку Фенку дал сыну своему своему Василию, а Василей сын тое девку Фенку дал за Федку за Шеблякина, и мне да них дела нет, то ведает Василей с ними. Посылал де меня Василя, государь на Романов к мурзам и татарам лета 7091-(го) и 92-(го) году, и яз тогда купил на Романове девку Пярку латышку у романовского татарина выборского полону и купчая есть на ту девку, и в таможенные книги на Романове записана. И тое девку Пярку дал сыну своему Василию, а мне да нее дела нет»¹⁷.

Приведенные сведения позволяют нам уточнить несколько вопросов, связанных с проблематикой «немецкого полона». Во-первых, очевидно, что две упоминаемых «девки» принадлежали к дворне. Во-вторых, мы можем уточнить время их пленения и даже очертить район их прежнего проживания, благодаря скупым подробностям, приведенным в завещании. И наконец, в этом документе зафиксирована процедура купли.

Автор завещания – сын боярский 2-й статьи – в 1566 г. участвовал в Земском соборе, посвященном вопросу продолжения «Ливонской войны». Данные, приведенные в завещании, позволяют полагать, что поход, в котором была пленена Фенка, состоялся зимой 1575/1576 г. Именно тогда в Большом полку был князь Афанасий Шейдяков, а в Передовом – князь Семен Ардасович Черкасский и князь Михаил Юрье-

вич Лыков¹⁸. Однако разрядная книга указывает службу Василия Михайловича совсем не в «немецком походе», а в царском калужском походе против Девлет-Гирея этого же года и не в Передовом полку, а при наряде¹⁹.

Не вполне понятно, кто такой «Микита Романович», упоминаемый в завещании. В калужском походе в Государевом полку упоминается князь Никита Романович Трубецкой, но Василий Михайлович крайне внимателен к титулам: из четырех воевод трое строго потитулованы, поэтому вряд ли искомый «Микита Романович» – это князь Трубецкой. В документах этого похода упоминается местническое дело между боярином И. В. Шереметевым и боярином Н. Р. Юрьевым. Однако Н. Р. Юрьев был не в Большом, а в Полку правой руки. В итоге его вернули в Москву «для осадного времени»²⁰.

Итак, с одной стороны, за одним исключением, завещатель верно называет воевод похода «под немецкие городы», с другой стороны, данных о его службе в этой компании нет, он был вовсе не в Прибалтике, а в береговом разряде, так же как и упоминавшийся им Н. Р. Юрьев. Сложно сказать, с чем связана эта путаница: с забывчивостью или с намеренным искажением, вызванным «местническим менталитетом». По крайней мере, можно полагать, что мы имеем дело с путаницей, вызванной элементарной забывчивостью. Дело в том, что в декабре 1576 г. В. М. Ржевский все-таки принял участие в приготовлении к походу в «немцы», но не в Передовом полку, а при наряде под командованием Д. И. Вельяминова²¹.

Однако ни одной из упоминавшихся персон в походе 1576 г. не было, как и неясно, принял ли он участие непосредственно в походе, который состоялся в апреле следующего 1577 г. Во всяком случае, в описании похода головы В. М. Ржевского мы не находим²². Возможное объяснение этому кроется в боярском списке 1577 г., в котором он упоминается как сын боярский, служащий по Белой, с интересной пометой: «На Моск[кве] в тюр[ьме]»²³.

Интересно, что хронологически это очень близко ко времени его участия в походе в Ливонию. Причин его заключения мы не знаем, как и длительность его, но после этого В. М. Ржевский надолго пропадает из поля зрения учетных документов, да и упоминавшиеся им службы в Романове, очевидно, имели низкий местнический статус и поэтому в разрядные книги не попали. Можно полагать, что он был осадной головой Романова. В сохранившейся романовской писцовой книге 1593/1594 г. упоминается запрещение Василию Ржевскому брать оброк с оброчных пустошей и мельницы, который отходил Богоявленскому Островскому монастырю²⁴. Сам этот запрет относился к 7093-му году, что позволяет нам предполагать его службу в Романове более длительной, чем это указано в его завещании.

Сохранились данные платежницы, составленной Василием Ржевским, все это показывает, что на закате своей карьеры Василий Ржевский был связан с городом Романовым²⁵.

Таким образом, анализ упоминаний служебных назначений в завещании показывает особенность социальной памяти Василия Михайловича Ржевского, которая связана с укоренением местничества в сознании, если угодно, с «местнической ментальностью», в рамках которой было необходимо документально закрепить более «честную» службу. Именно поэтому он «забыл» реальную, но местнически очень низкую службу при наряде, в пользу вымышленной, но более честной — в Передовом полку. «Государев разряд» 1556 г. – документальная база местничества – фиксировал иерархическую значимость воеводских служб в следующей очередности: Большой полк, Передовой полк, Полк правой руки, Полк левой руки и Сторожевой полк. Затем служба в Полку правой руки прочно занимает второе по «честности» место после Большого полка, а Полк левой руки прочно спустится в конец списка²⁶. Как видим, в этой пирамиде нет места «наряду», однако для детей боярских было критически важно зафиксировать почетную службу. Учитывая, что служебная карьера В. М. Ржевского не была успешной: две службы при наряде и в конце жизни служба осадным головой – все местнически ничтожные, то он пошел на фальсификацию своих ранних служб. Для того чтобы его сыновья могли впоследствии использовать для продвижения по карьерной лестнице эту фальшивую службу отца, Василию Ржевскому необходимо было добиться ее задокументирования. Но как? Привычная стратегия для русских аристократов и детей боярских – это спровоцировать местническое дело, но наш герой не мог воспользоваться такой линией поведения. Его последняя служба осадным головой не имела местнического значения. «Уложение» 1590-х гг. прямо запрещало головам местничать²⁷. Тогда В. М. Ржевский находит выход, не лишенный известного изящества: для фиксации вымышленной службы в Передовом полку он избирает свое завещание, а для предания этому упоминанию веса он верно перечисляет воевод ливонского похода 1576 г., кроме Н. Р. Юрьева, который был в калужском походе, как и наш герой, но возглавлял более «честный» Полк правой руки. Так что Василий Михайлович постарался завещать своим детям не только имущество, но и более высокий местнический статус, предоставив им не только средства для его отстаивания, но и возможности для защиты в случае обвинения во лжи, намеренно спутав реальных воевод, служивших в 1576 г. в разных местах.

Таким образом, время и обстоятельство приобретения Фенки покрыты мраком, но если принять версию самого завещателя, то произошло это около 1575/1576 г. Мы можем предпо-

ложить, что купля была совершена во время нахождения его в Новгороде, когда он мог встретить вернувшихся с похода князя А. Шейдякова воинов. Если это так, то область вторжения нам известна: это Коловерь, Апсла, Падца и Выгола мыза. Интересно, что Апсла – это Хаапсальский замок, а Падца – город Падис. Следовательно, латышка Фенка была захвачена на территории современной Эстонии, впрочем, и латышка Пярка захвачена была совсем не в Латвии, а во время «выборгского» похода. Все это ставит перед нами один вопрос: кого же понимали русские документы и люди XVI в. под «латышами»? А. Л. Хорошкевич указывала, что «латышами» в Российском царстве называли не только собственно латышей, но и леттов и земгалов, то есть народы, находившиеся под властью Ливонского Ордена. Словарь Ричарда Джемса 1619 г. фиксировал, что в Поволжье под этим этнонимом понимались иноземцы вообще. Хотя распространение его на эстов исследовательница затруднялась признать²⁸, но наш случай вполне демонстрирует возможность этого.

В завещании в случае с Пяркой упоминается и купля, и процедура ее оформления. Обычно имеющиеся у нас источники локализуют центр торговли пленными в Москве. В посольских книгах и столбцах в наказах приставам фиксируется практика купли-продажи пленных. Приведем для примера наказ Семену Мальцеву 1583 г. Согласно этой инструкции, покупать «немецкой полон» татары могли только в Москве. Приставу вручались списки купленных пленников каждым участником ногайского посольства. Чтобы пресечь возможность покупки людей вне Москвы, ногаям запрещалась большая стоянка в Касимове, а продолжительная остановка предполагалась только в Казани, где должна была произойти сверка полона со списками, и в случае выявления нарушений пристав должен был изъять «лишний» полон²⁹.

Очевидно, что эти ограничения распространялись на внешнюю торговлю, а внутри страны эти операции могли осуществляться более широко и в них были втянуты те регионы, жители которых участвовали в «Ливонской» войне. Сама покупка подтверждалась специальным документом – «куплей» и регистрировалась в таможенных книгах, в нашем случае города Романова, что позволяет нам расширить источниковую базу исследования и в дальнейшем расширить поиск.

Итак, данный конкретный случай упоминания «латышского полону» в завещании В. М. Ржевского от 1596/97 г. показывает эвристические возможности для исследования истории плена такого типа источников, как духовные грамоты. В рамках микроисторического подхода эти документы проясняют ряд вопросов, не имеющих решения с точки зрения «большой истории». Стратегия выстраивания памяти о службах

В. М. Ржевского демонстрирует действенность «местнического менталитета», который побуждает завещателя даже перед лицом смерти указывать фальсифицированную более почетную службу в Передовом полку, вместо реальной службы у наряда. В завещании наш герой выстраивает биографию честного служаки, прибегая к умолчаниям (о заключении в тюрьме) и намеренным искажениям. В этой серой зоне полуправды разворачивается будничная история торговли пленными и передачи их в наследство и дальнейшего встраивания в чужое общество (брак Фенки и Федки Шибляева, заключенный решением их хозяина). Анализ сообщений об условиях их приобретения позволяет выяснить, что Фенка и Пярка попали в плен на территории современной Эстонии. Это обстоятельство позволяет утверждать, что термин «латыш» в Московском государстве не имел этнического значения, а распространялся на сельское население Ливонии и включал не только латышей, леттов и земгалов, о чем писала А. Л. Хорошкевич, но и эстов.

Примечания

- ¹ Филлюшкин А. И. Ливонская война, или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 80–94.
- ² См.: Филлюшкин А. И. Указ. соч. С. 93.
- ³ Пенской В. В. Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Фелина 1558–1561 гг. М., 2017. С. 7
- ⁴ Янушкевич А. Н. Ливонская война. Вильно против Москвы : 1558–1570. М., 2015. С. 6–8.
- ⁵ См.: Ермолаев И. П. Писцовая книга Ивана Болтина как источник // Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста / сост. Р. Н. Степанов ; под ред. И. П. Ермолаева, М. А. Усманова. Казань, 1978. С. 18.
- ⁶ См.: Хорошкевич А. Л. Этнические микровкрапления среди жителей Казанского уезда в контексте международных отношений России середины XVI–XVII вв. // Мининские чтения : труды участников междунар. науч. конф. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского (Н. Новгород, 24–25 октября 2008 г.). Н. Новгород, 2010. С. 377–389.
- ⁷ См.: Опарина Т. А. Проблема источников депортаций ливонских пленников в Россию // Балтийский вопрос в конце XV–XVI в. М., 2010. С. 239–268.
- ⁸ См.: Опарина Т. А. Ливонские пленники в политической игре Бориса Годунова // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (1–2). С. 273–302;
- ⁹ См.: Korpella J. Baptized and Not Baptized Nemcy in the Muscovite Society of the 16th century // Золотоордынское обозрение. 2014. № 3. С. 191–206.
- ¹⁰ См.: Моисеев М. В. Пленные Ливонской войны на востоке : люди и судьбы // Vēsture : avoti un cilvēki. XXVII zinātniskie lasījumi. Vēsture XXI. Daugavpils : Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds «Saulē», 2018. P. 261–267.

- ¹¹ См.: Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. / сост. М. М. Акчурин, А. В. Беляков. Казань, 2015. С. 24, 25, 28, 59, 68, 128, 131, 134, 135, 149, 156.
- ¹² Тэйро Э. Дозорная книга Темниковского уезда 1613/14 года : Опыт изучения // Архив русской истории. М., 2007. Вып. 8. С. 91.
- ¹³ См.: Антонов А. В. К истории Богоявленского Островского монастыря // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 358.
- ¹⁴ См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 9. Л. 84–85.
- ¹⁵ Там же. Л. 144 об.–145.
- ¹⁶ См.: Комочев Н. А. «Бог по мою душу сошлет, и вы положите мое грешное тело в Осифове монастыре». Духовные грамоты вкладчиков Иосифо-Волоколамского монастыря. 2-я половина XVI века // Исторический архив. 2016. № 1. С. 172–178.
- ¹⁷ См.: Комочев Н. А. Указ. соч. С. 176.
- ¹⁸ См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. / подгот. текста : В. И. Буганов. М., 1966. С. 259.
- ¹⁹ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 262.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 275.
- ²² Там же.
- ²³ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 200.
- ²⁴ См.: Антонов А. В. К истории Богоявленского Островского монастыря... С. 360.
- ²⁵ См.: Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 122.
- ²⁶ См.: Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005. С. 166.
- ²⁷ См.: Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 166, 168–170.
- ²⁸ См.: Хорошкевич А. Л. Этнические микровкрапления среди жителей Казанского уезда в контексте международных отношений России середины XVI–XVII вв. С. 379.
- ²⁹ См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1583. Д. 1. Л. 1–8.

Образец для цитирования:

Моисеев М. В. Латышки Василия Ржевского. Опыт комментирования одного завещания // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 414–418. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-414-418>

Cite this article as:

Moiseev M. V. Latvian Women of Vasilij Rzhhevskij. Experience of Commentary on one Testament. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 414–418 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-414-418>

УДК 94(47).083+929 В.А.Пыпина

В. А. ПЫПИНА: «ОТЕЦ И МАТЬ В МОЕМ УМЕ И СЕРДЦЕ»

Е. Н. Ризаева

Ризаева Елена Николаевна, аспирант кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, malova-el83@yandex.ru

В статье исследуется проблема формирования личности старшей дочери академика А. Н. Пыпина – Веры Александровны. Автор на основе анализа многочисленных и разнообразных архивных источников и исследовательской литературы определяет характерные особенности воспитания в семье Пыпиных, позволившие Вере Александровне стать высококультурной, широко образованной и целеустремленной личностью, посвятившей себя культурно-просветительской и общественно-благотворительной деятельности в тяжелое для страны время.

Ключевые слова: В. А. Пыпина, А. Н. Пыпин, Ю. П. Пыпина, духовность, формирование личности.

V. A. Pypina: «Father and Mother in my Mind and Heart»

E. N. Rizaeva

Elena N. Rizaeva, <https://orcid.org/0000-0002-4179-5300>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, malova-el83@yandex.ru

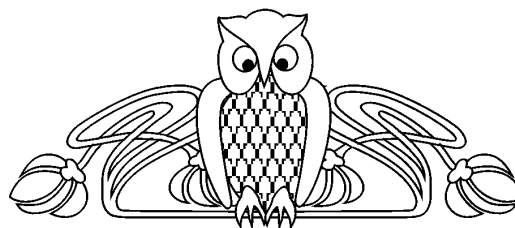
The article examines the problem of the personality development of the eldest daughter of academician A. N. Pypina – Vera Aleksandrovna. Basing on the analysis of numerous and various archival sources and research literature, the author defines characteristic features of education in Pypin's family which allowed Vera Aleksandrovna to turn into a highly cultural, widely educated and purposeful person who devoted her life to cultural, educational, social and charitable activities in the hard times for the country.

Key words: V. A. Pypina, A. N. Pypin, J. P. Pypina, spirituality, personality formation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-419-424>

Вера Александровна Пыпина (1864–1930 гг.) – старшая дочь академика А. Н. Пыпина и Ю. П. Пыпиной – родилась и выросла в Петербурге. Этой яркой и незаурядной личности посвящено, к сожалению, крайне мало исследований¹. До сих пор нет обобщающей научной работы, раскрывающей многогранные стороны её жизни, культурно-просветительской деятельности и творчества.

При жизни отца Вера Александровна была фактически его ближайшей помощницей. Она окончила Василеостровскую гимназию, куда была переведена из гимназии Спешневой. Впоследствии она окончила Педагогические курсы Санкт-петербургских женских гимназий. Ее ин-

тересы были весьма обширны. Талант и творческая натура проявились, в частности, в фотографическом и художественном искусстве. Именно она стала автором первого изображения дома Чернышевских в Саратове. Эта акварельная работа В. А. Пыпиной поступила в фонд музея в 1920 г. и с тех пор неоднократно экспонировалась на различных музейных выставках².

Её племянница – дочь двоюродного брата М. Н. Чернышевского – Нина Михайловна вспоминала о том, как в детстве она была под необыкновенным впечатлением удивительных моментов работы Веры Александровны как художницы, так восхитившие и надолго оставшиеся в памяти маленькой Нины. Так, например, домик в «Улетышах», в небольшом имении Пыпиных в Курляндской губернии, был оформлен по рисунку Веры Александровны. Нина Михайловна вспоминала об этом: «Я была поражена особенно столовой, тоже, как и все в доме, оформленной рукой В [еры]. А [лександровны]. Это была какая-то воздушная комната в самых светлых тонах, со множеством свежей зелени не только на окнах, но и на стенах»³.

В 1895 г. Вера Александровна, будучи женой Ф. Г. Беренштама, открыла мастерскую «В. А. Беренштам», где изготавливала диапозитивы для «волшебного фонаря». Кроме того, в разные годы преподавала в Павловском институте, затем в Техникуме кустарной промышленности. Все это время она занималась и общественной работой. Вера Пыпина была членом Лиговского дома, также известного как Народный дом графини С. В. Паниной, открытого в 1903 г. В большом зале (на 1000 человек) устраивались выставки, проводились культурно-просветительские программы, научно-популярные лекции, давались концерты с участием известных артистов, устраивались народные балы, воскресные праздники для детей и взрослых, театральные представления. В Народном доме был открыт первый в России «Подвижной музей учебных пособий» и первая общественная обсерватория с высококлассными специалистами. Там также работали дтссад, ремесленные классы, столовая, чайная и библиотека устраивались⁴. В главном здании, кроме учебных и клубных помещений, находились юридическая консультация, сберегательная касса, обсерватория, здесь же выступал Общедоступный театр П. П. Гайдебурова, о посещении которого упоминает Вера Александровна в дневнике. В Лиговском доме она занималась с негра-

мотными и малограмотными, а также устраивала чтения со световыми картинками⁵.

С началом Первой мировой войны она стала работать в только что открытом в 1914 г. Центральном справочном бюро городских попечительств. Его руководительницей была Софья Владимировна Панина⁶. Целью бюро было содействие осведомлению попечительских работников о деятельности всех попечительств по всем направлениям для лучшей координации их работы. В связи с этим производилось анкетирование попечительств по оказанию трудовой, продовольственной, квартирной, детской помощи, раздаче казенного пайка. Работа бюро осуществлялась безвозмездно и добровольно. В дневнике Вера Александровна приводит характерный эпизод своей деятельности, когда она побывала на заседании Попечительства, где обсуждались постановления Городской Думы, касающиеся этой сферы. В ходе заседания было высказано мнение о том, что термин «благотворительная» деятельность желательно заменить на «гражданско-обязательную». С таким подходом согласилась и Вера Александровна, удовлетворенно отметив: «хорошо, что наше общество это чувствует»⁷. Свою гражданскую позицию к благотворительности она доказывала делами, понимая, что страна переживала тяжчайшее испытание.

Подобно многим людям в то время, Вера Пыпина с энтузиазмом и самозабвенно окунулась в общественную работу. Её мечтой было создание пансиона «для престарелых литераторов» в Меддуме⁸. Для этой цели она готова была даже предоставить свою дачу под Двинском. Первым из этих «престарелых» пансионеров все же успел оказаться литератор П. Е. Щеголев, проживший все лето у нее со своей женой⁹.

Небезразлична была Вера Александровна и ко всему тому, что происходило вокруг, она активно посещала различные лекции, заседания. Так, например, она посетила одно из заседаний религиозно-философского общества и выразила своё мнение по поводу выступления одного из лекторов этого общества – М. И. Туган-Барановского. Тогда ее возмутили рассуждения Михаила Ивановича о «разном» социализме Герцена и Чернышевского и параллели между ними, приведенные докладчиком¹⁰.

Несмотря на активную жизненную позицию, в душе Вера Александровна ощущала себя одинокой и, хотя в тот период рядом с ней находился её второй муж – литературовед, литературный критик и историк литературы Е. А. Ляцкий, она не чувствовала от него поддержки. В трудные минуты моральную и отчасти физическую силу ей придавали воспоминания о родных людях – отце, к которому была привязана больше всего, и матери, о чем она записала в дневнике¹¹.

В фондах музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского сохранились мемуары В. А. Пыпиной – «Отец и мать в моем уме и сердце», оформ-

ленные машинописным текстом, но начатые в разрозненном виде еще на рукописных страницах дневника. Анализ этих мемуаров позволит охарактеризовать нравственное воспитание и духовное развитие Веры Александровны через призму ее отношений с родителями, с ближайшим окружением и родственниками, рядом с которыми прошли её детские годы и пора становления. Особенно следует подчеркнуть влияние отца и матери на развитие нравственных и духовных начал дочери. На страницах дневника Вера Александровна оставила такие строчки: «с нежностью обращается моя мысль ко всем моментам общения с папой»¹².

Детские воспоминания начинаются с конца 1860-х гг., когда семья жила на съемной квартире. В «хозяйский» сад, где было много зелени, ухоженные дорожки, «нашего брата, жильца <...> не пускали», – с грустной иронией записала Вера Александровна. Сад, где Вера с другими детьми играла в лапту и пятнашки, был демократическим. При этом она отмечает, что дух демократизма и равенства глубоко коренился в ней, но, по-видимому, не воспитывался намеренно – вся жизнь, стиль общения ее родителей были таковы, что «люди не разграничивались на бедных и богатых»¹³. Эти качества еще в раннем детстве Вера восприняла от отца и своего семейного окружения, которое, по её впечатлениям, отличалось «высокой нравственной культурой, бережным отношением к людям, уважением к старинным народным традициям, начитанностью, веротерпимостью»¹⁴.

Из мира своего детства Вера вынесла воспоминания о непрерывном труде отца, любви и заботе матери, ровном отношении к прислуге – впечатления о простоте всяких отношений и полном отсутствии какой бы то ни было условности¹⁵. Кроме того, «здоровой основой» для детской души было чтение хороших детских книг. Поэтому, думается, вполне объяснимо непонимание Верой Александровной своего мужа, Евгения Ляцкого, делившего людей на «нужных» и «ненужных»¹⁶. Она сетовала на страницах дневника: «можно ли делить людей, когда все равны? Один богат, другой беден, один выдвинулся благодаря положению или другой в безвестности, и как же, за что же одного называть “нужным”, другого “ненужным”»¹⁷. Душа Веры Александровны была сродни отцовской, впитавшей его идеалы: «...у папы была цельная, чистая душа, недоступная ничему мелкому!»¹⁸

От природы Вера Александровна обладала поистине огромной жизнерадостностью, вероятно, унаследованной от отца, «который любил чувствовать вокруг себя жизнь». Передал он дочери и важную мысль о том, что если даже рухнет самое дорогое, то «надо жить своими духовными ценностями»¹⁹. Несмотря на свою, казалось бы, насыщенную и полноценную жизнь, однажды в дневнике В. А. Пыпиной были запи-

саны следующие строчки: «Зачем, за что выпала мне на долю такая бесконечно трудная жизнь? Может быть затем, чтобы не залениться мыслью, чтобы работать и над собой, и над выяснением тех вопросов, которые всегда с самых малых лет меня тревожили и влекли к себе?» И сама же дает ответ: «Может быть...»²⁰ Она переживает в себе каждое «столкновение с жизнью». «Испытание всецело меня захватывает, – отмечала она, – вызывает длительный анализ и, переходя постепенно в объективную оценку факта, вводит эту оценку, как новые приобретения в смысл расширения горизонта»²¹. По её мнению, каждое такое жизненное испытание – это определенный отрезок жизни, длительный или короткий, но он забирает силы, отнимает радость, но дает взамен какое-то приобретение: опыт, способность понимать прежде скрытое²².

Одним из мучительных испытаний стала для нее смерть ее единственной дочери Нины. Боль матери не прошла и спустя много лет. Она вспоминала, как в 1911 г., спустя двадцать лет после смерти дочери, переписывая в Румянцевском музее письма отца к Н. С. Тихонравову, встретила запись Александра Николаевича от 30 декабря 1889 г.: «У меня это время шло и идет очень тяжело: болезни свои и близких, и в настоящую минуту – страшные опасения за жизнь маленького существа». Стойко и замкнуто переживала Вера Александровна утрату ребенка. Никто из родных не видел её слез: «постыдилась своей слабости и перед мужественным в испытаниях отцом»²³. Это неизжитое страдание сопровождало её всю жизнь. Потеря дочери – это был первый удар ее судьбы.

Другой душевной драмой, перевернувшей не только жизнь, но и её мироощущение, был развод с первым мужем Ф. Г. Беренштамом. Тогда Вера Александровна, как она впоследствии вспоминала, не глядя «подмахнула прошение о расторжении брака», позволившее устроиться учиться его незаконно рожденным детям²⁴.

К материальным потерям она относилась иначе, чем другие люди. Бодрость духа не оставляла ее и в тяжелые годы Первой мировой войны. Даже тогда, когда немецкие войска захватили и разорили её домик в Меддуме, она сохраняла спокойствие и самообладание. Семья соседа по усадьбе художника Э.О. Визеля при встрече была удивлена: «Почему же вы такая бодрая?» Им казалось, что жизнь кончена. «Ну что же, надо жить другим», – отвечала на их недоумение В. А. Пыпина. Именно духовные ценности она ставила во главу угла и неоднократно это доказывала. Несколько лет спустя, уже в годы Гражданской войны, в 1918 г. она запишет: «материально мне весьма трудно», и тут, как впрочем и всегда, она показывает свой характер и способность выдерживать невзгоды жизни и судьбы: «в пылу работы я привыкла иметь и искать жизнь». И материальные, и душевные переживания она

предпочитала растворять в работе – «Бывали моменты, когда работа бывала для меня только опьянением от душевных невзгод»²⁵.

На протяжении долгих лет перед ней был пример отношений ее родителей, и, «вылупляясь, так сказать, из своей скорлупы», Вера Александровна узнавала отца и мать, училась ценить и уважать их, а также их отношение друг к другу и к людям вообще²⁶. Вера отмечала, что по утрам, когда папа, откинувшись на стуле и положив ногу на ногу, читал газету «Петербургские Ведомости», мама готовила ему чай²⁷. Несмотря на свою занятость и серьезный характер, отец всегда заботился о детях, а его любовь к ним проявлялась в чтении книг. «После обеда папа садится в кабинете на большой пребольшой диван <...> мы, дети, ютимся около папы, и он ровным, тихим голосом говорит нам сказку за сказкой», – пишет Вера Александровна. Лет с 9 она стала заходить к отцу за книгой с вопросом: «Что бы мне почитать?»²⁸

Вероятно, в эти юные годы всем своим поведением Вера старалась казаться отцу совсем взрослой, и он чаще всего предлагал ей читать Н. В. Гоголя, такие его произведения, как «Вий», «Вечера на хуторе близ Диканьки». Стоит заметить, что повести Гоголя пришлись ей по вкусу, «пленяли живописностью, причудливостью фантастики, и главное, прелестью языка». Несомненно, это мысли человека, который прочел не одну книгу, и осознанность чтения и понимания произведения в столь юном возрасте еще более ценны: значит, оно – произведение – доступно разуму, чувствам и воображению²⁹.

Много позже Вера Александровна входила в комиссию по изданию книг для детей и юношества у О. И. Капица. Итогом её многолетнего труда стала работа «Что рассказывать детям?». Это была первая отечественная хрестоматия по внеклассному чтению для детей, изданная в Петрограде в 1918 г. Товариществом Р. Голике и А. Вильбор³⁰. Среди членов этой комиссии она нашла «идейных друзей», в числе которых соавтор книги Александра Михайловна Калмыкова. Составительницы сборника ставили себе целью дать в нем художественный материал для чтения в аудиториях детям младшего и старшего школьного возраста города и деревни.

Вера Александровна, пристрастившаяся к книге с малых лет, читала даже тогда, когда книги было трудно достать, об этом она сетовала в письмах к Н. М. Чернышевской и на страницах своего дневника³¹. Она читала новинки или перечитывала уже известное ей произведение, находя что-то новое для себя. Среди занесенных ею в дневник произведений: роман *Rolland Romain Jean-Christophe*, рассказ Леонида Андреева «Надсмертное», «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Боги жаждут» Анатоля Франса. Иногда эти произведения были прочитаны ею в пик критических событий в стране. Неудивитель-

но, что в тяжелый период, наряду со строчками «скудость продовольствия прогрессирует», в её дневнике соседствуют записи о ее заинтересованности книгой «Русские Пропилеи», в которой был помещен архив Н. П. Огарева 1917 г.³² В 1919 г. Вера Александровна позволила себе приобрести сочинение Куприна, как она отметила, «за небольшую цену», и читала его с большим удовольствием. Любимым её автором был А. И. Герцен, книгу которого отец подарил, когда Вере исполнилось 15 лет. Как признается старшая дочь академика, ее учителями были: Тургенев, Толстой, Герцен, глубокое уважение к отцу, неустанные труды которого в пользу просвещения всегда были перед глазами и «незримая <...> тень Чернышевского»³³ – под их влиянием формировался основной склад внутреннего мира.

Проникнутая глубоким чувством уважения к отцу, к его труду, Вера не решалась проявлять вздорные мелкие интересы и настроения, свойственные ребенку. Не в ее характере были желания «каких-либо модных туфель или ярких бантов». Еще ребенок по годам, но рано повзрослевшая духовно, дочь постепенно становилась ближайшей помощницей отца: «Авторитет отца, активно, словно себя и не проявлявший, чувствовался сам собой и, если так можно выразиться, витал над всем в доме и во все проникал. Мы впитывали его как ту силу, которая навсегда должна была определить наши личности в будущем и стать источником морального для нас примера и поддержкой в дни трудные»³⁴. Интересен тот факт, что совсем юная девочка считала себя «ничтожной со своими маленькими житейскими интересами», в то время как ее отец – известный ученый, до которого, как ей казалось тогда, она должна дорасти, заслужить его доверие. И ей это удалось. Весь свой архив он поручал заботе старшей дочери, в надежде на ее служение семейному делу и долгу памяти³⁵.

Спустя 10 лет после кончины отца Вера Александровна в своем дневнике снова подчеркнет, что «была робка с ним, стыдилась своего духовного убожества». Свое главное упущение и ошибку она видит в немудрости житейской: «я тогда еще ошупью шла в жизни, не до конца была пронзена испытаниями». А об отце говорит как о человеке мудром, который «многое не замечал около себя, зато все понимал в исторической перспективе»³⁶.

Когда же родилось у нее чувство глубочайшего уважения к родителям и любви к людям? Может быть, тогда, когда она увидела, с каким почтением, с каким бережным вниманием «этот столь недосыгаемый отец относится к старушке матери». А может быть, и тогда, когда внучка Вера писала Александре Егоровне Пыпиной письма из Петербурга в Саратов? Хотя ее знакомство с саратовскими дедушкой и бабушкой по излишней застенчивости оказалось внешним. Вера признавала, что с сестрой страдали от не-

обходимости писать в Саратов³⁷, однако спустя годы пришла к выводу, что мама была совершенно права, когда усаживала их писать письма. Тем самым Юлия Петровна с юных лет воспитывала и взращивала в них, детях, чувство долга, укрепляла уважение к старшим. Эти чувства, которые она переняла от родителей иногда и принужденно формировали характер Веры.

В поисках ответов на жизненные вопросы Вера Александровна часто обращалась к прошлому, вспоминая отца, записывала в своем дневнике: «Развалины не имели бы никакого смысла, между тем, они для нас красноречивы и хранят чудные легенды из жизни наших отдаленных предков, наследие которых мы несем и должны нести»³⁸. А в день его рождения, 25 марта, в ее дневнике записаны важные строчки: «Для меня это день сосредоточенья в себе, в ощущении великой принадлежности к отцу за то духовное содержание (частица от его мощного), которое храню в душе, как лучшее наследие»³⁹. Как ценны были советы Александра Николаевича дочери и как не хватало их после его смерти!.. Вера искренне переживает, что надо было бы полнее отдавать все время только ему⁴⁰. Она признается, что все выполняла с величайшей любовью к отцу: работа по переписке, запись под диктовку, прогулки или беседа. В очередной раз она подтверждает, что идеалом ее жизни был отец. Работая над статьей о Вл. Соловьеве⁴¹, Вера Александровна запишет в дневнике: «Чистый, редкий человек был папа», называет его «путеводной звездой»⁴². Едва ли не каждая ее статья или дневниковая запись была своеобразным посвящением А. Н. Пыпину.

Свою мать Вера Александровна охарактеризовала так: «Романтически восторженная, живая и впечатлительная»⁴³. Из мемуаров В. А. Пыпиной следует, что всех женщин мать условно делила на два типа – у одних вся сила любви сосредоточивалась на детях, у других – на муже. Себя она относила к первому типу⁴⁴. Юлия Петровна – заботливая жена, мать, на воспитании которой, кроме своих детей – Веры, Наташи, Коли, Дмитрия, на долгие годы оставались дети Н. Г. Чернышевского – Саша и Миша⁴⁵. Вере было всего три месяца, когда к ним привезли жить десятилетнего Сашу. Трудное было время: Николай Гаврилович находился в крепости, Ольга Сократовна пребывала в глубоком потрясении от произошедшего, а все мысли и заботы А. Н. Пыпина были сосредоточены на Николае Гавриловиче⁴⁶. Обстоятельства сложились так, что Юлия Петровна, чьи собственные дети были еще достаточно малы, окружила любовью еще и осиротевших Вадю и Сашу Брюлловых – сыновей Софьи Константиновны Кавелиной, дочери крестного отца Веры Пыпиной К. Д. Кавелина. С. К. Кавелина, вышедшая замуж за российского живописца П. А. Брюллова, часто бывала у Пыпиных⁴⁷.

Свою заботу и помощь Ю. П. Пыпина проявила и тогда, когда врач-окулист рекомендовал

ее мужу отдых: на год прекратить чтение и письмо⁴⁸. Посвятив Александру Николаевичу все свое время, Юлия Петровна стала записывать тексты его работ под диктовку. При совместной работе она «глубже до полноты узнала и оценила его». Вера Александровна, оканчивая педагогические курсы, мечтала, что станет полезной отцу и в случаях нездоровья матери станет заменять ее: «Я уже оканчивала педагогические курсы и могла быть к 1883 – нач. 1884 г. косвенно полезной отцу, – иногда в случаях нездоровья матери я заменяла ее и писала под его диктовку, обычно же составляла указатели, делала выписки или переписывала старинные рукописи, которые он получал из Румянцевского музея»⁴⁹.

Сам А. Н. Пыпин как ученый придавал исключительную значимость документу как важному историческому источнику. Его старинными были сохранены многие документальные материалы к биографии декабристов, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевского. Подобное отношение он формировал и у членов своей семьи. Именно старшая дочь стала идейным вдохновителем отца на создание мемуаров «Мои заметки», впервые опубликованных уже после смерти академика⁵⁰. «Какого же читателя иметь мне в виду», – спрашивал Александр Николаевич. «Да никакого, просто вспоминай то, что вспомнится», – убеждала его дочь. Пыпин назвал их «Заметками», потому что времени для них не было. Писались они урывками, без намеченного плана⁵¹.

Таким образом, анализ мемуаров и дневниковых записей В. А. Пыпиной позволяет сделать вывод о том глубоком и плодотворном влиянии родителей, которое они оказали на духовное и нравственное формирование своей дочери Веры. Влияние это проявится впоследствии и в ее жизненной позиции, и в ее деятельности. Потеря родителей оказалась для неё невосполнимой утратой, ощущением одиночества и «бесперывным страданием душевным»⁵². Духовные ценности, усвоенные Верой Александровной в семье, будут побуждать её в дальнейшем заниматься культурно-просветительской и общественно-благотворительной деятельностью и на протяжении всей жизни будут давать силы, которые позволят ей выстоять в сложных ситуациях, которые возникали на ее жизненном пути, особенно в тяжелую, переломную эпоху в судьбе страны.

Примечания

¹ Чернышевская Н. М. К истории создания Дома-музея Н. Г. Чернышевского (Сотрудничество В. А. Пыпиной в 1920–1930-е годы) // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы : сб. науч. тр. (продолжающееся издание). Саратов, 1978. Вып. 8. С. 263–278 ; Она же. А. Н. Пыпин и его старшая дочь // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1997. Вып. 12. С. 122–132.

² Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского (далее – МНГЧ). ОФ № 202.

³ Чернышевская Н. М. Очерк музейной, литературной и художественно-просветительской деятельности В. А. Пыпиной // К истории первого десятилетия Дома-музея Н. Г. Чернышевского. 1920–1930 гг. Саратов, 1971. С. 9–10 (МНГЧ. ОФ № 7347/3407).

⁴ Шевырин В. М. «Пробудить чувства добрые» (Графиня С. В. Панина) // Россия и современный мир. М., 2007. С. 223.

⁵ Автобиография и список научных работ В. А. Пыпиной от 10.02.1920 г. Л. 3 // МНГЧ. ОФ № 4210.

⁶ Панина Софья Владимировна (1871–1956) – последняя представительница графской ветви рода Паниных. Известна своим участием в либеральном движении и благотворительной деятельностью. С 24 мая (6 июня) 1917 г. товарищ министра государственного призрения, с 14 августа – товарищ министра народного просвещения Временного правительства России.

⁷ РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 409. Л. 143.

⁸ Меддум – ныне поселок Медуми Даугавпилсского края Республики Литва.

⁹ Чернышевская Н. М. А. Н. Пыпин и его старшая дочь. С. 124.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 409. Л. 160.

¹¹ Там же. Ед. хр. 418. Л. 95.

¹² Там же. Ед. хр. 419. Л. 56.

¹³ Там же. С. 115.

¹⁴ Балыкин Д. А. А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. Брянск, 1996. С. 18.

¹⁵ РГАЛИ Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 419. Л. 115.

¹⁶ Там же. Ед. хр. 406. Л. 25.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 419. Л. 121.

¹⁹ Чернышевская Н. М. А. Н. Пыпин и его старшая дочь. С. 124.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 406. Л. 1.

²¹ Там же. Л. 2.

²² Там же. Л. 20б.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Ед. хр. 417. Л. 14.

²⁵ Там же. Ед. хр. 416. Л. 26.

²⁶ Пыпина В. А. Отец и мать в моем уме и сердце. С предисловием и автографом автора. 1927 г. Машинопись. С. 36 // МНГЧ. ОФ № 7347/3572.

²⁷ Там же. С. 37.

²⁸ Там же. С. 118.

²⁹ Там же. С. 118–119.

³⁰ Михеева Г. В. История библиографии детской литературы в 1917–1921 гг. // Вестн. С.-Петербург. гос. ун-та культуры и искусства. 2004. № 12. С. 91.

³¹ РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 418. Л. 43.

³² См.: Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. М., 1917. Т. 4.

³³ РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 418. Л. 62.

³⁴ Пыпина В. А. Отец и мать в моем уме и сердце. С. 136.

³⁵ Там же.

- ³⁶ РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 409. Л. 225.
- ³⁷ *Пыпина В.А.* Отец и мать в моем уме и сердце. С. 141.
- ³⁸ РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 417. Л. 51.
- ³⁹ Там же. Ед. хр. 419. Л. 81.
- ⁴⁰ Там же. Л. 56.
- ⁴¹ См.: *Пыпина В. А.* Владимир Сергеевич Соловьев. Страничка из воспоминаний // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 30.
- ⁴² РГАЛИ Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 409. Л. 188.
- ⁴³ Там же. Л. 124.
- ⁴⁴ *Пыпина В. А.* Отец и мать в моем уме и сердце. С. 180.
- ⁴⁵ Подробнее см.: *Чернышевская Н. М.* Семья Н. Г. Чернышевского : очерки. Саратов, 1980. С. 43–86
- ⁴⁶ Подробнее см.: *Озерянский А. С.* Две жизни – две судьбы. Николай Гаврилович Чернышевский и Александр Николаевич Пыпин // Волга XXI век. Саратов, 2013. № 9–10. С. 206–213 ; *Он же.* Чернышевский и А. Н. Пыпин об общественном сознании и перспективах России (1860-е гг.) // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 2004. Вып. 15. С. 194–201 ; *Он же.* К вопросу взаимоотношений Н. Г. Чернышевского и А. Н. Пыпина (по материалам переписки 1840–1860-х гг.) // Пропагандист великого наследия. Саратов, 2011. Вып. 4. С. 124–136.
- ⁴⁷ *Пыпина В.А.* Отец и мать в моем уме и сердце. С. 132.
- ⁴⁸ Там же. С. 164.
- ⁴⁹ Там же. С. 180–181.
- ⁵⁰ Впервые опубликованы частично : в «Вестнике Европы» (1903. Ноябрь, декабрь ; 1904. Март, апрель), впервые полностью см.: «Мои заметки» // Вестн. Европы. 1905. Февраль, март (Отдельное издание – СПб., 1910).
- ⁵¹ *Пыпина В. А.* Отец и мать в моем уме и сердце. С. 303.
- ⁵² РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Ед. хр. 407. Л. 106.

Образец для цитирования:

Ризаева Е. Н. В. А. Пыпина: «Отец и мать в моем уме и сердце» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 419–424. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-419-424>

Cite this article as:

Rizaeva E. N. V. A. Pypina: «Father and Mother in my Mind and Heart». *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 419–424 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-419-424>

УДК 930(470+571)''17/1917'':327

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1930 – СЕРЕДИНЫ 1960-х ГОДОВ О РОЛИ РОССИИ В АНТАНТЕ (к истории тезиса о полуколониальной зависимости России от союзников)

Г. А. Самохина

Самохина Галина Алексеевна, ассистент кафедры истории и археологии, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Samokhina.g@mail.ru

В статье анализируется проблема изучения роли России в Антанте советскими историками 1930 – середины 1960-х гг. Идеологической установкой для исследователей вплоть до 1956 г. являлся тезис о полуколониальной зависимости России от союзников, сформулированный И. В. Сталиным и закрепленный в книге «История ВКП (б). Краткий курс». Тезис отражал историографическую ситуацию своего времени, но не имел конкретного содержания. Его несостоятельность была показана в ходе развернувшейся в период «оттепели» масштабной научной работы по изучению роли России в системе мирового империализма. «Смена вех» в историографии не означала полного отрицания зависимости России от союзников – столь же ошибочного, как и ее абсолютизация. Изучение роли России в Антанте в исследованиях второй половины 1950 – середины 1960-х гг. сопровождалось постановкой дискуссионных вопросов, актуальных и для современной историографии.

Ключевые слова: советская историография, И. В. Сталин, «История ВКП (б). Краткий курс», десталинизация, Россия, Антанта.

Soviet Historiography of the 1930s – mid-1960s about the Role of Russia in the Entente (to the History of the Thesis of Semi-colonial Dependence of Russia from the Allies)

Г. А. Samokhina

Galina A. Samokhina, <https://orcid.org/0000-0003-4737-2517>, Yelets State University, 28, Kommunarov Str., Yelets, Lipetsk region, 399770, Russia, Samokhina.g@mail.ru

The article analyzes the problem of studying the role of Russia in the Entente by Soviet historians of the 1930s-mid 1960s. Ideological setting for researchers until 1956 was the thesis of semi-colonial dependence of Russia on allies, formulated by Stalin and enshrined in the book "The History of the CPSU (b). A Short Course". The thesis reflected the historiographical situation of his time, but had no specific content. Its failure was shown during «thaw» by large-scale scientific research on studying the role of Russia in the system of world imperialism. "Changing of landmarks" in historiography did not mean the total negation of Russia's dependence on allies which is as misleading as its absolutization. Studying the role of Russia in the Entente in the studies of the second half of the 1950s – mid-1960s was accompanied by some topical issues relevant to modern historiography.

Key words: Soviet historiography, Stalin, «History of the CPSU (b). A Short Course», de-stalinization, Russia, Entente.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-425-431>

История отношений России с союзниками по Антанте занимала видное место в трудах советских исследователей. Она рассматривалась как предметно, в качестве самостоятельной темы, так и в связи с разработкой вопросов истории международных отношений начала XX в., Первой мировой войны, предпосылок революций 1917 г. Свообразным «лейтмотивом» советской историографии являлось утверждение об империалистическом, захватническом, характере внешней политики Антанты. Вместе с тем конкретные вопросы взаимоотношений участников «сердечного согласия» по-разному решались в те или иные периоды советской исторической науки в зависимости от особенностей политической конъюнктуры, международной обстановки.

В этой связи примечателен период 1930 – середины 1950-х гг., когда в исторической литературе утвердился тезис о полуколониальной зависимости России от союзников по Антанте – Англии и Франции. Высказанный И. В. Сталиным и закрепленный в 1938 г. в книге «История ВКП (б). Краткий курс», этот тезис определил задачи и выводы исследований по истории России начала XX в. После XX съезда КПСС вплоть до середины 1960-х гг. осуществлялась масштабная научная работа, направленная на преодоление устоявшихся в историографии воззрений.

Анализ вопросов, связанных с историей возникновения и развития тезиса о России – полуколонии союзников, представляет интерес в контексте изучения процессов, происходивших в советской исторической науке в эпоху «культы личности» и в период десталинизации. Кроме того, опыт научного изучения проблемы роли России в Антанте советскими историками востребован в современных исследованиях по истории России начала XX в. и Первой мировой войны. Очевидно также, что в условиях реалий современной международной политики, когда понятия союзничества и партнерства нередко оказываются девальвированы, обращение к историографическому осмыслению союзнической политики России является актуальным.

Пик исследовательского внимания к проблеме тезиса о России – полуколонии Антанты – пришелся на конец 1950–1960-е гг. В этот период появляется большое количество работ по экономической и внешнеполитической истории России. На конкретном историческом материа-

ле авторы пересматривали проблему зависимого положения России в Антанте¹. Историографический анализ этой проблемы в контексте развенчания сталинского тезиса был предпринят в работах В. И. Бовыкина и К. Н. Тарновского². Историки всесторонне проанализировали влияние идей «Краткого курса» на разработку проблем финансово-экономических отношений России с союзниками. Важной исследовательской задачей было восстановить в историографическом поле ленинскую концепцию и представить новый взгляд на экономические предпосылки революции.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. в связи со сменой исследовательской парадигмы обозначился интерес к обобщению научного опыта по таким проблемам, как роль России в мировой политике начала XX в., революционный процесс 1917 г. В работах этого периода авторы не рассматривали сталинский тезис предметно, однако уделяли значительное внимание проблеме отношений России с союзниками и ее отражению в исторической литературе³.

В постсоветской исторической науке вопросы изучения роли России в Антанте в сталинский период нашли отражение главным образом в работах по историографии экономической истории России начала XX в. Ю. Б. Смирнова, Е. В. Лазарева, Г. Н. Ланской проанализировали, в частности, проблему изучения англо-французского финансового капитала в российской экономике в различные периоды советской исторической науки⁴. Кроме того, отражение сталинского тезиса в научных исследованиях 1930-х гг. рассматривали авторы работ, посвященных советской исторической науке и историографии Первой мировой войны⁵.

Таким образом, отдельные аспекты истории тезиса о России – полуколонии Антанты – в той или иной степени нашли отражение в историографической литературе. Вместе с тем представляется необходимым комплексно проанализировать происхождение сталинского тезиса и его идеологические задачи, процесс утверждения и развенчания тезиса в научной литературе, его влияние на состояние исследований по экономической и внешнеполитической истории России.

Постановка вопроса о зависимом положении России в Антанте не была новой для советской историографии 1930-х гг. Данная проблема обозначилась в рамках дискуссии об особенностях империализма в России, развернувшейся среди марксистских историков в 1920-е гг. Представители так называемой «национализаторской» концепции (Н. Н. Ванаг, С. Л. Ронин, Л. Н. Крицман) исходя из количественных данных о доли иностранного капитала в российской промышленности и банковской сфере высказывали мнение о зависимости России от иностранного капитала. Их оппоненты – «национализаторы» – в лице А. Л. Сидорова, И. Ф. Гиндина, Е. Л. Гра-

новского отрицали решающее влияние европейского капитала на экономику России и подчеркивали самостоятельный характер российского империализма. Эти выводы были основаны на комплексном изучении экономического развития России в начале XX в.⁶

В то же время «национализаторы» не отрицали факта финансовой зависимости России. Так, А. Л. Сидоров отмечал, что процесс складывания российского империализма сопровождался тенденцией к усилению зависимости от западных держав, в том числе стран Антанты. В годы мировой войны тенденция оформилась в «систему, характерную для полукolonиального государства»⁷.

В результате дискуссий 1928–1931 гг. по вопросам российского монополистического капитализма взгляды «денационализаторов» были признаны несостоятельными. Это было неслучайно, поскольку вывод о характере русского империализма был, по сути, ответом на вопрос об экономических предпосылках Октябрьской революции⁸.

Господство «национализаторской» концепции было непродолжительным. В 1934 г. Сталин совместно с С. М. Кировым и А. А. Ждановым пишет «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР». В них была приведена краткая характеристика положения России в годы мировой войны как «резерва для западноевропейских империалистических держав», политически и экономически зависимого от иностранного капитала. Подчеркивалась освободительная роль Октябрьской революции, покончившей с полукolonиальным, по мнению авторов «Замечаний...», положением России⁹. Спустя год, в 1935 г., о России как полуколонии союзников в мировой войне писали авторы первого тома «Истории гражданской войны в СССР»¹⁰.

Привнесение новой идеологической установки в науку было связано с реалиями общественно-политической и историографической ситуации 1930-х гг. Очевидна взаимосвязь тезиса о России-полуколонии с утвердившимся с подачи Сталина положением об отсталости России на протяжении всей ее истории. Данное положение призвано было подчеркнуть необходимость социалистических преобразований, а также обосновать противоречия в их осуществлении. Преодолеть отсталость, по мнению Сталина, можно было лишь путем социалистического строительства¹¹. Начало преодоления было положено Октябрьской революцией. Таким образом, концепция отсталости России органично вписалась в идеологическое обоснование политики построения социализма в отдельно взятой стране.

Сталинские взгляды вскоре получили отклики в научной литературе. Н. Н. Ванаг в 1935 г. отмечал, что развитие промышленности при посредничестве иностранных капиталов привело Россию к полукolonиальному положению. На

путь финансовой зависимости царское правительство ступило с началом русско-французского союза¹².

Скорректировал свою «национализаторскую» концепцию А. Л. Сидоров. В 1927 г. он отмечал, что к началу мировой войны наметилась лишь тенденция финансовой зависимости России от западных держав и ни о каком колониальном или полуколониальном положении страны в этот период не могло быть и речи. Теперь же, десять лет спустя, А. Л. Сидоров пишет об усилении экономической зависимости России с 90-х гг. XIX в. и превращении страны к 1914 г. фактически в полуколонию¹³.

Тезис о России-полукolonии был окончательно закреплен в 1938 г. в книге «История ВКП (б). Краткий курс». «Краткий курс» утверждал, что политическая и хозяйственная отсталость России, господство иностранного финансового капитала в ее промышленности, кабальные займы обусловили ее превращение в полуколонию Антанты к 1914 г. Подчеркивалось также, что полуколониальная зависимость обусловила выступление России в мировой войне на стороне Антанты, но при этом не исключала захватнических интересов царского правительства, которые оно намеревалось реализовать в империалистической войне¹⁴.

Концепция «Краткого курса» оставляла без ответов многие связанные с ней вопросы. Прежде всего были неясны критерии полуколониальной зависимости, отсутствовало четкое содержание данного понятия. Эта проблема дополнялась терминологическими расхождениями. Сталинские характеристики России – «резерв» и «полуколония» – явления различного порядка. Говорить о России как резерве западного империализма значило подчеркнуть ее вспомогательную роль среди великих держав и вовсе не подразумевало низведения страны до состояния полукolonии.

Концепция России-полукolonии также противоречила взглядам В. И. Ленина. Последний отмечал отставание российской экономики в мировой системе империализма¹⁵, но при этом подчеркивал ведущую роль царской дипломатии в начале XX в. Россию наряду с Англией и Германией Ленин выделял как «главные величины» в мировой войне на фоне остальных «несамостоятельных союзников»¹⁶. Очевидно также, что слова Ленина о русском капитале как участнике англо-французского капитала¹⁷ не равнозначны цитате из «Истории гражданской войны в СССР» о русском царизме как «наемнике англо-французского капитала»¹⁸.

Кроме того, утверждение о полуколониальном состоянии России в Антанте зачастую не соответствовало фактам дипломатической истории. Так, Ю. А. Ратиани приходит к противоречивому выводу о позиции России в Агадирском кризисе. Он отмечал, что события 1911 г. пока-

зали «громадное значение» этой позиции в решении международных конфликтов, но в то же время обнаружили сочетание самостоятельной внешней политики царского правительства с растущей зависимостью России от европейских держав¹⁹.

В книге А. А. Могилевича и М. Э. Айрапетяна «На путях к мировой войне» (1940), напротив, не было однозначных выводов о роли России в Антанте. Авторы писали о финансовой зависимости России от союзников, но не абсолютизировали ее, не сводили к полуколониальной, а также подчеркивали единство Антанты в стремлении сокрушить общего противника, несмотря на все противоречия²⁰.

В 1941 г. концепция внешней политики России пополнилась новыми деталями. В майском номере журнала «Большевик» было опубликовано письмо И. В. Сталина «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”», в котором Россия вновь представляла как резерв европейских держав. Утверждалось, что Россия стала терять свое влияние на международной арене еще со времени поражения в Крымской войне²¹.

В послевоенный период сталинские оценки истории внешней политики России прочно закрепились в советской историографии. Авторы подробно анализировали факты, свидетельствовавшие о неравноправном, подчиненном положении России в Антанте. Вместе с тем тезис о России-полукolonии был в разной степени востребован историками. В. М. Хвостов, А. Л. Сидоров, Н. Л. Рубинштейн писали об усилении зависимости России от союзников в годы Первой мировой войны и в особенности при Временном правительстве, которое вело страну по пути полной потери независимости и превращения в колонию Антанты²². В монографии Ф. И. Нотовича, напротив, Россия предстает державой, умеющей отстаивать свои интересы²³.

В целом актуализация научного интереса к истории отношений России с союзниками по Антанте в историографии конца 1940 – начала 1950-х гг. была связана с началом холодной войны и борьбой с «буржуазным космополитизмом». В условиях отрицания позитивного вклада Запада в историю России сталинская концепция обрела новое прочтение. В начале 1950-х гг. к разработке проблемы русско-французских и русско-английских отношений начала XX в. обращается новое поколение историков, из которых сформировались ведущие специалисты по истории России – В. И. Бовыкин, А. В. Игнатьев, В. А. Емец.

Исходной предпосылкой новых исследований стало положение о том, что англо-французский финансовый капитал способствовал установлению внешнеполитической и военно-стратегической зависимости России от союзников. Авторы стремились подчеркнуть, что Англия и Франция втянули Россию в войну с германским блоком, а в годы войны, опасаясь

усиления союзницы, всячески стремились препятствовать реализации ее внешнеполитических целей²⁴. В то же время термин «полуколониальная зависимость» так и не получил какого-либо содержания и использовался в исследованиях наряду с такими характеристиками России, как «резерв» и «младший партнер»²⁵. Историкам важно было подчеркнуть сам факт зависимого положения России.

Тезис о России – полуколонии Антанты – отражал историографическую ситуацию сталинской эпохи, однако в концептуальном отношении не давал объективной картины экономического внешнеполитического положения России среди великих держав. Его утверждение в историографии осуществлялось директивными методами. Развенчание тезиса, напротив, представляло собой постепенный процесс научной критики, условия для которой сложились после XX съезда КПСС.

Начало критике было положено статьей Б. Б. Граве «Была ли царская Россия полуколонией?», опубликованной в июне 1956 г. в журнале «Вопросы истории». Автор справедливо отмечает, что тезис о России – полуколонии и резерве Антанты – является исключительно сталинским «изобретением» и не находит подтверждения в трудах В. И. Ленина. Его применение в научной литературе привело к искажению истории взаимоотношений России с союзниками. Экономическая и военная отсталость России от европейских держав не означала ее полуколониального статуса. Во внешней политике, по мнению Граве, Россия настойчиво отстаивала свои интересы, и союзники были вынуждены с ней считаться. Возможность царского правительства переориентироваться на Германию, вызывавшая тревогу союзников и до, и во время мировой войны, исключала резервное положение России в Антанте. Вместе с тем Граве не преувеличивает степень самостоятельности России. Она пишет о ней как о более слабом участнике борьбы за передел мира, отмечает усиление финансовой зависимости от Англии и Франции в годы войны, и в особенности при Временном правительстве²⁶.

Статья Б. Б. Граве открывала возможность для непредвзятого научного спора по многим вопросам истории России, однако изложенная в ней концепция поначалу не нашла поддержки у научной общественности. Десталинизация в первые годы после XX съезда имела непоследовательный характер: несмотря на критику Сталина и его воззрений, непросило было в одночасье пересмотреть привычную концепцию «Краткого курса». Журнал «Вопросы истории», одним из первых откликнувшийся на вызовы времени, подвергся критике со стороны партийных органов за «теоретические и методологические ошибки»²⁷. Новая редакция журнала в марте 1957 г., разбирая идеологические просчеты в публикациях, отмечала, в частности, что статья Б. Б. Граве не имела пользы для науки²⁸.

В полемику с Б. Б. Граве вступили И. В. Маевский и А. Е. Иоффе. Они считали неизбежной концепцию экономической зависимости России от англо-французского капитала и отсюда делали вывод о зависимом положении России в военной и дипломатической сферах. В противовес Граве эти историки утверждали, что Россия в Первой мировой войне воевала за чужие интересы, вынужденно шла на уступки союзникам, а экономическая зависимость от последних препятствовала заключению сепаратного мира с Германией²⁹. В то же время в статьях Маевского и Иоффе очевиден отход от сталинской интерпретации роли России в Антанте. В противовес «Краткому курсу», согласно которому Россия стала полуколонией союзников к 1914 г., оба историка писали лишь о возможности установления такой зависимости в годы Первой мировой войны³⁰. Тем самым оппоненты Б. Б. Граве выступали против пересмотра историографической традиции, но при этом не отстаивали тезис о России-полуколонии.

Несмотря на противоречия десталинизации, проблема роли России в Антанте получила новое прочтение в советской историографии. Внимание к этой проблеме было связано с поиском новых ответов на вопросы о предпосылках революции 1917 г. Для координации исследовательской работы в 1957 г. был основан научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». При этом первоочередного внимания требовали проблемы места России в системе мирового империализма, особенностей ее капиталистического развития. Не случайно начало пересмотру сталинского тезиса было положено исследователями экономической истории России конца XIX – начала XX в.

Проблема зависимости России от иностранного капитала рассматривалась на состоявшемся в октябре 1957 г. заседании Ученого совета Института истории АН СССР, посвященного юбилею Октябрьской революции. В ходе обсуждения доклада А. Л. Сидорова, в котором была подвергнута критике «денационализаторская» концепция, были высказаны соображения по ключевым вопросам экономического положения России в Антанте. С. М. Дубровский указывал на необходимость определения степени зависимости России от стран Антанты. В. К. Яцунский обратил внимание на различие между иностранным капиталом в экономике России и государственных займах. В выступлении И. Ф. Гиндина подчеркивалось, что зависимость России от иностранного капитала не отличалась стабильным уровнем, обнаруживая тенденцию к усилению или ослаблению в те или иные периоды³¹.

Разработка проблемы иностранных капиталов в российской экономике была продолжена в конце 1950–1960-е гг. учениками А. Л. Сидорова. В исследованиях, основанных на не ис-

пользованных ранее архивных материалах (в частности, из фондов АВПр, ЦГАВМФ, ЦГВИА, ЦГИАЛ), уделялось внимание взаимодействию иностранного и русского капитала.

В. И. Бовыкин проанализировал роль иностранных капиталов в процессе сращивания русских банков с военной промышленностью накануне Первой мировой войны. Историк отмечал, что, несмотря на зависимость экономики России от иностранного капитала, влияние последнего в деятельности банков не было преобладающим. Напротив, для российского и иностранного финансового капитала было характерно взаимовыгодное сотрудничество, а банки пользовались широкой свободой действий³².

О союзе русского и иностранного капитала в судостроительной промышленности России писал К. Ф. Шацкилло³³. Сам А. Л. Сидоров обобщил и дополнил результаты своих исследований в монографии, посвященной финансовому положению России в годы Первой мировой войны. Экономическую зависимость от западных держав автор называл «общей линией развития России в начале XX в.», но при этом отрицал ее полукOLONиальный характер³⁴.

Таким образом, «национализаторская» концепция в первые годы «оттепели» обогатилась новыми подходами и фактами, тем самым не просто сменив собой сталинскую, «денационализаторскую», но в очередной раз показав возможности принципа научной объективности в исследованиях по экономической истории России начала XX в.

В работах по истории внешней политики России упрощенные и односторонние оценки также уступают место всестороннему изучению проблемы русско-французских и русско-английских отношений. Так, В. А. Емец и А. В. Игнатьев пересмотрели свои категоричные суждения о России как резерве союзников, не отрицая при этом ее экономической зависимости от них. А. В. Игнатьев отмечал, что в 1912–1914 гг. Россия могла проявлять самостоятельность, идущую вразрез с интересами союзников³⁵. В. А. Емец писал о коалиционном характере Первой мировой войны, взаимозависимости союзников, постепенном падении военно-политического престижа России в 1914–1917 гг.³⁶ На ошибочную трактовку роли России как вспомогательного резерва европейских держав указывал и В. М. Хвостов во втором издании «Истории дипломатии». Несмотря на финансовую зависимость России от союзников, она продолжала оставаться одной из великих держав³⁷.

Имели место и противоречия между новыми подходами и устоявшимися взглядами. Так, В. И. Бовыкин, одним из первых пересмотревший проблему финансово-экономической зависимости России, оставил в стороне вопросы военно-политических отношений России и союзников. Его монография о русско-французских

отношениях в 1912–1914 гг., изданная в 1961 г., отражала идеи, высказанные ранее в кандидатской диссертации³⁸. Выводы В. И. Бовыкина о том, что Франция добилась «военно-стратегического закабаления России» и провоцировала союзницу на войну с австро-германским блоком³⁹, подверглись критике в рецензии И. В. Бестужева⁴⁰.

Значимую роль в ознакомлении научной общественности с итогами новых исследований по истории России начала XX в. сыграли сессии Научного совета АН СССР по проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». Третья сессия, проходившая в сентябре 1961 г., была посвящена особенностям русского империализма. В разработке вопросов роли иностранных капиталов в экономической и политической жизни России программный характер имела статья В. И. Бовыкина. Автор обозначил основные ошибки советской историографии в оценках иностранного капитала, идущие от «денационализаторов» 1920-х гг. Прежде всего, это недооценка различий между предпринимательской и ссудной формами ввоза иностранного капитала, а также противоречий между интересами финансового капитала различных стран; наконец, представление об иностранном капитале как факторе, тормозящем экономическое развитие России⁴¹.

Вопросы истории Первой мировой войны стали предметом обсуждения на седьмой сессии Научного совета в ноябре 1964 г. (материалы были опубликованы в 1968 г.). В ходе ее работы подчеркивалась необходимость всестороннего, комплексного изучения различных аспектов проблемы места России среди ведущих империалистических держав. Это позволяло избежать упрощенного представления о непосредственном влиянии на внешнюю политику России ее финансово-экономической зависимости. Последняя имела место, однако не исключала политической независимости страны. Отмечалось также, что тезис о полукOLONиальной зависимости как единственное объяснение участия России в мировой войне на стороне Антанты обусловил недооценку русско-германских и русско-австрийских противоречий – важнейших факторов возникновения войны⁴².

Участники научных сессий рассматривали концепцию «Краткого курса» как отход от ленинских теорий и потому подчеркивали определяющую роль последних в развенчании тезиса о России-полукOLONии⁴³.

Подводя итоги, следует отметить, что тезис о полукOLONиальном положении России в Антанте представлял собой идеологическую установку концептуального характера. При этом понятие «полукOLONиальная зависимость» не имело конкретного содержания и было не более чем эпитетом для характеристики неравного положения России в «сердечном со-

гласии». Тезис о России-полуколонии отражал историографическую ситуацию на протяжении 20 лет, идеологически подкрепляя политику построения социализма в отдельно взятой стране и борьбу с «буржуазным космополитизмом». Он утратил актуальность одновременно с «Кратким курсом» в новых внутривосточных условиях. Научная критика тезиса в середине 1950 – начале 1960-х гг. доказала его несостоятельность. Примечательно, что историкам удалось избежать другой крайности – полного отрицания какой бы то ни было зависимости России от союзников. Критике подверглась лишь ее абсолютизация, выраженная в сталинском тезисе.

В условиях историографической ситуации периода «оттепели» формировались новые исследовательские подходы, расширялись возможности для научных дискуссий. В центре внимания исследователей находились теперь собственные интересы России и пути их реализации. При этом историки по-прежнему были ограничены рамками марксистской методологии и в своих исследованиях руководствовались ленинской теорией империализма. Однако именно обращение к ленинским взглядам позволило пересмотреть многие вопросы экономической и внешнеполитической истории России начала XX в., в частности, показать, что отсталость страны в той или иной сфере далеко не всегда влечет за собой ее зависимость от более сильных держав.

Разработка проблемы роли России в Антанте в советской историографии 1930 – середины 1960-х гг. имела существенное историографическое значение. Для сталинского периода это, прежде всего, внимание к истории Антанты, детальное изучение (хотя и одностороннее) комплекса противоречий союзнической политики. Историографический опыт периода «оттепели» примечателен постановкой и разработкой новых проблемных вопросов, актуальных и для современной исторической науки. Это вопросы соотношения финансово-экономического и внешнеполитического положения России в Антанте, степени зависимости России от союзников и ее динамики на различных этапах существования Антанты, взаимодействия союзнических усилий трех держав в Первой мировой войне.

Примечания

- 1 См.: Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 579 с.; Васюков В. С. Внешняя политика Временного правительства. М.: Мысль, 1966. 496 с.; Емец В. А. Советская историография происхождения первой мировой войны // Первая мировая война 1914–1918 / отв. ред. А. Л. Сидоров. М.: Наука, 1968. С. 23–57; Он же. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. М.: Наука, 1977. 367 с.
- 2 См.: Бовыкин В. И. О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России // Об особенностях империализма в России. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 250–313; Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. М.: Наука, 1964. 244 с.
- 3 См.: Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1988. 155 с.; Васюков В. С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М.: Наука, 1989. 312 с.; Тарновский К. Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50-х – 60-х годов. М.: Наука, 1990. 292 с.; Соколов В. Ю. История и политика (К вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х – начала 1930-х гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 204 с.
- 4 См.: Смирнова Ю. Б. Российский монополистический капитализм в исторической реальности и литературе (вторая половина 1950-х – середина 1990-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1998. 25 с.; Лазарева Е. В. Отечественная историография о роли иностранного капитала в экономике Урала в последней трети XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2008. 24 с.; Ланской Г. Н. Отечественная историография экономической истории России начала XX века. М.: Изд. центр РГГУ, 2010. 507 с.
- 5 См.: Козенко Б. Д. Отечественная историография первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27; Пихоя Р. Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20–30-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 28–53.
- 6 См.: Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. С. 16–24.
- 7 Сидоров А. Л. Влияние империалистической войны на экономику России // Очерки по истории Октябрьской революции. Работы исторического семинария Института красной профессуры / под общ. ред. М. Н. Покровского. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 24, 37, 72.
- 8 См.: Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. С. 20–21, 51–52.
- 9 См.: Сталин И. В., Жданов А. А., Киров С. М. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // Историк-марксист. 1936. № 1. С. 6.
- 10 История гражданской войны в СССР: в 5 т. Т. 1. Подготовка великой пролетарской революции / под ред. А. М. Горького [и др.]. М.: ОГИЗ, 1935. С. 13.
- 11 См.: Сталин И. В. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП (б): Речь на пленуме ЦК ВКП (б) 19 ноября 1928 г. // Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1949. Т. 11. С. 249.
- 12 См.: Ваняг Н. Н. К вопросу о роли царской России на международной арене в конце XVIII и XIX веке // Историк-марксист. 1935. № 10. С. 64–65, 67.
- 13 См.: Сидоров А. Л. Ошибки М. Н. Покровского в оценке русско-японской войны // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 102.
- 14 См.: История ВКП (б). Краткий курс. М.: Изд-во ЦК ВКП (б) «Правда», 1938. С. 95, 156.

- ¹⁵ См.: Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Т. 27. С. 378.
- ¹⁶ Ленин В. И. О сепаратном мире // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 30. С. 186.
- ¹⁷ См.: Ленин В. И. Письма из далека. Письмо 4-е. Как добиться мира? // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 31. С. 50.
- ¹⁸ История гражданской войны... С. 12–13.
- ¹⁹ См.: Ратиани. Ю. Агадирский кризис и позиция России // Военно-исторический журн. 1939. № 2. С. 56–57.
- ²⁰ См.: Могилевич А. А. Айрапетян М. Э. На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М. : Госполитиздат, 1940. С. 24–25, 129–131.
- ²¹ См.: Сталин И. В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. № 9. С. 4–5.
- ²² См.: История дипломатии / под ред. В. П. Потемкина : в 3 т. М. : Госполитиздат, 1945. Т. 2. Дипломатия в новое время (1871–1919 гг.). С. 302 ; Сидоров А. Л. Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны 1914–1917 гг. // Исторические записки. М. : Наука, 1945. Т. 15. С. 178–179 ; Рубинштейн Н. Л. Внешняя политика Временного правительства. М. : Высш. парт. школа при ЦК ВКП (б), 1946. С. 60–61.
- ²³ См.: Нотович Ф. И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны : в 4 т. Т. 1. Потеря союзниками Балканского полуострова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947.
- ²⁴ См.: Бовыкин В. И. Русско-французские отношения накануне первой мировой империалистической войны. 1912–1914 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952. С. 9–14 ; Игнатъев А. В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны. Июль 1912 – август 1914 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. С. 7, 15–16 ; Емец В. А. Русско-французские отношения по военным вопросам в период первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. С. 1, 9–10, 13–14.
- ²⁵ Игнатъев А. В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны... С. 16 ; Емец В. А. Русско-французские отношения по военным вопросам... С. 13–14, 16.
- ²⁶ См.: Граве Б. Б. Была ли царская Россия полуколонией? // Вопросы истории. 1956. № 6. С. 68–71.
- ²⁷ Городецкий Е. Н. Журнал «Вопросы истории» в середине 50-х годов // Вопросы истории. 1989. № 9. С. 78–79.
- ²⁸ См.: Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. С. 196.
- ²⁹ См.: Маевский И. В. К вопросу о зависимости России в период Первой мировой войны // Вопросы истории. 1957. № 1. С. 70, 72, 75–76 ; Иоффе А. Е. Об усилении зависимости России от стран Антанты в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 100–101, 105–110.
- ³⁰ См.: Маевский И. В. Указ. соч. С. 76–77 ; Иоффе А. Е. Указ. соч. С. 112.
- ³¹ См.: Сидоров А. Л. Экономические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции // Сидоров А. Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М. : Наука, 1970. С. 82, 84, 95.
- ³² См.: Бовыкин В. И. Банки и военная промышленность России накануне первой мировой войны // Исторические записки. М. : Наука, 1959. Т. 64. С. 132–133.
- ³³ См.: Шаццло К. Ф. Иностранный капитал и военноморские программы России накануне первой мировой войны // Исторические записки. М. : Наука, 1961. Т. 69. С. 77.
- ³⁴ См.: Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917). С. 106, 178.
- ³⁵ См.: Игнатъев А. В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908–1914 гг.). М. : Соцэкгиз, 1962. С. 113.
- ³⁶ См.: Емец В. А. [Рецензия] // История СССР. 1960. № 1. С. 192–194. Рец. на кн. : Иоффе А. Е. Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль – октябрь). М. : Госполитиздат, 1958.
- ³⁷ См.: История дипломатии : в 5 т. / под ред. А. А. Громыко [и др.]. М. : Госполитиздат, 1963. Т. II. Дипломатия в новое время. 1871–1914 гг. С. 9.
- ³⁸ См.: Бовыкин В. И. Из истории возникновения первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912–1914 гг. М. : Изд-во МГУ, 1961.
- ³⁹ Там же. С. 93–94, 145.
- ⁴⁰ См.: Бестужев И. В. [Рецензия] // История СССР. 1964. № 3. С. 184–187 ; Рец. на кн. : Бовыкин В. И. Из истории возникновения первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912–1914 гг. М. : Изд-во МГУ, 1961.
- ⁴¹ См.: Бовыкин В. И. О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России. С. 277–279, 285–287, 305–306.
- ⁴² От редакции // Первая мировая война 1914–1918. М. : Наука, 1968. С. 4, 11.
- ⁴³ См.: Бовыкин В. И. О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России. С. 273 ; Емец В. А. Советская историография происхождения первой мировой войны. С. 54, 57.

Образец для цитирования:

Самохина Г. А. Советская историография 1930 – середины 1960-х годов о роли России в Антанте (к истории тезиса о полуколониальной зависимости России от союзников) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 425–431. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-425-431>

Cite this article as:

Samokhina G. A. Soviet Historiography of the 1930s – mid-1960s about the Role of Russia in the Entente (to the History of the Thesis of Semi-colonial Dependence of Russia from the Allies). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 425–431 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-425-431>

УДК [94+323.1](47+57) | 1985/1991|

СОБЫТИЯ В АЛМА-АТЕ В ДЕКАБРЕ 1986 г.: ПЕРВЫЙ УЛЬТИМАТУМ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ ЦЕНТРУ

А. П. Мякшев

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, myakshev@mail.ru

В статье анализируется роль этноэлит в период нарастания дезинтеграционных процессов в СССР периода перестройки, приведших к распаду единого государства. Исследуются события в Казахстане в декабре 1986 г., их роль в консолидации республиканской партийной элиты, направившей свои усилия на создание этнократического режима и достижение независимости от союзного Центра. Делается вывод о мобилизующем значении этнонационализма как мощного оружия в борьбе за контроль над республиканскими ресурсами, собственностью и властью.

Ключевые слова: национальные элиты, «перестройка», союзные республики, народы, власть, государство.

The Events in Almaty in December 1986: the First National Elite Ultimatum to the Centre

A. P. Myakshev

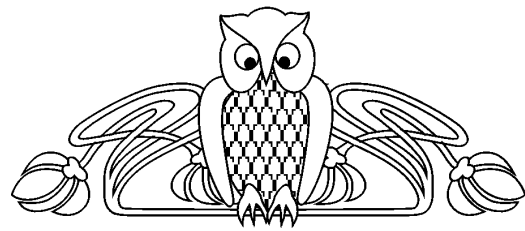
Anatoliy P. Myakshev, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, myakshev@mail.ru

The role of the ethnical elite during the period of rising disintegration processes in the USSR in the “perestroika” period, that led to the collapse of the country is analyzed in the article. The events in Kazakhstan in December 1986, their role in the consolidation of the Republican party elite, that put all its effort to establishing ethnocratic regime and gaining independence from the Union centre are examined. The conclusion about mobilizing importance of ethnonationalism as a powerful weapon in the fight over control of republican resources, property and power is made.

Key words: national elite, “perestroika”, soviet republics, peoples, authority, state.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-432-439>

Обращение к событиям более чем тридцатилетней давности в тогда еще «советской» Алма-Ате актуализировано недавним решением руководства Республики Казахстан о переводе казахской письменности на латинскую графику. Несмотря на заверения казахских политологов о том, что «переход на латиницу – это цивилизованный выбор в пользу глобального и открытого мира», и объяснения казахских лингвистов, что это поможет «сохранить самобытность и своеобразие звуковой системы казахского языка»¹, легко угадывается истинная подоплека данного политического решения: казахская элита, при-

крываясь демонстрируемой «заботой о сохранении национальной идентичности», пытается закрепить и утвердить ту степень своей «независимости и самостоятельности» в распоряжении «своими этническими» ресурсами, которую она приобрела в результате трагических с точки зрения исторической целесообразности – случайных – событий перестройки и распада единого СССР. Казахских идеологов не заботит тот факт, что в Туркменистане и Узбекистане переход на латиницу привел к неоднократному пересмотру алфавита и огромным затратам на проведение реформы. Представляется, что принятием решения об отказе от кириллицы и признании латиницы казахская элита завершила исторический «виток трансформации» из части, причем небольшой по численности и провинциальной по характеру, советской партгосноменклатуры в замкнутый, консолидированный элитный «слой», в своем стремлении к замене патронажных отношений ориентирующийся не на Россию и русский мир, а на китайскую либо американскую версию глобального мира. В этой связи интересно и полезно обращение к историческому опыту разрыва отношений республиканских элит с союзным Центром, начало которому положили события в Алма-Ате в декабре 1986 г.

Оценка «алма-атинских» событий по горячим следам выявила две диаметрально противоположные позиции. Советское руководство заявило о проявлениях «казахского национализма», а казахстанское, после отъезда в Москву Г. В. Колбина, квалифицировало эти события как одно из первых демократических выступлений в защиту перестройки. В сегодняшней научной и мемуарной литературе эти две позиции представлены довольно широко. Так, исследователь из Санкт-Петербурга Р. Шабаев в пространной статье о типологии межнациональных конфликтов не нашел ничего лучшего, как выделить «алма-атинские» события декабря 1986 г. в особый тип «этнического конфликта» – «националистические выступления казахской молодежи»². Напротив, вспоминая об этих событиях, бывший ректор Казахского политехнического института, академик НАН РК Б. Р. Ракишев прямо указывает, что «декабрьское выступление молодежи в Алма-Ате – это был еще не вполне осознанный, но назревающий протест молодых против тоталитаризма, диктата Центра (Москвы)», а значение «протеста» усматривает в том, что он пробудил «самосознание народа, открыл путь к

многовековой мечте казахского народа – суверенитету Казахстана»³. На наш взгляд, декабрьские события в Алма-Ате не имели отношения к перестроечному процессу демократизации и борьбе с тоталитарным центром и уж тем более не являлись «проявлением национализма казахского народа», поскольку априори в природе и обществе не существует самого явления «национализм народа».

События 16–19 декабря 1986 г. в Алма-Ате впервые стали не только предметом партийного разбирательства, но и объектом пристального внимания всего советского общества. Национальные проблемы после алма-атинских событий декабря 1986 г. и для власти, и для всего общества явились во всей их остроте и сложности. Скрывать национальные противоречия и продолжать представлять межнациональную сферу общественных отношений как беспроблемную после декабря 1986 г. уже не имело смысла. Вместе с тем с «алма-атинских» событий следует вести отсчет началу открытой конфронтации республиканских элит с союзным Центром. Национальные элиты к декабрю 1986 г. прошли стадию «этнической» консолидации и мобилизации и готовы были открыто вступить в борьбу за безраздельную власть в «своих» государствах. Парадокс в форме «двойного суверенитета» способствовал стремительному нагнетанию напряженности внутри советской Федерации. Свою возможность и способность обуздать сепаратистские устремления элит титульных этносов Центр к этому времени постепенно утрачивал. Однако понимание меняющейся на глазах ситуации в отношениях властвующих элит в центре и на местах у «горбачевского» руководства отсутствовало, оно придет гораздо позже.

Бывший советник, пресс-секретарь Президента СССР А. С. Грачев, назвавший эти события «первым, явно не подготовленным вторжением горбачевской перестройки в зыбучие пески национальных проблем “реального социализма”, считал, что М. С. Горбачев не учел “две вещи”. Первое, полагал Грачев, – «пытаться одновременно выкорчевывать режим, основанный на клановых связях и коррупции, и будить стихию общественных и политических страстей, значило, как минимум осложнять себе жизнь. Второе – заменить местного “крестного отца” в союзной республике, оставляющего в национальной почве обширную “грибницу”, на присланного из другого региона “варяга” совсем не так же просто, как сделать это в Москве»⁴.

Представляется, что М. С. Горбачев и его окружение в самом начале перестройки одной из своих приоритетных задач рассматривали необходимость проведения «номенклатурной революции». Проверенным, практически единственным, методом кадровой «перетряски» в то время являлось создание в партийной среде обстановки недовольства «старым» руководством,

способствовавшей, в конечном счете, расколу в партэлите. Национальный фактор при этом игнорировался начисто. Тем более Казахстан, считавшийся «лабораторией дружбы народов», отличался своеобразной национальной структурой: доля титульного этноса составляла в республике всего 36%. Предпринятая в феврале 1986 г. первая попытка устранения руководившего Казахстаном с 1964 г. Д. А. Кунаева, опытного хозяйственника, ученого, имеющего огромный авторитет в республике, провалилась. Санкционированное высшим советским руководством выступление Н. А. Назарбаева, Е. Н. Ауэлибекова, З. К. Камалиденова, подвергших резкой критике деятельность первого секретаря ЦК на XVI съезде компартии Казахстана, не было поддержано делегатами съезда.

Как признавал М. С. Горбачев, после объявления об отставке первого секретаря ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаева он беседовал с отставником о возможном преемнике. Кунаев якобы дал нелестную оценку кандидату на первый пост в республике председателю Совмина КазССР Н. А. Назарбаеву и вообще заявил, что среди казахов преемника не видит, «на посту первого секретаря должен быть русский»⁵. Все эти события явно свидетельствовали о расколе внутри казахской партэлиты. Р. А. Медведев главной причиной алма-атинских событий считал «клановые разборки» (в случае с Казахстаном правильное будет назвать их «междуэзовые»): «У Назарбаева, однако, возникли конфликты с окружением Д. Кунаева и с его родными: некоторые из них занимали крупные должности в республике. Явно не соответствовал своему посту президента Академии наук Казахской ССР младший брат Д. Кунаева, Димаш. Этот конфликт был вынесен на решение ЦК КПСС, им занимались в первую очередь Егор Лигачев и М. С. Горбачев. Д. Кунаев был вынужден подать заявление об отставке, которая была принята»⁶. Символично, что сомнения в целесообразности назначения «малоизвестного номенклатурного работника» руководителем одной из крупнейших национальных республик выразил только лишь лидер Азербайджана Г. А. Алиев⁷.

Уже вечером 16 декабря, после объявления об отставке Д. А. Кунаева и назначении на эту должность первого секретаря Ульяновского обкома КПСС Г. В. Колбина, среди студентов в общежитии Алма-Атинского государственного театрально-художественного института начались волнения против назначения русского главой компартии Казахстана.

Протест поддержали студенты института иностранных языков, а утром 17 декабря на площади Брежнева начался митинг под националистическими лозунгами. При попытке разогнать его произошли стычки между демонстрантами и работниками милиции и КГБ. Беспорядки продолжились до 19 декабря, в ходе их погибли

два сотрудника МВД и один демонстрант, более 1200 человек обратились за медицинской помощью, были уничтожены десятки служебных машин.

Для наведения порядка был мобилизован партийно-хозяйственный актив, созданы рабочие отряды. Председатель Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС М. С. Соломенцев, прибывший по заданию М. С. Горбачева в Алма-Ату (по всей видимости, было принято во внимание то, что Соломенцев в 1960-е гг. работал вторым секретарем в ЦК КП Казахстана), полагал, что «ситуация вышла из-под контроля». Спустя почти 20 лет Соломенцев так охарактеризовал обстановку: «Колбин ничего не мог сделать, так как находился в полной изоляции. Аппарат его не принял. Назарбаев, недавно избранный Председателем Совета Министров Казахстана, устранился. Кунаев сказался больным и помогать отказался»⁸. Тем временем экстремисты готовились к решающему выступлению: «Председатель КГБ (русский) доложил, что во всех дворах вооружаются, подгоняют откуда-то машины»⁹. Выходы из дворов были заблокированы.

М. С. Соломенцев на собрании республиканского актива дал оценку событиям и назвал их «проявлением национализма», в то время как, по его мнению, «местные руководители валили все на молодежь». Он вспоминает, что на встрече с населением на городском рынке ему кричали: «Пусть на молодежь не сваливают. Это все начальство затеяло. Они там кресла никак поделить не могут»¹⁰. Тем не менее Н. А. Назарбаев, ознакомившись с запиской Соломенцева об алма-атинских событиях, не согласился «с тем, что главной причиной является национализм», и заявил, что «это в большей степени было хулиганство». Соломенцев был вынужден напомнить Назарбаеву мнение простых людей, «которые хором говорили, что весь этот бунт затеяло высокое начальство казахской национальности, обиженное тем, что первым секретарем избрали русского»¹¹. А. С. Грачев также указывает на то, что за этими «относительно неспонтанными беспорядками угадывалась уверенная рука если и не самого отставного 73-летнего казахского руководителя, то тех, кто захотел показать Москве, что пакт лояльности республики по отношению к центру может быть расторгнут»¹².

Историк А. В. Островский полагает, что «вся ответственность за алма-атинские события лежит на Кремле»¹³, а причину видит в стремлении М. С. Горбачева и его ближайшего окружения «разгромить» силы, «стоящие» на пути «перестройщиков»¹⁴. По мнению историка, все началось с замены в начале 1986 г. З. К. Камалиденова на В. М. Мирошника на посту председателя КГБ Казахстана, а затем была организована кампания по дискредитации Д. А. Кунаева. «Антикунаевское» выступление Н. А. Назарбаева на февральском съезде КП Казахстана, на его взгляд, было

также санкционировано Горбачевым¹⁵. Трудно-объяснимым, считает Островский, и появление во главе колонны демонстрантов, направлявшихся 17 декабря с площади Брежнева в город, председателя правительства Казахстана Н. А. Назарбаева, членов Бюро ЦК КП Казахстана С. М. Мукашева, З. К. Камалиденова, М. С. Мендыбаева, секретарей обкома и горкома партии, секретаря ЦК комсомола, председателя КГБ В. М. Мирошника, министра МВД Н. Г. Князева. «Событиям, указывает А. В. Островский, специально давали разрастись»¹⁶. Факт подготовки «алма-атинских событий» у историка также не вызывает сомнений: уже 16 декабря в КГБ знали о «подстрекательской» деятельности и призывах выйти на площадь в общежитиях театрально-художественного института и института иностранных языков. Бездеятельность КГБ республики Островский объясняет отсутствием указания со стороны КГБ СССР. «Однако В. М. Чебриков вряд ли мог пойти на это, заключает историк, не согласовав свои действия с М. С. Горбачевым»¹⁷. Алма-атинские события 1986 г. склонен считать «провокацией, организованной КГБ» и М. Я. Геллер, признающий, впрочем, что документальных свидетельств тому нет¹⁸. Хотя он, в отличие от А. В. Островского, признает, что волнения в столице Казахстана были выгодны лишь Д. А. Кунаеву, создавшему в республике «собственную могущественнейшую партийную машину»¹⁹.

Дж. Хоскинг считает, что назначение Колбина «казахи восприняли» как «национальный вызов», а «закрепление принципа “покровитель – протеже” в качестве основы системы политического контроля придало конфликту одновременно личностный и этнический характер сразу после того, как этот контроль был ослаблен». Английский историк придавал «алма-атинским» событиям особое, «знаковое» значение: «Национальное покровительство, являвшееся в течение долгого времени обычной практикой в СССР, способствовало укреплению мнения, что все беды происходят из-за “злостного поведения” другой нации, и вызвало к жизни тенденцию переводить все проблемы в плоскость межнациональных конфликтов»²⁰.

Р. А. Медведев полагал, что «у М. Горбачева хватило здравого смысла не раздувать конфликт и не прибегать к репрессиям, хотя не менее 200 студентов были все же исключены из Казахстанского университета», и сообщал, что «попытка снять со своих постов Н. Назарбаева и С. Мукашева не удалась»²¹.

Политическое руководство в Москве вновь пыталось объяснить все провалами в «кадровой политике», обвиняя в организации беспорядков конкретных политических деятелей, в том числе Назарбаева и Кунаева. В то же время сами беспорядки, безусловно, характеризовались как «националистические проявления со стороны казахской молодежи»²².

Реальный анализ дел в «лаборатории дружбы народов», как называли Казахстан в официальной советской пропаганде, мог бы показать власти, что в сфере межнациональных отношений в этой республике накопился целый комплекс проблем: от экологических и экономических до родоплеменных отношений, влиявших на распределение власти между местными национальными элитами, поделенными к тому же на родоплеменные организации – «жузы». Власть длительное время не обращала внимания на неуклонно нарастающую в конце 1970-х гг. миграцию русского населения из республики. По данным исследователя О. Комаровой, в 1975–1988 гг. из Казахстана в Россию выехало около 400 тыс. русских (6,6 % общей численности русских в Казахстане)²³. Впрочем, довольно широко распространена и противоположная оценка: «нет сомнения, что в Казахстане существует чувство национальной обиды: сегодня в республике казахи составляют меньшинство населения»²⁴.

По всей видимости, прямым следствием алма-атинских событий явился массовый выезд в 1987 г. из Казахской ССР: из Джамбульской области выехало 46 тыс., Карагандинской – 24 тыс., Джезказганской – 26 тыс., Кызыл-Ординской – 22 тыс. «граждан только русской национальности»²⁵. В декабре 1988 г. известный ученый Г. И. Литвинова сообщила, что «получила письмо от А. И. Насыбова, который проанализировал события в Алма-Ате не столько как всплеск национализма, сколько как всплеск русофобии»²⁶. Среди наиболее опасных проблем в сфере межнациональных отношений известный этнолог Л. М. Дробижина тогда же называла «избиение русских в Алма-Ате, Якутии и т. д.»²⁷. Резко активизировался выезд немцев. В марте 1989 г. А. И. Лукьянов сообщал в ЦК КПСС, что «в 1988 г. число выехавших в ФРГ возросло в 3,3 раза по сравнению с 1987 г.»²⁸. Председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР А. Э. Восс уточнял, что «по данным МВД СССР, в 1988 г. в ФРГ выехало 51983 человека, а в январе 1989 г. – 6607 человек, «что в 3 раза больше в сравнении с этим же периодом 1988 г.»²⁹.

В течение двух лет после декабрьских событий 1986 г. Казахстаном руководил русский Г. В. Колбин. Главным направлением национальной политики в республике Колбиным был избран «слом сложившейся системы предпочтений по этническому и родовому признакам в кадровой политике, введении национально-пропорционального представительства в партийно-государственном и советском аппарате»³⁰.

Политика Г. В. Колбина в период его руководства республикой отличалась тонким политическим расчетом и была направлена на сужение поля деятельности сепаратистских национальных кланов-жузов, расширение и укрепление

механизмов, связывающих и сплачивающих центр и союзную республику. Кадровая чистка, предпринятая новым партийным лидером республики, существенно ослабляла социальную базу национальных кланов (предположительно основной удар был нанесен Старшему и Среднему Жузам, покровительствовал Г. В. Колбин чиновникам из Западного Казахстана, «исторически входившего в состав Младшего жуза»³¹). Уже к концу 1987 г. в Бюро ЦК КП Казахстана осталось 39 % казахов, из 156 членов ЦК – 65 казахов, из 18 секретарей обкомов – 7 казахов³². Переаттестацию к середине 1988 г. не прошли 21,8 % партийных и 34 % комсомольских работников. Из органов МВД было уволено 1200 сотрудников, в министерствах здравоохранения и транспорта работу потеряли 309 человек³³.

Серьезным ударом по политическому этнонационализму в республике стало разоблачение клановых связей в казахстанских вузах и последовавшая вслед за этим «чистка» вузовской системы. Были сняты с должностей 12 ректоров, в алма-атинских вузах было уволено 319 преподавателей и исключено 182 студента³⁴. Этническое представительство в среде студенчества стало стремиться к этническим «пропорциям» в национальной структуре. К примеру, в 1987/88 учебном году в Карагандинском медицинском институте набор студентов-казахов был снижен с 50 до 20 %³⁵.

Г. В. Колбин руководил республикой до июня 1989 г., после чего был отозван в Москву, где занял должность председателя Комитета народного контроля и в следующем году был отправлен на пенсию. Казахская элита ликовала. Один из чиновников Верховного Совета Казахской ССР еще в апреле 1989 г. «внушал» союзному руководству: «Кажется, настало время раз и навсегда покончить со слухами (а может с планами) о том, что председателем Президиума будет Колбин Г. В. ... только казах может быть во главе Верховного Совета Казахской ССР». Нельзя, поучал он, руководить «бесконечными оргвыводами, подбирая себе угодных посредственных русскоязычных полуказахов и полутатар в помощники»³⁶. Вряд ли можно согласиться с утверждением Н. Э. Масанова, что с лета 1987 г. Колбин стал лоббировать интересы казахской политической элиты, а свое пребывание в Казахстане рассматривал как стартовую площадку для дальнейшего карьерного роста в Москве.

Вероятнее всего, Геннадий Васильевич не только хорошо понимал специфику властных и межэтнических отношений в советских национальных республиках, но сумел всего за два с половиной года разработать и претворить в жизнь один из механизмов обеспечения межэтнического доверия в обществе со сложной этнической структурой и иерархией. Пожалуй, более всего казахскую партгосноменклатуру раздражала попытка своеобразной «экспроприации»

элитной собственности: 247 малых гостиниц, 14 коттеджей, 414 гостевых квартир и 220 охотничьих домиков было передано в распоряжение Министерства здравоохранения Казахской ССР³⁷. Все это вместе с успешным опытом работы вторым секретарем ЦК при Э. А. Шеварднадзе в Грузии подтверждает предположение о том, что Г. В. Колбин был одним из немногих представителей советской партэлиты, способных устранять конфликтогенность в межэтнических отношениях. Не случайно в Казахстане продуктивно действовала Комиссия по вопросам национальных и межнациональных отношений, которая в числе прочих задач решала проблемы «выявления и согласования специфических национальных вопросов, возникающих в среде национальностей, живущих за пределами своих государственно-территориальных объединений или не имеющих их»³⁸. В рамках этой комиссии были созданы своеобразные «секции»: азербайджанская, курдская и турецкая; греческая и крымско-татарская; дунганская; корейская; немецкая; польская; узбекская; таджикская; уйгурская³⁹.

Наиболее важным достижением национальной политики Г. В. Колбина в Казахстане, безусловно, являлась практическая реализация в рамках союзной республики идеи перехода к русско-казахскому билингвизму с приданием равного статуса русскому и казахскому языкам. Старт данной программе был дан в марте 1987 г., когда Пленум ЦК КП Казахстана принял два постановления: «Об улучшении изучения казахского языка» и «Об улучшении изучения русского языка». Из 7900 школ, функционировавших в Казахстане в 1987/88 учебном году, в 4179 школах занятия велись на русском языке, в 3917 – на казахском, в 73 – на узбекском, в 11 – на уйгурском, в 9 – на таджикском языке, насчитывалось также 1094 школы со смешанным обучением⁴⁰. Казахские исследователи согласны с тем, что эти меры, выдвинутые по инициативе нового лидера республики, способствовали снижению межэтнической напряженности: «стало расширяться обучение в школах на казахском, узбекском, уйгурском и таджикском языках; стали расти списки названий и тиражей национальной литературы; увеличивался набор студентов, получающих в вузах специальность преподавателей казахского языка и литературы, открывались языковые курсы и кружки»⁴¹.

После отъезда Г. В. Колбина в Москву казахская элита, вернувшая себе все властные рычаги и структуры в республике, сразу же отказалась от реализации «колбинской» языковой политики. Уже в 1989 г. известный исследователь этноязыковых процессов в Казахстане Б. Х. Хасанов предупреждал, что придание русскому языку статуса государственного языка «спровоцирует возможность подмены родного языка нерусских и может вызвать негативную реакцию со стороны нерусских, представляющих положение род-

ного языка ущемленным, и тем самым обострить межнациональные отношения»⁴². Уже 22 августа 1989 г. был опубликован проект закона «О языках в Казахской ССР», в котором казахский язык объявлялся государственным, а русский язык получал статус языка межнационального общения. Закон был принят в кратчайшие сроки – ровно через месяц, 22 сентября 1989 г. В общественное сознание также в чрезвычайном режиме стали внедряться два тезиса: о катастрофическом положении казахского языка⁴³ и о «русскоязычной части населения Казахстана» как «главном факторе, препятствующем внедрению казахского языка»⁴⁴.

В литературе уже высказывалось мнение о том, что в период руководства республикой Колбиным произошел окончательный отказ от идеи передачи целинных областей России и решительно были пресечены претензии уйгурского населения на создание автономного государственного образования в составе Казахской ССР⁴⁵. Действительно, в перечне просьб, регулярно повторявшихся в почте ЦК КПСС, заметное место занимали обращения о целесообразности образования автономной республики советских уйгуров в районах их компактного проживания в Казахстане, что, по мнению авторов писем, позволило бы «сохранить данный этнос, его родной язык, национальную культуру, улучшить его социально-экономическое положение»⁴⁶. Г. В. Колбин активно выступал против всякой возможности появления в составе Казахстана национально-территориальных формирований какого-либо «нетитульного» этноса. Быстрее других невозможность получения автономии в рамках Казахстана осознали лидеры немецкого национального движения. В марте 1989 г. в письме М. С. Горбачеву его лидеры К. К. Бах, Р. Р. Бендер, Г. Г. Вормсбехер, Ю. А. Гаар и другие подчеркивали: «Считать единственно верным вариантом решения вопроса – восстановление Немецкой автономной республики на Волге», а национальные районы в Казахстане, по их мнению, «не смогут стать равноценной притягательной силой»⁴⁷. В мае 1989 г., выступая на заседании Идеологической комиссии ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР от Казахстана Н. В. Геллерт заявила о необходимости «иметь свою государственность каждому народу» и предложила восстановить немецкую республику на Волге⁴⁸.

В Уральской и Гурьевской областях Казахстана ЦК КПСС фиксировал «движение за возрождение уральского казачества и включение его территории в состав России»⁴⁹. В октябре 1989 г. к М. С. Горбачеву обратился представитель советских дунган И. Хохаз, который предлагал создать на территории Киргизской ССР автономный округ для дунган, проживавших в Киргизии, Казахстане и Узбекистане. На территории села Колпак-Тюбе Джамбульского района Казахской

ССР планировалось создать дунганский национальный сельский совет⁵⁰.

Казахская элита была категорична: никаких автономий в Казахстане! «Антиавтономистская программа» наиболее четко была сформулирована заведующим сектором Управделами Президиума Верховного Совета Казахской ССР Т. С. Джилтировым. В апреле 1989 г. он направил в Верховный Совет СССР записку, в которой заявил, что «создавать в срочном порядке» в Казахстане национально-территориальные образования «нецелесообразно, так как не созрели предпосылки». «Коренное население, – писал Джилтиров, – не поймет, когда на лучших землях Казахстана будут возникать немецкие, курдские, татарские, туркские автономные районы и области»⁵¹. «Все эти национальные меньшинства, – по его мнению, обжили те исконно казахские регионы, которые расположены там, где плодороднее почва, больше влаги, мягче климат, больше солнца, ближе к индустриальным и культурным центрам, лучше дороги, связь»⁵². «Создание национальных автономий, – указывал чиновник, – может привести к постепенному вытеснению коренных жителей в отдаленные пустынные необжитые просторы Казахстана»⁵³. Следует признать, что жесткий «антиавтономизм» казахской элиты, поддержанный Г. В. Колбиным, легко «уживался» с не менее жестким требованием «права нации на самоопределение и создание своего собственного государства». Признавая целесообразность и законность идеи «двойного суверенитета» на общесоюзном уровне, этноэлиты категорически отвергали эту идею в «своих» республиках.

24 сентября 1990 г. Президиум Верховного Совета Казахской ССР принял постановление «О выводах и предложениях комиссии по окончательной оценке обстоятельств, связанных с событиями в городе Алма-Ате 17–18 декабря 1986 г.». Казахская элита открыто заявила о том, что «выступление казахской молодежи в декабре 1986 года в Алма-Ате не было националистическим и в начальной стадии не носило противоправный характер»⁵⁴. Причинами «протеста» назывались «откровенное пренебрежение мнением населения и партийных масс республики со стороны центра, направившего первым секретарем ЦК Компартии Казахстана по стереотипу доперестроечных времен малоизвестного в республике партийного работника», а также «недооценка возросшего самосознания народа»⁵⁵. Решения Пленума ЦК, избравшего Г. В. Колбина первым секретарем, были названы «оскорбительными для достоинства республики», действия властей в декабре 1986 г. – «неумелыми, политически неоправданными», меры «по отношению к демонстрантам» – «неадекватные ситуации».

«Характер противостояния сторон по национальному признаку событию», указывалось в постановлении, «придало вооружение рабо-

чих дружинников по указанию партийных органов палками, металлическими прутьями и обрезками кабеля»⁵⁶. Вся вина, таким образом, возлагалась на «союзное руководство и руководство республики», которое якобы допустило «грубые политические просчеты», вследствие которых «первоначально мирный протест молодежи г. Алма-Аты привел к драматическим результатам». Ничего удивительного в этом постановлении уже не было. К этому времени национальные элиты уже четко и последовательно ограничивали компетенции высшего советского руководства двумя «задачами»: «обеспечивать закрепленные в Конституции СССР суверенитет союзных республик и неприкосновенность их территориальной целостности»⁵⁷. Их больше не пугали намеки Центра на вероятность пересмотра границ при демонтаже «Комсомолки» и «Литературки» «осмелилось» бы без согласия на то советского руководства или части его опубликовать за неделю до принятия постановления по «алма-атинским» событиям известную статью А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию. Посильные соображения». Великий русский мыслитель полагал, что «этническая» территория казахов – «это большая южная дуга областей, охватывающая с крайнего востока на запад почти до Каспия, действительно населенная преимущественно казахами»⁵⁸.

Народный депутат СССР, председатель Павлодарского областного Совета народных депутатов Ю. Мещеряков, в 1986 г. занимавший пост первого секретаря Октябрьского райкома партии Алма-Аты, в письме к А. И. Лукьянову опровергал выводы сентября 1990 г. По его словам, он узнал о беспорядках после 14.00 17 октября 1986 г. от вышестоящих партийных органов. «В условиях начавшихся погромов и поджогов» он решил собрать дружинников и отправить их для оказания помощи работникам милиции. Дружинники были направлены для предупреждения развития массовых беспорядков лишь на следующий день, т. е. 18 декабря. Комиссия по «окончательной оценке событий 17–18 декабря 1986 г.» обвинила бывшего секретаря райкома в вооружении дружинников и в «организации избиения ни в чем не повинных людей»⁵⁹. Ю. Мещеряков прямо указывал, что, «пытаясь оправдать хулиганов и погромщиков, в самой комиссии находились лица, которые допустили выступления студенчества, за что некоторые из членов комиссии были впоследствии наказаны», и свидетельствовал, что в результате сентябрьского 1990 г. решения Президиума Верховного Совета Казахской ССР в Павлодарской (безусловно, и в других областях Казахстана – А. М.) области возникла напряженность между казахской частью населения и русскоязычной⁶⁰.

За время, когда республикой руководил Г. В. Колбин, казахская элита сумела преодо-

леть внутренние противоречия и сплотилась вокруг нового лидера. Н. А. Назарбаев был избран на Пленуме ЦК тайным голосованием, что свидетельствовало о безоговорочном его признании даже бывшими оппонентами из команды Д. А. Кунаева. «Казахстан, – как писал Р. А. Медведев, – обрёл наконец спокойного, сильного, энергичного, умного и честного лидера, который сумел достаточно быстро консолидировать вокруг себя власть в этой большой республике»⁶¹. Представляется, что избранием руководителем Казахстана Н. А. Назарбаева элита титульного этноса окончательно определилась и с «этнократической» программой действий. Красноречиво замечание Н. А. Назарбаева, произнесенное им в разговоре с госсекретарем США Д. Бейкером в сентябре 1991 года: «Если Вы попутешествуете по нашей стране, то увидите, как русские дети бьют казахских детей. Вот так и со мной было. Нелегко с ними жить»⁶².

За четыре года перестройки национальная элита эволюционировала от состояния испуга понести ответственность за «неосмотрительные действия» молодежи до осознания своей силы, консолидированности, решимости довести «начатое в декабре 1986 г. на площади Брежнева дело до победного конца». Центральная власть к этому времени уже не реагировала на такие «мелочи», несмотря на то что прекрасно была осведомлена о состоянии дел в республике. Народные депутаты СССР С. Г. Васильев и В. С. Туренко в мае 1990 г. сообщали в Верховный Совет СССР, что «в Казахстане националистическое движение принимает угрожающие размеры», «сформировано руководство республики только из представителей коренной нации», «из 45 высших руководителей Совмина более 2/3 – казахи». Депутаты полагали, что рассчитывать «на отпор националистическому движению» со стороны «демократизированных» Советов в Средней Азии – «нереально», и считали, что «при составлении нового Союзного договора» пересмотр границ между союзными республиками «просто необходим»⁶³.

Алма-атинские события 1986 г. явились следствием резкого обострения конфликта между советской «кремлевской» и национальными республиканскими элитами. В условиях расширяющейся и углубляющейся конфронтации и борьбы за власть союзное руководство стремилось овладеть всеми ресурсами в масштабах единой страны и «оттеснить» национальные элиты от предстоящего дележа собственности. Могущество национальных кланов в республиках при этом недооценивалось, мобилизующая роль этнонационализма в расчет не принималась. Площадь Брежнева в Алма-Ате в декабре 1986 г. тем самым превратилась в арену демонстрации сил, сплоченности, консолидированности, подготовленности и решимости национальных элит. Одержав формальную по-

беду, Центр воочию убедился в способности этноэлит не только противостоять центристским тенденциям, но и в их умении легко и быстро мобилизовать протестный фактор политического этнонационализма. Реализация Г. В. Колбиным эффективной программы восстановления системы межэтнического доверия в национальной республике позволила Центру вновь обрести свое влияние на межнациональную ситуацию в республике и на некоторое время ограничить элитаристские устремления казахских кланов. Успех проекта Колбина, прежде всего, в этноязыковой сфере напугал казахские кланы, заставил их консолидироваться и мобилизоваться на объединяющей их программе восстановления полного контроля над всеми процессами в республике. Отъезд Колбина из Казахстана знаменовал собой капитуляцию Центра перед национальными элитами, отказ от какого-либо вмешательства в дела стремительно обретающих независимость союзных советских республик. Неслучайным в этой связи представляется и конфликт в западноказахстанском Новом Узене с его нефтедобывающими предприятиями, где 17–29 июня 1989 г. проходили массовые межэтнические столкновения между казахской молодежью и приезжими жителями, в основном с Северного Кавказа. Несмотря на то что беспорядки на национальной почве подавлялись частями специального назначения, подчиненных союзным силовым структурам, интерес национальных элит к «своим нефтяным ресурсам» был очевиден, что наглядно и демонстрировалось некогда всемогущему, а в данный момент стремительно слабеющему Центру.

Примечания

- ¹ Что сулит Казахстану перевод казахского языка с кириллицы на латиницу. URL: <http://yk-news.kz/news> (дата обращения: 12.03.2018).
- ² *Шабаев Р.* Моделирование и прогнозирование этнических конфликтов // *Chaos and Correlation Intern. Journal.* 2010. June 27. URL: http://chaosandcorrelation.org/Chaos/R62_2010.pdf (дата обращения: 12.03.2018)
- ³ *Ракишев Б.* Декабрьские события в жизни политеха // *Газета Рес.* 2008. № 10. С. 2–3. URL: http://portal.kazntu.kz/files/publicate/2015-08-06-elbib_7.pdf (дата обращения: 15.03.2018).
- ⁴ *Грачев А. С.* Горбачев. М., 2001. С. 261.
- ⁵ См.: *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы: в 2 кн. М., 1995. Кн. 1. С. 497–498.
- ⁶ *Медведев Р. А.* Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. М., 2010. С. 235.
- ⁷ См.: *Кунаев Д. А.* От Сталина до Горбачева. Алматы, 1994. С. 272.
- ⁸ *Соломенцев М. С.* Верю в Россию. М., 2003. С. 572.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 573.
- ¹¹ Там же. С. 574.

- ¹² Грачев А. С. Горбачев. С. 261.
- ¹³ Островский А. В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. С. 126.
- ¹⁴ Там же. С. 114.
- ¹⁵ Там же. С. 114–115.
- ¹⁶ Там же. С. 118–119.
- ¹⁷ Там же. С. 123–126.
- ¹⁸ См.: Геллер М. Я. Российские заметки 1980–1990. М., 2001. С. 439.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Хоскинз Дж. Россия и русские : в 2 кн. Кн. 2. М., 2003. С. 362.
- ²¹ Медведев Р. А. Указ. соч. С. 236.
- ²² См.: Пихоя Р. Г. Советский Союз : история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 464–465.
- ²³ См.: Комарова О. Миграция русских : новые тенденции // Этнополитический вестн. 1995. № 5. С. 125.
- ²⁴ Геллер М. Я. Указ. соч. С. 438.
- ²⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 2201. Л. 80.
- ²⁶ Там же. Д. 4178. Л. 46.
- ²⁷ Там же. Л. 22.
- ²⁸ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 89. Пер. 30. Д. 8. Л. 1.
- ²⁹ Там же. Л. 2 об.
- ³⁰ Казиев С. Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 гг.). Петропавловск, 2015. С. 314.
- ³¹ Там же. С. 316.
- ³² Там же. С. 314.
- ³³ См.: Пономарев В. А. Документы и материалы о событиях 1986 года в Казахстане. М., 1993. С. 269.
- ³⁴ См.: Казиев С. Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 гг.). С. 315.
- ³⁵ См.: Зиманов С. З. Теория и практика автономизации в СССР. Алматы, 1998. С. 110.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 103. Л. 5, 6.
- ³⁷ См.: Казиев С. Ш. Перестройка и кризис национальных отношений в Казахстане (1985–1991 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2015. № 3. С. 61.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 145. Д. 2201. Л. 92.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ См.: Сужиков М. М., Сапарғалиев Г. С. Некоторые философско-правовые проблемы совершенствования культуры межнациональных отношений. Алма-Ата, 1989. С. 66–67.
- ⁴¹ Казиев С. Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 гг.). С. 318.
- ⁴² Хасанов Б. Х. Национальные языки, двуязычие и многоязычие : поиски и перспективы. Алма-Ата, 1989. С. 20.
- ⁴³ См.: Кыдыралына Ж. У. Нация и история. Астана, 2009. С. 252–253.
- ⁴⁴ Хасанов Б. Х. Указ. соч. С. 5.
- ⁴⁵ См.: Казиев С. Ш. Перестройка и кризис национальных отношений в Казахстане (1985–1991 гг.). С. 60.
- ⁴⁶ Письма трудящихся по вопросам совершенствования межнациональных отношений в СССР // Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 164.
- ⁴⁷ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 30. Д. 8. Л. 4 об, 5.
- ⁴⁸ См.: Идеологические проблемы межнациональных отношений // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 83.
- ⁴⁹ РГАНИ. Ф. 89. Пер. 5. Д. 21. Л. 4.
- ⁵⁰ См.: ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 121. Л. 3.
- ⁵¹ Там же. Оп. 10. Д. 103. Л. 2.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. Оп. 6. Д. 328. Л. 1.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. Д. 316. Л. 5.
- ⁵⁸ Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения // Комсомольская правда. 1990. 18 сент. С. 1.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 111. Л. 126, 127.
- ⁶⁰ Там же. Л. 128.
- ⁶¹ Медведев Р. А. Указ. соч. С. 438.
- ⁶² Цит. по: Плохий С. Последняя империя. Падение Советского Союза. М., 2016. С. 453.
- ⁶³ ГАРФ. Ф. Р-9654. Оп. 10. Д. 111. Л. 102.

Образец для цитирования:

Мякшев А. П. События в Алма-Ате в декабре 1986 г.: первый ультиматум национальных элит центру // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 432–439. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-432-439>

Cite this article as:

Myakshev A. P. The Events in Almaty in December 1986: the First National Elite Ultimatum to the Centre. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 432–439 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-432-439>

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(32).07

СПАРТАК НА ДОРОГАХ СВОБОДЫ: ГЕРОЙ, «ХРИСТОС-ИСКУПИТЕЛЬ ВОССТАВШИХ РАБОВ», УБИЙЦА

Н. С. Колоколова

Колоколова Наталья Сергеевна, аспирант кафедры истории древнего мира, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 12.natalia@mail.ru

В статье рассматривается история воплощений в кино Спартака. Основы его образа как героического борца за свободу рабов были заложены известным романом Р. Джованьоли, и этот образ сохранялся до второй половины XX в. В известном фильме Стенли Кубрика (1960 г.) акценты были смещены, и образ Спартака приобрел ряд новых смыслов, в том числе библейских и христианских. Само восстание было показано как обреченное на неудачу, а Спартак приобрел черты библейского Моисея, ведущего избранный народ в Землю Обетованную. Два новых обращения к образу Спартака и сериал «Спартак» отличает падение значимости в них масштабной общественной проблематики (фильм 2004 г.) и обращение к чистой зрелищности с крайним усилением негативного содержания (насилие, убийства и т. п.).

Ключевые слова: Спартак, Р. Джованьоли, фильм, восстание, рабы, С. Кубрик, К. Дуглас.

Spartacus on the Roads of Freedom: a Hero, «Christ the Redeemer of Rebellious Slaves», a Murderer

N. S. Kolokolova

Natalija S. Kolokolova, <https://orcid.org/0000-0001-8915-3641>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, 12.natalia@mail.ru

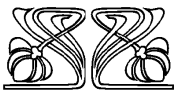
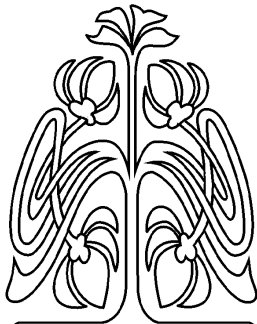
The article deals with the history of depiction of Spartacus in the cinematography. The foundations of his image as a heroic fighter for the freedom of slaves were laid down in the famous novel by R. Giovagnoli, and this image had been preserved until the second half of the 20th century. In a famous Stanley Kubrick's film (1960), the focus was shifted, and the image of Spartacus obtained a number of new meanings, including biblical and Christian. The uprising itself was shown as doomed to failure, and Spartacus acquired the features of the biblical Moses leading the selected people to the Promised Land. Two new depictions of Spartacus's image are distinguished by lowered importance of large-scale public issues raised in them (the 2004 film) and appeal to pure entertainment with extreme intensification of negative content (violence, murders, etc.) (the series "Spartacus").

Key words: Spartacus, R. Giovagnoli, film, rebellion, slaves, S. Kubrick, K. Douglas.

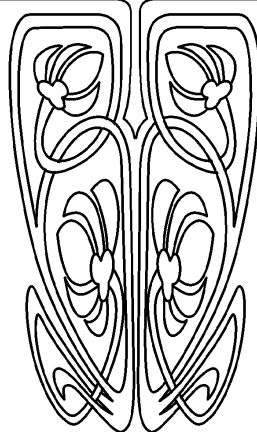
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-440-444>

Спартак является, пожалуй, одним из самых известных героев древности. Его личность вызывала большой интерес еще у древнегреческих и древнеримских историков. А. В. Мишулин указывает, что о Спартаке писали или упоминали события, связанные с его восстанием, более тридцати античных авторов на протяжении почти шести веков (с I в. до н.э. до V в. н. э.)¹. Подобный интерес был, несомненно, связан со значимостью рабской войны. Однако с течением веков Спартак из реального исторического персонажа постепенно превратился в сложный культурный образ-символ.

Интерес к Спартаку в новоевропейской культуре появляется во второй половине XVIII в. Е. А. Чиглинец «отправной точкой» этого интереса считает трагедию Сорена «Спартак» (1760). Ее постановка имела определенный резонанс – вероятно внимание к подобному обра-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

зу «человека-героя» было обусловлено вольнолюбивыми общественными настроениями, предшествовавшими Великой Французской революции².

Несколько позже, но тоже в связи с запросами современности, возникает интерес за океаном. Для американского зрителя Спартак впервые «появился на сцене» в 1831 г. в пьесе Роберта Монтомери Бёрда «Гладиатор», которая «...явилась откликом на аболиционистское движение и надолго вошла в репертуар американского театра»³. Успех пьесы во многом был связан и с исполнителем роли Спартака – известным актером того времени Э. Форрестом.

По-настоящему большой интерес к Спартаку возникает во второй половине XIX столетия. Этому способствовала как активизация революционного движения в мире (не случайно Спартак был одним из любимых героев К. Маркса), так и написанный в 1874 г. роман итальянского писателя Рафаэлло Джованьоли, который во многом определил массовые представления о Спартаке и в XIX, и в XX в. Джованьоли, знаток римской истории, гарибальдиец и патриот, участник борьбы за объединение Италии, передал в своем произведении героически-революционный пафос, который был характерен для его соратников-современников, перенеся его на борьбу за свободу рабов в Древнем Риме.

Именно роман Джованьоли послужил основой первых итальянских фильмов о Спартаке – короткометражного фильма 1909 г. и экранизации 1913 г., причем во втором из них сценарий написал сам Джованьоли, который к тому времени был еще жив. В этом фильме свободолюбивый пафос романа значительно сглажен, зато усилена мелодраматическая линия, а причины восстания сведены к чисто личным мотивам. Однако свободолюбие романа Джованьоли нашло новое прочтение в Советской России. Е. А. Чиглинцев отмечает, что советские авторы, создававшие художественные произведения, посвященные Спартаку, во многом заимствуют образ, созданный Джованьоли, причем эти произведения, как правило, имеют яркую воспитательную и пропагандистскую окраску⁴. Их позиция была навеяна революционным духом времени – и в то же время вполне вписывалась в официальную конъюнктуру. Еще в 1919 г. В. И. Ленин говорил, что «Спартак был одним из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов»⁵, а затем его имя было включено в ленинский план монументальной пропаганды (правда, памятник ему так и не поставили).

В СССР Спартак получил и новое воплощение на киноэкране, в фильме, который был создан по мотивам популярнейшего в стране романа Джованьоли в 1926 г. советской киностудией ВУФКУ, предшественницей Одесской киностудии. Несмотря на то что сегодня о нем практически не осталось никаких сведений (вероятнее всего, по причине того, что в 30-е гг. многие члены съемочной группы и актеры были

репрессированы), само наличие такого фильма свидетельствует об огромной популярности и идейной значимости образа Спартака в советской культуре. Ведь это был единственный герой античности, о котором сняли в СССР художественный фильм. Интересно, что композитором, написавшим музыку к фильму, был Арам Ильич Хачатурян, который позднее напишет музыку к знаменитому балету Григоровича «Спартак», ставшему заметным явлением культуры.

В XX в. на Западе на формирование образа Спартака в массовом сознании повлиял одноименный роман Говарда Фаста (1951), в особенности через снятый по его мотивам кинофильм Стэнли Кубрика (1960), который пользовался большой популярностью у зрителей, а также был тепло встречен критиками, о чем свидетельствуют четыре премии Оскара и «Золотого глобуса» за лучший фильм (драма).

Г. Фаст был членом Коммунистической партии США; в 1950 г. он был вызван на заседание Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, отказался назвать имена «сообщников» и три месяца провел в тюрьме, где и начал писать роман «Спартак»⁶. После выхода из тюрьмы он был занесен в «черный список», лишавший работы и гражданских прав лиц, заподозренных в антиамериканских действиях, и не мог публиковаться под своим именем. Кинематограф также стал площадкой для действий Маккарти, поэтому «вне закона» оказались и некоторые деятели кино того времени. «Мрачная фигура сенатора Маккарти принесла в Голливуд ухватки средневековой инквизиции. Поощряя доносчиков и захватчиков, запугивая слабых, шантажируя сильных, комиссия по расследованию антиамериканской деятельности готовила жестокую расправу»⁷.

Приведенная характеристика может показаться риторически заостренной, но за ней стоит горькая правда тех лет. Среди кинематографистов, попавших в такой список, были сценарист фильма «Спартак» Далтон Трамбо, который провел 11 месяцев в заключении⁸, а позднее, как и Г. Фаст, был вынужден работать под псевдонимами. В конце 50-х гг., когда время подобных репрессий заканчивается, Кирк Дуглас приглашает Трамбо в качестве сценариста фильма «Спартак». Как считает М. Маламуд, именно гонения времен маккартизма послужили прообразом одной из наиболее сильных по эмоциональному воздействию сцен фильма, когда Красс предлагает побежденным рабам избежать смерти, выдав Спартака, и сотни рабов, поднимаются, чтобы прокричать «Я Спартак!». По мнению исследовательницы, это должно было напоминать и прославлять мужество художников, которые отказались назвать имена своих коллег Комитету Маккарти⁹.

Главный герой фильма Спартак, «закованный в цепи, но непримиримый», олицетворяет рабов Рима, в которых, несмотря на их внешнюю покорность, живет мечта о свободе. Свобода в

фильме предстает абсолютной ценностью, ради которой стоит жить и умирать. Ради того, чтобы подчеркнуть свободолобие Спартака, авторы фильма, вопреки данным источников, делают его сыном рабыни. В целом та мечта о свободе, носителем которой авторы делают Спартака, имеет чисто американское происхождение. Как подчеркивает М. Винклер, «независимость и свобода (freedom and liberty) – термины, наиболее существенные для понимания американцами самих себя и своей истории со времен Американской революции “Спартак” – это не урок римской истории, это урок того, как американцы понимают свою историю и самих себя»¹⁰.

Противопоставление захватнического Рима и рабов, борющихся за отнятую свободу, наиболее ярко выражено противостоянием образов главных героев, Спартака и Марка Лициния Красса. Немаловажную роль при этом играет и их моральное противостояние: варвар Спартак, верный Варинии, и развращенный римлянин Красс, соблазняющий юношу-раба.

Несмотря на сходство кубриковского Спартака с созданным в советской культуре образом (или, по крайней мере, отсутствием противоречий с ним), фильм был довольно прохладно встречен советской критикой. Так, Р. П. Соболев пишет: «“Спартак” по своему художественному уровню и по попытке раскрыть социальные причины восстания рабов превосходил обычный уровень боевиков на так называемые исторические темы, но, право, этот уровень так невысок, что большой заслуги Кубрика здесь не было»¹¹. А. В. Кукаркин выражает недовольство тем, что в судьбе кинематографического Спартака многое определяет случайность. «В фильме Спартак терпит поражение на арене и случайно остается в живых; столь же, в общем, случайно, он становится предводителем восставших гладиаторов, ибо он мало чем отличается от других невежественных и темных рабов. История же рисует нам куда более возвышенный облик этого народного вождя античного мира... Мученический конец жизни на кресте воспринимается как логический апофеоз его мученической жизни. Такой Спартак достоин сочувствия, но не восхищения, он вызывает даже жалость, но отнюдь не преклонение»¹². Такое отношение, видимо, было связано с тем, что в Америке «Спартак» вызывал нежелательные ассоциации, и в ходу было сопоставление тирании Рима с тиранией «Кремля»¹³.

Действительно, несмотря на то что создатели картины хотели показать борьбу против угнетения, они в то же время явно старались соблюсти дистанцию от прославления активных способов борьбы. Поэтому в фильме показано чрезвычайно мало успехов повстанцев, а их сокрушительное поражение в последней битве наводит на мысль о бесполезности мятежей и восстаний¹⁴. Спартак в фильме является скорее пацифистом, чем борцом. Однако печальный финал картины не является пессимистичным – он дает надежду на то, что

в будущем люди избавятся от рабства и обретут свободу. Операторы фильма довольно часто фокусируются на показе детей в отряде восставших, как бы обозначая будущее их движения¹⁵.

Еще на одну грань образа экранного Спартака указывает кинокритик Д. Купер, отмечая, что Спартак Дугласа больше похож на патриархального главу племени бывших рабов, мечтающих вернуться на родину, чем на революционера, стремившегося изменить мир¹⁶. В фильме он делается фигурой Моисея¹⁷, «ведущего свой “народ” в сторону моря, которое они надеются пересечь на их пути к Земле Обетованной, месту, которое он никогда не увидит»¹⁸. И именно стремление Дугласа выразить свои сионистские убеждения заставили его изобразить Спартака как вождя массовой миграции рабов обратно в свои дома, а не как революционера, который пытался изменить мир. Кинокритик Паулина Кейль в этой связи замечает, что армия Спартака в фильме напоминает «гигантский кибуц в движении»¹⁹.

Но тематика, связанная с судьбой еврейского народа, этим не ограничивается. Уже в романе Г. Фаста одним из главных героев был гладиатор-иудей Давид; при работе над сценарием Д. Трамбо еще усилил эту линию, сделав Давида раввином и наставником Спартака. В дальнейшем эта линия была устранена, так как, по мнению С. Кубрика и К. Дугласа, Трамбо неверно понимал дух иудаизма и истории еврейского народа. Давид исчез из сценария, его место занял безымянный повстанец, а его характер был частично передан Спартаку²⁰.

Наконец, еще одним пластом образа Спартака в фильме являются христианские аллюзии. «Христом-искупителем восставших рабов» называл Спартака еще Дж. Гарibaldi; в фильме Кубрика христианские аллюзии несут важную смысловую нагрузку и как бы обрамляют киноповествование. Картина начинается следующими словами: «В I веке до н. э., накануне рождения новой религии христианства, которому было суждено сбросить языческую тиранию Рима и создать новое общество...» Завершается действие мученической смертью Спартака на кресте, которая также не может не вызывать определенных ассоциаций. Как отмечает М. Сирино, эта сцена несет явный отголосок двух важнейших христианских тем – Рождества и Страданий Христовых²¹.

Во второй половине XX в. интерес к античным сюжетам в кинематографе стремительно затухает, и вновь к Спартаку обращаются уже в XXI в. «Спартак» Роберта Дорнхельма (2004), как и фильм Кубрика, является экранизацией романа Г. Фаста и в целом гораздо ближе и к первоисточнику, и к исторической реальности. Рассказ о событиях того времени ведется от лица Варинии, жены Спартака и адресован их сыну. В центре повествования лежит идея свободы, и римляне здесь вновь выступают жестокими захватчиками, эту свободу отнимающими (правда, теперь никакого политического подтекста здесь нет). Практически

в самом конце фильма Антоний Агриппа говорит: «Я начал думать о том, почему кучка рабов чуть было не победила величайшую военную державу в мире? И знаешь, что я думаю? Я думаю, что вы сражались за свою свободу, за жизнь своих детей, за честь ваших женщин и за все, что есть хорошего в мире. А за что сражался Рим? За кнут и крест». Естественно, эти слова чисто публицистичны и содержат оценку событий с точки зрения современных западных ценностей.

Несомненно, фильм проникнут отрицанием рабства, идеей свободы, что в целом характерно для репрезентации восстания Спартака. Вождь движения здесь изображен также несколько идеализированным: для него неприемлема сама идея рабства, он не хочет поработать даже ненавистных ему римлян: «Рабство – это зло, оно превращает и рабов и их хозяев в животных», – говорит он. Знаменитая сцена «Я Спартак!», лишенная политического подтекста того времени, оказалась неуместной в новом фильме и заменена схожим по форме эпизодом, где каждый из участников встает и произносит: «Это мое решение!», выражая этим свое отношение к идее восстания и создания общества без рабства и «одного племени», без различия наций. Сам Спартак по ходу фильма очень часто размышляет, анализирует события, в общем, он гораздо более «интеллектуален» в сравнении с героем К. Дугласа. Актер же, играющий Спартака, скорее просто красив, чем мужествен, к тому же практически весь фильм он ходит довольно гладко выбритым и причесанным.

Нет в этом фильме и сложных подтекстов, связанных с иудаизмом и христианством, его смысловой ряд предельно упрощается. Давиду возвращено то место, которое он занимал у Г. Фаста, но в целом это заурядный персонаж, да и христианских аллюзий в фильме практически нет. Слабый намек на них можно усмотреть лишь в том, что весь фильм Спартака преследует встающая перед глазами картина отца, распятого римлянами. Сам Спартак погибает в бою, однако в самом начале фильма его привязывают к деревянным построениям, а сквозь изображение показывается фигура, прикованная к кресту, причем ассоциации она вызывает вовсе не с отцом Спартака (тем более, в начале фильма, когда его история не рассказана).

Вполне в современном духе заострена в этом фильме и гендерная тематика. Вариния не только предлагает: «Должно быть равенство между мужчинами и женщинами» (с чем соглашаются, впрочем, не все участники восстания), но и принимает активное участие в обсуждении планов сражений. Тем не менее ее главная роль в фильме, на наш взгляд, заключается в том, что она дарит будущее идеям свободы, рассказывая эту историю своему сыну, которого так же, как и отца, зовут Спартак.

Таким образом, данный фильм стоит как бы на перекрестке тенденций «старого кино о Риме» и новых прочтений его истории. Этот кинофильм прежде всего из-за литературной основы имеет

тесную связь с ранее созданным кинообразом Спартака, в чем-то осовременивая его, но, тем не менее, удерживаясь в общем русле сложившейся традиции. Следует также отметить, что особого внимания этот фильм не удостоился, довольно незаметно прошедший на телеэкранах, он вышел на DVD и получил несколько не особо положительных отзывов кинокритиков.

Гораздо больший интерес общественности вызвал телесериал «Спартак: Кровь и песок», вновь возвращающий внимание зрителей к известному историческому герою, однако делающий это в весьма специфической форме. Уже сам внешний облик «нового» Спартака лишен того героического обаяния, которое ему придавали со времен Джованьоли. Весь первый сезон сериала посвящен событиям, предвещающим само восстание: в тринадцати часовых сериях по большей части показываются жестокие бои гладиаторов. Созданный в духе таких фильмов, как «Город грехов» (2005), и особенно «300 спартанцев» (2006), в визуальном отношении он представляет собой нечто среднее между фильмом и компьютерной игрой, даже бои гладиаторов, как и в компьютерных играх, идут под современную рок-музыку. Создатели сериала чрезмерно увлекаются визуальными эффектами: нескончаемые то убыстренные, то, напротив, замедленные съемки, демонстрирующие, как правило, разлетающиеся части тела бойцов на арене, и особенно брызги крови, можно назвать «визитной карточкой» сериала. Плюс ко всему перечисленному сериал изобилует чрезвычайно откровенными сценами. Красноречивы и названия серий «Шлюха» (9 серия 1-й сезон), «Убей их всех» (13 заключительная 1-й сезон) и т. д. Русский фансайт сериала хвастается новостью: согласно рейтингу ресурса Funeral Wise безоговорочным лидером среди популярных американских сериалов по количеству убийств является телепроект «Спартак: Мечь» (2-й сезон), в каждой серии которого погибает в среднем до 25 человек²². На одном из англоязычных сайтов²³ данный сериал оценивается по нескольким параметрам в балловой системе от 0 до 5. Итак, среди критериев:

положительные послания (Positivemessages) – 0,
положительный пример для подражания (Positiverolemodels) – 0,
насилие (Violence) – 5,
секс (Sex) – 5,
язык (Language) (имеется в виду нецензурные выражения) – 5,
защита интересов потребителей (consumerism) – 0,
пьянство, наркотики и курение (drinking, drugs, & smoking) – 3.

При этом сериал, как видно даже из этого рейтинга, аморальный по своей сути, тем не менее, чрезвычайно популярен у зрителей: количество аудитории постоянно увеличивается, если

1-й сезон посмотрело более 1,2 млн человек, то первую серию 2 го сезона посмотрело уже около 4 млн человек²⁴. На известном сайте *imdb.com*, его общий рейтинг составляет 8.7 по десятибалльной шкале (96075 оценок), а по версии русского сайта *kinopoisk.ru* зрительский рейтинг составляет 8.4 (18439 оценок).

Еще Ж. Садуль отмечал, что «кино оказывает самое сильное влияние, когда оно представляет убедительным образом стандарты правильной жизни. Так, оно создает характеры, развивая справедливые идеалы и внушая хорошие принципы в форме увлекательных повествований»²⁵. Какие образы и какие стандарты могут привить подобные проекты, остается догадываться.

Наличие и, главное, успех сериала с подобной концепцией, говорит о тенденции к крайнему переносу внимания в историческом кино с политической или социально окрашенной проблематики в сторону откровенной развлекательности, причем не несущей по сути никакой идеи, кроме насилия. Создателями сериала, казалось бы, осуждается рабство и то, что римляне вынуждают людей сражаться на угоду толпе. Но сам факт того, что гладиаторские бои смакуются практически в течение всего сериала, вероятно, говорит об обратной позиции авторов нового «Спартак». Данный сериал в целом как изначально созданный без цели показать исторические события, конечно, не претендует на достоверность, он использует известное имя лишь с целью привлечения зрителей, каждый из которых непременно слышал о нем. Тем не менее сериал создает уже новый образ, и этот «Спартак» как и образы этого древнего героя, созданные ранее, является отражением современного ему мира.

Примечания

- 1 См.: Мишулин А. В. Спартаковское восстание. М., 1936. С. 79–80.
- 2 См.: Чиглицев Е. А. Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XXI вв. Казань, 2009. С. 196.
- 3 Театральная энциклопедия : в 5 т. Т. 1 / ред. С. С. Мокульский. М., 1961. С. 457. URL: <http://istoriya-teatra.ru/theatre/item/f00/s01/e0001190/index.shtml> (дата обращения: 08.06.2013).
- 4 См.: Чиглицев Е. А. Указ. соч. С. 205.
- 5 См.: Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 39. М. : Изд-во полит. лит., 1970. С. 77.

- 6 О деятельности Г. Фаста в рядах Компартии США см.: *Malamud M. Cold War Romans // Arion. Third Series. 2007. Vol. 14/3. P. 130–133.*
- 7 Юренев П. Н. Чудесное окно : Краткая история мирового кино. М., 1983. С. 133.
- 8 О позиции Д. Трамбо в эти годы подробнее см.: *Palmer T. Side of the Angels : Dalton Trumbo, the Hollywood Trade Press, and the Blacklist // Cinema Journal. 2005. Vol. 44/4. P. 57–74.*
- 9 См.: *Malamud M. Op. cit. P. 148.*
- 10 *Winkler M. The Holy Cause of Freedom : American Ideals in Spartacus // Spartacus : Film and History / ed. M. Winkler. Malden ; Oxford ; Carlton, 2007. P. 155, 165.*
- 11 *Соболев П. П. Голливуд. 60-годы. Очерки. М., 1975. С. 28.*
- 12 *Кукаркин А. В. Мифы западного кино. М., 1968. С. 36.*
- 13 *Wyke M. Projecting the Past : Ancient Rome, Cinema, and History. N. Y. ; L., 1997. P. 70.*
- 14 См. об этом: *Cooper D. L. Dalton Trumbo vs. Stanley Kubrick : Their Debate Over The Political Meaning of Spartacus // Spartacus : Film and History. P. 56–64.* Впрочем, часть вины за это лежит на студии Universal Pictures, которая, опасаясь негативных отзывов и низких сборов, потребовала удаления множества сцен, в которых армии восставших рабов одерживали победу над римлянами.
- 15 См.: *Cyrino M. S. Big screen Rome. Malden ; Oxford ; Carlton, 2005. P. 106.*
- 16 См.: *Cooper D. L. A second look : Spartacus // Cineaste. 1974. Vol. 6/3. P. 30.*
- 17 См.: *Wyke M. Op. cit. P. 69.*
- 18 *Malamud M. Ancient Rome and Modern America. Malden ; Oxford, 2009. P. 222.*
- 19 *Kael P. 5001 Nights At the Movies. N. Y., 1982. P. 547.*
- 20 Подробнее см.: *Abrams N. Becoming a Macho Mensch. Spartacus and 1950s Jewish Masculinity // The Journal Literature on Screen Studies. 2015. Vol. 8/3. P. 285–288.*
- 21 См.: *Cyrino M. S. Op. cit. P. 113.*
- 22 См.: URL: <http://krov-i-pesok.ru/news/more/nazvan-samyj-krovavyj-serial.html> (дата обращения: 08.06.2013).
- 23 См.: URL: <http://www.commonsemmedia.org/tv-reviews/spartacus-blood-and-sand> (дата обращения: 08.06.2013). Для сравнения: «Спартак» С. Кубрика получает там же: 3 за насилие, 3 за секс. Положительная сторона фильма почему-то не оценивается, остальные пункты – 0 баллов.
- 24 См.: URL: <http://krov-i-pesok.ru/news/more/rejting-premery-bolshe-4-millionov!.html> (дата обращения: 08.06.2013).
- 25 *Садуль Ж. Всеобщая история кино : в 6 т. М., 1963. Т. 6 : Кино в период войны. 1939–1945. С. 219.*

Образец для цитирования:

Колоколова Н. С. Спартак на дорогах свободы: герой, «Христос-искупитель восставших рабов», убийца // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 440–444. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-440-444>

Cite this article as:

Kolokolova N. S. Spartacus on the Roads of Freedom: a Hero, «Christ the Redeemer of Rebellious Slaves», a Murderer. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 440–444 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-440-444>

УДК 94(410)“09/10”

ЖЕНЩИНА КАК ПРАВОНАРУШИТЕЛЬНИЦА В АНГЛОСАКСОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ X–XI ВЕКОВ

И. И. Болдырева

Болдырева Ирина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарной подготовки, Воронежский государственный медицинский университет им. Н. Н. Бурденко, boldyrevairi@mail.ru

Статья посвящена изучению женских правонарушений в англосаксонском обществе X–XI вв. Проведенное исследование позволяет выявить перечень и характер проступков, ассоциировавшихся с представительницами «слабого» пола в позднесаксонском социуме, специфику мер взыскания, степень ответственности правонарушительницы за совершенные ею проступки. Новизна исследования обусловлена недостаточной изученностью затронутого аспекта правового статуса раннесредневековой женщины. В статье были использованы тексты законов поздних англосаксонских правителей: Этельстана, Этельреда II и Кнута, а также отдельных грамот, сохранивших информацию о правовых случаях с участием представительниц слабого пола как ответчиц.

Автор показывает, что в Англии рассматриваемого периода женщина считалась вполне дееспособным членом общества, несла ответственность за свое поведение и поступки. В правовых памятниках X–XI вв. перечень правонарушений, в которых женщина фигурирует как ответчица, включает как морально-нравственные проступки, так и уголовные преступления: воровство, прелюбодеяние, поспешное вступление вдовы в новый брак, просрочку с выплатой посмертного побора после кончины супруга. Особо тяжким преступлением считалось колдовство. В зависимости от преступления по отношению к правонарушительнице применялись такие меры, как денежное взыскание, конфискация имущества, телесные наказания, смертная казнь. Анализ позднесаксонских законов, осуждающих воровство и прелюбодеяние, подтверждает, что для представителей разных полов наказание за один и тот же проступок и способы приведения приговора в исполнение могли различаться. В частности, законы Этельстана о воровстве позволяют выявить способы казни, традиционные для женщин того времени. Мужская и женская супружеская неверность воспринималась англосаксами как проступки, не одинаковые по характеру и степени тяжести, что обуславливало особую суровость мер по отношению к жене.

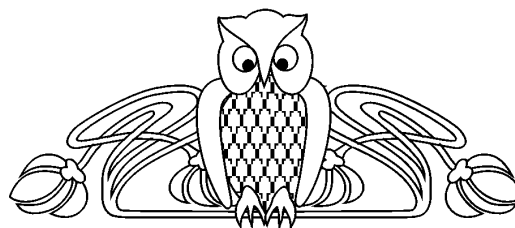
Ключевые слова: женщина в раннее Средневековье, англосаксонское право, правонарушение, законы Этельстана, законодательство Этельреда II, законы Кнута.

Woman as Offender in the Anglo-Saxon Society of X–XI Centuries

I. I. Boldyreva

Irina I. Boldyreva, <https://orcid.org/0000-0001-6708-7268>, Voronezh State Medical University, 10, Studencheskaya Str., Voronezh, 394036, Russia, boldyrevairi@mail.ru

The paper examines women's crimes and their representation in X–XI century Anglo-Saxon society. The problem statement is determined

by lack of research works considering this aspect of Old English woman's legal position. Based on the evidence of Late Saxon law codes, issued by Aethelstan, Aethelred II and Cnut as well as some charters that contain information about legal cases with a woman-offender, the current study allows us to draw the list of misdeeds, associated with women, and define the sanctions' specificity and the extent of women's liability to their misdeeds.

It is shown that in Late Saxon England a woman was looked at as a fairly competent member of society, responsible for her behaviour and misdoings. The list of misdeeds, which specially discuss women's legal responsibility, is relatively short and contains criminal offences alongside with those of moral nature. Among these are thefts, adultery, too hasty marriage of a widow, woman's delayed payment of *heriot* following the death of her husband. Engaging in sorcery was considered one of the grievous crimes. Depending on the nature of her misdeed in X–XI century England a woman-offender could be fined, forced to make amends, deprived of her property, committed to corporal punishment or sentenced to death. Legal sanctions and execution of judgment for the same misdeeds could vary based on the offender's gender. Gender specificity of the punishment is most explicitly illustrated by Late Saxon laws against adultery and theft which provide traditional types of death penalty for women and distinguish between sanctions for men's and women's infidelity.

Key words: woman in the early Middle Ages, Anglo-Saxon law, legal offence, laws of Aethelstan, laws of Aethelred II, laws of Cnut.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-445-450>

Еще раннее уэссекское законодательство признавало за женщиной роль активного субъекта права, возлагая на нее ответственность за отдельные проступки и предоставляя возможность принесения очистительной присяги. В X–XI вв. законодательные памятники по-прежнему остаются основным источником наших знаний о том, в каких преступлениях могла быть замешана раннесредневековая женщина и какое наказание могло за этим последовать.

По сравнению со своими предшественниками позднесаксонские правители проявляли достаточно интенсивную кодификаторскую активность. С начала X в. до середины XI в. в Англии был составлен целый ряд королевских судебных кодексов. Из них два принадлежат Эдуарду Старшему (899/901–924), шесть приходятся на правление Этельстана (924–939). В разное время по несколько кодексов издают Эдмунд I (939–946), Эдгар (959–975), Этельред II (978–1013 и 1014–1016) и датский завоеватель Англии Кнут (1016–1035).

В позднесаксонском и англо-датском законодательстве представительницы «слабого» пола фигурируют чаще, чем в более ранних судебных кодексах. Однако если учитывать расширение общего

корпуса законодательно-нормативных источников в X–XI вв., это наблюдение окажется весьма отнесенным. В законодательстве Эдуарда Старшего и Эдгара женщины не упоминаются вообще. В кодексах Этельстана и Эдмунда их упоминания единичны. Лишь шестой кодекс Этельреда II и второй кодекс Кнута демонстрируют некоторую системность организации титулов, освещающих отдельные аспекты правового статуса представительниц ряда социальных категорий. Проблематика этих титулов во многом остается схожей с контекстом, в котором женщины присутствуют в англосаксонском законодательстве предшествующих столетий¹. Главным образом, это статьи, посвященные имущественному и правовому положению вдов, выдачи замуж девиц, проступкам морально-нравственного характера, в том числе оскорблению вдов и монахинь. Реже женщины фигурируют в контексте уголовных правонарушений, примеры чему можно обнаружить в законодательстве Этельстана и Кнута.

Перечень проступков, отдельно оговаривающих ответственность женщины, в памятниках англосаксонского права X–XI вв. весьма невелик. Сюда входят воровство, соучастие в краже, совершенной мужем, колдовство, прелюбодеяние, поспешное вступление вдовы в новый брак.

Одно из первых упоминаний представительниц слабого пола позднесаксонскими правовыми текстами мы находим в четвертом кодексе короля Этельстана. Благодаря предписанию смертной казни за широкий перечень правонарушений законодательство этого правителя снизило репутацию одного из наиболее жестких в раннесредневековый период². Особое внимание в его судебных актах уделяется воровству, которое, по всей видимости, создавало серьезную угрозу общественному порядку. За этот проступок законы Этельстана предусматривали высшую меру наказания вне зависимости от пола и социального статуса провинившегося. Согласно его четвертому кодексу, никто из виновных в воровстве «ни каким образом не считается достойным жизни... будь то свободный или раб, знатный или простолюдин, а если это женщина, будь она госпожа или служанка»³.

Из дальнейшего текста титула следует, что для мужчин и женщин способы приведения приговора в исполнение различались. Не считая необходимым разъяснять, как следовало поступить с представителями «сильного» пола, в отношении воровки, чья вина была доказана, законодательство предписывало совершенно конкретные меры: ее сбрасывали со скалы или топили⁴.

Наиболее распространенной казнью в то время было повешение или отсечение головы, засвидетельствованное археологическим материалом⁵. Отдельные правовые казусы, оставившие след в англосаксонских грамотах середины X в., дают основание предположить, что для женщин утопление являлось традиционным способом

казни, шла ли речь о воровстве или каком-либо другом серьезном проступке. Например, одна из грамот, составленных в правление Эдгара, упоминает вдову – владелицу поместья в Эйлсворте (Нортгемптоншир), сброшенную с лондонского моста по обвинению в чародействе⁶.

Достаточно подробно четвертый кодекс Этельстана описывает способы казни представителей зависимого населения, в том числе женщин, совершивших кражу. Провинившихся рабов побивали камнями, рабыням предстояла смерть через сожжение на костре. Интересно, что и в том и в другом случаях непосредственные исполнители приговора подбирались по социальному и гендерному признакам. Они же должны были компенсировать господину потерю рабочих рук:

«Если раб окажется [вором], пусть придет шестьдесят и двадцать рабов и поьют его камнями. Если кто-либо трижды промахнется, то сам трижды будет высечен.

А когда совершивший кражу раб будет мертв, каждый из этих рабов должен уплатить его господину по три пенса.

Если же служанка-рабыня украдет где-либо помимо своего господина или своей госпожи, пусть придет шестьдесят и двадцать рабынь и каждая принесет по три полена, и сожгут эту рабыню, и соберут столько же пенсов, сколько должны уплатить рабы, либо подвергнуться бичеванию, как сказано о рабах»⁷.

Насколько часто выносились подобные приговоры, сказать сложно. В англосаксонских грамотах и нарративе высшая мера наказания фигурирует всего несколько раз, а прецедент с эйлсвортской вдовой является единственным упоминанием о казни представительницы «слабого» пола в англосаксонский период. Кроме того, позднее законодательство Этельстана демонстрирует смягчение этой нормы, ту же тенденцию сохраняют законы его преемников⁸.

В шестом кодексе Этельстана представительница «слабого» пола появляется еще в одном качестве – как жена человека, казненного за кражу. Этот титул упоминает женщину с целью разъяснить, как надлежало поступить с имуществом осужденного. При условии непричастности к преступлению она получала право на треть состояния мужа, остальные две трети забирали его близкие и король⁹.

В более раннем законодательстве западно-саксонского правителя Ине (688–725), а также во втором кодексе Кнута присутствуют похожие титулы. Однако они имеют другую логическую структуру. В центре их внимания – не проблема раздела имущества, а вопрос о виновности или невиновности жены. Судебник короля Ине упоминает женщину как соучастницу преступления. Чтобы доказать свою невиновность, жена принесшего в дом чужое должна была присягнуть, что не пользовалась украденным. В том же титуле

говорится, что жена была обязана повиноваться супругу¹⁰. Закон был благосклонен к ней, так как полноправной хозяйкой дома она не являлась.

Спустя почти триста лет, в правление короля Кнута, присяги в подобных случаях было недостаточно. У женщины в доме мужа появились помещения, за которые она несла ответственность. Если украденное было обнаружено в сундуках и комнате, от которой она хранила ключи, ее причастность к преступлению считалась доказанной¹¹.

Широко распространенным наказанием за различного рода проступки в англосаксонском обществе была выплата правонарушителем компенсации или штрафа. О том, что в поздний англосаксонский период на представительницу «слабого» пола могли налагаться денежные взыскания, свидетельствует анонимный документ под названием *Be wifmannes beweddunge* (рубеж X–XI вв.). Согласно одному из его титулов, даже замужняя женщина, жившая вдали от родного дома, могла рассчитывать на помощь родственников, если совершала правонарушение и не имела, чем заплатить¹². Характер проступков документ не уточняет, однако, вероятнее всего здесь имеются в виду уголовные или мелкие административные правонарушения. Пример одного из них фигурирует в семьдесят третьем титуле второго кодекса короля Кнута, где говорится о просрочке вдовы с выплатой посмертного побора (*heriot*)¹³. В раннесредневековой Англии *heriot* представлял собой разновидность налога, которым облагались представители знати, составившие завещание. Он выплачивался королю после смерти завещателя и мог включать в себя определенное количество золота, оружия и доспехов¹⁴. Согласно законам Кнута, выплата *heriota* считалась обязанностью вдовы покойного. Если спустя год после смерти мужа она не привозила *heriot* королю, на нее налагался штраф¹⁵.

Особое правонарушение, занимавшее пограничное положение между уголовными преступлениями, такими как воровство и проступками морально-нравственного характера, представляет собой колдовство. Еще в прологе к законам короля Альфреда (рубеж 80–90-х гг. IX в.) говорилось, что женщины, имеющие обычай принимать у себя заклинателей и ворожей, не заслуживают права на жизнь¹⁶. Очевидно, у кодификаторов конца IX в. покровительство магическим практикам ассоциировалось, в первую очередь, с представительницами «слабого» пола. В сочинениях известного проповедника рубежа X–XI вв. аббата Элфрика Эншемского также приводятся примеры женской ворожбы¹⁷. Однако четких ассоциаций между магическим искусством и женщинами в англосаксонский период еще не сложилось. Титулы судебных кодексов X–XI вв., осуждающие колдовство, редко уточняют пол провинившегося. Второй кодекс Этельстана, предписывавший смертную казнь за этот про-

ступок в случае смерти жертвы, не является исключением¹⁸. По всей видимости, наказание за колдовство у англосаксов встречалось нечасто, поскольку в документах той эпохи фигурирует всего один раз. Речь идет об уже упоминавшемся деле эйлсвортской вдовы.

Единственный англосаксонский документ, сообщающий о казни ведьмы, был составлен в правление Эдгара и представляет собой запись земельного обмена между епископом Винчестера Этельвольдом и неким Вульфстаном Уккой. Одно из поместий в Эйлсворте, ставшее предметом обмена, отец Вульфстана Элфси(г) получил после того, как его прежних владельцев мать и сына уличили в чародействе. Если верить грамоте, они использовали магические иглы и куклу с целью нанесения вреда Элфсигу. Когда вредоносные «инструменты» были обнаружены в комнате вдовы, она была схвачена и утоплена у Лондонского моста. Сын женщины успел скрыться и оказался вне закона. Эйлсвортское поместье перешло в собственность короля, который спустя некоторое время пожаловал его Элфсигу¹⁹. Одна из грамот архива Питерборо, действительно, сохранила сведения о пожаловании в 948 г. дядей Эдгара королем Эадредом трех гайд земли в Эйлсворте человеку по имени Элфсиг²⁰. При жизни прежней владелицы эти земли, видимо, являлись спорными, а конфликт разразился несколькими годами ранее.

Интересно, что в целом, рассказывая довольно лаконично о самом происшествии, документ обращает внимание на характер древних языческих практик, ставших причиной сурового приговора и конфискации собственности. Судя по покаянным книгам, использование ритуальных игл и куклы получило распространение у англосаксов еще в прежние столетия. Пенитенциалии Экберга (ок. 740 г.) предписывали за этот проступок трехлетний пост²¹. В «Канонах короля Эдгара» (начало XI в.) эта мера повторялась²².

Нам не известны все обстоятельства конфликта между Элфсигом и эйлсвортской вдовой, а в равной степени и обстоятельства судебного разбирательства. Некоторые исследователи считают предвзятым столь жесткий приговор, указывая на отсутствие в англосаксонских законодательных текстах и пенитенциалиях прямого упоминания о смертной казни за колдовство²³. Очевидно лишь, что этот проступок считался одним из наиболее тяжких, а королевские кодексы той эпохи не имели абсолютного авторитета в ходе судебного процесса²⁴.

Титулы англосаксонских судебных кодексов X–XI вв. упоминают ворожей в одном ряду с другими правонарушителями, чьи преступления, по мнению кодификаторов, имели одинаковую степень тяжести:

«Если ворожей или колдунов, тех, кто тайно замышляет смерть или *horcwenan* кто-либо

встретит в этой стране, пусть их выдворят из этой земли, или же они будут здесь полностью уничтожены, если не удалятся от беззакония и не принесут должного покаяния»²⁵.

В этом перечне обращает на себя внимание существительное женского рода *horcwenan* (ед. ч. – *horcwenē*). Помимо нескольких титулов законодательства Этельреда и Кнута, составленных архиепископом Вульфстаном Йоркским, слово *horcwenan* больше нигде не появляется²⁶, что создает определенные сложности понимания его семантики. По мнению ряда исследователей, *horcwenan* относится к представительницам древнейшей профессии, которые в англосаксонских источниках также именуется *portcwenan*²⁷. Кристин Фелл считает, что судебники используют *horcwenan* в более общем значении, подразумеваемая не ремесло блудницы (*prostitution*), а распущенность (*promiscuity*), связанную с влиянием скандинавских языческих обычаев, о которых сетовал в своих проповедях Вульфстан²⁸. Согласно другому мнению, *horcwenē*, имеющее скандинавские корни, следует переводить как прелюбодейка (*adulteress*)²⁹.

Этот вариант перевода достаточно спорен, если учитывать, что за супружескую неверность второй кодекс Кнута предписывал жене совершенно другое наказание. В частности, провинившаяся подвергалась публичному порицанию и обезображиванию, а мужу доставалось все ее имущество:

«И ни одна женщина, да не совершит прелюбодейства. Если при жизни мужа женщина прелюбодействует с другим мужчиной и это откроется, она навлечет на себя позор, ее законный муж получит все, чем она владела, а она лишится носа и ушей»³⁰.

Характерно, что наказание за измену мужа тот же судебник ограничивал выплатой компенсации³¹. В сознании кодификатора неверная жена не просто совершала грех, противоречащий нормам общественной морали, но нарушала «права» мужа, который считался пострадавшей стороной. Нанесение увечий, по всей видимости, имело своей целью «воспитательный» эффект и должно было удерживать других женщин от подобных проступков.

Обезображивание лица за серьезные правонарушения уголовного или морально-нравственного характера, практиковавшееся в Средневековье, получило распространение еще в Древнем Египте и Передней Азии³². Книга пророка Иезекииля упоминает это наказание применительно к блуднице Оголиве, символически изображающей отступивший от Бога Иерусалим (Иез. 23:25). При королях Эдгаре и Кнуте тяжелые телесные увечья, в том числе отсечение конечностей, ампутация носа и ступней, полагались за воровство, ограбление, принесение ложной присяги, чеканку фальшивых монет и повторное совершение тяжких преступлений³³. «Англосаксонская хроника» упоминает отсечение

носа и ушей единственный раз, применительно к событиям 1014 г., когда Кнут во время военной кампании против короля Этельреда распорядился наказать английских заложников Свейна Вилбородого³⁴.

Более ранние англосаксонские судебники о наказании женщины за прелюбодейание не сообщают, однако из актового материала известно, что оно могло включать конфискацию имущества³⁵. К. Ф. Савело связывала ужесточение брачного законодательства в поздний англосаксонский период с растущим влиянием христианской церкви³⁶. С. Холлис, напротив, объясняет эту тенденцию распространением скандинавских обычаев³⁷.

Применение телесных наказаний к женщине, совершившей прелюбодейание, находит отражение в обычном праве многих раннесредневековых обществ. Закон бургундов (конец V в.), записанный при Гундобаде, карал смертью совершивших этот проступок³⁸. Вестготская правда (VII в.) предусматривала выдачу женщины и ее соблазнителя законному мужу, которому предстояло определить их судьбу³⁹. Англосаксонский миссионер св. Уинфред Бонифаций (VIII в.), некоторое время проживший среди континентальных саксов, писал, что женщину, виновную в прелюбодейании, они проводят по деревне, обнажив до пояса, избивая палками и нанося удары ножами. Во время этой процессии каждый имеет право поглумиться над «преступницей», которую изувеченной и окровавленной заводят в каждый дом, иногда забивая до смерти⁴⁰. Сам факт того, что Бонифаций рассказывает об этом в подробностях, свидетельствует, скорее, об отсутствии, нежели о распространении подобных обычаев у него на родине.

Особое отношение раннесредневекового общества к женскому целомудию также находит отражение в титулах англосаксонских законов, регламентирующих поведение вдовы. Согласно законодательству Этельреда, лишь спустя год после смерти мужа вдова получала право вступить в новый брак⁴¹. Законы Кнута разъясняют меры, которые могли последовать, если женщина связывала себя новыми супружескими узами ранее дозволенного срока. Она теряла свой утренний дар, а также все имущество, которое приобрела, живя с прежним супругом⁴². Эта мера оставалась действительной, даже если вдова выходила замуж по принуждению, за исключением тех случаев, когда она покидала нового мужа и возвращалась домой⁴³. В определенной степени эта норма свидетельствует о признании ответственности женщины за свою жизнь и безопасность.

Подводя итоги, отметим, что за немногим исключением женщина упоминается англосаксонскими кодексами как ответчица лишь в том случае, если характер преступления или меры взыскания имели гендерную специфику. Наряду с морально-нравственными проступками в этот

перечень входили отдельные уголовные преступления, например, воровство. В Англии X – начала XI в. по отношению к женщине, нарушившей закон, могли применяться такие меры, как штраф, выплата компенсации, конфискация имущества, телесные наказания, в том числе смертная казнь.

Несмотря на то что законодательство и актовый материал той эпохи не сохраняют всей полноты существовавшей правовой практики, рассмотренные титулы и грамоты являются ценными экскурсами в историю раннесредневековой повседневности и приоткрывают важные особенности восприятия женщины как субъекта права ее современниками.

В позднем англосаксонском обществе представительница «слабого» пола считалась вполне дееспособной и несла ответственность за свое поведение и поступки. Статус правонарушительницы был часто связан с ее семейным положением. Большинство женских проступков, фигурирующих в судебных документах, предполагают, что ответчица является чьей-то женой (прелюбодеяние, соучастие в краже, совершенной мужем) или вдовой (поспешное вступление в новый брак, просрочка с выплатой *heriota*).

Позднесаксонские законы о воровстве и прелюбодеянии подтверждают, что наказание за один и тот же проступок и даже способы приведения приговора в исполнение могли различаться в зависимости от пола правонарушителя. В частности, утопление, сбрасывание со скалы и сожжение на костре за воровство или колдовство, фигурирующие в правовых памятниках в отношении представительниц «слабого» пола, иллюстрируют традиционные способы казни английских женщин в X веке. Одним из наиболее тяжких преступлений в позднем англосаксонском обществе считалось прелюбодеяние, совершенное женщиной. Раннесредневековое общество по-особому относилось к женскому целомудрию. Кроме того, муж являлся господином и опекуном своей жены. А потому женская и мужская неверность воспринималась как проступки, имевшие не только различную степень тяжести, но и различный характер, что и обуславливало особую жесткость мер по отношению к провинившейся.

Примечания

- 1 См.: О положении англосаксонских женщин VII–IX вв. и об особенностях их репрезентации в законодательных памятниках того времени см.: Болдырева И. И. Положение женщины в кентском обществе VII века // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 207–219; Она же. Правовое положение женщины в Уэссексе VII–IX веков // Научный диалог. 2016. № 4 (52). С. 182–193.
- 2 Жесткость законов Этельстана отмечает Э. Рабин (см.: Rabin A. Capital Punishment and the Anglo-Saxon Judicial Apparatus: A Maximum View? // Capital and Corporal Punishment in Anglo-Saxon England / eds. J. P. Gates, N. Marafioti. Woodbridge, 2014. P. 185–186, 188–193), а также Дж. П. Гейтс и Н. Марафиоти (см.: Gates J. P., Marafioti N. Introduction. Capital and Corporal Punishment in Anglo-Saxon England // Ibid. P. 3, 12).
- 3 «nullo modo vita dignus habeatur... sit liber, sit servus, sit comitum, sit villanorum, sit domina, sit pedissequa» (IV Aethelstan, 6 // Die Gesetze der Angelsachsen / Hrgs. F. Liebermann. Halle, 1903. Bd. I. S. 172). Все ссылки на законы англосаксонских королей приводятся по данному изданию. Перевод англосаксонских законов на русский язык здесь и далее наш.
- 4 «Si libera mulier sit, praecepitetur de clivo vel submergatur» (IV Aethelstan, 6.4).
- 5 См.: Buckberry J. Osteological Evidence of Corporal and Capital Punishment in Later Anglo-Saxon England // Capital and Corporal Punishment... P. 131–148.
- 6 См.: Anglo-Saxon Charters / ed. by A. J. Robertson. Cambridge, 1956. №. 37. P. 68–69.
- 7 «Si seruus homo sit, eant sexaginta et uiginti serui et lapident eum. Et si colpus alicui fallat ter, uerberetur et ipse ter. Tunc! quando furatus seruus mortuus fuerit, reddat unusquisque seruorum illorum tres denarius domino suo. Si serua ancilla sit et ipsa furetur alicubi preterquam domino suo et domine suae, adeant il sexaginta et uiginti ancille et afferant singule tria ligna et comburant eam unam ancillam et conferant I totidem denarios, quot serui deberent, aut uerbereatur, sicut de seruis dictum est» (IV Aethelstan, 6.5–7).
- 8 Некоторые исследователи, на наш взгляд, небезосновательно связывают эти перемены с влиянием церковных иерархов на политику правителей Англии того времени: Marafioti N. Punishing Bodies and Saving Souls: Capital and Corporal Punishment in Late Anglo-Saxon England // Haskins Society Journal. 2008. Vol. 20. P. 39–57; Rabin A. Capital Punishment and the Anglo-Saxon Judicial Apparatus. P. 190–193.
- 9 VI Aethelstan, 1.1.
- 10 «hio sceal hire ealdore hieran» (Ine, 57).
- 11 «7 butan hit under þæs wifes Cæglocan gebroht wære, si heo claene. Ac þære cægean heo sceal weardian, þæt is hyre hordern 7 hyre cyste cæge [7 hire tægan]: gyf hit under ðyssa ænigum gebroht byð, ðone bið heo scyldig. And ne mæg nan wif hire bundan forbeodan, þæt he ne mote into his cotan gelegian þæt þæt he wile» (II Cnut, 76.1).
- 12 «Gyf hy man ðonne ut of lande lædan wille on oðres ðegenes land, ðonne bið hire ræd, þæt frynd ða forword habban, þæt hire man nan woh to ne do, and gif heo gylt gewyrce, þæt hy moton beon bote hyst, gif heo næfþ, of hwam heo bête» (Be wifmannes beweddunge, 7 // Die Gesetze der Angelsachsen. S. 442).
- 13 См.: II Cnut, 73.4.
- 14 См.: Tollerton L. Wills and Will-Making in Anglo-Saxon England. York, 2011. P. 190–194.
- 15 См.: Cnut, 73.4.
- 16 «þa fæmnan þe gewuniaþ anfon galdorcraeftigan 7 scinlæcan 7 wiccan, ne læt þu þa libban» (Aelfred. Prol., 30).
- 17 См.: Ælfric's Lives of Saints: in 2 vols. / ed. by W. W. Skeat. L., 1881. Vol. I. P. 370–375.

- 18 «Ond we cwædon be þam wiccecræftum 7 be liblacum 7 be morðdedum, gif mon þær acweald wære, 7 he his ætsacan ne mihte, þæt he beo his feores scyldig» (II Aethelstan, 6).
- 19 Anglo-Saxon Charters / ed. by A. J. Robertson. №. 37. P. 68–69.
- 20 См.: Cartularium Saxonicum : Collection of Charters Relating to Anglo-Saxon History : in 3 vols. / ed. W. de Gray Birch. L., 1893. Vol. III, №. 871. P. 17–19.
- 21 См.: «Gif hwa drife stacan on cænigne man. fæste III gear... 7 gif se man for þære stacunge dead biþ. þonne fæste he VII gear...» (Pœnitentiale Ecgberti Archiepiscopi Eboracensis, IV, 17 // Ancient Laws and Institutes of England : in 2 vols / ed. B. Thorpe. L., 1840. Vol. II. P. 208.).
- 22 См.: Canons enacted under King Edgar. Modus imponendi pœnitentiam, 38 // Ibid. P. 274.
- 23 См. комментарии Эндрю Рабина, который не исключает, что обвинение было надуманным, а Элфсига интересовала земля женщины : *Rabin A.* Anglo-Saxon Women before the Law : A Student Edition of Five Old English Lawsuits // Old English Newsletter. 2008. Vol. 41. P. 43–44. По мнению Рольфа Бреммера, прибегая к магическим практикам, эйлсвортская вдова пыталась защищать свои интересы (см.: *Rolf H. B. J.* Widows in Anglo-Saxon England // Between Poverty and the Pyre : Moments in the History of Widowhood / eds. J. Bremmer, L. Bosh van den. L. ; N. Y., 1995. P. 69).
- 24 Проблема соотношения буквы закона и реальной правовой практики в англосаксонский период до сих пор является дискуссионной. См.: *Rabin A.* Capital Punishment and the Anglo-Saxon Judicial Apparatus. P. 184–185 ; *Wormald P.* The Making of English Law : King Alfred to the Twelfth Century. Oxford, 1999. Vol. I. P. 264.
- 25 «Gyf wiccan oððe wigeleres, morðwyrhtan oððe horcwéonan ahwar on lande wurðon agytene, fyse hi man georne ut of ðissan earde, oððe on earde forfare hi mid ealle, buton hi geswican 7 ðe deoppor gebétan» (II Cnut 4a).
- 26 Титул 4 второго кодекса Кнута является повторением с небольшими сокращениями титула 7 шестого кодекса Этельреда (VI Aethelred, 7). В «Договоре Эдуарда и Гутрума» *horcwenan* предписано то же наказание вместе с виновными в клятвopеступлении (*mansworan*) и убийстве (*morðwyrhtan*) (Edward and Guthrum, 11). Несмотря на название, этот документ вряд ли имеет отношение к Эдуарду Старшему и был составлен лишь в начале XI в. предположительно архиепископом Йорка Вульфстаном. См.: *Whitlock D.* Wulfstan and So-Called Laws of Edward and Guthrum // English Historical Review. 1941. Vol. 56, № 221. P. 1–21 ; *idem.* Wulfstan's Authorship of Cnut's Laws // English Historical Review. 1955. Vol. 70. P. 72–85.
- 27 См.: *Colman J.* Lexicology and Medieval Prostitution // Lexis and Texts in Early English. Studies Presented to Jane Roberts / eds. Ch. J. Kay, L. M. Sylvester. Amsterdam, 2001. P. 70 ; *Richards M. P., Stanfield B. J.* Concepts of Anglo-Saxon Women in the Laws // New Readings on Women in Old English Literature / eds. H. Damico, A. H. Olsen. Bloomington, 1990. P. 92.
- 28 *Fell C.* Women in Anglo-Saxon England. Oxford, 1987. P. 66.
- 29 *Pons-Sanz S. M.* Norse-Derived Vocabulary in Old English Texts. Wulfstan's Works, a Case Study. Odense, 2007. P. 62.
- 30 «Ðæt nan wif heo ne forlicgge. Gyf be cwicum ceorle wif hig be oðrum were forlicge, 7 hit open wyrðe, gewyrðe heo to woruldseame syððan hyre sylfre, 7 hæbbe se rihtwere eall þæt heo age ; 7 heo ðonne ðolie ægðer ge nosu ge ða earan» (II Cnut, 53).
- 31 См.: II Cnut, 50.
- 32 См.: *Skinner P.* The Gendered Nose and its Lack. Medieval Nose-Cutting and its Modern Manifestations // Journal of Woman's History. 2014. Vol. 26. № 1. P. 45–67 ; *Webb W. J.* Corporal Punishment in the Bible. Downers Grove, Illinois, 2011. P. 103–107.
- 33 См.: II Cnut, 8.1–2 ; 30.4–5 ; 36 ; *Wormald P.* Op. cit. P. 125–127.
- 34 См.: The Anglo-Saxon Chronicle / ed. by M. Swanton. N. Y., 1998. P. 145.
- 35 Так, К. Фелл приводит два казуса, связанных с потерей имущества из-за супружеской измены. Интересно, что один из них касается представителя сильного пола – тена по имени Альфред, который лишился поместья из-за того, что оставил жену (*Fell C.* Op. cit. P. 64).
- 36 *Савело К. Ф.* Раннефеодальная Англия. Л., 1977. С. 137.
- 37 *Hollis S.* Anglo-Saxon Women and the Church. Woodbridge, 1992. P. 65, n. 78.
- 38 Liber Constitutionum sive Lex Gundobada, 68 // Monumenta Germaniae Historica. Legum Sectio I. Legum Nationum Germanicarum. T. II. P. I. / ed. L. R. de Salis. Hannoverae, 1892. P. 95.
- 39 Lex Visigothorum, III, 4.1–4 // Monumenta Germaniae Historica. Legum Sectio I. Legum Nationum Germanicarum. T. I. Hannoverae ; Lipsiae, 1902. P. 147–149.
- 40 См.: The Anglo-Saxon Missionaries in Germany / ed. C. H. Talbot. N. Y., 1954. P. 123.
- 41 V Aethelred, 21–21.1. Во втором кодексе Кнута эта норма повторялась : II Cnut, 73.
- 42 «And gif heo binnan geares fæce wer geceose, þonne þolige heo þære morgengyfe and ealra þæra æhta, þe heo þurh ærran wer hæfde ; and fon þa nehstan frynd to ðam landan and to þan æhtan, þe heo ær hæfde» (II Cnut, 73a).
- 43 II Cnut, 73.2.

Образец для цитирования:

Болдырева И. И. Женщина как правонарушительница в англосаксонском обществе X–XI веков // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 445–450. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-445-450>

Cite this article as:

Boldyreva I. I. Woman as Offender in the Anglo-Saxon Society of 10th–11th Centuries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 445–450 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-445-450>

УДК 94(4/9)

ГВЕЛЬФИЗМ КАК ОСНОВА КОММУНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на примере Флоренции XIV–XV веков)

И. А. Краснова

Краснова Ирина Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, goward@mail.ru

Статья посвящена проблеме значения гвельфизма как элемента идеологии в коммунальном обществе Флоренции XIV–XV вв. Гвельфизм рассматривается как комплекс коллективных установок флорентийских граждан, выражающих их идентичность с церковью и католическим правоверием, с одной стороны, а также с коммуной Флоренции, с другой. На примере аутентичных высказываний представителей городского социума показано значение гвельфизма как важнейшего регулятора внутри- и внешнеполитических процессов в сознании горожан, как основного принципа единства и сплоченности флорентийской коммуны: «Мы – гвельфы!». В статье ставится проблема отсутствия тождества между партией гвельфов как властным институтом города-государства и гвельфизмом, формирующим на повседневном уровне совокупность представлений о коммунальной идентичности, включая и устойчивые образы исторической памяти.

Ключевые слова: гвельфизм, гибеллинизм, партия гвельфов, флорентийское общество, город-коммуна.

Guelphism as the Basis of Communal Identity (on the Example of Florence of XIV–XV Centuries)

I. A. Krasnova

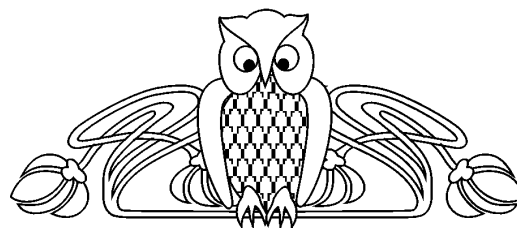
Irina A. Krasnova, <https://orcid.org/0000-0003-4951-6609>, North-Caucasus Federal University, 1, Pushkin Str., Stavropol, 355009, Russia, goward@mail.ru

The article is devoted to the problem of importance of Guelphism as an element of ideology in the communal society of Florence in the 14th-15th centuries. Guelphism is viewed upon as a complex of collective attitudes of Florentine citizens, expressing their identity with the church and Catholic faith, on the one hand, and with the commune of Florence, on the other. On the example of authentic statements of the urban society representatives, the value of Guelphism as the most important regulator of internal and external political processes in the minds of the citizens as the main principle of unity and cohesion of the Florentine commune is shown: "We are the Guelphs!" The article poses the problem of the lack of identity between the Guelph party as the authoritative institution of the city-state and Guelphism, which formed on a daily basis a set of representations about communal identity, including stable images of historical memory.

Key words: guelphism, ghibellinism, Guelph party, Florentine society, city-commune.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-451-457>

Флорентийская республика в отличие, например, от Милана, где ориентация часто меня-

лась в зависимости от сменяющей одну за другой партийности правящих фамилий или лиц, с 1267 г. твердо придерживалась гвельфской идеи, а партия гвельфов, переставшая существовать в городе на Арно только в 1768 г., оказалась самой долговечной из всех коммунальных структур. Однако следует сразу в некоторой степени развести понятия «гвельфская партия» и «гвельфизм». Партия гвельфов переживала разные этапы за время своего господства в городе на Арно. С 1267 по 1358 г. постоянно возрастали ее могущество и авторитет, достигнув апогея в 1358 г., когда капитаны партии добились принятия закона о том, что партийные руководящие структуры могут автономно, без вмешательства коммунальных органов управления любого гражданина заподозрить или обвинить в гибеллинизме. Диктаторские тенденции в деятельности партии продолжались и усиливались до 1378 г., но вместе с этим крепла оппозиция в отношении «архигвельфов», заправил в руководстве партии, которых более всего обвиняли в репрессивных санкциях против граждан. Противостояние архигвельфов и общества привело к социальным потрясениям, известным как «восстание чомпи», и установлению режима «тощего народа» (1378–1382), а лидеры партии были высланы или казнены. В 1382 г. вследствие нового государственного переворота оставшиеся архигвельфы вернулись в город, но партия больше не добилась того объема политической власти, какой имела с 1358 по 1378 г., хотя по-прежнему оставалась одной из важнейших и влиятельных структур во Флоренции. Столь пространный вводная часть понадобилась, чтобы констатировать, что на всех этапах граждане всегда считали себя гвельфами, и неизменно оставались преданны идеям гвельфизма.

Такая верность гвельфским традициям – притом, что отношение к партии, несомненно, менялось в представлениях граждан, но лозунг «Мы – гвельфы!» оставался постоянным на протяжении, по крайней мере, 200 лет, – сама по себе заслуживает пристального внимания историков.

С начала XIX в. до нашего времени исследователи высказывали и обосновывали множество предпосылок столь явного партийного постоянства флорентийцев. Они указывали на социально-экономическое значение партии, являющейся автономным финансовым институтом за счет права распоряжаться конфискованных имуществом гибеллинов¹. Отмечалась и

политическая сила этой мощной структуры, обладающей самостоятельными органами управления и установившей собственные внешние связи с папским двором, Анжуйской династией и суверенами-гвельфами. В сфере политической мысли в первой половине XIV в. заметна тенденция к формированию образа короля-гвельфа как надежного союзника, справедливо-го арбитра и гаранта флорентийской свободы. В частности, доминиканский проповедник Ремиджо Джиролами (ум. 1319/1320) на рубеже XIII–XIV вв. старался придать идеологическое обоснование тому почтению к Анжуйским суверенам, особенно к «корлю-гвельфу» Роберту I (1309–1343), которое должны были испытывать флорентийцы. Он презентовал их как добрых монархов, а не тиранов, друзей Флоренции, опору всех гвельфов Италии, наконец, идеальных синьоров Флоренции, уподобляя Роберта I Христу как истинному правителю Вселенной². Все вышеизложенное доказывает, что в первой половине XIV в. автономный статус гвельфской корпорации был прочным и общепризнанным, а привилегии ее – обширными и прочно удерживаемыми.

Вопрос об идеологической функции гвельфской партии в городском социуме был поставлен еще в середине XIV в. знаменитым юристом Бартоло Сассоферрато. Он демистифицировал противоречие между гвельфами и гибеллинами в своем труде «Tractatus de guelphis et gebellinis» (1355), объявляя, что эти партии в реальности «не имели отношения ни к Церкви, ни к империи, но только к тем фракциям, которые находились в какой-либо провинции или городе»³. Дискуссия о том, можно ли считать гвельфизм идеологией флорентийского общества или же он выражал лишь противоречия между семейными кланами, продолжается и по сей день⁴.

Поневоле напрашивается вывод о том, что гвельфская партия во Флоренции представляла собой идеологическую «пустышку». Но будет ли он правомерным? Идеологическими постулатами гвельфизма относительно флорентийской коммуны можно считать два положения: идентичность партийной ориентации с истинным правоведем и тенденцию к тождеству между принадлежностью к гвельфской партии и, следовательно, к коммунальному сообществу Флоренции.

Не углубляясь в суть дебатов об идеологическом значении гвельфизма, в рамках данной статьи хотелось бы поставить целью освещение той роли, какую он играл в ментальных установках обыденного сознания флорентийских граждан.

По мере того как после 1267 г. гвельфизм окончательно победил во Флоренции, а гибеллинские семьи были изгнаны, принадлежность к гвельфской партии, дающая право считаться гвельфом, стала важнейшим символом соци-

альной эскалации. Например, представители незнатного и безвестного, но стремящегося возвыситься в первой половине XIV в. рода Каstellани⁵, хотели сблизиться с видными функционерами и капитанами партии, начиная с 1329–1330 гг. И хотя в списках капитанов партии 1354–1363 гг. фамилия Каstellани не фигурировала, матримониальные акты этой семьи начиная с 60-х гг. не оставляли сомнения в том, что представители рода целенаправленно действовали в целях укрепления связей с партийной олигархией посредством брачных союзов⁶. Со второй половины XIV в. представители этой фамилии стали занимать высшие посты в партийном руководстве: Микеле де Каstellани стал гонфалоньером партии, но особенно прославился на этом поприще его сын Ванни ди Микеле Каstellани⁷. С 80-х гг. XIV в. носители этой фамилии играли почетную роль в торжественных церемониях партии: им постоянно доверяли носить партийное знамя во время торжественных церемоний⁸.

Партийное членство играло существенную роль в XIV в., если учесть, что большая часть горожан, занимающих коммунальные посты, была членами гвельфской партии. Практически во всех мемуарах и семейных хрониках второй половины XIV–XV вв. авторы обязательно подчеркивали партийную принадлежность своих предков, гордясь гвельфскими корнями. Бонаккорсо Питти, хотя и весьма сдержанно, однако не преминул указать, касаясь истоков рода, что «мы, Питти, являясь гвельфами, были изгнаны из Симифонте гибеллинами, которые там правили»⁹.

Его современник Джованни Морелли с гордостью писал, что его прадед Морелло был изгнан за верность гвельфской партии, на защиту которой он выступил с оружием в руках, как полагалось «истинному и честному гвельфу». Он был осужден и выслан в Ареццо. В середине XIV в. один из главных функционеров партии Лапо ди Кастильонкьо, «великий гражданин, очень любимый всеми гвельфами», в память подвигов прадеда поспособствовал возобновлению членства семьи Морелли в рядах гвельфов, публично огласив полученные из Ареццо подтверждающие свидетельства перед коллегией капитанов партии, которые проголосовали за вступление «Морелли» в ряды партии. С этим фактом Джованни связывает прозвание рода: Морелли по имени доблестного предка-гвельфа Морелло, а кроме того, по принадлежности фамилии к победившей во Флоренции в 1302 г. партии черных гвельфов.

Партия стремилась выступать хранительницей католического правоведа, «под покровительством и охраной святой католической Церкви» ведя последовательную пропаганду. Почти все жители города на Арно желали идентифицировать себя, как «верных и благочестивых в от-

ношении Святой Церкви, любящих народ, комму, свободу города Флоренции и гвельфскую партию»¹⁰. Это подчеркивается во всех законодательных документах, касающихся партии. Преамбула к партийным статутам 1335 г. напоминает, что партия и все гвельфы – приверженцы Св. Церкви, чтящие ее и уважающие, истинные последователи святейшего отца и его братьев-кардиналов: «Почитаемому и милосердному Господу и его блаженной Матери, всем Святым и святой Римской Церкви и самому святейшему отцу и господину папе Бенедикту XII и его преемникам и его кардиналам. С восторгом и славой пречестнейшему принцу Роберту, королю Иерусалимскому и Сицилийскому, величия и процветания пополам и коммуне Флоренции и ее магистратам; сохранения и роста гвельфской партии, и тем, кто предан Святой Церкви и ее друзьям, и крушения всех их врагов»¹¹. В партийной пропаганде постоянно акцентировалась роль гвельфской фракции как медиатора между истинной Св. Церковью и ее главами, с одной стороны, и Флорентийской коммуну – с другой, поскольку «действия партии направлены к доброму состоянию и покою Коммуны и народа Флоренции, ибо партия составляет одно целое с Коммуной и народом Флоренции»¹². Как влияли эти официально пропагандируемые постулаты на флорентийских граждан?

Уже упомянутый Джованни Морелли даже несколько назойливо повторял о своей лояльности в отношении партии, отождествляя ее с верностью католической церкви: «Особенно с великим благоговением я жажду обнять святую католическую Партию гвельфов, которую поддерживает Господь, которой покровительствует Святая Церковь». В дальнейшем тексте хроники Джованни Морелли гордился тем, что его родственники роднятся с древними и благородными гвельфскими родами» (например, Баньези)¹³.

Грегорио Дати, современник Морелли, явно идентифицировал гвельфизм с преданностью «святой матери нашей Церкви» и коммунальной свободе: «... Я скажу тебе, что названия «гвельф» и «гибеллин» точно неизвестно откуда взялись; есть много мнений, которые кажутся баснями... Смысл же состоит в том, что гибеллины по духу служат императорам и синьорам, а гвельфы по духу привержены к Святой Церкви и свободе. Поэтому флорентийцы принадлежат к гвельфской партии». Он также объединял в одно целое верность церкви, гвельфизм и коммунальную идентичность, олицетворявшую свободу и единство сообщества: «Флорентийцы усиливались с помощью Святой Церкви... и всегда помогали защищать свободу Святой Церкви против тех императоров и королей, которые желали ее узурпировать; пастыри Святой Церкви и ее правоверные всегда получали помощь от флорентийцев в деле защиты ее свободы... флорен-

тийские фамилии едины, все они рождались и жили с гвельфским духом более, чем в каком-либо городе..., из тех, которые сегодня имеются в Италии»¹⁴. Флорентийского купца и хрониста в данном случае уже не интересует точный смысл названия «гвельфы» и «гибеллины», противостояние универсалистских начал он явно проецирует только на Флоренцию.

Таким образом, видно, насколько органично сознание флорентийских граждан отождествляло Коммуну Флоренции и святую католическую церковь с партией гвельфов.

Идентичность с партией гвельфов выражалась и на уровне семейных кланов. Если члены одного клана придерживались гвельфской ориентации, то они обязательно отражали это в уставе своей консортерии. Примером может послужить устав консортерии Строчи, принятый в 1350 г.: «...Все мы объединены, как родственники, соседи и друзья единым духом, являясь правоверными членами Святой Церкви, сторонниками народа, Коммуны, свободы Флоренции и Партии гвельфов»¹⁵. Но были и другие не менее важные обстоятельства, приводящие к преобладанию этой структуры не только в политической жизни республики на Арно, но и в выражении коллективной и индивидуальной идентичности граждан¹⁶.

Флорентийцы в своем обыденном сознании демонстрировали преданность партии и гвельфизму особенно в установках, связанных с оценками проводимой республикой политики. Джованни Виллани неизменно осуждал правление гибеллинов и подчеркивал, что при гвельфах Флоренция быстро достигала процветания. В его представлении гвельфская партия выглядела как оплот флорентийской свободы и предпосылка формирования системы коммунального народовластия, а первое народное правление в 1250 г. возникло как попытка противостояния тирании гибеллинов. Поскольку «народ Флоренции в душе склонялся более к гвельфам, нежели к гибеллинам», в целях сопротивления гибеллинам в 1266 г. появились цеховые структуры, осуществляющие коммунальное правление, – институт цеховых консулов, затем были избраны «12 добрых людей» и Совет 100, в которых усилилось представительство цехов. С гвельфизмом хронист связывал и создание второго народного правления в 1282 г.: «Из-за того, что гвельфы косо смотрели на гибеллинов, состоящих в комиссии 14», они распустили ее и основали во Флоренции приорат: «зачинщиками этого нововведения были граждане, которые являлись... преданными сторонниками гвельфской партии и Святой Церкви»¹⁷. Так закладывались в сознание идеи о том, что гвельфизм – оплот и исток флорентийского народовластия.

Донатто Веллутти, младший современник знаменитого хрониста, имел должности в партии и объявлял себя истинным гвельфом. Даже борясь

в 60-е гг. XIV в. против засилья капитанов гвельфской партии, он был убежден в том, что определение курса флорентийской политики – внутреннее дело гвельфов, и безоговорочно осуждал гибеллинизм во всех его проявлениях¹⁸. Хронист Маттео Виллани, выражая свою позицию по отношению к гвельфизму и не уставая бичевать «архигвельфов», брал более широкий масштаб и рассматривал партию гвельфов и гвельфизм как оплот свободы всей Италии: «И на самом деле партия гвельфов является фундаментом и надежной основой свободы Италии, противостоит тиранам... Большое благо нашей коммуны прирастало и поддерживалось благодаря гвельфской партии»¹⁹. Гвельфизм в сознании граждан представлялся гарантом коммунальной свободы.

Около двухсот лет республике на Арно действительно приходилось отстаивать свою независимость от агрессивной воинственного и разбойного гибеллинского рода Убальдини. Джованни Морелли не случайно разражался славословиями в адрес партии, когда речь заходила о «проклятом семени Убальдини»²⁰. Ему вторил более поздний хронист (вторая половина XV в.) Бартоломео Черретани²¹.

Грегорио Дати в начале XV в. представлял гвельфизм как одну из добродетелей флорентийских граждан, как великую историческую миссию защиты церкви и Италии от бремени императорской власти²². Для этого хрониста гвельфизм являлся основным принципом разделения на «своих» и «чужих», посредством которого он обосновывал территориальную экспансию Флоренции в конце XIV – начале XV в., в частности, оправдывал захват Арrezzo коммуной Флоренцией в 1384 г.²³ Тот же самый аргумент санкционировал завоевание Пизы, главного врага Флоренции: «великую ненависть», которую пизанцы питали к флорентийцам, этот горожанин объяснял не только завистью в отношении экономического процветания Флоренции, но и тем, что пизанцы «держались противной нам партии: флорентийцы были главой партии гвельфов в Италии и следовали под знаком Святой Церкви, тогда как пизанцы являлись главой гибеллинской партии в Италии, сторонниками имперской власти, и всегда следовали за Империей против Святой Церкви»²⁴.

Все вышеназванные граждане являлись представителями высших и средних слоев городского населения. Однако «тощий народ» имел такую же партийную ориентацию, насколько можно реконструировать их восприятие гвельфизма и гвельфской партии по косвенным данным нарративных источников. Члены младших цехов, считая себя «истинными гвельфами», неизменно поддерживали любое антигибеллинское законодательство²⁵. Большинство флорентийцев принимало точку зрения партии, состоящую в том, что именно она являлась для города главным жизненным нервом, связую-

щим со славным прошлым, и рассматривалась как хранительница Флорентийской коммуны. Некий анонимный хронист, условно обозначаемый «Сквиттинаторе», близкий к чомпи, выходец из городских низов, явно не имеющий за плечами никакой консортерии с гвельфской или гибеллинской ориентацией, продемонстрировал эмоции, связанные с партийной принадлежностью. Считая себя истинным гвельфом, он был крайне возмущен тем, что Синьория сентября – октября 1378 г. сделала гвельфами гибеллинский род грандов Азини, которые, опасаясь за себя и свое имущество, стремились сблизиться с народным режимом. На страницах своего *Diario* (Дневника) Сквиттинаторе изливал свои чувства: «Азини всегда были гибеллинами... Когда шел германский император в Сен Сальви с гибеллинскими силами, то они везли на своих ослах много припасов для него, и за это прозваны были «ослы – враги гвельфов» (ит. *asino – осел*). А теперь их сделали гвельфами и они получили все должности, как гвельфы! Как мог Господь допустить, чтобы нами правили гибеллины!»²⁶

Гвельфизм оставался воплощением коммунального патриотизма и единства в исторической памяти флорентийских граждан. Бартоломео Черретани во второй половине XV в. писал о том, что даже в первой половине 70-х гг. XIV в. в разгар репрессий, творимых «архигвельфами», «в большом количестве душ оставалась любовь к партии из страха перед сектами граждан»²⁷, то есть в партии, по его мнению, видели оплот единства флорентийского общества, гарант целостности, способный противостоять постоянной вражде семейных кланов. Проявления антагонизма между гвельфской партией и обществом, как видим, налицо, как и беспокойство флорентийского гражданина о чистоте партийной крови.

Образы героической борьбы гвельфов против гибеллинов формировали историческую память флорентийцев. Хронист прославлял мессера Якопо дель Накка, «мужа великой доблести из флорентийского рода Пацци»²⁸, который предводительствовал отрядом ополчения в битве при Монтеперти (1260) и нес знамя народа Флоренции. Джованни Виллани передавал этот эпизод весьма лаконично: «Изменник мессер Бокка дельи Абати²⁹, стоявший рядом с... Якопо дель Накка, напал на него и мечом отсек руку, в которой тот держал штандарт»³⁰.

Далее начался процесс конструирования образа героя-гвельфа: при переходе из одного исторического повествования в другое добавлялись некоторые усиливающие его детали³¹. В 40-е гг. XV в. хронист Джованни Кавальканти, мало считаясь с правдоподобием, еще больше сгустил краски, усиливающие героизацию и трагизм образа Якопо де Пацци: «... Указанный рыцарь храбро защищал знамя...» Когда «мес-

сер Бокка отрубил руку, держащую знамя», мессер Якопо перехватил знамя другой рукой, которую «Бокка также отрубил почти по плечо, ... и он умер, зажав знамя своими обрубками так крепко, что после смерти никак невозможно было вытащить знамя из его рук. Не только живым, но и мертвым защищал его отважный рыцарь»³².

О том, что гвельфы оставались для Джованни Кавальканти «своими», можно судить и по эпизоду прославления такого героя, как Вьери де Черки, проявившего «несравненную стойкость» в противостоянии «наших гвельфов» силе всей партии гибеллинов не только из Флоренции, но и из других коммун под Чертомондо в 1289 году³³. Разумеется, для Джованни Кавальканти во второй половине XV в. гвельфизм в некоторой мере утратил свое значение как идеологическая максима, но остался ценностью, выразившейся в конструировании исторической памяти: носителями доблести для него неизменно оставались гвельфы. Так складывался в городской хронистической традиции образ доблестного героя-гвельфа.

Можно с определенной долей достоверности предположить, что гвельфизм признавался универсальной догмой, приобретающей в обыденном сознании значение символа патриотизма и лояльности по отношению к своему государству, отождествлялся с ортодоксальным католицизмом и верностью ценностям коммунального общества. Гибеллинизм же, напротив, приобретал значение чуждого начала, враждебного флорентийскому государству. Какие реальные основы имелись для укоренения в умах флорентийцев ментальных установок преданности и лояльности гвельфской партии?

Учитывая вышесказанное, вряд ли можно расценивать гвельфизм как унаследованное от прошлого столетия, утратившее свою ценность обветшавшее знамя, набор пышных, но пустых риторических формул. Флорентийцы не идентифицировали себя с вождями гвельфов в общенациональном масштабе. Представления о верности именно апостолическому престолу, не говоря уж об отдельных папах, чужды их сознанию. Война с папским престолом (1375–1378) в период наивысшего господства гвельфской партии в городе – убедительное тому подтверждение. В сознании граждан республики за столетие борьбы против гибеллинов сформировался комплекс устойчивых стереотипов, в которых гвельфизм выступал как гарант единства общества, исток народовластия, символ коммунального патриотизма и католической ортодоксии.

Примечания

¹ См.: *Ottokar N.* Il Comune di Firenze alla fine del Duecento. Torino, 1962. P. 48 ; *Raveggi S.* Il regime ghibellino // *Ghibellini, guelfi e popolo grasso* : i detentori

del potere politico a Firenze. Firenze, 1978. P. 46–47 ; *Tarassi M.* Il regime guelfo // *Ghibellini, guelfi e popolo grasso*. P. 97.

² См.: *De Matteis M. C.* La “teologia politica comunale” di Remigio Girolami. Bologna, 1977 ; *Boyer J.-P.* Florence et l’idée monarchique. La prédication de Remigio dei Girolami sur les Angevins de Naples // *La Toscane et les Toscans de la Renaissance. Mélanges offerts à de C.-M. de la Roncière*. Aix-de-Provence, 1999. P. 363–364, 366–368, 373–374.

³ *Bartolo da Sassoferrato.* Studi e documenti per il VI centenario : in 2 vols. Milano, 1962. Vol. II. P. 355. См. в этом же издании: *Marongiu A.* Il regime bipartitico nel trattato sui guelfi e i ghibellini // *Bartolo da Sassoferrato.* Studi e documenti. Vol. II. P. 333–342.

⁴ Вопрос об идеологической роли партии до сих пор остается спорным. Взгляды итальянского историка Дж. Табакко противоречивы. По его мнению, с конца XIII в. названия «гвельфы» и «гибеллины» выражали острую борьбу местных группировок, но в то же время с идеологической точки зрения они «почти превратились в пустую фигуру речи, символизирующую локальное единство и выражающую форму жесткого разделения между враждебными фракциями», вместе с тем, в целом он все же не отрицает значения гвельфизма как идеологии во второй половине XIII – до конца XIV в., которая «носила сложный составной характер, а именно папский, франко-анжуйский и республиканский одновременно» (*Tabacco G.* Egemonia sociali e strutture del potere nel medioevo italiano. Torino, 1979. P. 318, 339–340). Американский историк Брукер отрицал идеологический смысл гвельфизма: «...гвельфизм превратился в массовый, бессмысленный, слюнявый патриотизм, лишенный какого-либо идеологического содержания или значения» (*Brucker G.* Florentine Politics and society. 1343–1378. Princeton, 1962. P. 88, 302). Серджи Раведжи полагал, что с последней четверти XIII в. какой-либо идеологический смысл гвельфизма и гибеллинизма, если он и имел место изначально, уже был утрачен : «В действительности фракции гвельфов и гибеллинов вытекали из внутренних противоречий и конъюнктур между фамилиями и консортериями, уже соперничавшими ; стремление интерпретировать их в ключе универсалистских идеологий есть, если не ошибочное, то представляющее собой апокриф... конкретный смысл разделения заключался в политической жизни Флоренции» (*Raveggi S.* Il regime ghibellino. P. 28). Лаура Де Анджелис, исследуя место партии гвельфов в обществе Флоренции конца XIV – первой трети XV в., оперирует термином «идеология» : «Партия гвельфов с момента вступления в отечество изгнанных гвельфов в 1267 г. осуществляла задачу сохранения гвельфской идеологии и контроля над каждой попыткой возрождения гибеллинской опасности». Исследовательница ссылаясь на «*Laudatio Florentine urbis*» Леонардо Бруни (*De Angelis L.* La Repubblica di Firenze fra XIV e XV secolo. Istituzioni e lotte politiche nel nascente stato territoriale fiorentino. Firenze, 2009. P. 30–31).

⁵ *Ciappelli G.* Una famiglia e le sue ricordanze. I Castellani di Firenze nel Tre-Quattrocento. Firenze, 1995. P. 21–23 ; 54–55. Дж. Чаппелли, исследователь истории этого

- рода, полагает, что само прозвание «Кастеллани» появилось только после 1339 г., когда представитель этой фамилии Ванни ди сер Лотто, активно скупавший дома в приходе Сан Пьеро Скераджо, приобрел среди прочих замок Кастелло д'Альтафронте, давший его роду новую фамилию.
- 6 *Ciappelli G.* Una famiglia e le sue ricordanze. I Castellani di Firenze nel Tre-Quattrocento. P. 22–23 ; 54–55. Микеле ди Лотто Кастеллани женился на дочери Бернардо Альберти и вступил в экономические контакты с видными функционерами партии. Свою дочь он выдал замуж за одного из Альдобрандини, сына Никколо женил на дочери Пьеро ди Филиппо дельи Альбицци, а сына Ванни – на дочери Беттино Рикасоли, что дало ему возможность породниться с членами партийной элиты.
- 7 О роли Кастеллани в партии гвельфов см.: *Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani.* A cura di N. Rodolico // *Rerum Italicarum Scriptores.* Città di Castello, 1903. Т. XXX. Parte I. Rubr. 795. P. 321–322 ; *Ciappelli G.* Op. cit. P. 26–28.
- 8 *Diario di anonimo fiorentino (1382–1401)* / A cura di A. Molho e F. Sznura // *Alle bocche della piazza.* Firenze, 1986. P. 160.
- 9 *Pummi B.* Хроника / пер. с ит. З. В. Гуковской ; под ред. М. А. Гуковского, В. И. Рутенбурга. Л., 1972. С. 7.
- 10 Цитата из текста конституции гвельфской партии Флоренции XIV в.: *Missione di consorti Guelfi fiorentini, verso la à del secolo XIV // Le carte Stroziane del R. Archivio di Stato di Firenze / ed. C. Guasti. Serie I :* in 2 vols. Firenze, 1884. Vol. I. P. 98.
- 11 *Statuto della parte guelfa di Firenze compilato nel MCCCXXXV // Giornale storico degli archivi toscani :* in 8 vols. Firenze, 1857. Vol. I. P. 4.
- 12 Цит. по: *Guidi G.* Il governo della città-Repubblica di Firenze del primo quattrocento : in 3 vols. Firenze, 1981. Vol. II. Gli istituti «Di Dentro», che componevano il governo di Firenze nel 1415. P. 112.
- 13 *Morelli G.* Ricordi / A cura di V. Branca. Firenze, 1956. 39a. P. 127 ; 39b. P. 132–134 ; 40a. P. 135 ; 40b. P. 139–140 ; 49a. P. 197 ; 51b. P. 209 ; 63a. P. 275 ; 64b. P. 282.
- 14 *Dati G.* Istoria di Firenze di Goro Dati dall' anno 1380 all' anno 1405 / a cura di Luigi Pratesi. Norcia, 1904. P. 120–121.
- 15 *Missione di consorti Guelfi fiorentini, verso la à del secolo XIV // Le carte Stroziane del R. Archivio di Stato di Firenze.* P. 98–100.
- 16 Сестан писал : «Гвельфизм был эквивалентен флорентийскому патриотизму» (*Sestan E.* Il Comune nel Trecento [Firenze]. Firenze, 1953. P. 28–29). Монти указывал, характеризуя верность партии гвельфов со стороны хрониста Малиспини : «После 1250 г. слово гвельф стало синонимом христианина и доброго флорентийца» (*Monti A.* Les chroniques Florentines de la première révolte populaire à la fin de la Commune (1345–1434). Lille, 1983. P. 60).
- 17 *Виллани Д.* Новая хроника, или История Флоренции / пер., ст. и примеч. М. А. Юсима. М., 1997. VI. 39. С. 157–158 ; VII. 15–16. С. 210–212 ; VII. 79. С. 216–217. Виллани так объяснял возникновение первого народного правления : «...Уберти и прочие знатные гибеллины тиранили народ своими вымогательствами, насилиями и несправедливостью», что, по его мнению, привело к восстанию граждан против их власти в 1250 г. и установлению первого народного правления «для защиты от насилий и злоупотреблений, чинимых гибеллинами» (Там же. С. 158).
- 18 *Velluti D.* La cronica domestica scritta tra il 1367 e 1370. A cura di I. Del Lungo e C. Volpi. Firenze, 1914. P. 249. Эта двойственность очень заметна в его настроениях в период борьбы за оздоровление партии (60-е гг. XIV в.) : «Хотя мне нравилась идея изменить ее (партию) подобающим образом, мне казалось, что сделать это можно только волей всех гвельфов. Я напомнил о том, что все вещи, которые были в пользу гвельфов и одобрены ими, исполнялись, и советовал впредь следовать этому» (Ibid. P. 249).
- 19 *Villani M.* Cronica // *Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani a miglior' lezione ridotte coll' aiuto del testi a penna corredate da una prefazione del professore Michell Sartorio :* in 8 t. Milano, 1848. Т. IV. Libro 8. XXIV. P. 35.
- 20 *Morelli G.* Ricordi. P. 127.
- 21 *Cerretani B.* Storia fiorentina / a cura di G. Berti. Firenze, 1994. P. 135. Он писал : «Все Убальдини пользовались любым осложнением... обстановки, чтобы вести за собой другие знатные фамилии гибеллинов, и чтобы досаждала нашей республике, воистину проявляя нрав и кровь гибеллинов» (Ibid. P. 135).
- 22 *Dati G.* Istoria di Firenze. P. 105. Дати писал : «Когда король Апулии Манфред вел войну со Святой Церковью, пизанцы помогали королю, который был гибеллином и сыном Императора Фридриха Свевского, а флорентийцы и генуэзцы помогали Святой Церкви», отождествляя гвельфизм и церковь (Ibid. P. 105).
- 23 Ibid. P. 31, 40. Дати заявлял : «Аретинцы благоприятствовали партии Гибеллинов, потому что партия Гвельфов управляла городом Флоренцией уже длительное время, ... и Господь пожелал, чтобы от их злобного замысла для них же проистекало зло...» (Ibid. P. 31).
- 24 Ibid. P. 100, 103. Повествуя о поведении флорентийцев в захваченной Пизе, Дати отмечал, что прежде других были совершены ритуальные действия : «Реформировали город и землю под флорентийским знаком, устраняя гибеллинские знаки орла, и в этом месте помещая гвельфских львов и лилии...» (Ibid. P. 133).
- 25 *Stefani M.* Cronaca fiorentina. Rubr. 674. P. 251.
- 26 *Diario dello Squittinatore // Corazzini G. O. I Ciompi. Cronache e documenti.* Firenze, 1887. P. 54–55.
- 27 *Cerretani B.* Storia fiorentina. P. 144. Джованни Виллани также видел в партии защитницу единства коммунального общества во время противостояния черных и белых : «Партия гвельфов, опасаясь, чтобы раскол не обратился на пользу гибеллинам, отправила ко двору папы Бонифация гонца с просьбой уладить ссору» (*Виллани Д.* Хроника. VIII. 39. С. 234).
- 28 *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 78. С. 185.
- 29 *Данте.* Божественная Комедия. Ад. Песнь 32, 79–112. «Предатель гнусный! В мире свой позор через меня навеки ты упрочишь».
- 30 *Виллани Дж.* Новая хроника. VI. 78. С. 185.
- 31 *Stefani M.* Cronaca. Rubr. 123. P. 47.

³² *Cavalcanti G.* Il Trattato politico morale // *Grendler M.* The «Trattato politico morale» of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973. P. 170–171.

³³ Ibid. P. 192–193, 201 ; Он писал о Вьери де Черки : «Мессеру Вьери было поручено призвать от сестеры Ворот Сан Пьеро наилучших бойцов. «Отменный кавалер» назвал в первую очередь самого себя, затем своих

сыновей и братьев, внуков и племянников. Этот герой принес, по мнению Кавальканти, победу в сражении, хотя «был очень богат», то есть никакой материальной необходимости служить коммуне не испытывал, кроме того «был стариком и имел кисту на ноге». За эту победу он и его родственники, числом 10 человек, были произведены в рыцари» (Ibid. P. 192–193).

Образец для цитирования:

Краснова И. А. Гвельфизм как основа коммунальной идентичности (на примере Флоренции XIV–XV веков) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 451–457. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-451-457>

Cite this article as:

Krasnova I. A. Guelphism as the Basis of Communal Identity (on the Example of Florence of 14th – 15th Centuries). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 451–457 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-451-457>

УДК 94(44+492+410)«1346/1348»

В ПОИСКАХ СОГЛАСИЯ: ГОРОДА И ГРАФ ФЛАНДРИИ В НАЧАЛЕ ПРАВЛЕНИЯ ЛЮДОВИКА МАЛЬСКОГО

А. А. Майзлиш

Майзлиш Анна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени, Институт всеобщей истории РАН, Москва, maizlish@yandex.ru

В статье анализируются попытки представителей городских советов Фландрии наладить отношения с унаследовавшим графство в 1346 г. Людовиком Мальским. Фламандские города ожидали от своих правителей проведения устраивавшей их политики. В первую очередь, это касалось отношений с Англией, от которой во многом зависело их экономическое благосостояние. Пытаясь улучшить испорченные после убийства Якоба ван Артевелде в 1345 г. отношения с Эдуардом III фламандцы пошли на возрождение обсуждавшегося еще до начала Столетней войны проекта английского брака для своего сеньора – Людовику Мальскому следовало жениться на старшей дочери Эдуарда III Изабелле. Источники сообщают нам разные варианты интерпретации последовавших событий. «Профламандские» хроники говорят о лучших намерениях подданных, устроивших для Людовика Мальского этот брак, и его первоначальном согласии на него, «профранцузские» – о том, что граф Фландрии с самого начала был против союза с дочерью убийцы своего отца и был вынужден согласиться на заключение помолвки, чтобы ослабить бдительность контролировавших его фламандцев и бежать из графства. О возможности такого развития событий позволяет говорить и анализ текста одного из экземпляров сохранившегося брачного договора. Побег Людовика Мальского из Фландрии положил конец попыткам подданных использовать нового сеньора в своих интересах. Их первая попытка достичь согласия друг с другом оказалась неудачной, и власть в графстве еще долгое время в большей степени контролировалась представителями фламандских городов, чем Людовиком Мальским.

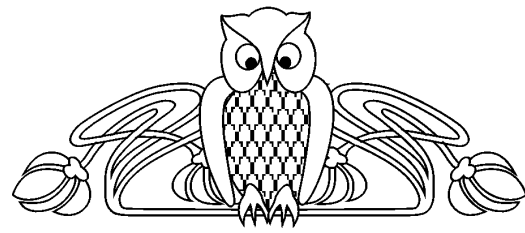
Ключевые слова: Фландрия, Англия, Франция, матримониальная политика, города, Людовик Мальский, Столетняя война, XIV век.

In Search of Agreement: the Towns and the Count of Flanders at the Beginning of Louis of Male Reign

А. А. Mayzlish

Anna A. Mayzlish, <https://orcid.org/0000-0002-1613-7314>, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 32A, Leninskyi Prosp., Moscow, 119334, Russia, maizlish@yandex.ru

The article deals with the analysis of attempts of representatives from Flemish town councils to get on with the new count Louis of Male who inherited Flanders in 1346. Flemish towns wanted their rulers to lead the politics in accordance with their own interests, especially in the field of English-Flemish relations which formed a very important factor for the Flemish wellbeing. Trying to improve the relations with Edward III that were influenced by the murder of Jacob van Artevelde in 1345, the Flemish decided to revive the project of marriage

between their count and the eldest daughter of the English king that had been discussed before the beginning of the Hundred Years' War. We can find different versions of the events that followed the return of Louis of Male to Flanders in different sources. «Pro-Flemish» ones tell us that representatives of town councils did their best to seek the marriage with the English princess for their count and that the count himself at first supported the idea of this marriage. «Pro-French» ones insist on the fact that Louis of Male was against the marriage with the daughter of his father's murderer from the very beginning but had to use cunning and agree to the engagement with Isabel of England to get rid of the instant control of Flemish over him and flight from the county. The analysis of one of the survived copies of the marriage contract itself can be used as an argument «for» some details in «pro-French» sources. The escape of Louis of Male from Flanders meant the end of the attempts of Flemish townsmen to use their new lord in their own interests. So the Flemish town councils could not find consent with Louis of Males and dominated in the county for rather long period afterwards.

Key words: Flanders, England, France, Matrimonial Politics, Towns, Louis of Male, Hundred Years' War, 14th Century.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-458-463>

На протяжении значительной части XIV в. города Фландрии находились в состоянии конфликта со своими непосредственными сеньорами (графами из династии Дампьеров), так же как и с верховными сюзеренами – королями Франции. Наиболее масштабный из них – восстание 1338–1346 гг. – был во многом спровоцирован началом Столетней войны, поставившей под угрозу основу экономического процветания и богатства фламандских городов – изготовление высококачественных шерстяных тканей, производившихся из экспортного английского сырья. Городские советы Гента, Брюгге и Ипра (т. н. «Трех городов Фландрии») предпочли разрыв с графом Людовиком Неверским (1322–1346), после некоторых колебаний поддержавшим Филиппа VI (1328–1350) в англо-французском противостоянии, потере отношений с Эдуардом III (1327–1377), которого фламандцы в 1340 г. признали королем Франции, а следовательно, и своим верховным правителем. Людовик Неверский был вынужден бежать из Фландрии, чтобы избежать давления со стороны подданных, стремившихся контролировать его действия и заставить согласиться с этим решением.

Но к концу 1346 г. политическая ситуация в графстве значительно изменилась. Летом 1345 г. был убит лидер восстания и горячий сторонник проанглийской политики Якоб ван Артевелде, а годом позже в битве при Креси погиб так и

не сумевший вернуть себе реальную власть над подданными во Фландрии даже после смерти Ван Артевелде граф Людовик Неверский. На протяжении большей части XIV в. шел процесс формирования своеобразного фламандского территориально-представительного органа – «Членов Фландрии»¹. Этому способствовали в том числе и долгие периоды, во время которых члены городских советов Гента, Брюгге и Ипра, а иногда и других фламандских городов² часто собирались друг с другом для решения важных проблем, связанных с управлением графством и его внешней политикой³. В случае, о котором пойдет речь в статье, представителям городских советов Фландрии, в чьих руках было сосредоточено управление графством в отсутствие правителя⁴, предстояло решить два вопроса: об установлении отношений с новым графом – молодым Людовиком Мальским (1346–1384) и о восстановлении отношений с Эдуардом III, резко ухудшившихся после убийства Якоба ван Артевелде.

Возможно, у первой из этих двух проблем существовала любопытная предыстория. Жан Фруассар в своих «Хрониках» сообщает, что именно предложение Эдуарда III заменить Людовика Неверского в качестве правителя графства наследником английского престола Эдуардом (будущим Черным Принцем) привело к всплеску недовольства политикой Якоба ван Артевелде во Фландрии и его гибели⁵. При этом симпатии фламандцев были не столько на стороне сбежавшего и противостоявшего им графа, сколько его молодого наследника, чьи права нарушило бы данное решение. По словам Фруассара, противники замены Людовика Неверского принцем Уэльским утверждали, «...что это будет слишком большая беда, позор и измена – отрешить от наследства своего сеньора. И прониклись добрые люди жалостью к графу, и больше даже из-за его сына, будущего графа Людовика Мальского, нежели из-за него самого, ибо он был с ними жесток, суров, неуступчив и яростен»⁶. С новым графом представители Гента, Брюгге и Ипра рассчитывали наладить более мирные отношения, чем с его отцом, при этом надеясь, что в отличие от своего предшественника Людовик Мальский будет учитывать их интересы. В этой связи вскоре после гибели Людовика Неверского фламандцы предложили его наследнику приехать в свои владения.

Последовавшие за этим события привлекали к себе внимание авторов нарративных источников того времени (наиболее подробно они описаны в различных редакциях «Хроник» Жана Фруассара, «Краткой хронике Бодуэна Авенского» и «Рассказах Валансьенского горожанина») своей яркостью и в значительной мере авантюристичностью сюжета. В зависимости от политической ориентации авторов различных источников детали событий описываются и оцениваются

по-разному. Но всё же анализ этих сообщений предоставляет возможность проследить менявшийся вектор развития англо-фламандских отношений⁷, а также в определенной степени выявить подходы представителей городов к решению важных внутри- и внешнеполитических вопросов после убийства Якоба ван Артевелде, которому зачастую приписывают определяющее влияние на политику Фландрии в течение предшествовавших лет.

На момент гибели отца Людовик Мальский находился при французском дворе, где воспитывался до этого. Данное обстоятельство могло усложнить подданным задачу установления с новым графом мирных взаимоотношений. Можно предположить и то, что сам Людовик Мальский опасался перспективы возвращения в свои владения, памятуя о драматической истории правления во Фландрии Людовика Неверского. Тем не менее приезд в графство означал для Людовика Мальского и его людей возможность участвовать в управлении Фландрией, а главное получать от неё доходы, которых был лишен Людовик Неверский в годы своего отсутствия на территории графства⁸. Филипп VI дал разрешение своему вассалу отправиться во Фландрию в надежде, что новому правителю удастся склонить её мятежных жителей на свою сторону. Это могло бы положить конец их союзу с англичанами, а также фактически самостоятельному управлению, которое организовали в графстве представители городских советов⁹.

Самих же фламандцев Людовик Мальский интересовал не столько в качестве фигуры, необходимой для полноценного функционирования управления графством (несмотря на ряд сложностей и внутренних конфликтов, городские советы Гента, Брюгге и Ипра относительно эффективно обходились без присутствия сеньора на протяжении нескольких лет, контролируя практически всю остальную территорию графства¹⁰), сколько в качестве лица, которое могло бы на тот момент способствовать укреплению ухудшившихся после убийства Якоба ван Артевелде отношений с Англией.

Рассказы о последовавших за приездом Людовика Мальского в ноябре 1346 г. во Фландрию¹¹ событиях серьезно отличаются в «профламандских» и «профранцузских» источниках, что в определенной мере затрудняет их реконструкцию. По сообщению первых, условием, на котором фламандцы пригласили Людовика Мальского прибыть во Фландрию, являлось обещание нового графа «править по обычаям и кутюмам» Ги де Дампьера (графа Фландрии в 1251/1288–1305 гг.). Вероятно, несмотря на серьезные конфликты, возникавшие у него с частью представителей фламандских городов, к середине XIV века Ги де Дампьер уже воспринимался, в первую очередь, в качестве правителя, занявшего открытую антифранцузскую позицию, а также даровавшие

го ряд привилегий подданным. Согласившись на это требование фламандцев, Людовик Мальский «начал спокойно и любезно жить во Фландрии, доверяя совету своих людей и добрых городов, которые подсказывали ему добрые решения». Таким образом, источники делают акцент на том, что в глазах фламандцев хорошим правителем являлся тот, кто соблюдал их привилегии и действовал в соответствии с их советами, от чего и зависела возможность для графа спокойно сосуществовать со своими подданными. Одним из подобных советов было предложение заключить брак со старшей дочерью Эдуарда III Изабеллой, который фламандцы «выхлопотали» для графа из самых лучших побуждений, так как это могло бы усилить Фландрию. По рассказу «Валансьенского горожанина» Людовик Мальский добровольно согласился на этот брак, и в Берге была заключена помолвка с английской принцессой, после которой обе стороны утвердили условия брачного договора, и был организован большой пир¹².

Но граф, уехавший после помолвки в свою резиденцию в Маль, вскоре получил письма от короля Франции и герцога Яна (Йоанна) III Брабантского (1312–1355), которые советовали Людовику Мальскому как можно скорее покинуть Фландрию и приехать во Францию. Хронист в данном случае не указывает на их мотивы, вероятно, исходя из того, что они будут очевидны его читателям. После получения этих писем граф, сказав своим людям, что он собирается на охоту к реке, взяв с собой лишь двух человек, выпустил птиц и быстро ускакал вместе с сопровождающими в Дуэ¹³, а затем ко двору Филиппа VI. Несмотря на то что во Фландрии оценивали побег Людовика Мальского по-разному, «Валансьенский горожанин» сосредотачивается на том, что граф последовал «худому совету», оскорбил короля Англии и его дочь, «а также навредил самому себе», так как фламандские города вместо него пригласили править графством¹⁴ маркграфа Юлиха¹⁵ Вильгельма VI¹⁶.

Позднее, весьма кратко сообщая о браке Людовика Мальского с Маргаритой, дочерью Яна III Брабантского, этот хронист отмечает, что проводивший церемонию по распоряжению папы диакон собора Сен-Донат из Брюгге делал это весьма неохотно, в том числе из-за истории с помолвкой Людовика и дочери Эдуарда III¹⁷. И всё же стоит отметить, что даже в профламандских источниках сообщается о том, что Людовику Мальскому пришлось обмануть фламандцев и пойти на побег из графства, чтобы избежать брака с Изабеллой Английской. Следовательно, сообщения профранцузских хроник, о которых пойдет речь ниже, вполне могут быть близки к действительности в интерпретации характера отношений, сложившихся между графом и представителями фламандских городов в данной ситуации.

«Профранцузские» источники представляют описанные выше события в ином свете, хотя зачастую сообщают о них больше различных подробностей. Например, Ж. Фруассар пишет, что проект брака Людовика Мальского с английской принцессой был предложен, когда представители фламандских городов встретились с Эдуардом III, чтобы объяснить произошедшее с Якобом ван Артевелде, и английский король вновь завел речь о признании принца Уэльского правителем Фландрии. Не соглашаясь на непопулярный в графстве план, города напомнили о возможности укрепления англо-фламандского союза другим способом – с помощью брака между наследником Фландрии и одной из дочерей Эдуарда¹⁸. При этом, по словам Фруассара, Людовик Мальский, услышав об этом предложении от подданных, сразу же отказался жениться на дочери Эдуарда III Изабелле, мотивируя это тем, что никогда не сможет взять в жены дочь убийцы своего отца¹⁹.

Отказ молодого графа Фландрии от брака с английской принцессой был связан и с другой причиной: сначала Людовик Неверский при посредничестве французского короля²⁰, а затем Людовик Мальский и окружение молодого графа договаривались об уже упоминавшемся матримонильном союзе с Маргаритой, дочерью герцога Брабанта Яна III. Фруассар в четвертой редакции своих «Хроник» датирует замысел герцога Брабантского выдать дочь за фламандского принца еще временем до убийства Якоба ван Артевелде (т. е. июля 1345 г.), сообщая, что графу тогда помешал тот факт, что будущий Людовик Мальский в этот момент находился под контролем фламандцев²¹. В пассаже из «Краткой хроники Бодуэна Авенского» начало переговоров о браке между Маргаритой Брабантской и Людовиком Мальским относится ко времени, когда Дендермонде порвал союз с «Тремя городами», заняв сторону Людовика Неверского (т. е. к февралю – марту 1346 г.)²².

К этому моменту Ян III Брабантский уже склонялся к проведению профранцузской политики вместо поддержки Эдуарда III, которую Брабант оказывал в самом начале Столетней войны (во многом под влиянием представителей брабантских городов, заключивших союз с городами Фландрии)²³. Брак с брабантской принцессой во многом являлся французской инициативой (для скрепления отношений между представителями французской и брабантской высшей знати должны были заключить еще два матримонильных союза)²⁴. Вероятно, согласие Людовика Мальского на брабантский брак во многом повлияло на одобрение Филиппом VI решения нового графа отправиться во Фландрию после гибели отца и попытаться наладить отношения со своими подданными. Сам же Людовик Мальский благодаря заключению брака с дочерью герцога Брабантского мог получить Мехелен²⁵.

По сообщению «профранцузских» хроник, в том числе и Фруассара, сначала Яну III удалось добиться определенной поддержки этой идеи и со стороны фламандских городов²⁶. Но потом представители городов были подкуплены людьми Эдуарда III, испугавшегося потери своего влияния во Фландрии, и начали настаивать на том, чтобы молодой граф женился на Изабелле Английской. Не получив его согласия, они практически взяли Людовика Мальского под домашний арест и контролировали все его действия, не оставляя в одиночестве ни на минуту²⁷. Из-за этого молодой граф был вынужден пойти на хитрость и согласиться на помолвку, чтобы ослабить бдительность представителей городских общин и избавиться от их контроля. Притворное согласие на помолвку и её заключение, действительно, позволили Людовику Мальскому сбежать из графства, чтобы затем жениться на Маргарите Брабантской²⁸. Таким образом, Фруассар изображает противоречивым поведение представителей городских общин, сначала согласившихся на проект брака, устраивавший их сеньора, а затем вновь вернувшихся к поддержке Эдуарда III и попытавшихся навязать Людовику Мальскому брак с английской принцессой.

Позволяют ли сохранившиеся документальные источники пролить свет на обстоятельства помолвки графа Фландрии и Изабеллы Английской, по-разному представленные в нарративных источниках? Из сохранившегося корпуса дипломатических документов мы узнаем, что переговоры о союзе между наследником графа Фландрии и английской принцессой велись с середины 1330-х – еще до того, как Людовик Неверский предпочел открыто поддержать Филиппа VI в англо-французском конфликте и даже продолжались после этого момента вплоть до 1340 г. Сначала в качестве невесты называлась вторая дочь Эдуарда III Джоанна, позднее её место заняла старшая – Изабелла, до 1338 г. являвшаяся второй в линии наследования английского престола после Эдуарда, принца Уэльского²⁹. Замена Джоанны на Изабеллу, видимо, была связана со всё более накалявшейся борьбой между Англией и Францией за поддержку со стороны Фландрии в первые годы конфликта, в ходе которой Людовик Неверский до разрыва с подданными и окончательного принятия профранцузской позиции добивался для своего наследника наиболее выгодного матримониального союза³⁰. Таким образом, предлагая графу английский брак, представители фламандских городов лишь воскрешали к жизни старый проект, который первоначально не отклонял и их сеньор, вероятно, еще более давний, чем проект брака с дочерью Яна III Брабантского.

Возможно, согласие Людовика Мальского на английский брак (или то, что фламандцы оказались в состоянии привезти своего сеньора для заключения помолвки в Берг) оказалось в

определенной мере неожиданным и для английской стороны. Об этом говорит проведенное Б. Вилкинсоном исследование сохранившегося экземпляра брачного контракта, который должны были подписать представители англичан для передачи фламандской стороне. Он оказался не скреплен целым рядом предполагавшихся на нем печатей, что позволяет прийти к выводу, что документ готовили в спешке и, вероятно, не в самой королевской канцелярии в Англии, а в Кале. Тем не менее стороны, действительно, заключили брачный договор – его сохранившийся в Англии экземпляр датирован 13 марта 1347 г., а условия договора были выработаны совсем незадолго до этого – 3–4 марта. Согласно им, брак должен был быть заключен в течение двух недель после ближайшей Пасхи³¹, но Людовик Мальский успел покинуть Фландрию до наступления этого момента³².

Таким образом, первая попытка представителей фламандских городских советов наладить отношения со своим новым сеньором – Людовиком Мальским – и добиться от него проведения нужной им политики, в том числе оказания поддержки Эдуарду III в войне с французами, потерпела неудачу. Этот правитель оказался вынужден покинуть свои владения, как это произошло и с его отцом за несколько лет до рассматриваемых нами событий. Вновь улучшить отношения со своими подданными Людовик Мальский смог лишь несколько лет спустя, в 1348–1349 гг. Но его положение во Фландрии оставалось достаточно нестабильным (несмотря на частые восстания и внутреннюю борьбу, подрывающие силы городов) вплоть до 1370 г., когда в графстве сложился относительный баланс сил между правителем и представителями городских советов Гента, Брюгге и Ипра³³.

Примечания

- 1 Первоначально в него входили Гент, Брюгге и Ипр, к концу XIV в. появился и четвертый член – Свободный округ Брюгге (куда входили представители сельских общин и нескольких небольших городов).
- 2 Состав городских советов значительно изменился в конце XIII–XIV в. Всё большую роль в них играли представители цехов, в первую очередь ткацких. Особенно эти процессы были характерны для развития крупных городов, в первую очередь, игравших основную экономическую роль в графстве в это время Гента и Брюгге. См. подробнее: *Dumolyn J. Guild Politics and Political Guilds in Fourteenth-Century Flanders // The Voices of the People in Late Medieval Europe. Communication and Popular Politics / eds. J. Dumolyn, J. Haemers, H. R. Oliva Herrer, V. Challet. Turnhout, 2014. P. 15–48.*
- 3 См. *Prevenier W. Les états de Flandre depuis les origines jusqu'en 1790. Gent, 1965 ; Dhrondt J. «Ordres» ou «puissances». L'exemple des États de Flandres // Annales. Juillet-septembre 1950. № 5. P. 298–305.*
- 4 Подробнее см.: *Майзлиш А. А. Борьба за городские*

- привилегии как один из факторов политического развития Фландрии в XIV в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Вып. 6 (29). URL: <https://history.jes.su/s207987840000808-7-2> (дата обращения: 14.10.2015) ; *Пиренн А.* Средневековые города Бельгии / пер. с фр. ; под ред. проф. Е. А. Косминского. СПб., 2001. С. 403–405.
- ⁵ Стоит отметить, что вне зависимости от того, действительно ли англичанами выдвигался подобный план (что оспаривается некоторыми исследователями), недовольство фламандцев Якобом ван Артевелде, которое привело к его убийству, было вызвано целым рядом различных экономических и политических факторов. См., например: *Nicolas D.* The van Artevelde of Ghent. The Varieties of Vendetta and the Hero in History. Lieden ; N. Y. ; København ; Köln, 1988. P. 61–62.
- ⁶ *Фруассар Ж.* Римский манускрипт // Фруассар Ж. Хроники. 1340–1350 / пер. и примеч. М. В. Аникиева. СПб., 2012. С. 261–262. (Далее – Рассказы Валансьеннского горожанина...) («...que ce seroit damages, blâmes et traïson trop grande à deshireter son signeur, et en avoient les bonnes gens pitié, et plus pour la cause dou fil, le conte Loïs de Male, que il n'eussent pour le père, car ils lor avoit esté crueuls, hausters, durs et mervilleus...»). *Oeuvres de Froissart.* Chroniques / pub. avec les variantes des divers manuscrits, par M. le baron Kervyn de Lettenhove. Vol. 4. Osnabrück, 1967. P. 320).
- ⁷ Например, Б. Вилкинсон пишет, что эти события представляют собой конец первой фазы англо-фламандских отношений в ходе войн Эдуарда III во Франции. См.: *Wilkinson B.* A Letter to Louis de Male, Count of Flanders // Bulletin of the John Rylands Library. 1925. 9.1 Jan. P. 179.
- ⁸ После своего бегства Людовик Неверский возвращался во Фландрию в 1342 г. но, вновь столкнувшись с давлением «Трех городов», вскоре покинул эту часть своих владений.
- ⁹ Ж. Кервин де Леттенхове в приложении к своему изданию Фруассара приводит цитату из письма Филиппа VI, объясняющую цели французского короля : «...pour la présence de lui en son país de Flandres les habitants et subgès d'icellui se porteront envers lui comme bons et vrais subgès en se retraiant de leurs indeues emprises et assemblées». См.: *Oeuvres de Froissart.* Chroniques. Vol. 21. P. 253.
- ¹⁰ См. некоторые примеры: *Майзлин А. А.* Такая разная Фландрия : монополия Гента, Брюгге и Ипра на производство тканей и её пределы (XIV – первая половина XV в.) // Средние века. 2016. Вып. 77 (1–2). С. 180–204.
- ¹¹ *Фруассар Ж.* Рассказы Валансьеннского горожанина... С. 769. Примеч. 277. Ж. Кервин де Леттенхове датирует приезд Людовика Мальского в свои владения январем 1347 г. См.: *Oeuvres de Froissart.* Chroniques. Vol. 21. P. 233.
- ¹² Приложение. Ч. I. Рассказы Валансьеннского горожанина (фрагмент) // *Фруассар Ж.* Рассказы Валансьеннского горожанина... С. 609.
- ¹³ Город на территории Французской (Валлонской) Фландрии, большую часть XIV в. находившейся под прямым французским управлением. В ходе переговоров как о браке между Людовиком Мальским и английской принцессой, так и о его союзе с дочерью Яна III Брабантского постоянно вставал вопрос о возвращении городов Французской Фландрии (Лилля, Дуэ и Орши) под власть Людовика Мальского, что обещали графу обе стороны. См., например, сообщение довольно поздней фламандской хроники XVI в., вошедшей в свой рассказ подробности из разных источников более раннего времени, а также «Хроники Фландрии» : *Despars N.* Cronijcke van den Lande ende Grafscpepe van Vlaanderen. Van de jaeren 405 tot 1492 / pub. J. de Jonghe. Dl. 1–4. Brugge ; Rotterdam, 1837–1840. Dl. 2, 1839. P. 394–399 ; *Istore et chroniques de Flandres, d'après des textes de divers manuscrits / éd. par M. le baron Kervyn de Lettenhove.* Vol. 2. Bruxelles, 1880. P. 62–63. Вернуть Французскую Фландрию под власть графов удалось только после заключения брака между наследницей Людовика Мальского Маргаритой и герцогом Бургундским Филиппом Храбрым в 1369 г. (*Vaughan R.* Philip the Bold. The Formation of Burgundian State. Woodbridge, 2002. P. 17).
- ¹⁴ В Нидерландах этого времени была широко распространена практика назначения какого-либо знатного сеньора на должность руварда – наместника, выполнявшего ряд функций законного правителя в его отсутствие на территории своих владений по тем или иным причинам. Чаще всего в этот период во Фландрии ими оказывались открытые конфликты горожан (а в случае с рядом других нидерландских княжеств, например, Льежем и Брабантом, – и представителей иных сословий) со своими сеньорами. См., например: *Poulet E.* Histoire de la Joyeuse-entrée de Brabant et de ses origines. Bruxelles, 1863. P. 147–148.
- ¹⁵ *Фруассар Ж.* Рассказы Валансьеннского горожанина... С. 609–610.
- ¹⁶ Вильгельм V Юлихский был женат на Жанне Геннегауской – сестре жены Эдуарда III Филиппы Геннегауской. Таким образом, назначая рувардом Вильгельма V Юлихского, фламандские города продолжили проводить проанглийскую политику, несмотря на действия своего законного сеньора.
- ¹⁷ *Фруассар Ж.* Рассказы Валансьеннского горожанина... С. 614–615.
- ¹⁸ «...chiers sires, vous avés des biaux enfans, fils et filles ; li princes, vos ainsnés fils, ne poet faillir qu'il ne soit encores grans sires durement sans l'iretage de Flandres et vous avés une damoiselle à fille u puisnée, et nous un jone damoisiel que nous nourissons et gardons et qui est hiretiers de Flandrea si se poroit bien encoures faire uns mariage d'yaus deus ensi demorroit tout dis la conté de Flandres à l'un de vos enfans». *Oeuvres de Froissart.* Chroniques. Vol. 4. P. 318.
- ¹⁹ *Фруассар Ж.* Рассказы Валансьеннского горожанина... С. 337 ; *Фруассар Ж.* Манускрипты «семейства А/В» // *Фруассар Ж.* Рассказы Валансьеннского горожанина... С. 539.
- ²⁰ *Oeuvres de Froissart.* Chroniques. Vol. 21. P. 250.
- ²¹ *Ibid.* Vol. 4. P. 321.
- ²² *Istore et chroniques de Flandres, d'après des textes de divers manuscrits...* Vol. 2. P. 37.
- ²³ М. Боон называет в качестве цели заключения союза

- между городами Фландрии и Брабанта в 1339 г. стремление добиться контроля над своими правителями и защитить собственные экономические интересы (Boone M. Le comté de Flandre dans le long XIVe siècle : une société urbanisée face aux crises du bas Moyen Age // Rivolte urbana e rivolte contadine nell'Europa del Trecento : un confronto / a cura di M. Bourin, G. Cherubini, G. Pinto. Firenze, 2008. P. 38–39).
- ²⁴ *Oeuvres de Froissart. Chroniques. Vol. 21. P. 254.*
- ²⁵ Фруассар Ж. Рассказы Валансьеннского горожанина... С. 368. После смерти Яна III Людовик Мальский пытался претендовать и на сам Брабант, но его военная кампания против сестры Маргариты Иоанны Брабантской и её мужа Венцеслава Люксембургского оказалась не слишком удачной и графу Фландрии пришлось удовлетвориться получением Антверпена.
- ²⁶ Фруассар Ж. Манускрипты «семейства А/В» // Фруассар Ж. Рассказы Валансьеннского горожанина... С. 539.
- ²⁷ В «Краткой хронике Бодуэна Авенского» сообщается, что фламандцы привезли своего графа в Берг на заключение помолвки с английской принцессой как пленника. См.: Istore et chroniques de Flandres, d'après des textes de divers manuscrits... Vol. 2. P. 49–50.
- ²⁸ Фруассар Ж. Манускрипты «семейства А/В». С. 540–541; Фруассар Ж. Рассказы Валансьеннского горожанина... С. 336–337; *Oeuvres de Froissart. Chroniques. Vol. 17. P. 239–241.*
- ²⁹ *Conventiones, literae, et cujuscunque generis acta publica, inter Reges Angliae et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, vel communitates / ed. T. Rymer. Vol. 2. Hagae Comitum, 1760. Pt. 3. P. 165, 190–191; Pt. 4. P. 37, 55–56, 62.*
- ³⁰ *Green M. A. E. Lives of the Princesses of England. L., 1857. Vol. 3. P. 177–178.*
- ³¹ *Wilkinson B. A Letter to Louis de Male, Count of Flanders... P. 178–181, 185–186.*
- ³² М. В. Аникиев сообщает в комментариях к своему переводу Фруассара некоторые другие подробности о заключении этого брачного договора, а также то, что Людовик Мальский бежал из Фландрии 28 марта, после того, как Эдуард III, разрешивший графу отложить заключение брака, потребовал, чтобы он встал во главе сил фламандцев и выступил против войск Филиппа VI. См. Фруассар Ж. Рассказы Валансьеннского горожанина... С. 769–770. Примеч. 284, 285.
- ³³ *Dumolyn J. Guild Politics and Political Guilds in Fourteenth-Century Flanders... P. 32, 38, 40.*

Образец для цитирования:

Майзлиш А. А. В поисках согласия: города и граф Фландрии в начале правления Людовика Мальского // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 458–463. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-458-463>

Cite this article as:

Mayzlish A. A. In Search of Agreement: the Towns and the Count of Flanders at the Beginning of Louis of Male Reign. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 458–463 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-458-463>

УДК 94(420)“15”

ИНКОРПОРАЦИЯ ФАВЕРШЕМА: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ГОРОДСКОЙ ОБЩИНЫ

А. А. Анисимова

Анисимова Анна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени, Институт всеобщей истории РАН, Москва, anisimova@igh.ru

В статье рассматривается характерный для позднесредневековой Англии процесс становления юридически признанной городской корпорации через получение грамоты об инкорпорации. Монастырские города в силу своих обстоятельств (небольшого размера, влияния сеньора и др.) во многом запаздывали в восприятии новых тенденций, тем более в вопросах самоуправления (автономии). Тем не менее роспуск монастырей дал им возможность кардинально изменить свое положение. Необходимо, правда, отметить, что только города, где подспудно шло развитие городской общины еще под властью монастыря, смогли пройти процесс инкорпорации. Таким образом, получение соответствующей грамоты означало не столько создание, сколько официальное признание существующей городской корпорации; и оно было подготовлено всем предшествующим развитием. В то же время это был необходимый шаг, так как Дислолюция нарушила существующие связи и сделала такие города уязвимыми перед лицом потенциальных сеньоров или даже короля. В данной статье все эти проблемы рассмотрены на примере одного монастырского города – Фавершема.

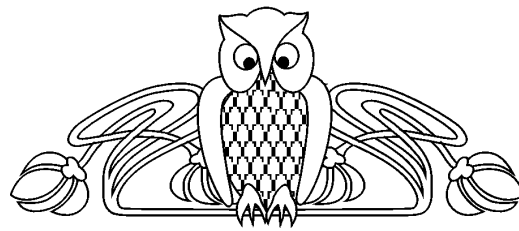
Ключевые слова: средневековая Англия, Реформация, Дислолюция, монастырские города.

Incorporation of Faversham: Creation of an Urban Community

А. А. Anisimova

Anna A. Anisimova, <https://orcid.org/0000-0002-3648-9325>, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 32A, Leninsky Prosp., Moscow, 119334, Russia, anisimova@igh.ru

The article deals with a characteristic in late medieval England process of formation of a legally recognized urban corporation through the procurement of an incorporation charter. Due to their specific circumstances (small size, influence of their lords, etc.), monastic towns were, in many respects, late in adopting new tendencies, especially in the issues of self-government (autonomy). Nevertheless, the dissolution of religious houses in 1536–1540 provided them with an opportunity to fundamentally change their position. It is necessary to note, however, that only those towns where an urban community had developed (maybe not in secret but without recognition) under the rule of the monasteries were able to form a corporate body. Thus, the grant of an incorporation charter meant not so much creation as official recognition of an existing urban community, which had been prepared by the previous development. Meanwhile, it was an essential measure, as the Dissolution disrupted the existing connections and made such towns vulnerable in front of potential interest from lords or even the king. All these issues are examined on the example of Faversham, a monastic town in Kent.

Key words: medieval England, Reformation, Dissolution, monastic towns.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-464-469>

На протяжении XIII–XV вв. монастырские города боролись за автономию от своих сеньоров, пытаясь создать собственную администрацию, получить судебные и другие полномочия, максимально дистанцироваться от вмешательства сеньора во внутренние дела города. Несколько ранее схожие процессы происходили и в городах с другими сеньорами. Роспуск монастырей в 1536–1540 гг. позволил городам выйти из-под власти монастырей, но в то же самое время он не решил автоматически проблемы городов в отношении самоуправления, так как права их сеньоров перешли в королевскую руку и могли быть пожалованы любому лицу. Между тем ряд городов воспользовались моментом (процессами середины XVI в., политикой центральных властей), чтобы создать автономную городскую корпорацию, которая во многом завершила складывание и развитие городской общины в городах, происходившие на протяжении веков под властью монастырей. Это способствовало всплеску в череде инкорпораций, которым ознаменовалась середина XVI в.: только в 1540–1558 гг. были пожалованы 44 грамоты об инкорпорации (из них 7 – бывшим монастырским городам)¹. Разумеется, этот процесс затронул не только монастырские города.

Рассмотрим кратко историю инкорпорации английских городов. Под данным термином понимается процесс создания городской общины как юридического лица. Основные характеристики такой общины по представлениям XV в. включали: право непрерывного правопреемства, право использования «общинной печати» для выражения воли общины, право подавать иск и привлекаться в качестве ответчика, право издавать местные законы и право совместно владеть собственностью². Правда, они вырабатывались постепенно. Инкорпорация стала логичным продолжением развития городского статуса, обеспечиваемого пожалованием городских грамот в XII–XIII вв., благодаря которым к началу XIV в. сложилось понятие «свободного бурга»³. Согласно грамотам, уже в XIII в. некоторые города располагали отдельными из вышеобозначенных привилегий, за исключением права приобретать и коллективно владеть недвижимостью. Похо-

жими правами располагала тогда церковь. Первым городом, который прошел инкорпорацию, был Ковентри (1345 г.). Классическим временем создания городских корпораций в Англии считается середина XV века.

Можно сказать, что основные идеи о том, что это такое, более менее устоялись к концу XV в. и были достаточно широко известны. Так, отстаивая свое право на городскую корпорацию («город Рединг является старинным бургом и является корпорацией под именем Стража и горожан купеческой гильдии Рединга с незапамятных времен»), в жалобе против аббатства начала XVI в. жители Рединга (графство Беркшир) в качестве доказательства приводили следующие доводы: 1) наличие корпоративной собственности; 2) представление двух человек в парламент; 3) наличие общинной печати в Гилдхолле, которой свободно пользовались; 4) освобождение (по пожалованию короля) от пошлин по всей Англии и от присутствия на сотенных и графских судах и др. Как они утверждали, страж и горожане Рединга обладали всем этим по праву своей гильдии за уплату 1 пенни королю, причем задолго до основания и строительства монастыря⁴. В ответ аббат одноименного монастыря возразил, что: 1) нет никаких записей, свидетельствующих в пользу существования корпорации, а указанный платеж выплачивался горожанами аббату; 2) представление двух горожан в парламент не является достаточным доказательством существования корпорации; 3) наличие общинной печати также не является доказательством этого; 4) сотенный суд был пожалован аббату задолго до пожалования освобождения от него горожанам⁵.

Из данной дискуссии можно увидеть, что как у горожан, так и у их сеньора были определенные представления, пусть и различные, о том, что представляет собой городская корпорация. При этом некоторые из этих представлений действительно совпадают с тем, что считается характерными чертами инкорпорированной городской общины.

Кроме того, в этом обмене мнений есть еще указание на одно важное обстоятельство для судеб монастырских городов в период Реформации: некоторые их привилегии (и права) основывались на пожалованиях, полученных в свое время их сеньорами-монастырями. Соответственно, в условиях уничтожения последних, появилась необходимость закрепить данные привилегии непосредственно за городами. Зачастую это касалось таких вопросов, как освобождение от пошлин и других поборов или, что более важно в данном случае, наличие собственного сотенного суда и освобождение от других местных инстанций (например, суда графства, вмешательства шерифа). И хотя многие городские общины считали, что они сами обладают данными привилегиями (как видно из приведенного выше

примера Рединга), в действительности это было не всегда так.

Рассмотрим, как процесс инкорпорации проходил в Фавершеме, небольшом монастырском городе, расположенном на северном побережье графства Кент. Монастырь-сеньор – аббатство Фавершем – было распущено в 1538 г., а его собственность оказалась в руках короля (точнее, специально учрежденного для этого органа – Court of Augmentations, позднее (с 1554 г.) Augmentation office в Казначействе).

Начиная с середины XIII в. горожане Фавершема отстаивали свое право на самоуправление и связанные с ним различные привилегии. В ходе борьбы за свою автономию они получили целый ряд королевских грамот (1252, 1261, 1302, 1364, 1388, 1408, 1420, 1421, 1434, 1446, 1454 и 1476 гг.), закрепляющих отдельные привилегии городской общины. К тому же целый ряд привилегий был закреплен за жителями Фавершема королевскими грамотами, пожалованными Пяти Портам (1260, 1278, 1298, 1313, 1465, 1487 и 1510 гг.), конфедерации, в которой они были полноценными членами. Кроме того, имели место ряд разбирательств в королевском суде (например, в 1257–1258, 1304–1305, 1511 гг.), а также соглашения между горожанами и их сеньором (1245/1246, особенно 1310 г.)⁶. Весь этот массив документов определял положение городской общины на тот момент, когда произошел роспуск монастыря-сеньора.

Наконец, с конца XIV в. община предприняла составление так называемой «Первой городской книги Фавершема», включающей тексты основных городских документов – грамот, записей обычаев, формуляров и т. д.⁷ В добавление к этому велась «Вторая городская книга Фавершема», в которой с 1506 г. осуществлялись регулярные записи относительно заседаний, доходов и расходов городской общины, а в целом она содержит материалы начиная с 1436 г.⁸ В 1466 г. был издан меморандум, согласно которому все решения, принятые на заседаниях городского совета Фавершема, должны были записываться⁹.

Основываясь на данных документах, можно сделать следующий вывод: несмотря на тот факт, что формально город оставался в подчинении у своего монастырского сеньора до самого конца его существования, в Фавершеме сложилась крепкая городская община, которая имела свои постоянные органы, осуществляла управление городом, вела регулярные записи, обладала общинной печатью и коллективной собственностью.

Если более подробно проанализировать упомянутые выше критерии корпорации, то получается следующее. Собственная городская печать появилась в городе возможно уже в XII в. По крайней мере, именно так датируют матрицу данной печати, хотя есть и предположения относительно начала XIII в.¹⁰ Сама печать сохранилась на документе (долговой распис-

ке мэра и общины Фавершема) 1295 г. и обладает надписью «Печать баронов Фавершема» (S [BARONVMDEFIVERS] HAM)¹¹. Ко времени правления Эдуарда I относят и появление второй городской печати, с более сложным рисунком¹². Нет никаких документов, которые бы закрепляли право на общины на свою печать, равно как и на собственную печать мэра. Из всех инсигний Фавершема только право нести жезл мэра (и его символика) были закреплены королевским пожалованием (грамота от 8 марта 1420 г.). В записи городских обычаев (вторая половина XIV в.) печать общины упоминается только в связи с репрессалиями: ею заверяется письмо мэра должнику касательно его долга перед членом общины¹³, в то же время из формуляров документов в «Первой городской книге» следует, что к ним мэр прикладывал свою печать, а не общинную¹⁴. Однако к общему договору Пяти Портов (1307 г.) и к соглашению между Дувром и Фавершем (1394 г.) была приложена именно городская печать¹⁵.

Общинная собственность была представлена тремя усадьбами, которые городская община держала у монастыря: «Корабль» на южной стороне Уэст-стрит, «Якорь» на западной стороне Норт-стрит и безымянная община на восточной стороне той же улицы. Из отчетов казначеев города известно, что в XVI в. доход с «Корабля» составлял 44 ш., при ренте, которая выплачивалась монастырю, в 4 ш.; у «Якоря» – 20 ш. и 18 п. соответственно. Фирма усадьбы на Норт-стрит составляла 8 ш. (при ренте в 6 п.), но она не выплачивалась, а оставалась Роберту Пайперу, который там жил¹⁶. В то же время не сохранилось никаких сведений о пожалованиях в пользу городской общины или о необходимых в таких случаях разрешениях короля в соответствии со статутом о мертвой руке.

Что же касается права городской общины выступать в суде и подавать иски, то начиная с середины XIII в. в королевском суде проходили разбирательства между «мэром и общиной»¹⁷ Фавершема, с одной стороны, и аббатом Фавершема, с другой. Схожим образом между сторонами заключались и соглашения. Позднее с рубежа XIII–XIV в. как единая «община» горожане Фавершема будут выступать также против стража Пяти Портов. Таким образом, хотя это право также нигде и не было специально прописано, община Фавершема фактически им обладала.

Сложнее обстоит дело с правом издавать местные законы. Таких прав официально у общины Фавершема не было, но можно отметить практику декларации каждым новым мэром касательно порядка в городе (записана в городских книгах)¹⁸. Соответственно, право непрерывного преемства городской общины также не было официально зафиксировано. Если вспомнить аргументацию жителей Рединга, то можно также отметить, что Фавершем самостоятельно не

посылал от имени своего города людей в парламент, однако согласно соглашению 1438 г. он принимал участие в посылке представителей Дувра (один из двух представителей данного города был из Фавершема)¹⁹.

Таким образом, хотя на момент роспуска монастыря Фавершем не был инкорпорирован, что в целом было характерно для некоролевских городов, его община фактически обладала целым рядом черт, которые были присущи корпорации. Впрочем, есть мнение, что членство в Конфедерации Пяти Портов обеспечивало корпоративный статус городам²⁰. В то же время Фавершем по-прежнему оставался под властью своего монастырского сеньора.

8 июля 1538 г. было распущено аббатство Фавершем. В управлении города диссолюция кардинально ничего не поменяла. 3 сентября 1538 г. Уильям Роупер, стюард бывшего монастыря Фавершема, пишет письмо сэру Ричарду Ричу, так как он не уверен, что надлежит делать касательно практики избрания мэра одноименного города. Согласно существующей практике на следующий день после Михайлова дня аббат выбирал мэра из трех кандидатур, представленных ему городом. Затем новый мэр приносил присягу аббату или его стюарду²¹. В свою очередь, сэры Ричард Рич консультируется у Кромвеля, кому будет передана данная практика: королю, Кромвелю или, может быть, Ричу как представителю двора короля (письмо от 6 сентября)²². 14 ноября 1538 г. в Курии прибылей²³ предстал Уильям Роупер, который предъявил документы монастыря Фавершем, подтверждающие, что в 1519 г. он и его отец были назначены верховными стюардами аббатства для владений в Кенте, с выплатой определенной ежегодной ренты. Так как предъявленные документы сомнений не вызвали, то было решено оставить за Роупером его положение и назначить ему ежегодную ренту в 8 ф. 6 ш. 8 п., выплачиваемую королевским распорядителем из доходов бывших монастырских земель²⁴.

В записях «Второй городской книги» можно увидеть, что после роспуска монастыря записи общины носят примерно тот же характер: списки должностных лиц города и отчеты городских казначеев. Единственное, если в 1530–1533 гг. указывалось, что отчеты проходили в присутствии аббата и имели место в монастыре²⁵, то с 1539 г. таких упоминаний нет²⁶. У королевских должностных лиц Фавершем появляется в отчетах за 1537–1538 финансовый год, где упомянуты главный стюард, под-стюард, бейлиф и казначей города²⁷. В списке должностных лиц города на 1543–1544 гг. есть пометка, что один казначей от короля, а другой – от города²⁸.

Между тем в новых условиях горожане решили предпринять действия для того, чтобы укрепить положение своей общины. В меморандуме от 3 ноября 1544 г. говорится, что мэр, присяжные и община города наняли некоего Томаса

Ардена²⁹, джентльмена, чтобы тот получил у короля патентное письмо (по сути, грамоту) об инкорпорации города Фавершема³⁰. Кроме того, специально отмечалась необходимость получения вместе с этим следующего: права отчуждать в мертвую руку земли, которые принадлежат городу, согласно завещанию Генри Хэча, а также доходы с ярмарок и от отправления правосудия в городе.

Таким образом, важным мотивом принятых действий также было получение завещанного общине Генри Хэчем, зажиточным горожанином Фавершема³¹, который умер в мае 1533 г., не имея потомства. Согласно последнему завещанию³², он оставил все свое состояние городу (за исключением отдельных небольших пожалований родственникам и церкви), оговорив, правда, при этом условие, что его вдова Джоан получит пожизненное владение³³. Данное имущество включало земли в Сассексе и Кенте. Исполнителями последней воли были назначены Джоан и Ричард Драйленд-старший, один из ведущих горожан Фавершема, а блюстителем – Роберт Мейкоут, также из города. Генри Хэч обозначил, на что именно стоило потратить завещанное: ремонт дорог и набережной в городе, улучшение состояния общественного колодца, строительство ратуши и др. При этом город должен был получить у короля разрешение на данное пожалование, в случае же неудачи предписывалось распродать всю недвижимость³⁴. В тексте завещания очень подробно выстраивается сложная процедура постепенной передачи имущества общине после смерти Джоан.

Последующая история борьбы города за получение данного наследства с потенциальными наследниками и родственниками Генри Хэча затянулась на более чем 40 лет и ознаменовалась четырьмя судебными разбирательствами³⁵. Большую часть данной истории мы знаем исходя из показаний на судебных процессах, касательно этого завещания. Джоан вышла замуж за Генри Амкоттса, крупного купца, и переехала в Лондон (где ее муж стал лордом-мэром в 1548–1549 гг., тогда же получил рыцарское достоинство). Прежде всего, суды были связаны с недовольством родственников (кузенов и племянников) Генри Хэча тем, как тот распорядился своим имуществом. В 1538 г. Морис Муркок подал иск в суд общих тяжб на Джоан и Генри Амкоттсов из-за земель в Сассексе. Именно тогда Фавершем оказался вовлеченным в борьбу за обладание наследством. Из заявлений, сделанных в ходе более поздних судебных разбирательств, следует, что Ричард Драйленд был инициатором денежной помощи со стороны городской общины. О затратах на данную тяжбу есть запись в расходах за 1539–1540 год³⁶. Повторный иск был подан Муркоком в 1542 г., но в итоге он дело проиграл.

Затем Генри Амкоттс обнаружил в сундуке жены текст завещания, отличный от того, кото-

рое было утверждено, и появились обвинения в подлоге. В борьбу за наследство Генри Хэча включились другие родственники (его племянник – Эдуард Паркер и племянник его жены – Генри Голдфинч). Активную роль в деле сыграл сэр Ричард Саквиль, который познакомился с делом еще во время тяжбы Муркока и приложил усилия к тому, чтобы завещание было оспорено другими родственниками Генри Хэча. Теперь уже дело рассматривалось в суде лорд-канцлера³⁷.

Между тем в 1546 г. город получил разрешение на приобретение этих земель по завещанию (в рамках грамоты об инкорпорации), что возмутило Джоан, так как она считала, что горожане должны были дожидаться ее смерти и только потом хлопотать о наследстве. Она также включилась в борьбу против Фавершема. Длительные судебные тяжбы привели к огромным расходам со стороны городской общины, которая в 1570 г. приняла решение о продаже практически всего общинного имущества, а также о сборе специального налога с жителей, чтобы покрыть затраты на тяжбу с леди Амкоттс и Паркером³⁸. В 1573 г. (спустя 40 лет после смерти Генри Хэча) умерла Джоан, и началась борьба касательно исполнения ее завещания, а также условий ее первого мужа. На следующий год горожане построили новую ратушу на рыночной площади. Наконец, в 1578 г. было достигнуто соглашение между городом и Паркером, по которому Фавершем получил все земли в Кенте и Сассексе³⁹.

Считается, что город потратил на получение наследства примерно столько же, сколько составляла стоимость завещанного. Тем не менее отстаивание прав города в этом деле сплотило общину, заставило её членов активно искать союзников в Лондоне, также способствовало получению королевской грамоты и оформлению общины.

Таким образом, спустя несколько лет после диссольции, 27 января 1546 г., горожане получили грамоту об инкорпорации⁴⁰, согласно которой в Фавершеме устанавливалась корпорация с печатью и правом приобретать движимое и недвижимое имущество без специального разрешения, правом владеть и свободно распоряжаться тем имуществом, которым она уже располагает, судебными полномочиями, собственной тюрьмой, правом на конфискованное имущество, рыночными правами, правом издавать местные законы. Кроме того, грамота определяет состав должностных лиц города: мэра, 12 присяжных, 56 фрименов, сержант, а также порядок их выборов в дальнейшем.

На оплату королевской грамоты Томасу Ардену было передано 13 ф. 4 ш. 6 п.⁴¹ Кроме того, горожане должны были ежегодно платить королю 8 ф.⁴², для чего производился специальный сбор средств. В городской книге содержится меморандум об уплате в 1546 г. 8 ф. представителю короля, а также 6 ф. Уильяму Роуперу, королев-

скому (отметим, бывшему монастырскому) стюарду в Фавершеме, которые община обязалась ежегодно выплачивать до конца его жизни⁴³.

Формальная инкорпорация Фавершема вписывается в схожее развитие некоторых других монастырских городов, которые также прошли через данную процедуру (получили соответствующую грамоту) в примерно это же время – Рединг (1542 г.)⁴⁴, Сент-Олбанс (1553 г.)⁴⁵, Абингдон (1556 г.)⁴⁶ и др. Однако хочется отметить, что все эти города характеризуются активной деятельностью горожан еще во времена их сеньоров-монастырей, поэтому можно говорить о том, что королевская грамота во многом, как и в случае Фавершема, означала признание уже сложившейся и существующей общины.

Можно отметить, в каждом отдельном случае были свои сложности и причины для инкорпорации. Так, в 1544 г. жители Ромси (графство Хэмпшир) образовали общину «приходских старост и жителей города и прихода», и основной причиной этого стала необходимость выкупить свою приходскую (бывшую монастырскую) церковь⁴⁷. Поэтому, например, Р. Титлер отказывается считать их общину городской корпорацией⁴⁸. Более обстоятельную грамоту (с мэром, элдерменами и горожанами) Ромси получил только в 1607 г.⁴⁹

В то же время Данстебл, королевский город, пожалованный монастырю, жители которого весьма активно себя проявили на протяжении Средних веков, наоборот потерял свое положение: в 1542 г. он как манор был присоединен к коронным землям в Бедфордшире (владения Амфилл) и находился под управлением королевского бейлифа⁵⁰. А инкорпорацию Данстебл получит только в 1864 г. Таким образом, переход в королевскую руку мог означать потерю прежнего (пусть и неофициального, без инкорпорации) статуса. Данный пример лишний раз подтверждает, почему для городов было так важно получить королевскую грамоту, закрепляющую существование их общин.

Примечания

- 1 Tittler R. The Incorporation of boroughs, 1540–1558 // *History*. 1977. Vol. 62. P. 24.
- 2 Tittler R. *Op. cit.* P. 25 ; Weinbaum M. The Incorporation of Boroughs. Manchester, 1937. P. 18.
- 3 Weinbaum M. *Op. cit.* P. 16–17.
- 4 Slade C. F. Reading Records (4). Documents Concerning Relations Between Town and Abbey c. 1500 AD // *Berkshire Archaeological Journal*. 1963–1964. Vol. 61. P. 52–53.
- 5 *Ibid.* P. 53–55.
- 6 Многие документы были опубликованы: Tann P. The Royal Charters of Faversham, including the Magna Carta. Faversham, 2013.
- 7 Об этом подробнее см.: Анисимова А. А. «Первая городская книга Фавершема»: история и контекст

составления // «Ради блага города»: Городские правовые сборники / сост. А. А. Анисимова, Г. А. Попова. Прил. к журн. «Средние века». М., 2014. Вып. 8. С. 89–116. Её текст опубликован: The First Town Book of Faversham // *The Early Town Books of Faversham*, c. 1251–1581 / eds. D. Harrington, P. Hyde. Chippenham, 2008. Part 1–2. P. 1–76. Пер.: Первая городская книга Фавершема // «Ради блага города»: Городские правовые сборники. С. 119–234.

- 8 The Second Town Book of Faversham // *The Early Town Books of Faversham*. P. 77–541.
- 9 *Ibid.* P. 83–84.
- 10 Faversham, Dover and the Cinque Ports // *Tann P. The Royal Charters of Faversham*. P. 80.
- 11 Фотография документа с печатью см.: *Ibid.* P. 96.
- 12 *Ibid.* P. 81. Матрица данной печати хранится у городского совета Фавершема.
- 13 Первая городская книга Фавершема. С. 152–153.
- 14 Там же. С. 169, 172, 173, 175, 176, 180.
- 15 Там же. С. 183, 203.
- 16 The Second Town Book of Faversham. *Passim*.
- 17 Правда, в самых ранних разбирательствах они фигурируют как «люди» (*homines*) или «бароны».
- 18 Первая городская книга Фавершема. С. 124–125.
- 19 Там же. С. 216–218.
- 20 Bower J. Kent Towns, 1540–1640 // *Early Modern Kent, 1540–1640* / ed. by M. Zell. Woodbridge, 2000. P. 145–146.
- 21 Henry VIII : September 1538, 1–5 // *Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII* / ed. J. Gairdner. L., 1893. Vol. 13, part 2, № 274. P. 110.
- 22 Henry VIII : September 1538, 6–10 // *Ibid.* № 290. P. 116.
- 23 Так «Court of Augmentations» переводил А. Н. Савин. См.: Савин А. Н. Английская секуляризация. М., 1907.
- 24 Текст меморандума см.: Hyde P. Thomas Arden of Faversham : the Man Behind the Myth. Faversham, 1996. P. 240–241.
- 25 The Second Town Book of Faversham. P. 128, 130.
- 26 *Ibid.* P. 139.
- 27 Sixteenth Century : Dissolution of the Abbey and Grant of Town Charter in 1546 // *The Early Town Books of Faversham*. P. lxxix.
- 28 The Second Town Book of Faversham. P. 142.
- 29 Он был принят в общину города в 1543–1544 г.: *Ibid.* P. 141.
- 30 Текст меморандума опубликован: Hyde P. Thomas Arden of Faversham. P. 214.
- 31 Из записей Второй городской книги следует, что он был членом городского совета (двадцати четырех) (1516, 1518, 1519, 1520, 1521, 1523, 1524 гг.), казначеем (1518–1519 гг.), аудитором (1523, 1527, 1529 гг.), присяжным (1531 г.).
- 32 Генри Хэч составил множество завещаний, как на бумаге, так и на пергамене. Последнее было записано за 3 дня до его смерти, когда он был уже серьезно болен.
- 33 Такая практика была характерна и для других городов, в том числе Лондона. См.: Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла : деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М.; СПб., 2016. С. 310–316.

- ³⁴ Текст завещания записан также в городской книге : The Second Town Book of Faversham. P. 535–537. По свидетельству последующих судебных разбирательств это было сделано в 1540 г.
- ³⁵ Подробнее об этой истории см.: Hyde P. G. M. Henry Hatch and the Battle over his Will // *Archaeologia Cantiana*. 1985. Vol. 102. P. 111–128 ; Hyde P. Henry Hatch // Hyde P. Thomas Arden of Faversham. P. 480–489.
- ³⁶ The Second Town Book of Faversham. P. 135.
- ³⁷ Упорную борьбу за наследство вели не только горожане, но и, например, представители джентри. См.: Чернова Л. Н. Письма Амбургов : новые возможности для изучения английского джентри XV века // Историческая наука и судьбы историков : преемственность и инновационные подходы : материалы Всерос. науч. конф. в рамках Междунар. науч. симпозиума, посвящ. 100-летию гуманитарного образования в СГУ / под общ. ред. Л. Н. Черновой. Саратов, 2017. С. 50.
- ³⁸ Ibid. P. 284–289.
- ³⁹ Hyde P. G. M. Henry Hatch and the Battle over his Will. P. 128.
- ⁴⁰ Tann P. The Royal Charters of Faversham. P. 150–160.
- ⁴¹ The Second Town Book of Faversham. P. 146.
- ⁴² Любопытно, что данный платеж совпадает с оценкой доходов от судебных инстанций в городе Фавершем согласно одному документу, хранящемуся в архиве Ламбетского дворца. Пер. текста см.: Hyde P. Thomas Arden of Faversham. P. 253.
- ⁴³ The Second Town Book of Faversham. P. 147.
- ⁴⁴ Reading Records. Diary of the Corporation / ed. by J. M. Guilding. L., 1892. Vol. 1 : Henry VI to Elisabeth (1431–1602). P. 176–177.
- ⁴⁵ British Borough Charters, 1307–1660 / ed. by M. Weinbaum. Cambridge, 1943. P. 54.
- ⁴⁶ Ibid. P. 3 ; Brod M. Abingdon in Context : Small Town Politics in early Modern England, 1547–1688. Peterborough, 2010.
- ⁴⁷ British Borough Charters, 1307–1660. P. 48 ; Henry VIII : February 1544, 26–29 // Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII / eds. J. Gairdner, R. H. Brodie. L., 1903. Vol. 19, part 1. P. 81–82.
- ⁴⁸ Tittler R. Op. cit. P. 24.
- ⁴⁹ Burbridge B., Merrick P. Romsey in Charter year 1607 : and the Years that Followed. Romsey, 2007.
- ⁵⁰ Parishes : Dunstable // A History of the County of Bedford / ed. by W. Page. L., 1912. Vol. 3. P. 361.

Образец для цитирования:

Анисимова А. А. Инкорпорация Фавершема: к истории создания городской общины // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 464–469. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-464-469>

Cite this article as:

Anisimova A. A. Incorporation of Faversham: Creation of an Urban Community. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 464–469 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-464-469>

УДК 655.26(427.1)|15|+929 Даниэль Адам Велеславин

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ ЧЕШСКОГО ТИПОГРАФА XVI ВЕКА ДАНИЭЛЯ АДАМА ВЕЛЕСЛАВИНА

Е. Н. Многолетняя

Многолетняя Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Elenamnogoletnjaja@rambler.ru

В статье автор рассматривает один из аспектов издательской деятельности чешского типографа XVI в. Даниэля Адама Велеславина, в частности издание трудов лексикографического характера, анализирует данную продукцию, выявляет роль изданий в культурной жизни Чехии XVI в. Обращение к источникам (библиографическим спискам чешских книг, предисловиям и посвящениям типографа) позволяет говорить о том, что интерес Велеславина к данной продукции был целенаправленным, поскольку он своими трудами восполняет потребность чехов в иноязычных словарях и становится, таким образом, основателем чешской лексикографии. За время своей деятельности Велеславин составил и издал в своей типографии «Словарь латинского языка» (1579 г.), трехязычный латино-чешско-немецкий «предметный словарь» (1586 г.), «Словарный состав четырехязычный» (1598 г.) и два сборника крылатых латинских выражений (1580 и 1589 гг.).

Ключевые слова: книгопечатание в Чехии, чешские типографы, издательская деятельность, репертуар книжной продукции, словари.

Lexicographic Works of the Czech Printer of the XVI Century Daniel Adam Veleslavin

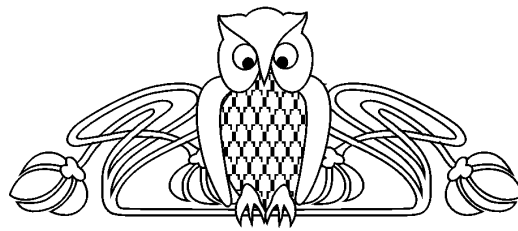
Е. Н. Mnogoletnyaya

Elena N. Mnogoletnyaya, <https://orcid.org/0000-0002-2079-6080>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, Elenamnogoletnjaja@rambler.ru

In the article the author considers one of the aspects of the publishing activity of the Czech typographer of the 16th-century Daniel Adam Veleslavin, in particular the publication of works on lexicography, the author analyzes this produce, and also reveals the role of the publications in cultural life of the Czech of the 16th century. The appeal to sources (bibliographical lists of Czech books, forewords and dedications of the typographer) makes it possible to say that Veleslavin's interest in this kind of the product was purposeful, since his works replenish the need of the Czechs in foreign dictionaries and thus he becomes the founder of Czech lexicography. During the period of his activity Veleslavin compiled and published in his printing house: «Dictionary of the Latin language» (1579), trilingual Latin-Czech-German «subject dictionary» (1586), «Dictionary composition of four languages» (1598) and two collections of popular Latin expressions (1580 and 1589).

Key words: book printing in Bohemia, book printer, publishing, repertoire of books, dictionaries.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-470-473>

Многочисленны труды чешского типографа XVI в. Даниэля Адама Велеславина¹ в области чешской лексикографии. К переводческой деятельности Даниэля Адама Велеславина, мы считаем, можно отнести его словари и несколько сборников переводов крылатых латинских выражений. Чешская лексикография до Велеславина уже имела свою традицию, хотя основателем чешской лексикографии в собственном смысле слова является Велеславин. Он проявил себя прекрасным знатоком чешского языка.

У истоков лексикографической традиции стояли междустрочные или маргинальные (записи на полях страницы) комментарии, то есть чешский перевод латинских слов в различных многоязычных памятниках письменности. Систематический словарный состав собрал стихотворный чешско-латинский словарь, который составил магистр Кларет (Бартоломей из Хлумце) в начальный период истории Пражского университета в годы правления императора Карла IV². Всего им было составлено три словаря. В этих первых латинско-чешских словарях («Словарь грамматический», «Vokabular gramaticy», «Bohemar glossar») Кларет собрал огромный материал. Его бесспорная заслуга состоит в том, что он предпринял попытку достичь соответствия родного языка уровню и требованиям европейской образованности³. В обращении находился и так называемый «Mammotrekty» (сборник латинских слов и библейских текстов с их чешским переводом)⁴. Велеславин в одном из предисловий упоминает один из тех «Mammotrekty». Даниэль Адам, очевидно, знал и латинско-греческий «Лактифер» Яна Бошака Воднянского, изданный в 1511 г., и трехязычный «Словарь», изданный впервые в 1546 г. и в последующих изданиях, который использовался в школах. От его внимания, очевидно, не скрылся и четырехязычный словарь Зигмунда Грубого из Елени, напечатанный в 1537 г. в Базеле, в знаменитой типографии Фробена, где автор работал корректором.

Как мы можем судить по его изданиям, мнение Велеславина о существующей лексикографической традиции было весьма критичным, ибо он полагал, что ни один из указанных словарей не удовлетворяет потребностей времени⁵. При этом одной из главных таких потребностей считал обеспечение студентов словарями. Эту потребность он хорошо знал из собственного опыта, поэтому стремился заменить зачастую слишком обширные и неудобные словари совре-

менным пособием, в котором бы нашли отражение лексические выражения и представленческие модели человека того времени. Правда, тут он пользуется трудами своих предшественников, выбирая все наиболее ценное из них, заново перерабатывает, привносит в эти собрания немало нового.

Среди словарных работ Велеславина первым по времени изданием является «Словарь латинского языка», составленного на основе латинско-немецкого словаря известного немецкого филолога Б. Фабра (1579 г.)⁶. Словарь этот предназначался для нужд «всего чешского юношества», как отмечалось уже в самом заглавии. В своем предисловии Велеславин пишет: «давно уже в чешском обществе ощущалась потребность в таком словаре»⁷. Прежние словари были неудовлетворительными и по своей неполноте, и по своему неточному различению значений слов.

В этот период в обращении были два словаря: латинско-чешский словарь, составленный П. Дасиподиумом, так как «дасиподиус», изданный в 1581 г.⁸, и извлечение из него латинско-чешский и чешско-латинский словарь, составленный Томашем Решелом, так называемый «решелов словарь», изданный в Оломоуце (1560 г.)⁹, раньше оригинала, на основе которого он был составлен.

Из словаря Б. Фабра Велеславин позаимствовал части материала для своего словаря, при этом он вместо немецкого перевода латинских выражений дал их чешский перевод, оставив, впрочем, некоторые латинские выражения без перевода в том случае, где он или не понимал их истинного значения, или не мог его надлежащим образом передать. Также он сохранил алфавитное распределение материала, которое было в словаре Фабра.

Сам Велеславин не скрывает недостатков своего словаря, проистекающих от того, что составителю были не доступны другие латинско-чешские словари. Поэтому он в предисловии «просит всех знатоков языка указать ему все недостатки»¹⁰.

Система, которой следовал Велеславин в распределении материала в этом словаре, состояла в следующем: все латинские слова располагались в алфавитном порядке, к ним присоединены некоторые иностранные слова, особенно греческие, которые встречаются у латинских авторов и вошли в литературный латинский язык. Отдельным латинским словам даны латинские описания, во-первых, с той целью, чтобы новички в латинском языке узнали его богатство, во-вторых, чтобы всякий, если данное чешское толкование слова покажется ему менее соответствующим смыслу, мог составить по собственному разумению лучший перевод¹¹.

Замечательно, что Велеславин, подражая Фабру, очень точно и удачно переводит в большинстве случаев затруднительные латинские

фразы. Даже сегодня трудной задачей для переводчика является перевод пословиц и поговорок, смысл которых не может передать дословный перевод, когда для каждого случая нужно искать в местной народной словесности соответствующие параллели¹². Велеславин удачно и точно переводит латинские пословицы и крылатые выражения, обозначая соответствующими чешскими пословицами и выражениями. С каким мастерством умел переводить с латинского Велеславин, мы можем проверить на нескольких примерах: латинское выражение «Speret pretio non emo» в дословном переводе «Надежду за деньги нельзя купить» переведено словами на чешский язык – «Неприлично по воробьям яйцами бросать», «Лучше иметь синицу в руке, чем журавля в небе». Или к латинской фразе «Из морской лужайцы не родится роза» Велеславин нашел подходящую чешскую параллель: «Сова не высидит сокола»¹³.

Следующим по времени изданным словарем является трехязычный латино-чешско-немецкий «предметный словарь» (1586 г.)¹⁴. Он является извлечением из знаменитого словаря голландского естествоиспытателя и философа Адриана Юния, напечатанного в Антверпене в 1567 г. Велеславин издал этот предметный словарь для школы, желая познакомить учеников с предметами окружающего мира. Поэтому в соответствии с целью Велеславин весь материал разделил на отдельные главы, сообщающие фундаментальные сведения о предметах школьного образования: о человеке, о животных, о пище, растениях, одежде, утвари, мерах и весах и так далее. Каждому латинскому слову была присоединена парафраза или объяснение его, далее следовал чешский и немецкий переводы слова. Известным недостатком словаря явилось отсутствие обширного алфавитного указателя, который был в словаре А. Юния¹⁵. Сознвая несовершенство своего труда, Велеславин впоследствии переработал его и вновь издал в 1598 г. под названием «Предметный словарь четырехязычный»¹⁶.

Насколько полезным было издание словаря свидетельствует тот факт, что «предыдущее издание уже разошлось, притом не только среди чехов, но и среди немцев, изучающих чешский язык»¹⁷. Велеславин надеялся, что после него за труд издания нового словаря возьмется кто-либо более сведущий в чешском и латинском языках и составит лучший вариант. Но, видя равнодушные ученых людей и своих друзей к этому делу, Велеславин решил сам взяться за него. Прежний словарь казался ему неудовлетворительным. Он решил издать четырехязычный словарь, добавив к чешскому и латинскому языкам греческий и немецкий. В предисловии он вспоминает свои школьные годы, когда отсутствие такого словаря затрудняло изучение языков¹⁸. Такие «чудовища», как словари «Лактифер» и «Mammotrekty»,

наводящие ужас уже своими названиями, следовало, по мнению Велеславина, скорее схоронить в глубочайших пучинах, чем вытаскивать вновь на свет Божий. «Из них, – продолжает он, – мы научились такой латыни, что теперь в зрелом возрасте должны от нее отучиваться»¹⁹.

В том же году был издан еще один лексикографический труд Велеславина под названием «Словарный состав четырехязычный» (1598 г.)²⁰. По совету и указаниям магистра Миклаша Альбрехта из Каменка (члена Общины чешских братьев, известного знатока еврейского языка, участника перевода «Кралицкой библии»), с которым Велеславин поделился своими планами, типограф принял за переработку пятиязычного словаря Генфрига Эмеля, который был издан в Страсбурге в 1592 г., взяв его за образец своего нового четырехязычного словаря.

Изяв из него еврейские и французские слова как ненужные для чехов, Велеславин заменил их чешскими словами и расположил их в порядке чешского алфавита, что потребовало переработки всего словаря. Он помнил те упреки, которые делались ему за то, что к первому словарю он не присоединил второй части латинско-чешской, взялся теперь за эту трудную задачу. Латинские, греческие и немецкие слова были взяты из словаря Эмеля, все остальное было заслугой издателя. Велеславин составил всю «bohémicu» (т. е. все, что касалось перевода на чешский язык). В своем посвящении к этому словарю он писал: «Я старался к этим трем языкам присоединить синонимические чешские значения, чтобы для всякого сравнения чешского языка с прочими языками обнаруживалось богатство, и изящество, и красота, в которой он не уступает ни одному другому языку. Я не соглашаюсь с теми, кто клеветает на него, как на язык варварский и отводит ему узкие границы, как языку бедному и не развитому, не пригодному для точных определений. Чешский язык, взращенный нами в том виде обработки, в котором мы пользуемся им: изящен, богат, приятен, величествен и в высшей степени удобен и пригоден для выражения всех материй, как в богословии, так и в философии. И если бы мы, подобно немцам, заботящимся о своем языке, стремились к его украшению, обделке, вложению и распространению, то уже давно перешла бы к нам греческая и латинская образованность в произведениях великих авторов. Давно беседовали бы с нами на нашем родном языке Платон, беседовал бы о природе и нравах Аристотель, декларировал бы речи красноречивый Цицерон, излагал бы историю античности Ксенофонд, Геродот, Гесиод, Ливий, Плутарх и Цезарь. Пели бы нам свои поэмы Гомер, Гесиод, Пиндар, Вергилий, Гораций и Авидий. Представляли бы в нас комедии и трагедии Теренций, Плавт, Софокл и Сенека, изъясняли бы законы император Юстиниан, Папиниан и другие мастера права. Учили бы лечить Гип-

пократ и Галерий»²¹. В этих словах Велеславин выразил чаяния образованных людей чешского общества, связанные с развитием национального языка, с его полноправным положением среди других европейских языков.

В заключении своего посвящения Велеславин заявляет, что он «будет доволен, если его труд побудет составлением нового лучшего словаря более ученых людей»²². По его выражению, «он сломал лед, открыл и указал путь, по которому или могут пойти другие, если признают его прямым, или от него уклонятся, если найдут его ошибочным»²³.

Этот труд Велеславин посвятил «преславным мужам, мудрейшим советникам и лучшим сенаторам Кутной Горы»²⁴. К этому его побудило то обстоятельство, что Кутна Гора была родиной его матери, и жители этого города всегда проявляли к нему особенное расположение. Во-вторых, город этот отличался щедрым покровительством просвещению, не жалея средств на устройство школ, на пособия учащимся и неимущим ученикам. Наконец, кутногорские друзья ему во многом помогли при составлении словаря, подготовив и прислав ему всю терминологию, касающуюся горного дела, названия инструментов, записанную непосредственно от рудокопов²⁵. Велеславин нам сохранил имена тех, кто записал эту терминологию: Якоб Мелишасус, Зикмунд Коцел из Ризентала, Ян Писцис²⁶.

Словарь этот Велеславин разделил на четыре части, в которых собраны слова, имеющие отношение к Богу, природе, человеку, искусству. Чешские слова снабжены переводом на латинский, греческий и немецкий языки.

К словарным работам Даниэля Адама Велеславина следует отнести еще два сборника крылатых латинских выражений.

Первый из этих сборников «Изящные выражения из трех книг переписки Марка Тулия Цицерона» был издан в 1580 г. в типографии Велеславина. В предисловии к нему Велеславин замечает, что в подобного рода пособиях для изучения изящной латыни общество испытывало в то время сильный недостаток. Своим изданием он пытался удовлетворить потребности школы²⁷. Переводы Велеславина латинских фраз, выбранных из писем Цицерона, могут служить образцом перевода с латинского языка на чешский. И если чешский перевод иногда кажется слишком свободным, то зато вполне отвечает духу чешского языка²⁸. Сочинение Велеславина по своей задаче двойственно, с одной стороны, оно создавалось для школы, для практики в латинском языке, он даже посвящает свое издание студентам, с другой стороны, оно рассчитано на публику, пишущую и читающую по-чешски.

Второй сборник «Изящные выражения из двух книг Плавта и Теренция» вышел в Праге в 1589 г.²⁹ Две книги этого сборника содержат разговорные фразы и сентенции, избранные

из комедий Плавта и Теренция Г. Фабрицием и снабженные комментариями его и Эразма Роттердамского. Произведения этих римских авторов считались источником и образцом чистой латыни и были предметом тщательного изучения в школах эпохи гуманизма.

Велеславин приложил к сборнику Г. Фабриция сентенции римского драматурга I в. до н. э. Публия Сира и некоторых других писателей древности с объяснениями Эразма Роттердамского.

Появление такого сборника отвечало духу времени и его потребностям, так как еще до этого издания в Чехии публиковались аналогичные сборники.

Таким образом, издатель Велеславин предстает перед нами как талантливый переводчик. Его переводы совершенны по стилю. Исследователи чешской литературы отмечают тот факт, что Велеславин прекрасно владел чешским языком, он довел его до высокой степени совершенства и красоты, его слог стал считаться образцом правильности, писать по-велеславински значило то же, что писать правильно по-чешски³⁰. Он был отличным стилистом, его язык и стиль в XIX в. считался образцовым³¹.

Примечания

- 1 О нём подробнее см.: *Многолетняя Е. Н.* Формирование нового типа книгоиздателя в чешском книгопечатании XVI в. // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 54–59.
- 2 *Dějiny české literatury. Dil. 1. Starší česká literatura.* Praha, 1959. S. 128.
- 3 *Ibid.* S. 128–129 ; См. также: *Мочалова В. В.* Чешская литература // История литератур южных и западных славян : в 3 т. Т. 1. От истоков до середины XVIII века. М., 1997. С. 314.
- 4 Это название имеют многие словари, сохранившиеся в рукописях.
- 5 *Korecký M.* Daniel Adam z Veleslavína. Praha, 1962. S. 36.
- 6 *Ibid.* S. 35.

- 7 Цит. по: *Францев В.* Даниель Адам Велеславин «Архитипограф Пражский». К трехсотлетию его смерти (1599–1899) // Журнал Министерства Народного Просвещения. Седьмое десятилетие. Часть CCCXXVII. 1900. Январь. С. 327.
- 8 См.: *Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII. století. Dodatky. Dil II., Tisky z let 1501–1800. Část III.* Praha, 1996. Č. 181 (ссылка на библиографический источник дается на порядковый номер издания).
- 9 *Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII. století. Vydala Komise pro knihopisný soupis československých tisků az do konce XVIII. století. ; Dil. II. Tisky z let 1501–1800. Č. I–IX.* Praha, 1939–1967. Č. 16615a ; *Dějiny české literatury. Dil. 1. S. 350.*
- 10 Цит. по: *Францев В.* Указ. соч. С. 328.
- 11 *Францев В.* Указ. соч. С. 329.
- 12 *Korecký M.* Op. cit. S. 36.
- 13 *Ibid.* S. 37.
- 14 *Knihopis. Č. 16617.* см : *Korecký M.* Op. cit. S. 35.
- 15 *Францев В.* Указ. соч. С. 329.
- 16 *Dějiny české literatury. Dil. 1. S. 350.*
- 17 Цит. по: *Францев В.* Указ. соч. С. 330.
- 18 Цит. по: *Korecký M.* Op. cit. S. 36.
- 19 Цит. по: *Францев В.* Указ. соч. С. 330.
- 20 *Korecký M.* Op. cit. S. 37–38.
- 21 *Veleslavín Daniel Adam. Z venovacího listu ke slovníku Silva Quadrilinguis. S r. 1598 // Korecký M.* Op. cit. S. 173–174.
- 22 *Ibid.* S. 174.
- 23 *Ibid.*
- 24 *Korecký M.* Op. cit. S. 39.
- 25 *Францев В.* Указ. соч. С. 332.
- 26 Цит. по: *Korecký M.* Op. cit. S. 39.
- 27 *Korecký M.* Op. cit. S. 40–41.
- 28 *Ibid.* S. 42.
- 29 *Ibid.* S. 41.
- 30 *Степович А.* Очерк истории чешской литературы. Киев, 1886. С. 110.
- 31 *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Изд. 2-е, перераб. и доп. : в 2 т. Т. 2. СПб., 1881. С. 902.

Образец для цитирования:

Многолетняя Е. Н. Лексикографические труды чешского типографа XVI века Даниэля Адама Велеславина // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 470–473. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-470-473>

Cite this article as:

Mnogoletnyaya E. N. Lexicographic Works of the Czech Printer of the XVI Century Daniel Adam Veleslavín. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 470–473 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-470-473>

УДК 7.035

«РЕАБИЛИТАЦИЯ» ТЕРМИНА «ГАЛАНТНЫЙ»: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Н. В. Зайцева

Зайцева Наталья Владимировна, кандидат искусствоведения, генеральный директор ООО «Вуаяжер», Санкт-Петербург, nvzaytseva@mail.ru

Статья посвящена длительному терминологическому спору о временных рамках галантной эпохи и правомерности использования термина «галантный» по отношению к XVII в. Спор представляется необычайно важным, поскольку термин ведет за собой эстетику, определяющую развитие искусства. Проблемой для данного вопроса является терминологическая неточность, перетекание или подмена понятий исторических, или эндогенных более поздними или экзогенными. Понадобилось почти полтора столетия для того, чтобы крупнейшие европейские исследователи пришли к выводу, что галантность была не только социокультурным явлением, но и направлением, преобладающим в литературе и искусстве на протяжении всего XVII в. Термин «галантный», длительное время скрытый в исторической литературе более поздними экзогенными терминами «прециозность» и «классицизм», был восстановлен в отношении XVII века. Начало галантной эпохи относится к 20–40 гг. XVII в., а ее завершение – к концу XVIII в.

Ключевые слова: галантность, галантная эпоха, прециозность, искусство XVII века.

Revisiting the Role of the Term «Gallant»: Historiography

N. V. Zaytseva

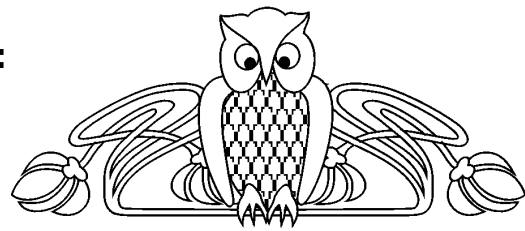
Natalia V. Zaytseva, <https://orcid.org/0000-0001-7742-2402>, LTD «Voyageur», 1/34, Av. Khartchenko, Saint Petersburg, 194100, Russia, nvzaytseva@mail.ru

This article is devoted to a long-term terminological argument (terms «galanterie» and «préciosité») in European history of art. The argument seems quite important because it refers to aesthetics which determines the development of art. The problem is in a terminological inexactitude, a crossing and an equivocation of historical or endogenous concepts by exogenous (more recent ones). It took the greatest European researchers more than one and a half century to arrive to a conclusion that the gallantry used to be not only a sociocultural phenomenon but also a movement which had been dominating literature and art through the 20th century. The term «gallant» which had been hidden in the historical literature for a long time behind more recent exogenous terms «preciosity» and «classicism» were retrieved as for the 19th century. The beginning of a gallant epoch dates from 1920–40s of the 17th century and finishes in the end of the 18th century.

Key words: gallantry, galant epoch, preciosity, the art of the 17th century.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-474-480>

«Галантная эпоха», «искусство галантной эпохи» – эти понятия традиционно ассоцииру-

ются с XVIII в. Однако формирование галантной эстетики возвращает нас в XVII в. Проблемой для исследования данного вопроса является терминологическая неточность, перетекание или подмена понятий исторических, или эндогенных, более поздними или экзогенными¹. Это произошло в XIX в. и объясняется решением конкретных идеологических задач. Таким образом, более поздние понятия «классицизм» и «прециозность» вытеснили исторический эндогенный термин «галантность».

Случай скорее типичный в истории, о чем пишет Ю. М. Лотман, говоря о постреволюционном синдроме: «Когда общество проходит через эту критическую точку (революцию. – Н. З.), и дальнейшее развитие начинает рисоваться не как создание нового мира на развалинах старого, а в виде органического и непрерывного развития, история снова вступает в свои права. Но здесь происходит характерное смещение: интерес к истории пробудился, а навыки исторического исследования порой утеряны, документы забыты, старые исторические концепции не удовлетворяют, а новых нет. И тут лукавую помощь предлагают привычные приемы: выдумываются утопии, создаются условные конструкции, но уже не будущего, а прошлого. Рождается квази-историческая литература, которая особенно притягательна для массового сознания, потому, что замещает трудную и непонятную, не поддающуюся единому истолкованию реальность легко усваиваемыми мифами»².

Это произошло во Франции в XIX в., когда сложная картина искусства XVII в. была заменена условной конструкцией французского классицизма, понятной и приятной массовому сознанию, которому льстило представление о «золотом веке» или «великом веке» французской культуры. То же, что не укладывалось в рамки классицизма, – салонная или светская литература, придворное искусство – было отнесено к «прециозному искусству», без точного определения того, что же это такое. Ален Виала объясняет это тем, что «классицизм был средством культивирования национального чувства. После поражения в 1870 г., политика реванша требовала мобилизации умов»³. Исследователей XIX в. привлекло время Людовика XIV как время французского доминирования и главенства национального духа.

Лексический анализ прилагательного «галантный» и существительного «галантность» был выполнен французскими исследователями в

последние десятилетия⁴. Во французском языке прилагательное «галантный» восходит к старинному глаголу «galler», который прослеживается в литературе с 1223 г. и имеет значение «забавляться». Отсюда происходит одно из значений слова «галантный» – от смыслового значения «игра», «насмешка» до «человека проворного, опасного для целомудрия женщин». В первой половине XVII в., когда общительность, чувство игры, искусство нравиться были позитивно восприняты, прилагательное «галантный» приобрело совсем иное значение – «светского, образованного, утонченного человека». Таким образом, слово проходит путь от значения «опасный мужчина» к значению «порядочный мужчина». Существительное «галантный» имеет несколько сфер использования: сфера влюбленности, светские качества, сфера литературы или искусства. То есть прилагательное «галантный» – это не единственное качество, а синтез нескольких качеств. В русской литературе слово «галантность» появляется в XVIII в. и помимо перечисленных значений имеет оттенок «цивилизованного», «светского» и «свободного» человека.

По мнению французских специалистов в области языка, лексический анализ показывает, что слово «галантный» в XVII в. характеризует в первую очередь социальное движение, следующее за эпохой Фронды, и знаменует собой смену героической эстетики мирной. Как тенденция это явление наблюдалось и в прошлом, например, при дворах Алиеноры Аквитанской, в окружении ее дочери Марии Шампанской или при дворе Валуа. В этом значении можно сблизить галантность со средневековой куртуазностью. Она объединяется с широким просветительским течением веком ранее.

Однако во Франции XVII в. это социальное движение перерастает в новую культурную модель, захватывающую не отдельных представителей просвещенной элиты, а широкие слои французского дворянства и третьего сословия. Оно не ограничивается только сферой искусства, но затрагивает социальные и гендерные отношения, а также философию, поскольку новая эстетика благородства и галантности была той почвой, на которой расцветает картезианство⁵. На протяжении последующего века галантная культурная модель формирует наднациональную интеллектуальную элиту и распространяется по всей Европе.

Начало Галантной эпохи большинство исследователей относит к 1620 гг. – появлению салона Рамбуйе – первого очага галантной эстетики. Рожденные в среде высшей знати, как попытка отмежеваться от двора салоны стали той площадкой, на которой происходит встреча родовой аристократии, представителей третьего сословия и мелкого дворянства.

Разрушение героической модели поведения предшествующей эпохи происходило через

рождение идеала благородного человека, или «honnête homme», и понимание благородства как личного, а не наследуемого качества. Следующим этапом формирования новой эстетики является появление нового поведенческого идеала – галантного человека. В 40-е гг. XVII в. можно говорить уже о сложившейся эстетике, этических и моральных нормах поведения.

Поэтому первый вопрос, который возникает перед исследователем, занимающимся культурой XVII в., – это вопрос о терминологической путанице. Что такое «прециозность» и «прециозное искусство» и как оно соотносится с «галантностью» и «галантным искусством», а также вопрос о классицизме и классицистической эстетике.

Исторические исследования данного вопроса в XIX в. характеризуются отношением к прециозности как к социокультурному феномену, а не как к литературе или категории искусства. Поэтому особое внимание авторов было обращено на генезис салонов в XVII в. Толчком к изучению темы салонов, по мнению современного исследователя Дельфинии Дени, был интерес к генезису «société polie» во время Июльской монархии⁶.

Пьер Луи Редерер в книге «Мемуары, иллюстрирующие историю высшего французского света во Франции»⁷ впервые говорит о роли, которая принадлежала салону Рамбуйе в формировании новой литературы, светского этикета и облагораживании нравов, в создании языка, на котором писали Мольер, Расин, Буало. Редерер предложил схему, которая надолго утвердилась во французской исследовательской литературе – противопоставление светского общества периода Рамбуйе впадшему в прециозность салону Скюдери⁸. Он подчеркнул простоту и лаконичность языка Вуатюра, Бальзака, Шаплена, Вожла и других литераторов кружка Рамбуйе. Рождение прециозности он относит к 1640–1650 гг., а на 1660 гг. падает его расцвет. Хронология расцвета и упадка салона Рамбуйе, предложенная им, позднее была оспорена многими авторами⁹.

Вслед за Редерером Шарль Луи Лева в работе «Прециозность и Прециозницы. Характер и нравы литературы XVII века»¹⁰, а также во вступительной статье к словарю Сомеза¹¹ и в «Портретах Великого века»¹² выделил два этапа, характерные для этого течения, – начало, кружок маркизы де Рамбуйе до Фронды, который он характеризует как расцвет прециозности, и последующий период упадка (салон Скюдери). В этих работах он уже использовал термин «прециозность» для обозначения салонного искусства XVII в. Автор говорит о влиянии салонов с их эстетикой на формирование нового стиля в частной архитектуре, на примере особняка Рамбуйе и особняков в Маре.

Тему «реабилитации» прециозниц впервые поднял в книге, посвященной творчеству Поля

Пелиссона, Франсуа Леопольд Морку¹³. Изучение жизни и творчества писателя стало поводом для автора не только показать широкую картину жизни светского общества, но и коснуться вопросов эстетики, вопроса о прециозности и прециозниках, которые, по мнению автора, были дискредитированы как современниками, так и позднейшими авторами. Причину деградации литературы в прециозное искусство он видит в салоне Скюдери¹⁴.

Известный философ, политик и историк Виктор Кузен является автором целого ряда работ, посвященных изучению истории салонов¹⁵. Начав с эссе о Жаклин Паскаль, опубликованного в 1846 г., он создал серию книг¹⁶, которая завершается обобщающим историко-литературным исследованием «Французское общество в XVII веке согласно роману “Великий Кир” мадмуазель Скюдери»¹⁷. В нем Виктор Кузен выполнил дешифровку «Великого Кира», узнавая в персонажах конкретных людей из окружения мадмуазель де Скюдери.

Эти многочисленные исследования были подытожены во всех учебниках по литературе, начиная с Огюста Деспре¹⁸ и заканчивая «Историей французской литературы» Гюстава Лансона¹⁹, одной из самых авторитетных работ XX в., в которой термин «галантный» окончательно уходит из употребления, замененный термином «прециозный».

В XX в. начинается новый этап исследования вопроса о прециозности, который характеризуется возвращением к историческому термину «галантный» и выделением этого понятия в категорию искусства и социальной жизни.

Первой критической работой по отношению к историографии XIX в. была работа Рене Брайя «Прециозность и прециозники от Тибо Шампанского до Жана Жироду»²⁰, в которой он увел спор о прециозном искусстве во внеисторическое пространство. Автор выступил с критикой предшествующих исследователей (Шарля Лева, Гюстава Лароме, Фернара Бальденспергера²¹, Эмиля Маня), которые, по его мнению, уделяли много внимания светским и социальным аспектам прециозности, почти не останавливались на анализе литературных форм и вкусов той среды. Прециозность же, по его мнению, как «аристократизм духа» проявлялась в разные эпохи от Средневековья до XX в. Независимо от спорности этого взгляда, Рене Брай впервые заговорил о прециозности как об эстетической категории XVII в.

Вместе с тем в 60-е годы XX в. вышли две фундаментальные работы, которые подвергли сомнению само существование прециозной литературы и знаменовали начало возвращения к историческому термину «галантный». Это книги Юспо Фюкюи²² и Роже Латюйера²³.

Юспо Фюкюи впервые заявил, что «прециозники были эфемерным социальным явлением,

которое совсем немного повлияло на светскую жизнь»²⁴. Более того, автор высказал сомнение в том, что «прециозность вообще существовала в литературе»²⁵, и, наконец, анализируя эволюцию галантной поэзии, пришел к выводу, что прециозность – социальный феномен, очень явный, очень исторически определенный²⁶. Одновременно он поставил вопрос об обоснованности использования термина «классицизм», «туманные понятия которого обсуждаются уже более века», указывая на противоречия во взглядах на классицизм, на неоднородность этого течения в вопросах эстетики, поскольку наряду с классицистической и барочной эстетикой развивается светская, салонная эстетика Винсена Вуатюра²⁷. Таким образом, по мнению автора, существовала иная литература, иная эстетика одновременно с классицистической, не вступающая с ней в противоречия, эстетической особенностью которой является смена тона, галантная веселость²⁸.

Вслед за этим Роже Латюйер в работе «Прециозность, исторические и лингвистические зарисовки»²⁹ поставил явление прециозности в строго исторические рамки: 1650–1660 гг. Автор полемизирует с исследовательским методом Брайя, критикует его попытку свести прециозность только к поэзии, о чем говорит заглавие книги. По его мнению, прециозность можно понять только в уникальных исторических обстоятельствах, ибо история не повторяется. Говоря о причинах формирования этого феномена, Латюйер полагает, что он является соединением множества факторов, каждый из которых, взятый в отдельности, этого феномена не объясняет. Прециозность нельзя свести к ее составным элементам: феминизму, салонной литературе, гиперболическому языку, но она не существует без этих явлений³⁰. Автор пытается преодолеть терминологическую путаницу. Он уходит от идеи абстрактной, вырванной из исторического контекста³¹.

Однако окончательно лишь работы А. Адама меняют вектор исследования. В статье «Барокко и Прециозность»³² он отказывается от термина «прециозность» в литературе, относя это явление к области истории идей. По его мнению, прециозность – это позиция, занятая женщинами перед проблемами чувственной жизни. А. Адам понимает важность внесения терминологической ясности в этот спор. В статье «Вокруг Никола Фуке: поэзия прециозная или кокетливая или галантная»³³ он попытался, отделив позднейшие искажения, вернуться к первоначальному значению слова «прециозность», как его понимали современники.

А. Адам уходит от понятия «прециозная литература», поскольку современники говорили «галантная» или «кокетливая». Термин «галантный», по его мнению, наиболее соответствует достоверности: «Эта галантная поэзия, выражение галантного общества, имеет очень ясный

характер. Она современна, это современные чувства, это современный стиль жизни, который она выражает. Греческие и латинские модели не вдохновляют ее. Она их оставляет для Университета, который она презирает. Ее модели – это Ариосто, это Тасс, это испанская литература золотого века. Она не направлена на величие, но на шарм. Она пишется, прежде всего, для дам и для изысканного общества. Ее цель – развлечь их, ибо она, главным образом, игра»³⁴. Прециозность, по мнению автора, не сложный вопрос, если бы он не был запутан в течение более чем полувека. А. Адам предупреждает об опасности использовать неточные термины, поскольку это ведет к искажению эстетики³⁵.

Формулируя основные принципы галантной эстетики, А. Адам касается вопроса о классицизме. По его мнению, эстетика порядка, регулярности, строгого величия не была ни в какой момент этого века единственной и всеми признанной доктриной. Главный вывод работы А. Адама: XVII в. невозможно исчерпать классицизмом, и существовало две эстетики: классицистическая и галантная, причем между ними не было противоречия³⁶.

Таким образом, в середине XX в. у ведущих исследователей истории французского искусства наметилось возвращение к историческому термину «галантный» для обозначения направления в искусстве и светской литературе XVII в., которое существовало наряду с классицизмом, а прециозность стала рассматриваться как течение внутри галантной эстетики. Эти работы создали благоприятную почву для дальнейшего изучения вопроса.

Ян Ричмонд в книге «Героизм и галантность: аббат Пюр свидетель кризиса (1653–1665)»³⁷ и статье «Прециозность и ее значение»³⁸ утверждает, что прециозницы аббата де Пюра – это галантные дамы и говорят они только о галантном обществе. Прециозность же, согласно аббату де Пюру, была «галантным направлением», которое преобладало в эту эпоху, и никто ничего не говорил о «движении прециозниц».

И наконец, Ж.-М. Пелу в книге «Любовь прециозная, Любовь галантная (1650–1675)»³⁹ исследует описание любви в литературных произведениях в первые годы царствования Людовика XIV. По мнению Пелу, отношение к вопросу любви является основной особенностью, которая выделяет прециозность из общей галантной эстетики. Тот галантный дух, который доминирует в литературе с 1650-х гг., привносит моду на представление любви с некоторой насмешкой, склоняясь в сторону иронического изображения ценностей. Не удовлетворившись иронией над привычками «нежной любви», галантная эстетика предлагает контрлюбовную мораль. Ее идеал воплощается галантным человеком – непостоянным, игривым, возвышенным, скептическим, который иногда близок к «благородному» человеку

эпохи Людовика XIV и находит свое место при молодом дворе. Галантность добровольно отказывается от любви страдальческой, но сохраняет все свое почтение к власти любви. Более того, оно придает любви культ квазиофициальный: придворные балеты, опера. Этот галантный пэнэротизм почти смешивает любовь и цивилизованность. По мнению Пелу, иронический миф о прециозницах представляет некоторые реалии, с которыми светское общество начинает порывать. Победившая галантность надсмехается в прециозницах над манерой любить, которую она отрицает. Работа Пелу получила живой отклик и критику, и быстрый ответ Роже Латуйера, для которого «в начале были прециозницы»⁴⁰.

После парадоксальной работы Пелу литературный спор завершается возвратом на позиции А. Адама и Роже Латуйера. В это же время ряд исследователей разрабатывает социологический аспект, переводя спор в плоскость феминистического движения. Это статьи Стантона⁴¹, Филиппа Селье⁴² и Баадера⁴³.

В 1990-х гг. выходит ряд работ, в которых анализируются особенности галантной эстетики. Например, книги Алена Женетито⁴⁴, разбирающего феномен светской поэзии 1630–1660 гг. Период выбран не случайно, это период между двумя эпохами, когда в салонах рождается светская лирическая поэзия. Автор связывает рождение этого жанра с новой эстетикой и новыми ценностями, такими как учтивость, политекс.

Фундаментальное исследование Мириам Дюфон-Метр подводит своеобразный итог спору вокруг прециозности и дает, вместе с тем, новый поворот⁴⁵. Чтобы объяснить полемическую природу прециозниц, Мириам Дюфон-Метр демонстрирует женщин, влиятельных при дворе, властвующих в городе, которые к тому же приписывают себе право распоряжаться на Парнасе и постоянно подвергаются зависти из-за их политического влияния. Прециозность, по ее мнению, – это литературное и эстетическое явление, а также предмет соперничества политического, экономического и социального. Посредством языка, воспитания, литературы женщины принимали участие в рождении и утверждении публичного пространства, построенного вокруг некой концепции, новой практики художественной литературы. «Рождение» прециозниц и сатиры на них напрямую связаны с регентством Анны Австрийской. Политическое могущество прециозниц при дворе Анны Австрийской было принесено в жертву в первые годы самостоятельного царствования Людовика XIV⁴⁶.

Вопрос о влиянии галантной эстетики на формирование двора Людовика XIV одним из первых детально исследует Филипп Боссан в книге «Людовик XIV – артист»⁴⁷.

Софи Райнар в книге «Вторая прециозность. Сказочный расцвет с 1690 по 1756»⁴⁸ продолжает идти по пути реабилитации прециозной литера-

туры. По ее мнению, прециозность – это скорее социокультурное явление, которое повлияло на литературу своего времени, на отдельные жанры и отдельных представителей. Внутри галантной эпохи под влиянием различных социальных явлений рождается и развивается несколько направлений. Этим можно объяснить тот факт, что самые близкие к кругу прециозниц литераторы не подверглись их влиянию. Следовательно, нужно отделять галантную литературу как течение и прециозность как социальный феномен. «Галантный» – термин, обозначающий течение эстетическое, литературное, социальное, которое питало весь XVII в. Прециозность – явление непродолжительное по времени и отстоящее в силу своей специфики от галантного течения.

Исследуя развитие галантной эстетики, профессор каннского университета Кароль Дорньер рассматривает вторую волну галантности на примере Монтескье в книге «Монтескье и галантная эстетика»⁴⁹. Она полагает, что апогей галантности падает на 1640–1680 гг. и повторяет общую для исследователей мысль, что галантность ассоциировалась у современников с облагораживанием нравов, с прогрессом знаний.

Следующий крупный исследователь, который окончательно возвращает термин «галантное искусство» применительно к XVII веку, – это Ален Виала⁵⁰. Он обратил внимание на большое количество произведений, которые можно охарактеризовать как галантные в рамках классической литературы. В статье «Кто тебя создал, Меньшинство? Галантность и классицизм»⁵¹ автор отмечает, что галантность представляет образцовый случай социальной модели поведения. Как литературная, так и социальная галантность в своей сфере и согласно своей собственной логике выдвигает одно и то же правило для всех авторов – великое правило нравиться. Ось галантной эстетики – это искусство нравиться. К галантной литературе, по мнению Виала, можно отнести не только «малых» авторов, но и тех, кого историки литературы относят к великим классицистическим авторам – Лафонтен, Расин, Лафайет.

Отсюда Виала делает важный вывод: классицизм – явление только в области искусства, галантность – социальное явление. Однако со временем термины «галантный, галантное искусство» были задвинуты на второй план терминами «классицизм» и «барокко». Термин «классицизм» возник в XIX в. в период полемики приверженцев романтизма. Классицизм является тем, против чего боролись романтики и что предлагали заменить. Классицизм – понятие не научное, этот термин полемичен сам по себе⁵². Автор отмечает несоответствие классицистической схемы историческим реалиям. Галантность достигает своего апогея во время, которое современная история литературы относит ко времени классицистической эстетики. Стоит ли менять привычную терминологию? Ален Ви-

ала отвечает, что возможно называть вещи привычными именами. Но следует таким образом учитывать, что название привлекает эстетику, и, следовательно, опасность обнаружить в экзогенной эстетике классицизма эндогенную эстетику галантности.

Причинам соскальзывания, исчезновения термина «галантный», подмены его другими категориями посвящена статья Виала «Что такое классика?»⁵³. По мнению автора, в классических Афинах и Риме не было литературной и эстетической доктрины в качестве единой и «классической»⁵⁴. Не было этого и во Франции, если грубо не подтасовывать факты под модель, чтобы найти единство в произведениях разных авторов.

Все многочисленные статьи Виала были представлены в его фундаментальном исследовании «Галантная Франция». Обобщенный и систематизированный материал с очевидностью демонстрирует мощную галантную струю в период, который принято называть классическим. Первый феномен галантной литературы автор относит к 1660 гг. Далее галантность распространяется на театр. В театре этого времени основная фигура – Мольер, который галантен в сути своей, без того, чтобы писать галантные тексты⁵⁵. Следующий этап – трагедия, несмотря на то что трагический жанр менее всего может быть подвержен галантному влиянию. Однако при всем этом некоторые трагедии Расина можно классифицировать как галантные по духу⁵⁶. Анализируя творчество Тома Корнеля и Квино, Виала приходит к выводу, что в них есть галантность, поскольку авторы хотели нравиться просвещенной салонной публике. Отдельная глава посвящена галантным праздникам Людовика XIV, которые возносят галантность на самый высокий государственный уровень, провозглашая ее национальным делом⁵⁷.

Из всего этого автор делает несколько выводов. Галантная эстетика – это не только социальный или литературный феномен, но феномен художественный (включающий все виды искусства – музыку, танцы, живопись, архитектуру). По его мнению, «речь идет о формировании этоса, приобретшего рефлекс, благодаря которым манера вести себя совпадает с манерой существования» и далее он формулирует основной закон галантной эстетики. Эта культура основывалась на революционной морали любви: роль собеседницы, доньне незнакомая женщине, и любовный код, который перерос в эстетику. Не следует ограничивать галантность любовью, быть галантным – это глобальное состояние. Галантная эротика вписана в глобальную этику уважения себя и других.

Опираясь на работы Виала, Дельфиния Дени анализирует отдельные аспекты галантного искусства. В статьях «Муза галантного искусства. Поэтика беседы в произведениях Мадлен де Скюдери»⁵⁸ и «Галантный Парнас»⁵⁹ ею были сформулированы главные принципы галантного

искусства, его светский характер, из которого вытекает доминирующая роль беседы: «Искусство нравиться, угождать утверждается как основное, если не единственное качество благородного человека, и именно в беседе это раскрывается прежде всего. Искусство, рожденное в беседе, в общении, несет на себе специфические особенности этого общества и общения: веселость, насмешливость, легкую иронию»⁶⁰. Дельфиния Дени представляет «сценографию» галантной беседы такой, какой она была передана через повествовательный вымысел в прозе XVII в.

В докладе «Прециозность и галантность: по направлению к новой картографии»⁶¹ Дельфиния Дени подводит итог дискуссии вокруг прециозности и галантности, которая длилась почти полтора столетия. По ее мнению, со стороны терминологического соответствия нет больше никакой возможной путаницы. Галантность – это понятие эндогенное, соответствующее лексике современников, которые настойчиво стремятся отличить ее от парасинонимов и стараются дать точное определение его различным проявлениям. Прециозницы причисляют себя к «галантному духу» позитивно понятому. Войдя затем в критический словарь, прециозность является экзогенным понятием, которое нисколько не рискует отставать свои права. Если галантность приводит к формированию учтивых и гармоничных отношений мужчины и женщины, то прециозность, нерасторжимо связанная с женским представлением, обязывает серьезно учитывать долгую войну полов и специфичность положения женщины в социальном пространстве и литературе. Следовательно, автор рассматривает прециозность в историческом контексте как этап гендерных отношений.

Таким образом, к началу XXI в. длительное время скрытый в исторической литературе более поздними экзогенными терминами «прециозность» и «классицизм» термин «галантность» был восстановлен. Понадобилось почти полтора столетия для того, чтобы крупнейшие европейские исследователи пришли к выводу, что галантность была не только направлением, обладающим в литературе и искусстве на протяжении всего XVII в., но и социокультурным явлением. Начало галантной эпохи относится к 20–40 гг. XVII в., а завершение – к концу XVIII в.

Примечания

- 1 *Viala A.* “Qu’est-ce qu’un classique?” // *Littérature classique*. 1993. № 19. P. 11–34 ; *Viala A.* D’une politique des formes : la galanterie // XVII siècle. 1994. № 183. P. 143–151.
- 2 *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 13.
- 3 *Viala A.* Qui t’a fait Minor? Galanterie et classicisme // *Littérature classique*. 1997. № 31. P. 131.
- 4 *Lathuillière R.* Etude Historique et linguistique. Genève, 1969 ; *Cuenin M.* Roman et société sous Louis XIV : Madame de Villedieu. P., 1979 ; *Viala A.* “Qu’est-ce qu’un classique?” P. 11–34 ; *Viala A.* D’une politique des formes : la galanterie // XVII siècle. 1994. № 183. P. 143–151 ; *Denis D.* Le Parnasse galant. Institution d’une catégorie littéraire au XVII-em siècle. P., 2001. P. 95–111 ; *Rollin S.* Le style de Vincent Voiture. Une esthétique galante. Saint-Etienne, 2006. P. 18–22.
- 5 Впервые эта мысль прозвучала у А. Foucher de Careil в его книге «Descartes et la Princesse Palatine ou l’influence du cartésianisme sur les femmes au XVII siècle» (P., 1862).
- 6 *Denis D.* Préciosité et galanterie : vers une nouvelle cartographie // *Les Femmes au Grand Siècle. Le Baroque : musique et littérature. Musique et liturgie (Actes du 33e congrès annuel de la North American Society for Seventeenth Century Littérature)*. Arizona State University (Tempe). 2001, PFSCS (Biblio 17). T. II. Suppl. 2002. № 144. P. 17–39.
- 7 *Roederer P.-L.* Mémoire pour servir a l’histoire de la société polie en France. P., 1835.
- 8 *Ibid.* P. 10.
- 9 *Charliere G.* La fin de l’hôtel de Rambouillet // *Revue belge de philologie et d’histoire*. Bruxelles ; P., 1939. T. 18, № 2–3. P. 409–426.
- 10 *Livet Ch.-L.* Précieux et Précieuses. Caractères et moeurs littéraires du XVII siècle. P., 1859.
- 11 *Somaize A. B., sieur de.* Le Grand Dictionnaire des Précieuses ou la clef de la langue des ruelles. P., 1660–1661. Réimp. : Genève : Slatkine, 1972.
- 12 *Livet Ch.-L.* Portraits du Grand Siècle. P., 1885.
- 13 *Marcou F. L.* Etude sur la vie et les oeuvres de Pellisson. P., 1859.
- 14 *Ibid.* P. 150.
- 15 *Magne E.* Madame de La Suze et la Société précieuse. P., 190 ; *Voiture V.* Hôtel de Rambouillet. P., 1911.
- 16 *Cousin V.* Jacqueline Pascal : premières études sur les femmes illustres et la société du XVIIe siècle. P., 1856 ; *Idem.* La jeunesse de Mme de Longueville. P., 1852 ; *Idem.* Mme de Longueville pendant la Fronde. P., 1853 ; *Idem.* Madame de Sable. Etudes sur les femmes illustres et la société du XVIIe siècle. P., 1854 ; *Idem.* Madame de Chevreuse et Madame de Hautefort : nouvelles études sur les femmes illustres et la société du XVII siècle. P., 1856.
- 17 *Cousin V.* La Société française au XVIIe siècle d’après “Le grand Cyrus” de Mlle de Scudéry. P., 1858. T. 2.
- 18 *Desprez A.* Histoire de la littérature française. P., 1837.
- 19 *Lanson G.* Histoire de la littérature française. P., 1894.
- 20 *Bray R.* La préciosité et les précieux de Thibaut de Champagne a Jean Giraudoux. P., 1945.
- 21 *Baldensperger F.* Le classicisme français et les langues étrangères // *Revue de Littérature comparée*, XIII. 1933.
- 22 *Fukui Y.* Raffinement précieux dans la Poésie française du XVII siècle. P., 1964.
- 23 *Lathuillere R.* La Préciosité, étude historique et linguistique. T. I : Position du problème, les origines. Genève, 1966 ; *Idem.* Etude Historique et linguistique. Genève, 1969.

- ²⁴ Fukui Y. Raffinement précieux dans la Poésie française du XVIIe siècle. P. 41.
- ²⁵ Ibid. P. 40.
- ²⁶ Ibid. P. 13.
- ²⁷ Ibid. P. 185.
- ²⁸ Ibid. P. 190.
- ²⁹ Lathuillere R. La Préciosité, étude historique et linguistique. Genève, 1966. T. I.
- ³⁰ Ibid. P. 15.
- ³¹ Ibid. P. 50.
- ³² Adam A. Baroque et Préciosité // Revue des Sciences humaines. 1949. Juillet-déc.
- ³³ Adam A. Autour de Nicolas Foucquet : poésie précieuse ou coquette ou galante? // Cahiers de l'AIEF. 1970. № 1. P. 277–284.
- ³⁴ Adam A. Autour de Nicolas Foucquet. P. 278.
- ³⁵ Ibid. P. 280.
- ³⁶ Ibid. P. 284.
- ³⁷ Richmond J. Héroïsme et galanterie : l'abbé de Pure, témoin d'une crise (1653–1665). Sherbrooke, 1977.
- ³⁸ Richmond J. Préciosité et valeurs // Présences féminines : Littérature et société au XVIIe siècle français. Actes de London, Canada, 1985.
- ³⁹ Pelous J.-M. Amour précieux, Amour galant (1650–1675). P., 1980.
- ⁴⁰ Lathuillière R. Au commencement étaient les Précieuses. P., 1984.
- ⁴¹ Stanton D. The fiction of preciosite and the fear of women // Yale French Studios. 1981. № 62. P. 107–134 ; McLean I. La voix des Précieuses et les detours de l'expression féminine. Présence féminines : littérature et société au XVIIe-em siècle français. Biblio XVII. 1987. Vol. 36. P. 54.
- ⁴² Sellier P. La Névrose précieuse : une nouvelle pléiade? // Présences féminines : littérature et société au XVIIe siècle français. Biblio XVII. 1987. Vol. 36. P. 97.
- ⁴³ Baader R. Dames de letters. Stuttgart, 1986.
- ⁴⁴ Genetiot A. Les Genres lyriques mondains (1630–1660). Etude des poésies de Voiture, Viond'Alibray, Sarasin et Scarron. Genève, 1990 ; Idem. Poétique du loisir mondain, de Voiture a la Fontaine. P., 1997.
- ⁴⁵ Dufour-Maitre M. Les précieuses. Naissance des femmes de lettres en France. P., 1999.
- ⁴⁶ Ibid. P. 192.
- ⁴⁷ Beaussant P. Louis XIV artiste. P., 1999.
- ⁴⁸ Raynard S. La second préciosite Floraison de conteuses de 1690 a 1756. Tubingen, 2002.
- ⁴⁹ Dorniere C. Montesquieu et l'esthétique galante // Revue Montesquieu. 2001. № 5. P. 5–21.
- ⁵⁰ Viala A. «Qu'est-ce qu'un classique? // Littérature classique. 1993. № 19. P. 11–34 ; Idem. D'une Politique des formes : La galanterie in XVIIe siècle // Littérature classique. 1994. № 183. P. 143–151 ; Idem. La littérature galante : histoire et problématique. P., 1994. P. 115–134 ; Idem. Le naturel galant. Nature et culture à l'âge classique (XVIe–XVIIIe siècles). Toulouse, 1997 ; Idem. Qui t'a fait Minor? Galanterie et classicisme // Littérature classique. 1997. № 31 ; Idem. Eloquence galante : Une problématique de l'adhésion. P., 1999.
- ⁵¹ Viala A. Qui t'a fait Minor? Galanterie et classicisme // Littérature classique. 1997. № 31. P. 115–134.
- ⁵² Ibid. P. 124.
- ⁵³ Viala A. «Qu'est-ce qu'un classique? // Littérature classique. 1993. № 19. P. 11–34.
- ⁵⁴ Ibid. P. 22.
- ⁵⁵ Viala A. La France galante. P., 2008. P. 69.
- ⁵⁶ Ibid. P. 81
- ⁵⁷ Ibid. P. 108.
- ⁵⁸ Denis D. La Muse galante. Poétique de la conversation dans l'œuvre de Madeleine de Scudéry. P., 1997.
- ⁵⁹ Denis D. Le Parnasse galant. Institution d'une catégorie littéraire au XVIIe siècle. P., 2001.
- ⁶⁰ Denis D. La Muse galante. Poétique de la conversation dans l'œuvre de Madeleine de Scudéry. P., 1997. P. 248.
- ⁶¹ Denis D. Préciosité et galanterie : vers une nouvelle cartographie // Les Femmes au Grand Siècle. Le Baroque : musique et littérature. Musique et liturgie, Actes du 33e congrès annuel de la North American Society for Seventeenth Century Littérature, Arizona State University (Tempe), mai 2001, PFSCS (Biblio 17). 2002. T. II, № 144. P. 17–39.

Образец для цитирования:

Zaytseva N. V. «Реабилитация» термина «галантный»: историография вопроса // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 474–480. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-474-480>

Cite this article as:

Zaytseva N. V. Revisiting the Role of the term «gallant»: Historiography. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser: History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 474–480 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-474-480>

УДК 94 (410+460)(1940/1942)

ОТДЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОТЕНЦИАЛА КРЕПОСТИ ГИБРАЛТАР В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ РОЛИ ДАННОЙ ПОЗИЦИИ В 1940–1942 ГОДАХ

Д. М. Креленко

Креленко Денис Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, krelenkoden@yandex.ru

В истории Второй мировой войны значимое место занимает вопрос потенциалов, вытекавших из обладания Великобританией позицией в Гибралтаре. Несомненная важность проблемы в контексте общего хода войны и сложных политических маневров правительства франкистской Испании в отношении Англо-Американского альянса и «Оси» оправдывает имеющееся исследовательское внимание к теме. При этом зачастую стратегии использования «Скалы» анализируются без учета реального потенциала крепости, базы и технических средств, находившихся в руках гарнизона. Демонстрации наиболее насущных проблем спорного пункта посвящена данная статья. Сделанные выводы позволяют предположить, что позиция выступала полезной лишь для владельца, в полной мере реализующего в своей политике принципы «морской мощи», тогда как для остальных политических субъектов Гибралтар был лишь разменной монетой политической тактики.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великобритания, франкистская Испания, Гибралтар.

Some Elements of the Gibraltar Fortress Potential in the Context of its Strategic Role in 1940–1942

D. M. Krelenko

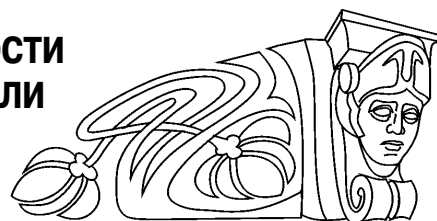
Denis M. Krelenko, <https://orcid.org/0000-003-0971-1725>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, krelenkon@mail.ru

The issue of potencies, connected with the UK ownership of the positions in Gibraltar takes a significant place in the history of World War II. The undoubted importance of the problem in the context of the general course of the war and the complex political maneuvers of the Franco-Spain government to the Anglo-American alliance and the Axis explains attention to the given research topic. At the same time the strategies for using the «Rocks» are analyzed without taking into account the real potential of the fortress, the base and the technical means that were in the hands of the garrison. This article is devoted to demonstrations of the most pressing problems of the controversial item. The conclusions suggest that the position was useful only for an owner, who fully realized the principles of «sea power» in his policy, whereas for other political subjects Gibraltar was only a bargaining chip of political tactics.

Key words: World War II, Great Britain, Franco's Spain, Gibraltar.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-481-487>

Проблема принадлежности Гибралтара, оказавшая заметное влияние на ход и исход Вто-

рой мировой войны имела давнюю историю. В далеком августе 1704 г. англо-голландский десант овладел Гибралтарской скалой – ключевым пунктом, позволявшим контролировать акваторию одноименного пролива. Прорубая окно в Средиземноморье, англичане не стеснялись в средствах. Не исчерпавший возможностей к сопротивлению, испанский гарнизон «Скалы» был принужден к капитуляции шантажом. Англичане пригрозили защитникам бастионов расправой над жителями близлежащего городка и членами семей солдат гарнизона, взятых в заложники при захвате соседнего монастыря¹.

Испанцы уступили, но память о непристойном поведении захватчиков вкупе с чувством уязвленной национальной гордости придали британо-испанскому территориальному спору непреходящее значение. Историческую обиду испанцы пронесли через столетия, ожидая возможности предъявить вексель к оплате. Возможность закономерно представилась в момент нахождения Британской империи накануне окончательного кризиса, спровоцированного Второй мировой войной.

Накануне мирового конфликта в апреле 1939 г. в Испании по итогам гражданской войны установился антидемократический режим, возглавляемый генералом Ф. Франко Баамонде. Идейные основы и государственная практика авторитарной диктатуры национал-традиционалистского толка имели сходство с параметрами режимов Гитлера и Муссолини. По мнению политических элит Берлина и Рима, данное обстоятельство, преумноженное признательностью за массивную помощь «оси» в годы испанского гражданского конфликта, обязывали националистическую власть за Пиренеями к широкому и безотказному сотрудничеству. Относительно последовательный нейтралитет, поддерживаемый Испанией в ходе предшествующей мировой войны, в новых условиях предстояло заменить активной линией на конфронтацию с «демократиями»². Во всяком случае, реализации именно такого сценария ожидал политический бомонд третьей империи.

На практике ситуация оказалась иной. Во главе системы, укоренившейся в Мадриде, стоял прагматик, абсолютно лишенный мешающего политикам чувства благодарности за ранее оказанные услуги. Национальный эгоизм каудильо и его окружения доминировали над прочими соображениями и позволили Испании сохра-

нить элементы субъективной роли в условиях острейшего иерархического кризиса системы мироустройства. Безусловно, содействие «оси» являлось приоритетом политики франкистской Испании, но его формы и методы в Мадриде определяли самостоятельно, сообразуясь с внешними интересами страны и потребностями внутренней политики. Внося ясность в дальнейшее повествование, следует отметить, что вариативность и субъективность испанской политики в вопросе Гибралтара сохранилась в пределах хронологических рамок между июнем 1940 – ноябрем 1942 гг.

Пункт Гибралтар, или «Скала» на жаргоне британских военных, официально числился не только военно-морской базой, но и крепостью, коих империя имела всего три. Позиция представляла скалистый мыс в форме универсального кухонного ножа с длинной лезвия 4,8 км и максимальной шириной примерно 1,6 км. Основную площадь анклава занимал известняковый массив высотой до 425 м у крутого восточного берега. Более пологий западный склон, обращенный к Атлантике, приютил колонию Гибралтар с населением в 15–17 тыс. жителей и порт, огражденный рукотворными волнорезами. Напротив акватории порта в 7 км располагался испанский Альхесирас, с набережных которого открывалась прекрасная панорама форпоста английской мощи. Северный обращенный к материку обрывистый склон скалы почти отвесно спадал до уровня моря у пограничного перешейка. Примерно в километре от северного склона лоскуток равнины заканчивался металлическим забором, отделявшим форпост британской империи площадью около 6,5 квадратных километров от Испании.

Артиллерийское вооружение крепости было основательным, но далеко не рекордным. Сверхмощных артсистем на «Скале» не размещали по дипломатическим причинам, довольствуясь работоспособным наследием прошлых доктринальных ошибок. Еще в начале XX в., не предчувствуя дредноутной революции, британский броненосный флот намеревался повысить мощь средней артиллерии и заказал серийное производство обновленных пушек калибром 234 мм. Промышленность владычицы морей пополнила станочный парк, осовременила технологии и запустила заказ в длинную серию. Вскоре прибыльный процесс, однако, оборвался. Восторжествовавшая концепция только больших пушек поставила крест на карьере увесистых средних калибров. С тех пор изготовленные стволы начали пристраивать на вспомогательные роли, самой распространенной из которых стала береговая охрана. Таким образом, 9,2-дюймовки составили основу арсенала Гибралтара.

Невзирая на скромный калибр, орудие оказалось полезным и достаточным средством защиты побережья. Артсистема была компактной,

живучей и производительной, легко маскировалась и не требовала существенных усилий по механизации позиций. Орудие 9,2"/47 Mark X уверенно посылало снаряд весом в 172 кг на 14–15 км по паспорту и заметно дальше с учетом возвышенного положения. Темп огня составлял 3–4 выстрела в минуту³. Таким образом, даже учитывая, что к X-й модификации относились не все из установленных на «Скале» пушек, огневая мощь крепости вызывала уважение. При необходимости восьмерка стволов основного для Гибралтара калибра уверенно перекрывала зеркало пролива вплоть до африканского берега⁴. Устойчивость крепостных батарей от огня с моря гарантировалась установкой орудий в прочных барбетах и возвышенным расположением, исключавшим эффективное поражение установок корабельной артиллерии. Хуже обстояли дела с защитой от ударов с воздуха, поскольку сверху орудия прикрывались довольно символическими стальными козырьками.

Еще одной проблемой являлись бронебойные возможности «главного аргумента» «Скалы». Известный историограф британского флота Питер Смит полагал, что основное вооружение Гибралтара годилось даже против «вашиingtonских» линкоров, построенных в 30-е гг. XX в.⁵ Но даже паспортные данные орудий самой совершенной из установленных на «Скале» модификации «Mk-X» подобному утверждению не соответствовали, во всяком случае для тех дистанций, с которых корабли потенциальных противников вообще могли вести дуэль с батареями, вознесенными на гребень массива⁶. Следует также отметить, что далеко не все главные пушки «Скалы» относились к десятой модификации с ее относительно высокими возможностями. Закономерным для морской крепости, но досадным недочетом выступало то обстоятельство, что рельеф препятствовал полноценному маневру огнем. На север в сторону перешейка могли стрелять далеко не все орудия основного калибра. Существенных пространственных мертвых зон в данном направлении не имели лишь три установки. Первая стояла на позиции «Сорви голова» и теоретически, благодаря станку пятого типа, могла вести круговой обстрел⁷. При этом установка располагалась, как явствует из названия батареи, на гребне утеса, плохо поддавалась маскировке и в боевом положении не имела даже противоосколочной защиты. Во всяком случае, именно такой вид батареи «Сорви голова» содержит фотодокументы 1942 г.⁸ Еще два ствола дислоцировались на батареях «Лорд Айри» и «О'Харра», представлявших собой единый комплекс с централизованным управлением⁹. В данном случае стрельбу в северном направлении затрудняла форма барбетов, ориентировавших стволы в морские сектора огня. Установки отличали массивные башнеподобные щиты, упрощавшие работу вражеских наблюдателей, но

придававшие комплексу внушительный и грозный вид вкуче с некоторой защитой от поражающих факторов близких разрывов.

Впрочем, уникальную, по сути универсальную, батарею доводили до ума до 1944 г., то есть ее участие в событиях периода реальной англо-испанской конфронтации исключалось. В угрожающей обстановке 1940–1941 гг. предполье «Скалы» защищалось в основном силами вспомогательной артиллерии. Наконец, общей проблемой главного калибра британской твердыни была сложность расчета метательного заряда для нехарактерно малых дистанций ведения огня. Дальнобойные артсистемы попросту не обладали способностью точно поражать близко расположенные исходные рубежи вероятных атак противника со стороны перешейка.

Своевременно оценив просчет, англичане установили в южной оконечности крепости пару 234-мм гаубиц, способных, игнорируя рельефные трудности, обстреливать в том числе и перешеек, ведущий на сопредельную сторону¹⁰. Но в целом коэффициент участия тяжелых орудий в решении противоштурмовых задач оставался далеким от идеала.

Кроме перечисленного арсенала стационарных средств на вооружении «Скалы» числилось восемь 6-дюймовок, три из которых смотрели непосредственно на север¹¹. Прочий потенциал британского «бога войны» представляли пушки полевых калибров и поэтапно приумножающиеся орудия номенклатуры средств ПВО. Таким образом, поименованная специалистами «невпечатляющей» огневая мощь форпоста империи действительно оставляла желать лучшего. Ее упорно совершенствовали, но существенного расширения возможностей очевидно не произошло. Теснота, рельефные сложности и недостаток ресурсов позволяли усиливать лишь ограниченный круг оборонительных параметров «Скалы».

Круглосуточность и всепогодность действий зенитной артиллерии предполагалось обеспечить установкой на «Скале» обзорной РЛС-79Z, смонтированной в июне 1940 г. Формально радар данного типа обнаруживал любые воздушные цели на дистанции свыше 80 км, но на деле далекая от совершенства и капризная система на первых порах работала неважно. Во всяком случае, по свидетельству очевидца еще в сентябре 1940 г. служба воздушного наблюдения «Скалы» сигнализировала об авиационном налете одновременно с началом такового¹². Иных средств ПВО, за исключением зенитной артиллерии, ключевой опорный пункт британских ВМС на театре долгое время не имел вовсе. Рельеф местности препятствовал постройке взлетно-посадочной полосы и, следовательно, базированию в пункте нормальной истребительной авиации. Единственно пригодное под ВПП пространство располагалось у северного склона кряжа и не-

посредственно граничило с нейтральной зоной. Причем строить полосу предстояло поперек узкого перешейка, что в любом случае ограничивало ее протяженность критически малой длиной в 800 м.

Усугубляло ситуацию то обстоятельство, что район гипотетического строительства полностью просматривался с сопредельной территории. Жители Ла Линеа и прочие заинтересованные наблюдатели могли созерцать потенциально стратегический объект, не утруждаясь применением оптических приборов. Воспрепятствовать полетам в таких условиях можно было даже с помощью стрелкового оружия испанских пограничников. Погодные условия в районе также не баловали, характеризуясь резкими переменными ветрами. Вероятно, данное обстоятельство наряду с консерватизмом британцев, ценивших расположенный здесь же ипподром, долгое время препятствовали началу работ. Строительство полосы и соответствующей инфраструктуры развернули лишь в 1934 г. Спустя пару лет ограниченная Альхесирасским заливом полоса, длиной метров 500, смогла экстренно принимать легкие самолеты без гарантий безопасности посадки.

И только в сентябре 1941 г. началась укладка грунта непосредственно в воды залива Альхесирас, что позволило продлить ВПП до кондиционной длины¹³. Однако теперь взлет и набор высоты проходили вплотную к испанскому берегу бухты. Как раз на этот случай в районе Альхесираса был развернут включенный во II корпус 74-й артиллерийский полк, один из реликтовой четверки, имеющий исключительно дефицитные в Испании зенитные пушки¹⁴. Строительные работы англичан завершились к 1943 г., превратив Гибралтарский аэродром в полезный, но уникальный с инженерной точки зрения объект с протяженностью полосы в 1300 м. Причем зависимость от доброй воли соседей при проведении полетов возросла, а риски в условиях специфической метеообстановки «Скалы» оказались серьезнее обычного уровня. К изложенному стоит добавить, что даже в период, когда аэродром смог принимать и выпускать самолеты тяжелее недогруженных штурмовиков, т. е. достиг кондиционных параметров, сохранилась проблема, связанная с расположением инфраструктуры в зоне доступной чужому глазу. Ангары, оперативные запасы ГСМ, дорожки и площадки обслуживания не поддавались эффективной маскировке и располагались в зоне действия любых огневых средств вероятного противника. Отдавая отчет в фатальных недостатках пункта, англичане считали аэродром под «скалой» лишь транзитным и в угрожаемый период постоянного авиаконтингента за объектом не закрепляли.

Иначе говоря, крепость Гибралтар имела крайне ограниченные возможности опоры на элементы воздушной мощи как до реконструкции аэродрома в 1941–1942 гг., так и после. При-

чем расположение ближайших баз Королевских ВВС до ноября 1942 г. вообще исключало воздушную поддержку извне.

Интересно, что отечественные исследователи не слишком верили в подобное невольное упущение англичан, продиктованное природой, и упорно, не глядя на карту, определяли «Скалу» твердыней, оснащенной воздушным мечом. Например, Гибралтарский аэродром считал угрозой И. В. Игнатченко¹⁵. Свои опасения исследователь приписал В. Канарису, который едва ли мог 2 августа 1940 г. после рекогносцировки припугнуть Гитлера «тяжелой бомбардировочной авиацией британцев, находящейся в крепости», ибо на тот момент ничего подобного на Гибралтаре не базировалось. Крепость не имела даже приписанных истребителей. Правда, в акватории Альхесирасского залива под прицелом с сопредельной стороны взлетали и садились патрульные гидропланы – одиннадцать летающих лодок «Лондон» и три поплавковых «Суордфиша»¹⁶, но эти тяжелые самолеты в силу конструктивных особенностей не могли выполнять иных задач, кроме контроля акватории пролива. Специфика патрульных гидросамолетов такова, что успешно действовать против целей, защищенных от воздушных атак, сильнее, чем подводная лодка довоенной постройки, подобные аэропланы просто не могли. Эти машины громоздки, тихоходны и имеют ряд других недостатков, связанных с изначальным предназначением.

Так что даже если В. Канарис, как утверждает ряд благожелательных биографов, был убежденным антигитлеристом, он не мог считать воздушную компоненту обороны «Скалы» препятствием перед вторжением в крепость и соответственно терроризировать Гитлера в докладе об обороноспособности британской твердыни. «Лондоны» и «Авоьски» («Суордфиши»), безусловно, мешали комфортному надводному перемещению субмарин кригсмарине между океанским и морским театрами, но непосредственных угроз британской твердыне предотвратить не могли.

Численность гарнизона, занимавшего укрепления «Скалы», точному учету не поддается ввиду своеобразной британской системы штатов воинских частей, содержащих значительный «нестроевой» персонал, и отсутствия данных о разделении труда среди контингента. Достоверно известно лишь, что в апреле 1939 г. последовало первое заметное усиление гарнизона пехотным батальоном «Уэльской стражи». Тем самым численность «царицы полей» на «Скале» британцы довели до размеров полностью укомплектованной бригады¹⁷.

Затем рост продолжился, и к началу 1943 г. вахту на гибралтарских верхах несли уже 16–17 тыс. британских солдат, офицеров и персонала базы, не считая личного состава корабельных экипажей¹⁸. Причем дальнейшее наращивание

группировки затруднялось, вероятно, по причине дефицита пресной воды и прочих предметов снабжения. Чрезмерная численность слишком прожорливого контингента ставила под вопрос функционирование пункта в качестве базы снабжения флота, и потому разместить на «Скале» более единственной усиленной дивизии просто не получалось. Не помогли даже чрезвычайные мероприятия, связанные с эвакуацией населения города. В январе 1940 г. около 15 тыс. гражданских начали беспримерную «одиссею» по просторам французской, британской и даже португальской империй в поисках временного пристанища¹⁹.

Однако, удалив гражданских, власти «Скалы» столкнулись с дефицитом вспомогательного персонала, начиная с барменов и заканчивая землекопами. Пришлось идти на беспрецедентные шаги, связанные с наймом рабочей силы в сопредельном, отнюдь не дружественном государстве²⁰. Вышеупомянутое, несомненно, добавило головной боли сотрудникам британских специальных служб²¹.

В таких условиях не могло быть и речи о внезапном ударе гарнизона с целью расширения предполья и придания большей устойчивости отдельным элементам крепости и базы. Подобному решению препятствовали природа и испанцы. Последние сосредоточили во Втором военном регионе, охватывавшем Андалусию, II армейский корпус, насчитывавший три полноценные пехотные дивизии и части усиления²². Причем 6 из 10 наличных пехотных полков в 1939–1942 гг. квартировали в непосредственной близости от «Скалы»²³. Не главный, но допускаемый в означенный период вариант с потенциальной обороной упрощался благодаря интенсивной инженерной подготовке местности. Внимание испанского каудильо к «Скале» сподвигло II корпус к строительству в так называемой зоне «Кампо Гибралтар» укреплений, количественно сопоставимых со знаменитыми прецедентами фортификационной гигантомании. Усердный настойчивый труд приданных саперных частей и превышающего 14000 человек контингента, «перевоспитываемых» в дисциплинарных батальонах политических оппонентов²⁴ вызвал к жизни более 500 различных долговременных оборонительных сооружений²⁵. Совокупная протяженность укрепленных районов по фронту составляла 120–130 км.

Для сравнения на линии Маннергейма 130 долговременных сооружений прикрывали фронт на протяжении 130–140 км²⁶. Безусловно, природные условия Иберийского полуострова иные, чем в зимней Карелии, а большинство бункеров в системе «Кампо Гибралтар» уступали финским «миллионикам». Но в целом следует признать, что испанцы готовились к неожиданностям самым настоящим образом, то есть на уровне мировых стандартов и выше. Интересно,

что масштабнейшие работы удалось утаить не только от вероятных противников, но и от всепроникающего внимания военных историков. основополагающие труды соответствующей направленности по сию пору лишь упоминают испанскую «линию Р» в Пиренеях, которая по масштабности не уступала творению А. Мажино²⁷. «Кампо Гибралтар» корифеи истории фортификации не упоминают вовсе, несмотря на зримые и доступные любому туристу памятники, заполонившие береговую линию Западной Андалусии. Следует заметить, что работы, старт которым дала собранная в мае 1939 г. комиссия генерала П. Хевенеса Лабернаде, завершились лишь в конце Второй мировой²⁸, но боееспособные контуры укрепленных районов сформировались в период 1940–1942 гг. Участки в Ла Линеа и близ Альхесираса считались приоритетными²⁹.

Дополнительные возможности испанской группировке придавали растущие мощности береговой артиллерии, развернутой в окрестностях «Скалы». Мощь эта прирастала в рамках построения «Проливного вала» (Muralló de estrecho) и к 1942 г. опиралась на два позиционных района. Первый располагался на африканском берегу вокруг Сеуты, включал часть IV артиллерийского полка береговой обороны³⁰. Летом 1939 г. помимо прочего множества орудий на батареях данной части стояли шесть 6 x 305 мм пушек Крупп, 5 x 260 мм стволы того же производителя, 15 x 240 мм гаубиц национального производства и 7 шестидюймовок Веккерса³¹. За исключением конструкции упомянутой последней орудийный парк был староват. Все крупные пушки относились к образцам последней четверти XIX в., но данное обстоятельство не мешало их работоспособности. Именно такие средства, подкрепленные полевыми орудиями, в 1915 г. воспретили англо-французской армаде проход в Дарданеллы, а в начале 40-х гг. XX в. сохранили достаточно возможностей для воспрепятствования мореходству в западной части Гибралтарского пролива. До «Скалы» снаряды IV артиллерийского полка не долетали, но принуждали к согласованию любых мероприятий в акватории, омывающей британскую твердыню.

До 1944 г. испанцы упорно укрепляли и переснащали южную створку ворот, запирающих пролив, но главная роль отводилась не ей. Работы непосредственно на полуострове были значимее, а их результат внушительнее. В 1940–1942 гг. I полк береговой артиллерии, ответственный за пролив и оборону военно-морской базы (ВМБ) Кадис, дооснастили башенными установками, современными эпохе, и как на подбор исключительно английскими орудиями калибром 15 и 12 дюймов. Две 15-дюймовки позаимствовали с донорской батареи на севере страны, а пару двухорудийных башен со стволами поменьше презентовало несчастье. В июне 1937 г. на Картахенском рейде взорвался последний из злосчаст-

ной троицы, сгинувших вне сражений испанских дредноутов – линкор «Хайме I». Рачительные испанцы демонтировали башни и по одной приспособили на новых гибралтарских батареях – «Эль Вигиа» и «Каскабель»³². Таким образом, летом 1941 г. проницаемость пролива для вероятных противников существенно снизилась, а у испанцев образовалась возможность при необходимости подавлять четырехорудийными залпами самые трудные цели на «Скале». Причем возможность дуэли принципиально отвергалась, коль скоро позиции батарей «Эль Вигиа» и «Каскабель» располагались вне пределов досягаемости любой гибралтарской пушки.

Ввод в строй двухорудийной 15-дюймовой «вишенки на торте» в силу циклопических проблем с обустройством на 500-метровой высоте затянулся до октября 1941 г.³³ Но когда объект D-3 «Паломо Альта» вступил в строй, огневое превосходство испанцев в стратегическом районе стало абсолютным. Правда, 13 мая 1942 г. одна установка погибла от преждевременного разрыва снаряда, но упорные испанцы подвезли еще пару орудий с Менорки и восстановили идеальный для них баланс сил. С северо-востока «Скалу» могли обстреливать две 12-дюймовки батареи «Гуадиаро» D-17³⁴.

Впрочем, даже без орудий-гигантов еще в 1939 г. I артиллерийский полк береговой охраны (БО) был сильнее всей совокупности средств поражения, сосредоточенных в Гибралтаре. Часть орудий полка, включая 240-миллиметровые гаубицы, монтировались на ж/д платформах и, следовательно, имели возможность быстро сменить основные позиции у Кадиса на дополнительные в Альхесирасе³⁵. Иначе говоря, создать огненный мешок для «Скалы» и базирующихся в ее гавани сил Королевского флота с помощью наличных и переброшенных средств было возможно за несколько часов.

Наконец, решающим силовым фактором в регионе являлась напрочь отсутствующая у англичан тактическая ударная авиация. Уже в 1939 г. испанцы постоянно держали на авиабазе «Таблада» близ Севильи 11-ю бомбардировочную эскадру, состоящую из двух групп (основная тактическая единица испанских ВВС), оснащенных итальянскими машинами SM-79³⁶. Данный тип бомбардировщика имел приемлемые тактико-технические характеристики (ТТХ) применительно к моменту и считался боевой машиной, достойной средиземноморского театра военных действий (ТВД). Постоянная численность групп составляла более 30 бомбардировщиков, но хронический дефицит запасных частей обычно сокращал боевой состав на 5–10%. Сходной по составу являлась часть, размещавшаяся на авиабазе «Давилья» под Гранадой. Обе эскадры имели «Скалу» в пределах боевого радиуса с максимальной бомбовой нагрузкой и при необходимости могли атаковать объект не-

сколько раз за световой день. Кроме этих сил под Севильей базировалась отдельная 61-я эскадрилья немецких машин HS-123. Данный самолет был экспериментальной моделью пикирующего бомбардировщика, разработанного как прототип знаменитого «Ju-87». Самолет считался морально устаревшим, но был надежным, живучим, ремонтнопригодным и весьма точно поражал малоразмерные цели³⁷. Всего на площадках базы «Таблада» располагалось 12 этих практичных и эффективных самолетов поля боя.

Прикрытие перечисленным ударным подразделением обеспечивала 23-я истребительная группа, оснащенная «Fiat CR-32» в количестве 26 единиц³⁸.

На первый взгляд, машина, именуемая «сверчком», к началу Второй мировой изрядно устарела, но если вспомнить, какие британские истребители защищали Мальту или взлетали с палуб авианосцев Королевского флота до 1942 г., «CR-32» как бы обретает вторую молодость, сопряженную с конкурентоспособностью. Тем более, что оперативная маневренность авиации выше, нежели чем у прочих родов войск, и усиление группировки над проливом и «Скалой» было делом несложным.

Оперативным резервом испанских ВВС над проливом выступала истребительная группа 27, ответственная за небо марокканского протектората и оснащавшаяся вполне современными самолетами.

В заключение поверхностного обзора испанских возможностей в регионе следует также отметить, что боевой опыт испанских солдат и офицеров, полученный в кампании средней интенсивности, был избыточен и как минимум не уступал наличествующему у кадров вероятного противника. В таких условиях робкие надежды на эффективные английские действия любого характера сопрягались лишь с гипотетическим моральным превосходством. Однако исторические примеры, заключенные в терминах «Сингапур» и «Тобрук», не позволяют всерьез относиться к данной переменной величине как к союзнице сынов туманного Альбиона. Проще говоря, в период между июнем 1940 и ноябрем 1942 г. Испания имела весь военный инструментарий для принятия любых выгодных ей решений в Гибралтарском вопросе. Иное дело – мотивация.

Хитрый, расчетливый и предельно эгоистичный испанский автократ, с детства мечтавший о корабельных палубах и океанских просторах, знал истинную цену Гибралтара. Совершенная портовая инфраструктура и гавань обрели настоящий смысл лишь в руках державы, повелевающей морями. Испанский диктатор мог взять Гибралтар. Мог перекрыть движение в проливе, не прибегая к этому шагу. В определенных хронологических рамках Испания, несмотря на фактическое отсутствие флота, имела веский голос в решении вопроса о принадлежности Западного

Средиземноморья, но корыстный каудильо понимал непреходящую локальность доминирования.

Течением процессов мировой экономики Испания не управляла и соответствующих надежд не имела. В условиях англо-саксонского морского диктата напроць отсутствовали методы обеспечения неприкосновенности иных участков длинного побережья, Канарских островов, колониальных владений в Африке, и, главное, казус в Гибралтаре обнулял и без того ограниченный доступ к мировым ресурсным источникам. Таких жертв амбиции и сиюминутная внутренняя популярность не стоили.

Следовательно, изъятие пункта, символизировавшего глобальную морскую мощь, а тем более его передача претенденту-аутсайдеру, смысла не имело. Зато «Скала» служила атрибутом шантажа – универсальной разменной монетой на геополитическом торжище, каковым Ф. Франко Баамонде воспользовался сполна. Поводом к захвату «Скалы» мог быть лишь скорый и очевидный крах Британской империи, но его предзнаменований в Мадриде не наблюдали. И все в Гибралтаре осталось, как было.

Резюмируя, следует подчеркнуть, крепость Гибралтара имела существенные дефекты и, несмотря на созданные природой достоинства, едва ли являлась неприступной. Качественному исполнению роли морской твердыни препятствовали умеренные возможности береговой артиллерии. Уязвимость от атак с сопредельной территории определялась отсутствием способов эффективной маскировки объектов воздушной компоненты ПВО и скромной численностью дислоцированного на протяжении критического периода сухопутного контингента. Обращают на себя внимание политически обусловленные или явившиеся следствием халатности просчеты в организации массирования артиллерийского огня против перешейка и иных потенциально опасных направлений. Тем более крепость не могла вопреки демонстративным опасениям военного окружения генералиссимуса Франко выступать плацдармом для нападения на Испанию. Расположение порта не позволяло скрытно накапливать, а пространство крепости – концентрировать ресурсы для вторжения на Иберийский полуостров. Испания, напротив, была мобилизована и сильна на локальном участке, но не мотивирована к решительным действиям.

Примечания

- 1 См.: *Махов С., Созаев Э.* Борьба за Гибралтар // Морская война. 2008. № 2. С. 15.
- 2 См.: *Креленко Д. М.* Отдельные аспекты реализации испанского нейтралитета в Первой мировой войне // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 67–75.
- 3 См.: United Kingdom / Britain. 9.2⁷/47 (23.4 cm) Mark X.

- Сайт “NavWeaps. Naval Weapons, Naval Technology and Naval Reunions”. URL: http://www.navweaps.com/Weapons/WNBR_92-47_mk10.php (дата обращения: 14.03.2018).
- ⁴ См.: Кауфман Дж. Фортификация Второй мировой войны 1939–1945. Европа. М., 2006. С. 173.
- ⁵ См.: Смит П. Ч. Бой неизбежен. М., 2005. С. 140.
- ⁶ См.: United Kingdom / Britain. 9.2”/47 (23.4 cm) Mark X. Сайт “NavWeaps. Naval Weapons, Naval Technology and Naval Reunions”.
- ⁷ См.: The fortification of Gibraltar 1067–1945. Oxford : Osprey PL, 2006. P. 51.
- ⁸ См.: Шпаковский В. «Они могли стрелять со «Скалы» – английские пушки на высотах Гибралтара». Сайт «Военное обозрение. История». URL: <https://topwar.ru/92460-oni-mogli-strelyat-so-skaly-angliyskie-pushki-na-vysotah-gibraltara.html> (дата обращения: 23.03.2018).
- ⁹ См.: The fortification of Gibraltar 1067–1945. P. 51.
- ¹⁰ См.: Кауфман Дж. Указ. соч. С. 173.
- ¹¹ См.: The fortification of Gibraltar 1067–1945. P. 51.
- ¹² См.: Дивайн А. Д. Миллион миль. М., 2005. С. 270.
- ¹³ См.: Кауфман Дж. Указ. соч. С. 168.
- ¹⁴ См.: Casas de la Vega R. Franco, military. Toledo : Fenix, 1995. P. 518.
- ¹⁵ См.: Игнатченко И. В. Неосуществленный план по взятию крепости Гибралтар // Независимое военное обозрение. 2011. 28 нояб.
- ¹⁶ Смит П. Ч. Указ. соч. С. 135.
- ¹⁷ См.: Saez Rodrigues A. J. Espana ante la Segunda Guerra Mundial. El sistema defensivo contemporaneo del Campo de Gibraltar // Historia Actual Online. 2011. № 24. P. 34.
- ¹⁸ См.: Jackson W. The Rock of the Gibraltarians. Cranbary, N. J. : Associated University Press., 1986. P. 293.
- ¹⁹ Ibid. P. 271.
- ²⁰ См.: Кауфман Дж. Указ. соч. С. 168.
- ²¹ См.: Ландер И. И. Негласные войны. История специальных служб 1919–1945 : в 3 т. Т. 2. Одесса, 2007. С. 487–489.
- ²² См.: Casas de la Vega R. Op. cit. P. 519.
- ²³ См.: Garsia Dias M. El despliegue de la infanteria en el litoral de las provincias de Cadiz y Huelva // Revista española de Historia Militar. 2002. № 1–2. P. 62.
- ²⁴ См.: Algarbani Rodrigues J.-M. Los bunceres del Estrecoy los prisioneros republicanos // Revista Almoraima. 2008. № 36. P. 451–460.
- ²⁵ См.: Saez Rodrigues A.-J. Fortines de hormigón en el Campo de Gibraltar. URL: <http://www.betijuelo.net/presentabunker.htm> (дата обращения: 24.03.2018).
- ²⁶ См.: Балашов Е. А., Степанов В. Н. Линия Маннергейма и система финской долговременной фортификации на Карельском перешейке. СПб., 2000. С. 19.
- ²⁷ См.: Кауфман Дж. Указ. соч. С. 398–399.
- ²⁸ См.: Saez Rodrigues A. J. Espana ante la Segunda Guerra Mundial... P. 36.
- ²⁹ См.: Sanches de Alcasar Garcia C. Los ingenieros militares en Tarifa 1939–1945 // Revista Al Qantir. 2012. № 12. P. 179–180.
- ³⁰ См.: Manrige Garcia J., Molino Franco L. El artillado de la “Otra” Frontera Sur (I Parte) // Revista española de Historia Militar. 2002. № 1–2. P. 66.
- ³¹ Ibid. P. 73.
- ³² См.: Sanches de Alcasar Garcia C. La Bateria de Vigia // Historia Contemporanea. Aljarnada, 2007. № 65. P. 11.
- ³³ См.: Schnell Quiertant P. Los cañones gigantes del plan 1926 : usos para la paz en el siglo XXI // Revista Castillos se España. 2010. № 160. Año LVIII (X). P. 52.
- ³⁴ См.: Alvarez Liata J., Domingues Llosa S. El Hundimiento del Acorasado “España” en cabo Tres Forcas (3 parte) // Revista española de Historia Militar. 2002. № 29, XI. P. 213–214.
- ³⁵ См.: Garcia Dias M. Artilleria de costa sobre via Ferrea. Cadiz. 1939–1953 // Revista Española de Historia Militar (20–21). 2002. № 1–2. P. 54–57.
- ³⁶ См.: Gonsales Serrano J.-L. Las Unidades y el Material del Ejército del Aire : Durante la Segunda Guerra Mundial. Walladolid, 2005. P. 50.
- ³⁷ См.: Козырев М., Козырев В. Авиации стран оси во Второй Мировой войне. М., 2011. С. 126–127.
- ³⁸ См.: Gonsales Serrano J.-L. Op. cit. P. 13.

Образец для цитирования:

Креленко Д. М. Отдельные элементы потенциала крепости Гибралтар в контексте стратегической роли данной позиции в 1940–1942 годах // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 481–487. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-481-487>

Cite this article as:

Krelenko D. M. Some Elements of the Gibraltar Fortress Potential in the Context of its Strategic Role in 1940–1942. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 481–487 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-481-487>

УДК 94(73)091.8

ТЕОРИЯ «НАРОДНОГО КАПИТАЛИЗМА» И ФОРМИРОВАНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА В ПРАВЛЕНИЕ Д. ЭЙЗЕНХАУЭРА

Н. Н. Бонцевич

Бонцевич Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры медиакоммуникации, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., bontsevitch@yahoo.com

Целью настоящей статьи является анализ деятельности администрации президента Эйзенхауэра по формированию общенационального консенсуса в отношении проводимой политики холодной войны. Особая роль в этом процессе отводилась теории «народного капитализма». С ее помощью предполагалось продемонстрировать преимущества американской социально-экономической системы, как в самих США, так и в мире, повысить ее привлекательность в глазах рядовых американцев, а также выработать лояльное отношение широких общественных групп к верхушке американского бизнеса, внушить идею о новом типе капитализма, «изжившего» непримиримые противоречия прежних этапов развития. В этой связи особое внимание автор уделяет содержанию теории «народного капитализма» и методам ее распространения в американском обществе.

Ключевые слова: «народный капитализм», политический консенсус, администрация Эйзенхауэра, Совет по рекламе, информационные кампании, пропаганда.

«People's Capitalism» Theory and Making Internal Consensus during the Eisenhower Administration

N. N. Bontsevich

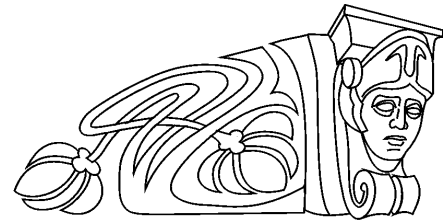
Natalya N. Bontsevich, <https://orcid.org/0000-0002-9209-2429>, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, Politechnicheskaya Str., 410054, Russia, bontsevitch@yahoo.com

This paper presents an analysis of the Eisenhower administration activities in building a nationwide consensus of the Cold War policy. The theory of «people's capitalism» played a special role in this process. It was supposed to demonstrate the benefits of the American socio-economic system, both within the United States and in the world, to increase its attractiveness in the eyes of ordinary Americans, as well as to develop a loyal attitude of broad public groups to the top of American business, to instill the idea of a new type of capitalism, «surviving» irreconcilable contradictions of the previous stages of development. In this regard, the author pays special attention to the content of the theory of «people's capitalism» and methods of its dissemination in American society.

Key words: «people's capitalism», political consensus, Eisenhower administration, Advertising Council, information campaigns, propaganda.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-488-494>

Возглавив администрацию после победы на президентских выборах 1952 г., Д. Эйзенхауэр продолжил политику своего предшественника

демократа Г. Трумэна по формированию общенационального консенсуса в отношении холодной войны. Она включала в себя тесное взаимодействие с верхушкой американского бизнеса, ключевыми группами влияния в американской экономике, Советом по рекламе, важнейшими СМИ и представителями интеллектуальных кругов американского общества в вопросах воздействия на общественное сознание американцев с целью выработки лояльного отношения к действиям правительства по ведению холодной войны. Вместе с тем четко обозначились контуры республиканских подходов к решению задач, перешедших по наследству от прежней администрации.

Американские деловые круги в целом положительно восприняли приход новой администрации к власти, поскольку генерал Эйзенхауэр был известен как последовательный сторонник всех главных капиталистических ценностей и поборник идеи «новой формы экономической демократии ... во взаимозависимом и совместно управляемом мировом порядке»¹. Его неоконсервативный внутривнутриполитический курс был построен на принципах философии корпоративного государства, которую также разделяла большая часть сторонников президента из числа либерально мыслящей прогрессивно настроенной финансово-промышленной элиты Америки.

В политическом идеале 34-го президента США отсутствовали самые острые противоречия современного капитализма: между трудом и капиталом, между философией либерализма и предпринимательства, с одной стороны, и социалистическими идеями, с другой, между правыми республиканцами и левыми демократами².

«Мы должны найти способ посадить за стол переговоров все конфликтующие стороны – представителей большого бизнеса, наемного труда, профсоюзов и чиновничества – и вместе с экспертами в спокойной и беспристрастной атмосфере обстоятельно все изучив, найти решение существующих проблем»³, – делился своими политическими взглядами будущий президент на встрече с академическими кругами в 1950 г.

Эйзенхауэр подчеркивал, что разделяет иную, чем предыдущий кабинет философию, и что его экономическая политика не будет просто продолжением «справедливого курса» Трумэна и «нового курса» Рузвельта. Он против чрезмерного контроля над экономикой, ценами и заработной платой. Эйзенхауэр выступал за актив-

ную роль государства в экономике, но при этом стремился проводить политику децентрализации государственного управления, сокращения федеральных расходов и раздутого бюрократического государственного аппарата, разросшегося до 2,5 млн человек⁴.

Этот так называемый «средний путь» развития американского общественного строя, в котором ограничение возможностей государства по регулированию частного предпринимательства соседствовало бы с усилиями по углублению взаимодействия государства и бизнеса и построению социального консенсуса внутри американского общества, должен был стать своеобразным залогом на пути возможного роста популярности «Нового курса»⁵.

Состав нового правительства, являвшегося, по едкому замечанию либерального «Нью Рипаблик», кабинетом восьми миллионеров и одного водопроводчика, не давал ни единого повода усомниться в том, что опорой правящей администрации являлась верхушка финансовых и промышленных кругов с Уолл-стрит. Единственным немиллионером в правительстве был министр труда Мартин Даркин, являвшийся до назначения на должность председателем Союза водопроводчиков США. В этой связи фраза, произнесенная президентом «Дженерал Моторс» Чарльзом Уилсоном перед сенатским Комитетом по вооруженным силам незадолго до своего назначения министром обороны, «что хорошо для США, хорошо и для «Дженерал Моторс» и наоборот»⁶ очень точно иллюстрирует сложившийся тандем. Министр торговли Синклер Уикс на съезде Национальной ассоциации промышленников в 1953 г. заверил собравшихся, что «климат, благоприятный для бизнеса, просто вытеснил дух социализма». А Клиффорд Худ, президент «ЮС Стил», после избрания Эйзенхауэра президентом так выразил царившее в американских деловых кругах настроение облегчения от свершившегося: «США еще недавно стояли перед выбором, реально маячила возможность движения в сторону социализма, но мы устояли и теперь снова находимся лицом к лицу с частным предпринимательством и капитализмом»⁷.

В команде Эйзенхауэра оказались опытные в делах пропаганды представители американского истеблишмента, со многими из которых будущий президент работал над такими значимыми проектами, как «Радио Свободная Европа», «Национальный комитет Свободная Европа», кампания по сбору средств «Крестовый поход за свободу», кампания «Свободная пресса Европы»: Аллен Даллес, генерал Люсиус Клей, Чарльз Джексон, Нельсон Рокфеллер, Уолтер Бедделл Смит, Джон Фостер Даллес.

Особым расположением президента пользовался Чарльз Джексон, главный советник по ведению психологических войн. До победы Эйзенхауэра на выборах Джексон являлся из-

дателем влиятельной корпорации «Тайм-Лайф» и был доверенным лицом медиамагната Генри Люса. Во время Второй мировой войны Джексон считался одним из лучших специалистов по разработке психологических операций, после войны был в числе организаторов информационной кампании в поддержку мировой торговли. Именно благодаря Джексону Эйзенхауэр принял реструктуризацию службы пропаганды, фактически выведя ее из-под контроля Госдепа. В августе 1953 г. была создана новая структура, ответственная за разработку и проведение пропагандистских информационных кампаний за пределами США и подотчетная президенту и Совету по национальной безопасности, Американская администрация информации (USIA). На зарубежную пропаганду было выделено из бюджета 75 млн \$, меньше, чем президент просил у Конгресса – 96 млн \$. Определенные изменения затронули также Совет по психологической стратегии (PSB), созданный при Трумэне в 1951 г. Он был переименован в Координационный совет по ведению операций (OCB), а его функции расширены и направлены на жесткий контроль над планированием зарубежных информационных программ с применением подрывных мероприятий, санкционированных Советом по национальной безопасности⁸.

Находясь под большим влиянием Чарльза Джексона, Эйзенхауэр заметно повысил статус рекламы и связей с общественностью как инструмента внутренней и внешней политики в «борьбе за умы и сердца»⁹. Совет по рекламе президент называл одной из важнейших неправительственных организаций в стране, отстаивающих свободное правление¹⁰. Все члены команды президента разделяли его мнение о значительной роли Совета по рекламе в информационной политике американской администрации и считали, что являясь объединением представителей самых влиятельных групп интересов в американской экономике, Совет имел неограниченные возможности аккумулировать усилия талантливых колумнистов, тележурналистов, редакторов и издателей, рекламистов и специалистов в области связей с общественностью и направлять их на решения задач, стоящих перед правящей администрацией¹¹.

Важным с точки зрения общей «нелюбви» рядовых американцев к любым проявлениям пропаганды «изнутри» было то, что действия Совета по рекламе не несли в себе признаков принуждения и характеризовались добровольностью в вопросах пожертвований в пользу фондов (например, Фонда Американского наследия, фонда Форда и пр.), которые, в свою очередь, являлись важным источником финансирования информационных программ правительства. Общность внешнеполитических и экономических подходов, разделяемых правящей администрацией и верхушкой американского бизнеса, явилась тем

основанием, на котором установилась высокая степень доверия и кооперации между чиновниками Госдепа и Советом по рекламе. Вот почему именно Совету по рекламе правительство республиканцев доверило проводить ключевые информационные кампании 50-х гг. – «Народный капитализм», «Будущее Америки», «Атом в мирных целях», «Народ народу» и др. – и при этом без особых усилий получать финансирование фондов и главные каналы информационного воздействия в обществе.

Президент и его команда считали крайне важным сформировать в обществе благоприятный имидж бизнес-сообщества, включая самые его верхи, активно сотрудничающего с правительством в деле построения корпоративного государства. Крупный бизнес ответственно подошел к выполнению данной задачи и щедро финансировал многочисленную армию специалистов по связям с общественностью, которые продвигали филантропический образ американской системы капитализма. В 1950-е гг. по заказу корпораций снимались фильмы, читались лекции, устраивались концерты симфонической музыки, тематические выставки в художественных музеях и общественных центрах, спонсировалась деятельность отрядов скаутов и юных легионеров. Ежегодные отчетные собрания корпораций перед акционерами приобрели характер семейных праздников, а сами отчеты печатались в ведущих информационных изданиях страны, таких как «Нью-Йорк Таймс», «Чикаго Трибьюн», «Лос-Анджелес Таймс». Все это и многое другое делалось для того, чтобы продемонстрировать корпоративную солидарность американских деловых кругов, «стоящих на службе интересов общества», и глубокую заинтересованность руководства компаний в своих акционерах¹².

Для закрепления достигнутого успеха в формировании пробизнес-мышления и одновременно решения задачи по формированию общенационального консенсуса было решено провести информационную кампанию со звучным пропагандистским названием «Народный капитализм». Изначально проект «Народный капитализм» задумывался как пропаганда успехов и преимуществ американской капиталистической системы за пределами США. В августе 1955 г. Теодор Репплер, президент Совета по рекламе и ближайший советник Эйзенхауэра, вернувшись из шестимесячной заграничной командировки, выразил недовольство содержанием зарубежных пропагандистских программ USIA, которые существенно уступают советской пропаганде и будут таковыми до тех пор, пока не появится вдохновляющая идея, способная нейтрализовать социалистический идеал. «Мы не можем быть просто против коммунизма, нам не хватает позитивного крестового похода. Нам действительно нужна моралистическая идея, способная разбудить человеческое воображение»¹³, – писал Реп-

плер в служебной записке президенту в августе 1955 г.

Вдохновляющей идеей стал «народный капитализм», с помощью которого предполагалось громко заявить на весь мир о совершенно новом типе капитализма, который утвердился в США и который демонстрирует высочайшие стандарты жизни: в потреблении, образовании, медицинском обслуживании, растущих доходах работающего населения и численности среднего класса. В ходе информирования зарубежной общественности об истинном положении дел в американской социально-экономической системе предполагалось разрушить главный тезис советской пропаганды о скорой гибели американского государства под действием собственных неразрешимых противоречий. И, напротив, показать превосходство якобы «загнивающей» системы на фоне колючей проволоки социалистического лагеря, скрывающей нищету, рабство, жесткое ограничение личных свобод¹⁴.

Президент высоко оценил проект «Народный капитализм» и даже настоял на обстоятельном обсуждении всех нюансов запуска информационной кампании на совещании с участием ключевых фигур администрации, ответственных за пропаганду¹⁵. Проект понравился также деловым кругам Америки, а Совет по рекламе со свойственным ему энтузиазмом взялся за популяризацию теории «народного капитализма» у себя дома.

Хотя выражение «народный капитализм» вошло в оборот только в 1956 г., концептуализация теории началась еще в начале 50-х гг. Первые публикации на данную тему появились в 1951 г. Уильям Николс, редактор журнала «Дисвик», в статье «Разыскивается: новое имя капитализму» задался вопросом о возможно ином, более «справедливом» названии для системы капитализма, которая хоть и несовершенна, но демонстрирует неисчерпаемый потенциал для прогрессивных изменений. Варианты названий были следующими: «новый капитализм», «демократический капитализм», «экономическая демократия», «продуктивизм». Читателям издания также было предложено поучаствовать в выборе «достойного» названия своего общественного строя. 15000 читателей откликнулись на призыв и прислали в редакцию свои варианты.

В этот же период времени еще три работы, посвященные проблеме переименования капитализма, увидели свет. Редакторский коллектив журнала «Фортуна» опубликовал статью «США: революция продолжается». Экономист Питер Друкер выпустил работу «Новое общество», а историк Фредерик Аллен – «Большую перемену». Все три работы были посвящены проблеме поиска адекватного названия общественному устройству США, которое, по мнению авторов, не было похоже ни на классический капитализм, ни на социализм и во многом превзошло их обо-

их. Во всех работах утверждалось приблизительно одно и то же. Что современная система капитализма представляет собой результат удивительного преобразования. Теперь уже не капиталисты используют трудящихся, а трудящиеся используют капиталистов в своих интересах, а капитал превратился из хозяина в слугу. Отношения между трудом и капиталом в условиях существующей системы носят неконфликтный характер. Основная форма борьбы – забастовки – больше не являются проявлением классово-борьбы, а напоминают игру двух команд: преимуществом первой является численность игроков, второй – деньги и власть. Прогноз на ближайшее будущее, сделанный экономистами, был весьма оптимистичен: главный антагонизм существующей системы между трудом и капиталом исчезнет, и американское общество превратится в общество преобладающего среднего класса. Произойдет это во многом благодаря справедливому механизму перераспределения доходов¹⁶. Качественные позитивные изменения, происшедшие в существующих общественно-экономических отношениях, отмечал в своих публичных выступлениях во время президентской гонки 1952 г. кандидат от Демократической партии Эдлай Стивенсон: «США в середине века стоят на пороге эры благополучия для всех»¹⁷.

Даже известные защитники «Нового курса» либералы Адольф Берли и Дэвид Лириенталь, критиковавшие большой бизнес в 1930-е гг., вдруг пересмотрели свое отношение к корпорациям. Берли даже изобрел термин «капиталистическая революция 20 в.»¹⁸ и утверждал, что у корпораций есть сознательность. Усилиями американских историков бароны-грабители из 30-х превратились в уважаемых государственных деятелей, представлявших во власти интересы промышленников. Так, например, Джон Рокфеллер в биографии Аллана Невина выглядит настоящим спасителем Америки¹⁹.

«Великий экономист, социальный философ, политик, дипломат», как назвал его историк Артур Шлезингер, Джон Кеннет Гэлбрейт предложил свое, отличное от классической экономической теории видение перспектив капиталистического развития. В работе 1952 г. «Американский капитализм» Дж. Гэлбрейт проанализировал деятельность современных корпораций. Он утверждал, что на смену реально существовавшей в XIX в. конкурентной среде пришла олигополия. Вследствие роста концентрации промышленности единственным способом контроля над корпорациями становится «уравновешивающая власть» профсоюзов и главных покупателей промежуточных продуктов, например, автомобилестроительных фирм, приобретающих сталь. «Уравновешивающая власть», утверждал Дж. Гэлбрейт, дает экономике способность автономного саморегулирования. В условиях децентрализованной экономики

государству остается лишь оказывать влияние на уровень спроса и ограничивать инфляцию путем контроля над ценами. Конечно, позже сам автор концепции «уравновешивающей силы» был вынужден признать ошибочность собственных предположений и согласиться с критикой оппонентов в свой адрес: компенсирующая сила является слабым заменителем рынка, так как она не распределяет собственность, не осуществляет оптимального регулирования цен, не устраняет нищету и не предоставляет удобств и общественных услуг²⁰.

К обсуждению проблемы происходивших в системе американского капитализма изменений подключились ведущие представители научного сообщества. Первый круглый стол с участием ученых, экономистов, влиятельных СМИ, профсоюзов и бизнесменов был организован в 1952 г. и с этого времени проходил ежегодно. В ноябре 1956 г. в разгар информационной кампании «Народный капитализм» дискуссия прошла в Йельском университете. Организатором выступил Совет по рекламе. Содержание дискуссии и ее итоги были растиражированы ведущими американскими СМИ, а также опубликованы в виде отдельной брошюры объемом 64 страницы, которая также была выпущена массовым тиражом. В дискуссии приняли участие известные профессор Йеля Дэвид Поттер и Гарольд Лассуэлл, редактор «Фортуна» Джон Давенпорт и др.

В отчете о прошедшей встрече ученых, бизнесменов и медийщиков его автор, историк Дэвид Поттер, в качестве основных целей дискуссии назвал необходимость формирования общенационального консенсуса, выработки достойного ответа на вызовы международного коммунизма и Москвы, в частности, продолжавших заявлять, что капитализм и социальная несправедливость – близнецы-братья. Особо подчеркивалась задача продвижения образа Америки как страны, понятной как у себя дома, так и в мире, и поиска фактов, подтверждающих жизнеспособность американской системы капитализма, не прибегая к обобщениям, типа система свободного предпринимательства или американский образ жизни. Таким образом, перед участниками дискуссии была поставлена задача дать развернутую научно-обоснованную характеристику существующей системе, подчеркнуть ее преимущества и недостатки, и выступить в качестве экспертов в оценке феномена «народный капитализм».

По итогам встречи были сделаны важные выводы. Капитализм в США действительно народный, потому что широкие слои американского общества участвуют в системе предпринимательства в различных формах собственности, а бизнес-сообщество давно признало тот факт, что предпринимательство не должно служить только целям личного обогащения, а должно работать также и на общественное благо, т.е. фактически

эксперты подтвердили социально ответственный характер бизнеса. Второе обстоятельство, подтверждающее народный характер американской системы капитализма, – это постоянно действующее в ней требование повышения стандартов жизни общества. И третье – это широкая дистрибуция конкретных результатов экономического процветания в обществе, отраженная в постоянно растущем уровне жизни граждан²¹.

В ходе работы круглого стола его участники попытались также ответить на вопрос: почему именно американская система капитализма подверглась преобразованию в «народный капитализм»? Среди причин, обусловивших данную эволюцию, по мнению экспертов, – чрезвычайно высокий уровень технологического прогресса, богатство природных ресурсов, глубинные факторы духовно-нравственного порядка. К ним в первую очередь относятся самоограничение и стремление к справедливости, заложенное в американской культуре и религии. Именно они создают основы для невмешательства государства и власти в экономику, которая способна сама справиться с внутренними противоречиями. Особый акцент как всегда был сделан на американские идеалы свободы и равенства, которые сами по себе являются источником вдохновения, движения вперед, социального прогресса. Они уже подстегнули миллионы американцев к участию в системе предпринимательства и по-прежнему продолжают с большим успехом воодушевлять людей²².

Материалы круглого стола, организованного в рамках информационной кампании «Народный капитализм», были разосланы в ведущие информационные и аналитические периодические издания страны, активно ими цитировались и использовались при подготовке рекламных плакатов и постеров.

Так, например, в рекламном постере компании «Дженерал Электрик» с заголовком «Народный капитализм: как он работает в твоих интересах», размещенном в журнале «Харперс» в августе 1956 г., утверждалось, что система американского капитализма отличается от остальных его разновидностей и необычайно успешна, потому что это народный капитализм: все граждане в равной мере разделяют ответственность и пользуются его выгодами²³. В другой рекламе 1956 г. говорилось, что экономика США быстро принимает характер народного капитализма, в условиях которого производственные мощности нации все более перераспределяются в интересах граждан со средним и ниже среднего доходами. В памфлете корпорации «Esso» с названием «История креативного капитала» заявлялось, что марксистский идеал общественного устройства уже реализован в Америке. Редакторы еженедельника «Ридерс Дайджест» убеждали своих читателей в том, что в США утвердился новый тип капитализма – не для избранных, а для мно-

гих. Коммунизму и социализму будет трудно соответствовать ему²⁴.

В начале 1956 г. Совет по рекламе подготовил передвижную выставку «Народный капитализм – новый образ жизни», задача которой состояла в наглядной демонстрации достижений американского капитализма. Экспозицию «Народный капитализм» предполагалось сделать центральным элементом всех заграничных выставок и ярмарок, организуемых USIA. На открытии выставки в феврале 1956 г. на станции метро «Юнион» в Вашингтоне присутствовал Эйзенхауэр и высокопоставленные чиновники администрации. В центре экспозиции организаторы разместили два дома, построенных с разницей в 180 лет и наглядно демонстрировавших экономический прогресс с 1775 по 1956 г.: бревенчатый дом XVIII в. и модель современного сборного пятикомнатного дома, оснащенного всей необходимой трудосберегающей техникой. Также высокие результаты экономического и технологического прогресса демонстрировали новейшие образцы бытовой техники, мебели, модели автомобилей, произведения искусства, книги и многое другое. Специально для гостей выставки был организован показ фильма, повествующего об улучшении качества жизни и росте благосостояния рядовых американских потребителей. Информация на выставочных стендах утверждала, что 60% американских семей владеют собственным жильем, 75% – своей землей, 70 млн американцев имеют сбережения, 115 млн застраховали свою жизнь, 10 млн владеют акциями. Слоганы выставки соответствовали общей концепции и замыслу проекта: «Классовые различия скоро исчезнут», «Почти каждый – капиталист», «Образование для всех»²⁵. В последующие месяцы выставка проехала по всем США и по Латинской Америке, Европе, Африке и Азии.

У теории «народного капитализма» оказалось больше сторонников, чем оппонентов, что свидетельствует о том, что пропагандистские службы Белого дома сделали правильный выбор и нашли действенные инструменты воздействия на общественное сознание американцев. Даже среди представителей либерального крыла интеллектуальной элиты Америки нашлось немало сторонников теории, которая была не более чем хорошо спланированной и организованной пропагандой.

Конечно, трудно не принимать во внимание очевидные факты роста американской экономики и объемов личного потребления в рассматриваемый период. Экономисты, опасавшиеся резкого спада в американской экономике после 1945 г., вынуждены были признать, что ситуацию могло спасти два обстоятельства: сохранение высокими расходов на цели обороны и уровня покупательной способности населения. Оба обстоятельства сработали, и это вытаскило американскую экономику. Потребление на душу на-

селения выросло после войны с 1274 \$ до 1824 \$ к 1960 г. Расходы на оборону достигли 325 млн \$ за десятилетие с 1947 г.²⁶, то есть характер экономики 50-х, игнорируемый большинством его защитников, заключался в полной зависимости от расходов на оборону. Война избавила от последствий депрессии, новые военные расходы обеспечили дальнейшее процветание. По этому поводу Дж. Гэлбрейт писал, что США «вынуждены тратить на военные расходы» и «очевидно не смогут сократить эти расходы по соображениям фискальной политики»²⁷. Другой проблемой поддержания наступившего процветания была необходимость поддержания высокого потребительского спроса усилиями массивной рекламы, кредитования и стимулирования потребности покупать новое. Реклама превратилась в мощное оружие стимулирования потребителя. В 1955 г. расходы на рекламу выросли с 8 до 12 млн \$.

По мнению президента Национальной компании телевидения Роберта Сарноффа, «высоким уровнем жизни американцы обязаны рекламе, которая создала такой настрой, который подталкивает потребителей к приобретению большего количества вещей и вещей лучшего качества». Поддерживая потребительский бум, Генри Люс писал в 1956 г., что бедность – «это привычка думать бедно». А Эрнест Дихтер, американский психолог и эксперт по маркетингу, получивший известность как «отец мотивационных исследований», подчеркивал, что «главным в продвижении общества всеобщего благоденствия является демонстрация того, что гедонистический подход к жизни вовсе не является аморальным»²⁸.

Целям стимулирования покупателей служила также политика кредитования. Кроме банков в середине 50-х гг. кредитные карты выпустили крупные гостиничные бренды, нефтяные и телефонные компании, компании, специализировавшиеся на автомобильном сервисе, а также тысячи других фирм и организаций. Сторонники «народного капитализма» были уверены в том, что с кредитной картой потребитель тратит на 35 % больше, чем с наличными²⁹.

Важно отметить, что практически в одно время с кампанией «Народный капитализм» была запущена еще одна информационная кампания «Будущее Америки». Она получила одобрение Комитета по связям с общественностью во главе с Полом Хоффманом, другом и советником президента, и стартовала в мае 1954 г. В качестве целей кампании значилось информирование общественности о динамичной природе американской системы капитализма и ее радужных перспективах. Кампания была щедро спонсирована крупными корпорациями, среди которых «Стандарт Ойл» и «Эриксон». Было подготовлено рекламы на сумму 100 тыс. \$, задействованы все коммуникационные каналы страны. В общей сложности на кампанию «Буду-

щее Америки» было потрачено 10 млн \$. Своего пика она достигла в январе 1955 г., когда на всех главных телевизионных каналах страны транслировали получасовой фильм «Будущее Америки».

Как раз в январе 1955 г. в своем ежегодном отчете об итогах экономического развития президент Эйзенхауэр с чувством самоудовлетворения отмечал, что «вместо того, чтобы расширять государственные предприятия или инициировать новые программы расходов, правительство в борьбе с падением объемов производства сосредоточило усилия на том, чтобы предпринять действия, которые создадут уверенность в будущем и подтолкнут бизнес и потребителей к увеличению своих расходов»³⁰.

Таким образом, теория «народного капитализма» стала активно разрабатываться пропагандистами из ближайшего окружения Эйзенхауэра только после того, как сам президент высоко оценил ее идеологическую направленность. Продвижение концепции «народного капитализма» в «умы и сердца» американцев оказалось необходимым как раз в тот период, когда наметился новый этап противостояния в холодной войне, связанный со смертью Сталина и потребовавший от американской администрации совершенствования форм и методов ведения международной пропаганды. Успех деятельности в этом направлении во многом зависел от прочного внутривнутриполитического консенсуса в самом американском обществе.

По мнению разработчиков теории, термин «народный капитализм» обладал силой психологического воздействия, так как, с одной стороны, наиболее точно отражал специфику и динамику развития американской экономической системы, которая, по сути своей, реализовала цели достижения благосостояния своих граждан гораздо быстрее и эффективнее, чем режимы, строящие социализм. С другой стороны, термин «народный» был призван подчеркнуть отличие современного этапа развития от «примитивного» промышленного капитализма с эксплуатацией наемного труда времен президентства Уильяма Мак-Кинли, а также от капитализма, сотрясаемого классовыми битвами, по определению К. Маркса.

Примечания

- ¹ Griffith R. Dwight D. Eisenhower and the Corporate Commonwealth // *American Historical Review*. 1982. № 87. P. 98, 116.
- ² Ibid. P. 88.
- ³ Ibid. P. 91.
- ⁴ См.: Мотылев В. В., Мотыл В. Б. Главнокомандующий США и президент США Дуайт Эйзенхауэр. URL: http://economicarggu.ru/2012_2/motileva.pdf (дата обращения: 21.12.2017).
- ⁵ См.: Griffith R. Op. cit. P. 100.

- ⁶ Cit. by: *Miller D. T., Nowak M.* The Fifties. The Way We Really Were. N.Y., 1977. P. 109.
- ⁷ Cit. by: *Ibidem.*
- ⁸ OCB Office Memorandum, Subject : «Problems of International Communication of US Economic Policy» (undated). C.D. Jackson : Records, 1953–1954, PSB-OSB Series. 1953–1954, box 1, Dwight D. Eisenhower Library, Abilene, KS. (Далее : DDEL.)
- ⁹ Cold War Propaganda in the 1950 / ed. by G. D. Rawnsley. N.Y., 1999. P. 11.
- ¹⁰ См.: *Spring D.* Advertising in the Age of Persuasion. Building Brand America, 1941–1961. N.Y., 2013. P. 132.
- ¹¹ William Jackson to C.D. Jackson. Sep. 8, 1950. C.D. Jackson : Papers 1931–1967. General File or Time Inc. File, 1933–1964. Subseries A, box 63, DDEL.
- ¹² См.: *Miller D.T., Nowak M.* Op. cit. P. 110.
- ¹³ Memorandum of Conversation between the President and T.S. Repplier, August 3, 1955, box 99, folder : White House Central Files, Confidential File 1953–1961, Subject Series, DDEL.
- ¹⁴ См.: *People's Capitalism : This is America // Collier's.* 1956. January 6.
- ¹⁵ C. D. Jackson to Abbott Washburn, Jan. 30, 1956, box 90, folder : CDJ Papers, DDEL.
- ¹⁶ См.: *Miller D. T., Nowak M.* Op. cit. P. 105–107.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 108.
- ¹⁸ Работа экономиста и политика Адольфа Берли «The 20th Century Capitalist Revolution» была опубликована в США в 1954 г.
- ¹⁹ См.: *Nevins A. John D. Rockefeller.* N.Y., 1959.
- ²⁰ Классики менеджмента. Гэлбрейт, Джон Кеннет. URL: <http://hrm.ru/db/hrm/69E785A9BA897903442579C100527715/print.html> (дата обращения: 15.11.2017).
- ²¹ *People's Capitalism. Part 1.* URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015008235072> (дата обращения: 07.11.2017).
- ²² *Ibidem.*
- ²³ См.: *Peopl's Capitalism – What Makes it Work for You? // Harper's Magazine.* 1956. August.
- ²⁴ См.: *Maher E.* The Spread of Grass-Roots Capitalism // *Reader's Digest.* 1955. June. P. 165–166.
- ²⁵ См.: *Hixson W. L.* Parting the Curtain : Propaganda, Culture, and the Cold War. N.Y., 1997. P. 139.
- ²⁶ См.: *Miller D. T., Nowak M.* Op. cit. P. 115–116.
- ²⁷ *Ibid.* P. 116.
- ²⁸ *Ibid.* P. 117.
- ²⁹ *Ibid.* P. 117–118.
- ³⁰ Cit. by: *Griffith R.* The Selling of America : The Advertising Council and American Politics, 1942–1960 // *The Business History Review.* 1983. № 3. P. 407.

Образец для цитирования:

Бонцевич Н. Н. Теория «народного капитализма» и формирование внутривнутриполитического консенсуса в правление Д. Эйзенхауэра // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 488–494. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-488-494>

Cite this article as:

Bontsevich N. N. «People's Capitalism» Theory and Making Internal Consensus during the Eisenhower Administration. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 488–494 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-488-494>

УДК 94

ЯПОНСКОЕ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО»: СУЩНОСТЬ И ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ

В. А. Мозебах

Мозебах Владимир Андреевич, эксперт, Центр сравнительного науковедения, Москва, mozevladimir@mail.ru

В статье анализируются причины уникальности так называемого «экономического чуда» 1955–1973 гг. в Японии и раскрывается сущность этого явления. Приводятся институциональный и структурный (на основе материалов о роли Министерства промышленности и торговли в структурной перестройке экономики Японии) подходы к пониманию японского «экономического чуда». Показаны изменения, произошедшие в жизни Японии и японцев. Проанализированы некоторые отечественные и зарубежные оценки японских экономических преобразований того времени.

Ключевые слова: Япония, японское экономическое чудо, история экономики, догоняющее развитие.

Japanese “Economic Miracle”: the Essence and Approaches to Understanding

V. A. Mozebakh

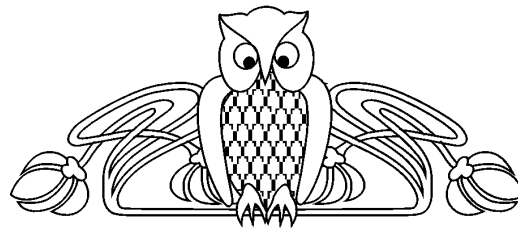
Vladimir A. Mozebakh, <https://orcid.org/0000-0003-1349-1948>, Expert, Comparative Science Studies Center, 4a-1, Kuusinen Str., Moscow, 123308, Russia, mozevladimir@mail.ru

The article analyzes the reasons of the unique character of the Japanese economic miracle of 1955–1973 and describes the essence of this phenomenon. Institutional and structural approaches based on materials concerning the role of the Ministry of Industry and Trade in the structural reconstruction of the Japanese economy to understanding the miracle are given in the article. The changes in life of Japan and the Japanese are outlined. The article also provides some evaluations of the respective Japanese economy transformations by Russian and foreign scholars.

Key words: Japan, Japanese economic miracle, history of economy, catch-up development.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-495-500>

«Японское экономическое чудо», «период высоких темпов экономического роста», «сэнго кэйдзай» (послевоенная экономика), «переходная экономика» – данные равнозначные термины описывают быстрый рост японской экономики в 1955–1973 гг. В результате сопутствующих этому явлению трансформаций Япония стала одной из ведущих индустриальных держав мира, притом что толчком к быстрому развитию экономики стали структурные реформы¹, проведенные в рамках восстановления экономики в 1945–1955 гг. Периодизация выбрана в соответствии с подходом отечественного исследователя В. Э. Молодякова², поскольку, в отличие от многих других историографий, она имеет конкретные годы начала и окончания.

Пример Японии являет собой яркий образец воплощения модели догоняющего развития на основе экспортно-ориентированной экономики, впоследствии вдохновивший «азиатских тигров» и новые индустриальные страны. В зарубежных и российских научных кругах продолжается дискуссия о возможности сравнения стартовых позиций Японии и СССР на 1945 г. и итогов развития, подтверждение чему можно найти в ряде трудов³.

Поражение Японии во Второй мировой войне лишило ее многих завоеваний предыдущих лет: страна потеряла не только колонии, но и все имущество, в них находившееся, включая предприятия, рудники или земельные участки⁴. В цифрах это составляло 44% от всей территории Японской империи⁵. Объем промышленной продукции за 1946 г. составил 30% к показателям 1934–1936 гг., т. е. произошло падение более чем в три раза; наряду с этим вдвое сократилось потребление⁶. Оккупацию Японии, по решению держав-победительниц, осуществляли американские войска. Стоит отметить, что изначально у США не было четкой линии в отношении восстановления экономики Японии, что было связано с внутренней борьбой в самих США. Элиты разделились на два лагеря: первый, включавший предпринимателей, пострадавших до войны от конкуренции с японскими товарами, призывал к промышленному ослаблению Японии, в то время как предприниматели, у которых и до войны были интересы в Японии, высказывались за восстановление национального хозяйственного комплекса⁷.

Системные реформы, необходимость которых стала очевидной еще в 1945 г., разрабатывались в Японии при помощи американских экспертов, но четкой и выработанной стратегии реформ не было. В период 1945–1948 гг. США опирались в своей политике в Азии на гоминьдановский Китай, поэтому не ставили себе задачу реального экономического возрождения Японии⁸. Подход США к Японии изменился, когда стало понятно, что в Китае к власти может прийти просоветский коммунистический режим.

Три реформы – реформа антимонопольного законодательства, аграрная реформа и реформа трудового законодательства – заложили фундамент для запуска рыночного механизма в Японии, поскольку охватывали три опоры капиталистического уклада: конкуренцию, институт частной собственности и защиту прав трудящихся.

ся. Меры по решению проблем слабости бюджета, высокой инфляции и слабой конкурентоспособности японского экспорта получили название «обратный курс», а непосредственно экономические меры – «линия Доджа»⁹. «Миссия Шоупа» занималась налоговой реформой. В течение года были достигнуты необходимые результаты: была подавлена инфляция, удалась остановить эмиссию иены, либерализовать цены.

Настоящая статья рассматривает причины, по которым подобное «экономическое чудо» случилось именно в Японии. Необходимо отличать то, что его создало, то есть конкретные шаги по поощрению экономического роста и развития, от причин, которые обусловили саму возможность перейти к этим шагам. В процессе преобразований сформировалась так называемая «японская модель» экономики. Последняя, по нашему предположению, есть тоже одно из следствий периода высоких темпов экономического роста.

Объективные и субъективные предпосылки японского «экономического чуда»

1. Приоритет экономического развития в государственной политике Японии

Экономическое развитие было одной из основных задач Японии еще в начале XX века – в то время, на которое пришлось активное формирование японского самосознания, одним из неотъемлемых элементов которого виделось культурное и материальное богатство. Разница между рассматриваемым периодом и довоенным периодом заключалась в методах, которыми это богатство достигалось. Экспансионистская политика Японии привела в конечном итоге к ее разгромному поражению в 1945 г. Для послевоенного периода в Японии были характерны кризисы, выразившиеся в замедлении темпов прироста экономики, в частности, в 1949 г. (линия Доджа), а также в 1954 г. (после Корейской войны).

Ч. Джонсон отмечает, что экономическое развитие Японии – это не только высокие темпы роста, но и не менее суровые трудности, которые пришлось проходить не каждой стране¹⁰. Несомненно, можно имплементировать японскую модель и без повторения этого опыта. Но с институциональной точки зрения история кризисов, вызванных тем, что Япония сходила с пути развития и вставала на путь милитаризации и экспансии, закрывала вопрос о том, что должно быть на первом месте (развитие без кризисов и потрясений), и настраивала население на работу во имя развития экономики без войны.

Из этой причины косвенно вытекает еще одна: твердая линия на развитие страны, которая не прерывается уже очень много лет, подразумевает, что резких сдвигов в политике, несмотря на

частую смену правительств, не было, а значит, была определенная политическая стабильность, которая, с другой стороны, еще имела на первых порах поддержку оккупационной администрации, а после прекращения оккупации Японии опиралась на отсутствие явного недовольства населения. Иными словами, система общественного спокойствия стала поддерживать себя сама, имея в основе общую концепцию – концепцию последовательного развития страны.

2. Японский менеджмент

В отношении основных проблем менеджмента – принятия эффективных решений и подготовки высококвалифицированных управленцев – в Японии используются подходы, коренным образом отличающиеся от методов, применяемых в западных капиталистических странах. Так, в Японии считалось и считается важным не просто принять какое-то решение, а найти правильный путь к решению проблемы. Таким образом, уничтожается проблема объяснения положительных черт уже принятого решения всем несогласным. Поскольку мнения сторон были заслушаны и учтены уже в процессе обсуждения (которое, как правило, занимает все же больше времени, чем на Западе), это приводит в итоге к эффективному решению, которое выражается не столько в конкретном и оформленном выводе, сколько в договоренности действовать определенным образом¹¹. Что касается системы подготовки кадров и трудовых гарантий, то здесь следует упомянуть уникальную систему «пожизненного найма», создающую психологическую гарантию занятости и относительную уверенность в завтрашнем дне. Служащие продвигаются по службе и в оплате соответственно своему стажу и обучаются во время этой работы, в то время как на Западе производственное обучение практикуется скорее при смене профессии.

Японские менеджеры, зная, что в соответствии с системой они все равно будут продвигаться по службе, работают и воспитываются представителями высшего менеджмента, в результате чего и получают эффективные, знающие свое дело управленцы. При этом разрыв в уровне оплаты труда и уровне жизни между служащими и представителями высшего менеджмента не так высок, как в Европе и Северной Америке. Например, Морита Акио, основатель компании Sony, в 1960-х гг. утверждал, что он сам получает меньше, чем руководитель американского отделения¹². Дело в том, что в странах Запада эффективность менеджеров измеряется краткосрочной прибылью предприятия, в то время как в Японии целевой показатель – это развитие, или как это понимается в национальном менеджменте, способность обеспечить занятость, рост производительности и доли на рынке в долгосрочной перспективе¹³.

3. Государственно-частное партнерство

В целом проблема эффективного взаимодействия частного капитала и государства присуща всем капиталистическим экономикам. Япония на этапах становления капиталистической экономики применяла три формы отношений с бизнесом: самоконтроль, государственное регулирование и сотрудничество. Первые две формы относятся к довоенному периоду.

В японском понимании самоконтроль – форма, при которой государство поддерживает создание картелей с государственным участием в отраслях, которые объявлены на тот или иной период времени приоритетными, но не вмешивается в их управление, что обеспечивает максимальное развитие конкурентных отношений, но в конце концов приводит к монополизации экономики за счет захвата этими картелями все больших долей на рынках товаров и услуг.

Государственное регулирование подразумевает контроль со стороны государства, который на практике часто приводит к неэффективности работы, слабой конкуренции, плохому управлению. Здесь не имеется в виду прямой контроль государства над предприятиями: необходимо проводить грань между оперативным управлением (management) и владением (ownership). В то время как предприятиями владели частные лица, непосредственно в управление вмешивалось государство, то есть могло определять объемы производимой продукции. Такая система функционировала и в годы Второй мировой войны. Неэффективность работы и плохое управление возникали из-за того, что государство не было заинтересовано в долгосрочном развитии отдельно взятой компании, но срочно нуждалось в товарах, производимых этой компанией. В то же время предприниматели в Японии в основной своей массе, как было указано выше, исторически ориентировались и продолжают ориентироваться не на сиюминутную выгоду, но на долгосрочные цели.

Третья форма предполагает сотрудничество или синтез первых двух форм. Владение и управление остаются в частных руках, в то время как государство устанавливает индикативные цели и может влиять на принятие решений. Такое влияние оказывается путем выдачи льготных кредитов, установления налоговых послаблений, помощи в сбыте товаров (имеется в виду скорее сбыт на внешних рынках) и поддержки отраслей, находящихся в сложном положении¹⁴. Сама по себе форма не может рассматриваться в качестве изобретения японцев. Их достижение состоит в том, что, во-первых, эта система была распространена почти на всю экономику, а во-вторых, был выдержан баланс между государством и бизнесом, т. е. удалось избежать ситуации, когда государство начинает слишком сильно регулировать народно-хозяйственный комплекс, с одной

стороны, или когда бизнес становится излишне независимым в своей деятельности, с другой стороны.

Таким образом, «экономическое чудо» возникло в Японии, потому что именно в рамках соответствующей социально-экономической модели и исторических условий удалось выстроить своеобразную систему «общественного договора»: общество, осознавая необходимость развития, создавало запрос на развитие и было готово самым деятельным образом в нем участвовать. В то же время и власти, сначала в кооперации с оккупационной администрацией, а потом и самостоятельно, реагировали на этот запрос конструктивным образом. Вместе с тем система управления японским бизнесом поощряла долгосрочное и поступательное развитие. В совокупности это привело к гармоничному взаимодействию: устремления населения находили отражение в экономических планах государства, которое создавало их с расчетом на стабильные японские предприятия.

Понимание японской экономической модели

Допустимо выделить два основных подхода к пониманию экономической модели, сложившейся в Японии в 1955–1973 гг.: институциональный, на который ориентируется большая часть отечественных историков, в частности В. Э. Молодяков, А. В. Белов¹⁵, и структурный, описанный Ч. Джонсоном. По нашему мнению, эти два подхода дополняют друг друга и позволяют создать более целостное понимание модели. Рассмотрение модели с институциональной точки зрения позволяет понять «наружную» сторону экономики, или модель организации производства в мирохозяйственном контексте. Структурная же модель способствует осмыслению внутренних механизмов, лежащих в основе этого производства и функционирования народно-хозяйственного комплекса в целом.

Институциональная трактовка модели

Сложившаяся в Японии модель на первых этапах своего становления была, по сути, моделью догоняющего развития: необходимо было в кратчайшие сроки ликвидировать отставание от западных стран и занять конкурентное место в мировом производстве. Как правило, все модели догоняющего развития делятся на импортозамещающие и экспортно-ориентированные. Япония как малая страна без обилия природных ресурсов избрала экспортно-ориентированную модель, модифицировав ее так, что развитие опиралось на национальный, а не иностранный капитал, а также подстегивалось активной протекционистской политикой.

В то же время примечательным и принципиальным видится решение, принятое в начале

модернизации экономики: не восстанавливать разрушенные предприятия, а создавать абсолютно новые высокотехнологичные предприятия с нуля. В этом Япония нередко сравнивается с СССР, в котором после войны была поставлена задача восстановления разрушенных войной основных фондов¹⁶. Таким решением руководство Японии сумело избежать восстановления прежней милитаризованной экономики и заложить основы для всеобъемлющей модернизации.

Экспортно-ориентированная модель, как ясно из названия, во главу угла ставила именно развитие экспортных отраслей, а в условиях высокой конкуренции на мировом рынке критически важно было развивать максимально эффективные и прибыльные производства, которые были бы конкурентоспособными. С учетом малой обеспеченности природными ресурсами и, следовательно, невозможности развивать добывающую промышленность, особенности японской модели можно представить следующим образом:

- упор на переработку сырья и ориентация на производство конкурентоспособных товаров;
- обеспечение положительного сальдо внешнеторгового баланса в условиях ввоза сырья и вывоза готовой продукции.

Принцип функционирования национальной экономики, сформировавшийся в результате модернизации экономики, можно описать следующим образом: на основе переработанного собственного и привозного сырья изготавливается продукция, поставляемая как на внутренний, так и на внешние рынки. Преимущественно, если не исключительно, на прибыль от внешней торговли закупается за рубежом сырье, и цикл повторяется.

Структурная модель Джонсона

Согласно концепции, изложенной исследователем, экономическую модель Японии во всей ее эффективности формируют следующие компоненты¹⁷:

1) малый и высокоэффективный менеджерский аппарат. Управление в Японии осуществляли люди с опытом, образованием и способностями именно к управлению. Более того, в менеджерский аппарат включались и люди с опытом работы в тех сферах, в которых осуществлялось управление, например, инженеры. В их задачи входило определение перспективных отраслей и выбор наилучшего пути их развития, а затем контроль над данным процессом. Успешность менеджеров в этой системе определялась не выплачиваемой им зарплатой, а результатами, которых они достигали;

2) способность управленческого (менеджерского) аппарата оперативно принимать решения, имеющие влияние на развитие экономики. Дело в том, что в законах определялись лишь основные направления и пресекались злоупотребления,

в то время как именно управленцы и политики на местах принимали решения быстро и с учетом ситуации, а легитимизировали эту систему выборность политиков и способность закона и верховной власти всегда вмешаться и внести поправки в принятые решения. Ч. Джонсон особо указывает на необходимость различать понятия «reigning» (правление) и «ruling» (управление). Иначе говоря, политики правили, а менеджеры управляли;

3) сбалансированность методов регулирования экономики. При государственном регулировании экономики важно всегда помнить о недопустимости сдерживания конкуренции, поскольку ужесточение государственного контроля неизбежно приводит к снижению масштабов конкуренции и падению эффективности. Важно находить баланс между доминированием государственного и частного управления, и такой баланс в Японии был найден в административном определении направлений развития (*administrative guidance*), с сохранением свободы действий для бизнеса, чему помогала и система законов – не нужно было принимать какой-то закон, чтобы разрешить сложную ситуацию, но ее разрешали менеджеры, действуя в соответствии с направлениями, данными в нормативных документах;

4) наличие флагманской организации, разрабатывающей вопросы экономического развития. В Японии такой организацией стало Министерство промышленности и торговли (МПТ) – гибкая структура, обладающая только теми функциями, которые нужны в данный промежуток времени, и воплощающая концепцию «*administrative guidance*». Фактически организация не имела власти над отраслями промышленности, но задавала направления их развитию с применением финансовых рычагов. Высокая эффективность работы МПТ объясняется тем, что организация занималась исключительно этими вопросами, не распыляя усилия в другие области.

Таким образом, японская экономическая модель – это модифицированная модель экспортно-ориентированной экономики с превалированием национального капитала и национального производства, управляемая в основном рыночными механизмами, но с учетом административного регулирования, т. е. определения приоритетных отраслей и их поддержки. Ее функциональную основу составляют эффективный аппарат управления и гибкое законодательство, позволяющее быстро и адекватно реагировать на возникновение сложностей в экономике.

Каким образом изменилась Япония?

Самым очевидным итогом экономических преобразований и новой отраслевой политики стало резкое повышение благосостояния рядовых граждан: в их жизни появились телевизоры,

холодильники, стиральные машины и автомобили¹⁸. Тем не менее дорожная инфраструктура на первых порах сильно отставала от роста количества автомобилей: Японию даже называли одной из крупнейших держав мира по количеству личных автомобилей у населения¹⁹. Такой сдвиг в сторону потребления обусловил смену приоритетов в мышлении рядовых японцев: их интересы перешли из сферы идеологии в сферу потребления. Таким образом, американцы добились своей первоначальной задачи: институциональная перестройка японского общества произошла, и в сознание японцев были широко внедрены идеи консумеризма.

С другой стороны, форсированная индустриализация поставила под угрозу экологическое благополучие Японских островов: сбросы сточных вод, выбросы фабрик и неправильная утилизация отходов загрязняли воздух, воду и почву, в результате чего в овощах, рыбе и прочих продуктах стали находить соли тяжелых металлов (например, ртути). Появились даже новые заболевания – например, итай-итай и миамата. Стала ясна необходимость улучшения и ужесточения экологического законодательства. Иными словами, японское правительство все-речь озаботилось экологическим благополучием и даже было готово пожертвовать налоговыми поступлениями от прибылей корпораций ради изменения ситуации, особенно с учетом возможности протестов со стороны населения.

Интересное мнение относительно неблагоприятных явлений, сопряженных с вышеописанными процессами, приводит отечественный исследователь И. А. Латышев²⁰. Интересно это мнение тем, что автор, применяя ту же статистику, что используют для того, чтобы подчеркнуть успехи Японии, критикует «экономическое чудо». Так, в частности, указывается, что 1967–1968 гг. – годы «бума Идзанаги» – были рекордными не только в отношении экономического роста, но и в отношении масштабов банкротств организаций, не способных выдержать конкуренции с крупными предприятиями. Более того, японские рабочие, хотя и добивались с помощью профсоюзов тысячных прибавок к зарплате, сильно не богатели из-за быстрого роста цен. В 1960–1967 гг. промышленное производство Японии возросло на 133,9 %, номинальная заработная плата – на 92,7 %, а реальная – лишь на 30,6 %²¹. Отмечаются и погрешности статистики – прибыли крупных предприятий в статистике складываются с прибылями мелких, что не позволяет установить достоверно, что же происходило именно с малым и средним бизнесом²².

Что касается бюджетов японских семей, то здесь, несмотря на то что на оплату жилья и еды уходило около 55% фонда средней семьи, японские семьи не имели возможности полноценного удовлетворения своих базовых потребностей: помимо прочего, это выражалось в рационе,

который по питательности уступал рациону ведущих европейских стран. Но японцы не могли сделать его питательнее, поскольку мясомолочная продукция была для них слишком дорога, и потребление мяса было очень низким, на уровне Филиппин и Тайваня, по статистике 1967 г.

Критикует И. А. Латышев и социальную систему Японии. Так, согласно его мнению, несмотря на то что налоговая нагрузка в Японии была ниже, чем в западных странах, она была тяжелее, поскольку налоги платили даже семьи с низким доходом; в то же время для населения было не вполне очевидно, каким образом перераспределялись эти средства, так как доля расходов на социальное обеспечение в 1966 г. в Японии составляла 5,7%, а в ФРГ – 21%²³. Тем не менее, несмотря на обилие статистики, изложенное мнение продолжает оставаться дискуссионным: не следует забывать, что цитируемая монография была издана в 1970 г. в СССР, что не могло не выражаться в определенной идеологической ангажированности.

Заключение

В период с 1945 по 1955 г. в Японии были проведены преобразования, заложившие рыночную основу дальнейшего развития экономики: земельная реформа, налоговая реформа, демонаполизация, реформы трудового законодательства. «Экономическое чудо» 1955–1973 гг. имело место в Японии вследствие совокупности уникальных социально-политических факторов, исторически присущих японскому обществу: приоритеты государства совпадали с чаяниями населения, что вкупе с эффективной системой организации труда, в которой в центре была не зарплата, а результат, позволило Японии одной из первых в мире достичь своеобразного «консенсуса» относительно стратегических задач страны и без сильного внутреннего сопротивления обеспечивать последовательный экономический рост.

Японская модель, сложившаяся в результате, представляется модифицированной версией экспортно ориентированной модели догоняющего развития: в японской экономике сдерживались иностранные инвестиции, проводилась протекционистская политика, а также была высока роль бюрократии, которая, впрочем, эффективно решала задачи в первую очередь развития экономики, а не обеспечения собственных интересов. Японское «экономическое чудо», в конечном итоге, вызвало бум потребления и сделало жизнь рядового населения гораздо более комфортной. Более того, была достигнута поставленная еще оккупационной администрацией задача: фокус мышления японского населения сместился с идеологических вопросов на вопросы потребления товаров и услуг (консумеризм). Быстрый рост промышленности высветил необходимость

нахождения баланса между экономическим развитием и экономическим благополучием.

Примечания

- ¹ См.: Молодяков В. Э. История Японии. XX век. М., 2007. С. 296.
- ² Там же.
- ³ См.: Бок Зи Коу. Экономика Японии. Какая она? М., 2002. 350 с. ; Япония : полвека обновления : сб. ст. / ред. В. Б. Рамзес. М., 1995. 576 с. ; Японский опыт решения социально-экономических проблем : реферативный сборник. М., 1982. 280 с.
- ⁴ См.: История Японии : в 2 т. Т. II. 1868–1998 / отв. ред. А. Е. Жуков. М., 1998. С. 484.
- ⁵ См.: Бок Зи Коу. Указ. соч. С. 116.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: Алексеев В. В. Очерки экономики Японии. М., 2005. С. 69.
- ⁸ См.: История Японии. Т. II. 1868–1998. С. 491.
- ⁹ См.: Тимошина Т. М. Экономическая история зарубежных стран. М., 2013. С. 455.
- ¹⁰ См.: Chalmers A. J. MITI and the Japanese Miracle : The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. Stanford, California : Stanford University Press, 1983. P. 304.
- ¹¹ См.: Японский опыт решения социально-экономических проблем. М., 1982. С. 94.
- ¹² 日本を話そう—15のテーマで学ぶ日本事情—〈第2版〉。P. 62, 69.
- ¹³ См.: Chalmers A. J. Op. cit. P. 311.
- ¹⁴ См.: Астахов Е. М., Райнхардт Р. О. Государственная поддержка национального бизнеса на внешних рынках. М., 2015. С. 113.
- ¹⁵ См.: Белов А. В. Япония. Экономика и бизнес. СПб., 2017. 383 с.
- ¹⁶ См.: Бок Зи Коу. Указ. соч. С. 120.
- ¹⁷ См.: Chalmers A. J. Op. cit. P. 312–318.
- ¹⁸ См.: История Японии / под ред. Д. В. Стрельцова. М., 2015. С. 477.
- ¹⁹ См.: История Японии. Т. II. 1868–1998. С. 584.
- ²⁰ См.: Латышев И. А. Лицо и изнанка «экономического чуда» Японии. М., 1970. С. 19.
- ²¹ Там же. С. 21.
- ²² Там же. С. 23.
- ²³ Там же. С. 38.

Образец для цитирования:

Моzebaх В. А. Японское «экономическое чудо»: сущность и подходы к пониманию // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 495–500. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-495-500>

Cite this article as:

Mozebakh V. A. Japanese “Economic Miracle”: the Essence and Approaches to Understanding. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 495–500 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-495-500>

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.7

ШВЕЦИЯ – ЕС: ЭВОЛЮЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ПОЛИТИКИ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ

Е. И. Савенко

Савенко Елена Ильинична, соискатель кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Петрозаводский государственный университет, rebus@onego.ru

В статье на примере отношений Швеции и Европейского союза рассматриваются изменения в понимании и трактовке угроз безопасности в 1990-е годы и ответная реакция на них. В этом контексте автор проанализировал мотивы вступления в ЕС ранее нейтральной и свободной от альянсов Швеции. Такой подход позволил также охарактеризовать степень эффективности шведской модели безопасности.

Ключевые слова: Швеция, Европейский союз, нейтралитет, политика безопасности, интеграция, сотрудничество.

Sweden – the EU: Evolution of Cooperation in the Framework of the Defense and Security Policy

Е. И. Савенко

Elena I. Savenko, <https://orcid.org/0000-0002-0622-4289>, Petrozavodsk State University, 33, Lenin Str., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russia, rebus@onego.ru

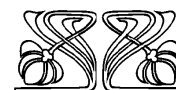
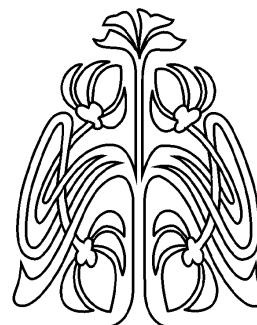
Some changes in understanding and interpretation of threats to security in the 1990s and response to them are considered in the article on the example of the relations between Sweden and the European Union. In this context the author has analyzed the motives of the accession of Sweden (earlier neutral and free from alliances) to the EU. Such an approach has also allowed to characterize the degree of efficiency of the Swedish safety model.

Key words: Sweden, European Union, neutrality, security policy, integration, cooperation.

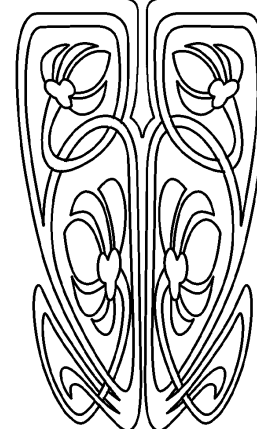
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-501-507>

История практически всех стран Западной и Восточной Европы связана с Европейским союзом, объединившим 28 государств, на общей территории которых проживают 500 миллионов человек с разной национальной культурой, традициями и вероисповеданием. Примечательно, что большинство граждан стремятся к обобщению своей национальной принадлежности, называя себя европейцами. Одними из немногих, чья позиция относительно внешней политики своей страны остается непоколебимой, являются шведы. Даже в словаре ассоциаций прилагательное «шведский» приводится как родственное слову «нейтралитет»¹.

На протяжении 200 лет основополагающим принципом внешнеполитической идентичности Швеции был нейтралитет и провозглашение свободы от союзов. Но за более чем два столетия вследствие трансформации логики вектора политического развития континента понятие шведского нейтралитета приобрело новый смысл. Наиболее важным для Стокгольма оказался период 1990–2000-х гг. Окончание холодной войны и распад СССР изменили расстановку сил на геополитической карте мира, что не могло не сказаться на внешней политике стран Северной Европы. Перед так называемыми евронейтралистами возникла дилемма: участвовать или не участвовать в уже существующих или образующихся международных объединениях?

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Как известно, институциональное формирование современных европейских тенденций в области обеспечения безопасности осуществляется исходя из смещения акцентов в представлении о проблематике угроз и определении понятия безопасности. В 1990-е гг. вероятность внешней угрозы отходит на второй план, приоритетными становятся внутригосударственные и политические аспекты безопасности, вопросы взаимоотношений с международными структурами.

При рассмотрении проблемы выбора курса политики безопасности любого государства следует учитывать его геополитическое положение, культурные и исторически сложившиеся особенности – факторы, обуславливающие принятие решений при формировании концепции безопасности. Расположение на Севере Европы и сравнительно небольшая территория Швеции позволяют говорить о ее некоторой изолированности от мировых коммуникаций и, как следствие, слабом общественном интересе к континентальной интеграции и несущественной роли в европейской системе безопасности. Такая позиция Швеции сохранялась в годы холодной войны. Возможность участия даже в невоенном союзе ставила под сомнение выбранный курс нейтрального пути посредника между восточными и западными блоками.

Дискуссия по этим вопросам особенно активно развернулась в скандинавской стране в 1990-е гг. в связи с изменением баланса сил в Европе. Основной задачей Швеции становится внесение поправок в ранее проводимый внешнеполитический курс с целью приспособления к новым реалиям, при этом в вопросах обеспечения безопасности все большую популярность набирает сочетание военных и политических средств. Чтобы не остаться за бортом новых тенденций в области политики безопасности, Швеция решила включиться в общеевропейские процессы. Особый статус нейтрала, не закрепленный в Конституции страны и международных договорах, позволил шведам пересмотреть целесообразность проведения политики невмешательства и извлечь из этого пользу. Отныне нейтралитет в Швеции понимается не как «свобода от союзов», а как «свобода от военных союзов»².

В 1991 г. между основными шведскими политическими партиями была достигнута договоренность о поддержании принципа неучастия государства в военных альянсах с целью обеспечения возможности сохранения нейтралитета в случае войны. Таким образом, трансформация понятия нейтралитета в формулировку «военное неприсоединение» обусловило динамику политики безопасности Швеции, что, возможно, в будущем приведет к вступлению в военный альянс³.

Важно подчеркнуть, что на протяжении 1990-х гг., ставших временем реформ Европей-

ского сообщества, Швеция выступала сторонницей углубляющейся и расширяющейся общеевропейской интеграции, в том числе и в вопросах общей политики безопасности. В 1992 г. состоялось подписание Маастрихтского договора, согласно которому Европейское сообщество было преобразовано в Европейский союз (ЕС)⁴. Договор подразумевал взаимодействие внутренней и внешней политики на межправительственном уровне в институциональных рамках ЕС. Однако интеграция Швеции в ЕС осуществлялась не без проблем. Согласно заявлению Чрезвычайного и Полномочного Посла Королевства Швеция в России Юхана Муландера, «решение присоединиться к Европейскому союзу нелегко далось его стране, гордившейся своей уникальной политической и социальной системой, исторически воспринимавшей “континент”, то есть все, что южнее Копенгагена, с определенным недоверием, проводившей в период холодной войны политику, базировавшуюся на жесткой интерпретации принципов нейтралитета и неприсоединения к союзам»⁵.

Общественное мнение в Швеции также разделилось пополам. Антиинтеграционные настроения усилились перед референдумом о членстве Швеции в ЕС. Отрицательно настроенные партии левого крыла указывали на культурные различия стран ЕС и Швеции. Представители организации *Nej till EG* («Не ЕС») отмечали чрезмерную элитарность общественной среды ЕС, подчеркивали дефицит демократии. «Зеленые» сохраняли критический настрой относительно недостаточного внимания со стороны ЕС к проблемам экологии. Правая партия консерваторов, один из приоритетов которой – свободный рынок, придерживалась умеренной позиции относительно ЕС⁶. В целом сторонники вступления в ЕС предвкушали укрепление мира и стабильности в Европе, увеличение влияния Швеции на ведение европейской политики и расширение рынка шведских товаров⁷. В результате многочисленных дебатов в 1994 г. Швецией был подписан Маастрихтский договор и проведен референдум, что позволило стране в 1995 г. официально и безболезненно вступить в ЕС. На сегодняшний день доля шведов, выступающих за членство в Союзе, неуклонно растет и составляет 72%. По данным опроса Центра европейских исследований Гётеборгского университета, 17% респондентов выступают против членства Швеции в ЕС, 11% опрошенных воздержались от ответа⁸.

Однако поддержка общей европейской политики безопасности не сводилась в Швеции к пассивному согласию с принятыми ЕС решениями в данной сфере. Так, в апреле 1996 г. была выдвинута совместная шведско-финская инициатива по вопросам усиления роли ЕС в области урегулирования конфликтов. Основной ее тезис заключался в необходимости существова-

ния у ЕС возможностей противостояния любым угрозам миру и безопасности. Время оглашения инициативы совпало с проведением межправительственной конференции ЕС по вопросам политики безопасности и подготовки Амстердамского договора, подписание которого состоялось в 1997 г. Документ включал в себя «Петербургские задачи»⁹, а это означало, что в сферу деятельности ЕС вошло участие в гуманитарных, миротворческих операциях¹⁰. В том же году на Хельсинкском саммите ЕС было достигнуто соглашение, предусматривающее, что к 2003 г. будут сформированы силы быстрого реагирования (50–60 тыс. человек), предназначенные для выполнения Петербургских соглашений.

Ярким свидетельством того, что Швеция стала не просто одной из 15 (на 2003 г.) стран-членов ЕС, является ее отказ от единой европейской валюты, обоснованный общественным желанием сохранить шведскую крону. Такая позиция обеспечила Швеции в Евросоюзе статус «государства-члена с изъясном». Этот пример еще раз подтверждает существование внутригосударственного противоречия относительно европейской интеграции: на одной чаше весов – риск лишиться значительной доли национального суверенитета, на другой – снижение собственного политического веса внутри ЕС в случае неучастия в крупных проектах организации.

Другими словами, прослеживалось существовавшее до 1995 г. стремление государства участвовать в экономически выгодном сотрудничестве, но при этом оставаться независимым в области национальной политики. Следует отметить, что наличие в институциональной структуре Евросоюза «государств-членов с изъясном» не только усложняет ее, но и дает новым участникам обоснованное право требовать какие-либо преференции для себя. В результате обязательным условием вступления в Европейский союз стало полное принятие всего законодательства ЕС без каких бы то ни было исключений.

Сегодня политика безопасности Швеции основывается на ОВПБ / ОЕПБО (Общая внешняя политика и политика в области безопасности / Общеввропейская политика в области безопасности и обороны), закрепленных в законодательстве Евросоюза¹¹. Отметим, что первоначально развитие Европейского сообщества осуществлялось по пути экономической интеграции. Качественным скачком в его развитии стало принятие Договора об учреждении Конституции для Европы в 2002 г.¹² В результате многочисленных обсуждений 29 октября 2004 г. в Риме был подписан окончательный текст Конституции. В силу этот документ, прения по тексту которого продолжались 15 лет, так и не вступил по причине отсутствия голосов поддержки со стороны граждан Франции и Нидерландов.

Завершился процесс оформления внешней политики и политики безопасности ЕС ратифи-

кацией Лиссабонского договора в 2007 г.¹³ Для понимания роли и значения Лиссабонского договора отметим, что этот документ – не желанное дитя общих целей и стремления упрочить европейское единство, а скорее необходимость, возникшая в результате провала Конституции ЕС¹⁴.

В глобальном смысле под Лиссабонским договором подразумевается комплект документов, вступивших в силу 1 декабря 2009 г., включающих: Договор о Европейском союзе, Договор о функционировании Европейского союза с поправками в лиссабонской редакции, а также пакет сопровождающих их нормативно-правовых актов, уточняющих аспекты деятельности в рамках ЕС¹⁵. За ратификацию документа в Швеции проголосовали 243 депутата, против 39, воздержались 13, не присутствовали на заседании 54¹⁶.

Согласно заявлениям правительства, Швеция намеревалась играть активную роль в развитии ЕС, особенно в вопросах политики мира и безопасности. Руководство страны стремилось к дальнейшему развитию стратегии европейской безопасности, чтобы успешно справляться с возникающими угрозами, нарастить потенциал для рычагов влияния ЕС как глобального актора. Лиссабонский договор открыл новые возможности для действий, сочетая использование дипломатии, кризисного управления, развивающуюся европейскую обороноспособность совместно с более традиционными стратегиями¹⁷.

Итак, в Лиссабонском договоре была заложена правовая база развития новых механизмов и инструментов общей политики в области обороны и безопасности организации. Обратим внимание на некоторые из положений документа.

Под долгосрочной задачей общей политики безопасности и обороны (ОПБО) подразумевается создание общей оборонной политики Евросоюза и формирование единого комплекса коллективной обороны ЕС. В то же время подчеркивается, что это положение не должно противоречить обязательствам государств-членов ЕС, одновременно являющихся участниками НАТО, принятым ими в рамках Североатлантического альянса (ст. 42, п. 2)¹⁸.

Документ конкретизирует задачи и роль Европейского оборонного агентства, чья работа нацелена на содействие участникам ЕС в налаживании двустороннего и многостороннего сотрудничества в сферах обороны и наращивания военных возможностей Евросоюза (ст. 42, п. 3; ст. 45)¹⁹.

Согласно Договору, Совет ЕС может поручить выполнение определенной военной задачи с целью «защиты ценностей ЕС и обеспечения его интересов» группе государств-участников (ст. 42, п. 5), со стороны которых необходимы наличие возможностей и желания выполнить данную задачу (ст. 44, п. 1)²⁰.

Договор устанавливает, что в случае, если в отношении одного государства будет осуществ-

влена агрессия, остальные должны оказывать поддержку и содействие всеми доступными средствами согласно ст. 51 Устава ООН. Одновременно уточняется, что Североатлантический альянс для государств-участников ЕС является основой коллективной обороны и платформой для ее практической реализации (ст. 42, п. 7)²¹.

С подачи Швеции статьи документа о солидарности и взаимных оборонных обязательствах были четко разграничены, отображая особую позицию военного неприсоединения государства, так как для Швеции особо важен вопрос о предоставлении на легальной основе помощи, включая и военную поддержку при нападении на одного из государств-членов ЕС²². Примечательно, что к новым угрозам современности – распространению оружия массового поражения и терроризму – была адаптирована трактовка упоминаемых выше «Петерсбергских задач», включивших (согласно ст. 43, п. 1) в себя: гуманитарные и спасательные миссии; операции по разоружению; кризисное урегулирование, включающее постконфликтную стабилизацию. Было внесено уточнение о том, что названные операции могут быть направлены также на борьбу с транснациональным терроризмом, в том числе посредством поддержки деятельности в данной области руководства третьих стран²³.

Таким образом, в шведской политике безопасности прослеживаются новые черты постепенного отступления от традиционной точки зрения на военное неприсоединение, подразумевающие более свободное толкование этого понятия. Произошедшее с окончанием холодной войны расширение проблематики «безопасности и мира» способствовало отступлению от нейтралитета как от устаревшего политического курса. Швеция стала активнее принимать участие в гуманитарных операциях совместно с другими государствами, усилила кооперацию с соседними странами, заменив политический нейтралитет на «неприсоединение к военным альянсам»²⁴. ЕС стал для Швеции в какой-то мере площадкой для оказания влияния на политику других стран. Ярким свидетельством оказания Швецией воздействия на политические нормы и международную повестку дня стали усилия по популяризации мер предотвращения конфликтов. «Превентивная дипломатия» проводилась Швецией с середины XX в., а с окончанием холодной войны эта позиция получила еще большую поддержку, особенно в рамках Евросоюза²⁵.

Еще одним важным документом в области безопасности Швеции стало принятое в 2007 г. постановление парламента – «Декларация о солидарности», согласно которой Швеция не будет пассивно наблюдать со стороны, если какое-то государство-член ЕС или скандинавская страна окажутся под угрозой катастрофы или нападения²⁶. Швеция сможет предоставить или получить военную помощь.

Таким образом, становится очевидным не только отказ Швеции от политики нейтралитета, но и ее готовность оказать помощь любой скандинавской стране, среди которых, заметим, есть член ЕС (Финляндия), члены НАТО (Норвегия, Исландия) и участник обеих организаций (Дания). К тому же, по мнению исследователей Королевской военной академии Швеции, страна должна беспрепятственно предоставлять свою территорию и возможности собственных морских и военных баз силам ЕС и НАТО в случае возникновения необходимости.

Иными словами, конфликты, происходящие у «соседей», перестали восприниматься Шведией как внутренние и затрагивающие только одну сторону. Согласно Декларации шведы обязаны вмешиваться в конфликт²⁷.

Таким образом, в «Декларации солидарности» правительство Швеции впервые сделало открытое заявление, противоречащее традиционному нейтральному курсу.

Сегодня Швеция активно участвует в миротворческих и гуманитарных операциях по предотвращению военных конфликтов. Кстати, из пяти стран (Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция, Эстония) Швеция выделила больше всего военнослужащих (1632 человека из 2179) в Северную боевую группу быстрого реагирования ЕС (Nordic Battlegroup). Цель подразделения – выполнение боевых заданий на северном фланге ЕС и в условиях Заполярья. Северная боевая группа ЕС является тактической группой быстрого реагирования со сроком готовности в 10 дней после получения приказа (решение о применении боевой группы принимается Советом Европы). В ее составе 2850 военнослужащих из Швеции, Норвегии, Ирландии, Финляндии и Эстонии (боевые подразделения насчитывают до 1500 солдат и офицеров). Штаб подразделения находится в Швеции, выделившей в подразделение больше всего военнослужащих – 2350 человек²⁸.

На примере развития отношений Швеция – ЕС можно проследить, как менялись принципы государства относительно несовместимости политики нейтралитета и членства в каком-либо альянсе. И хотя в новых условиях классическая формулировка понятия шведского нейтралитета подверглась трансформации, это не помешало Швеции на протяжении 20-летнего членства в ЕС дважды председательствовать в организации и придерживаться взвешенной политики, не обременяя себя обязательствами.

Феномен Швеции заключается в позиционировании себя как малого государства, политика которого в какой-то мере оппозиционна по отношению к политическому курсу ведущих государств. Уникальность ее положения до 1990-х гг. заключалась в лавировании между Западным и Восточным блоками, гарантировавшем безопасность страны. Коллапс скандинавского баланса

стал причиной вынужденного отказа Швеции от политики нейтралитета. Боязнь маргинализации – один из основных факторов, повлиявших на модернизацию политики безопасности Швеции, поиск новых внешнеполитических установок. Не видя альтернативы без сотрудничества с Евросоюзом, Швеция нашла свой способ адаптации к процессам интеграции. Сегодня политика обороны Швеции базируется на коллективной безопасности в рамках ЕС, страна занимает четкое место в центре европейского сотрудничества.

Говоря о сценарии развития политики безопасности Швеции, можно предположить три возможных варианта развития событий. Делая прогнозы на будущее, необходимо учитывать тот факт, что 22 государства – члена ЕС одновременно входят в состав НАТО; следовательно, то, что в военном плане происходит в Евросоюзе, совершается по стандартам НАТО. Таким образом, одним из возможных и логичных шагов дальнейшего развития политики безопасности Швеции является вступление страны в НАТО. «Во многих местах до мира еще очень далеко, поэтому Швеция не может довольствоваться сложившимся положением дел и должна вести интенсивное сотрудничество для продвижения мира», – сказал в одном из интервью в 2014 г. Карл Бильд, будучи министром иностранных дел Швеции и одним из активных приверженцев отказа Швеции от идеи нейтралитета²⁹.

В роли участницы НАТО Швеция могла бы стать ценной боевой единицей. В стране, занимающей 7-е место по продаже оружия в мире, создан мощный военно-промышленный комплекс. Так, шведским подводным лодкам нет равных в мире: в учебных боях они превосходят многоцелевые атомные лодки США и Франции. Особым успехом на мировом рынке вооружений пользуются истребители JAS 39 Gripen. В целом продукция шведского ВПК включает радиолокационные системы, надводные корабли и подводные лодки, танки, самолеты, зенитно-ракетные комплексы и др.³⁰ Кроме того, войска Швеции уже продолжительное время принимают участие в гуманитарных операциях НАТО. С позиции оснащенности армия Швеции отвечает стандартам НАТО, многие виды вооружений совпадают с теми, что используют войска Североатлантического альянса³¹.

Итак, можно говорить о довольно глубокой степени интегрированности Швеции в НАТО. Однако, согласно заявлению генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга, сотрудничество Швеции с НАТО в сферах обмена информацией, военных учений, наращивания военной мощи должно быть еще плодотворнее: «Быть к НАТО ближе, чем Швеция, не являясь при этом членом организации Североатлантического договора, практически невозможно, но нужно сотрудничать еще теснее. При этом не следует упускать из виду, что каким бы тесным ни было сотрудни-

чество, оно не дает таких абсолютных гарантий военной помощи в случае вооруженного нападения, как если бы страна являлась полноправным членом организации»³².

По мнению Чрезвычайного и Полномочного посла Королевства Швеции в России (2008–2012) Тумаса Бертельмана, оборона всех европейских стран взаимосвязана. Ни одна страна не сможет противостоять мощному противнику в одиночку. Эффект от оборонного сотрудничества Швеция – НАТО минимален, пока Швеция не является членом организации, а провозглашенная Швецией внешнеполитическая Декларация солидарности, упоминаемая нами выше, в такой обстановке неубедительна³³. Бертельман сравнил шведскую Декларацию солидарности с Нагорной проповедью (...итак во всем поступайте с людьми так, как хотите, чтобы они поступали с вами...). Он отметил, что мысль проповеди прекрасна, но не имеет сильной опоры в истории межгосударственных отношений. Так и шведская солидарность является политической, но не распространяется на оборонную составляющую³⁴.

Таким образом, лучше всего принятию решений Швецией, исходя из защиты собственных национальных интересов, способствовало бы совместное с другими государствами укрепление системы безопасности. Следовательно, для Швеции это означает обязательное вступление в НАТО.

Второй путь развития политики безопасности Швеции – продолжение углубления государством степени своего участия в кризисном регулировании. При этом страна будет продолжать курс политики свободы от военных союзов как член ЕС и участник натовской программы «Партнерство ради мира» и сил по поддержанию мира под эгидой Североатлантического альянса. По мнению руководства страны, нейтралитет позволяет осуществлять сотрудничество в сфере обеспечения и поддержания мира на равных условиях с наиболее активными государствами, при этом находиться в стороне от участия в военных блоках и избегая выполнения излишних взаимных обязательств³⁵.

Согласно заявлениям Стефана Лёвена, премьер-министра Швеции, нейтралитет страны – залог безопасности и стабильности на Севере Европы: «Стране не следует делать резких движений во внешней и оборонной политике, а также политике безопасности. Мы бы не хотели обострять положение или давать другим повод к непредсказуемым или поспешным действиям. Мы не хотим, чтобы нас вынуждали участвовать в военных операциях, решение о которых мы не принимали»³⁶.

Кстати, по информации, представленной на сайте НАТО, сотрудничество Швеции и Североатлантического альянса основано на давней политике военного неприсоединения и твердом национальном консенсусе. Швеция не пресле-

дует членство в НАТО, но выбирает сферы сотрудничества с НАТО, которые соответствуют совместным целям. НАТО и Швеция активно сотрудничают в миротворческих операциях, ведут практическое сотрудничество во многих других областях, включая образование и обучение, и военную реформу³⁷. Как отметил министр обороны Швеции Петер Хульквист, страна является участником программы НАТО «Партнерство ради мира», проводит линию сотрудничества с НАТО, но не линию, направленную на вступление в НАТО³⁸.

Третий вариант возможного исхода событий – моделирование и адаптация политики военного неприсоединения в рамках ОЕПБО на основании статей о солидарности и совместных оборонных обязательствах Лиссабонского договора ЕС до тех пороговых значений, пока понятие «военное невмешательство» не лишится смысла. Уже сейчас, по мнению Юхана Тундберга, эксперта по вопросам оборонной политики Швеции, от шведской свободы, от участия в военных альянсах остались одни воспоминания: «Наша свобода заключалась лишь в том, что эту позицию нам не навязали. Мы провозгласили ее сами»³⁹. Эту точку зрения поддерживает и Майк Виннерстиг, аналитик Шведского института оборонных исследований (FOI): «В целом, политики перестали говорить о том, что Швеция – государство, не участвующее в военных альянсах. В реальности мы очень сильно интегрированы в структуры НАТО. Мы – часть Запада, и свобода от военных альянсов попросту утратила свое значение»⁴⁰.

Таким образом, после окончания холодной войны руководство Швеции изменило свой взгляд на политику нейтралитета. Приоритетным направлением стало сближение с международными институтами, получившими высокую оценку по обеспечению мира (ЕС) и безопасности (НАТО). Так на смену понятию «политика нейтралитета» пришла формулировка «неприсоединение к военным альянсам», а трактовка проблем мира приблизилась к риторике других западных государств. Отступление от политики нейтралитета свидетельствовало об утрате Швецией своей уникальной роли международного посредника и большей ориентации на изменение норм внутри международной организации. Но в то же время особенностью современного исторического периода является сохранение статуса нейтральной страны в шведском и международном дискурсе, благодаря длительной, более чем 200-летней истории шведского нейтралитета, а также активному продвижению этого курса внутри государства и на международной арене.

Примечания

¹ Нейтралитет : словарь ассоциаций. URL: <http://www.slovesa.ru/assearch?q=%D0%BD%D0%B5%D0%B9%D>

- 1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82&Ink=1 (дата обращения: 10.12.2016).
- ² *Tepe F.* Swedish neutrality and its abandonment. URL: <http://ticaret.edu.tr/uploads/Kutuphane/dergi/s11/M00167.pdf> (дата обращения: 08.01.2018).
- ³ *Воронков Л.* Свободные от военных союзов Швеция и Финляндия и НАТО. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17125> (дата обращения: 23.12.2017).
- ⁴ Maastricht Treaty. February 7, 1992. URL: http://europa.eu/european-union/sites/europa.eu/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf (дата обращения: 14.06.2017).
- ⁵ *Цунский А.* «Скептики» перед лицом глобализации. URL: <http://expert.ru/countries/2008/02/mulander/> (дата обращения: 25.09.2017).
- ⁶ *Пулейките К.* Евроскептицизм в Западной Европе : случай Швеции. URL: <http://www.geopolitika.lt/?artc=158> (дата обращения: 05.09.2017).
- ⁷ 1990-е годы. URL: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=2634297> (дата обращения: 17.10.2017).
- ⁸ En stor majoritet svenskar vill stanna kvar i EU – Linda Berg i GP. Jun 20, 2016. URL: <http://cergu.gu.se/Aktuellt/Nyheter/?languageId=100000&contentId=1379001&disableRedirect=true&returnUrl=http%3A%2F%2Fcergu.gu.se%2Fenglish%2FNews%2FNews%2Fnews-detail%2F%2Fa-large-majority-of-swedes-want-to-remain-inside-the-eu---linda-berg-in-gp.cid1379001> (дата обращения: 15.10.2017).
- ⁹ Petersberg Declaration. June 19, 1992. URL: <http://www.weu.int/documents/920619peten.pdf> (дата обращения: 20.02.2017).
- ¹⁰ Treaty of Amsterdam. October 2, 1997. URL: http://europa.eu/european-union/sites/europa.eu/files/docs/body/treaty_of_amsterdam_en.pdf (дата обращения: 20.02.2017).
- ¹¹ Sweden's Defence Policy 2016 to 2020. June 1, 2015. URL: http://www.government.se/globalassets/government/dokument/forsvarsdepartementet/sweden_defence_policy_2016_to_2020 (дата обращения: 13.06.2017).
- ¹² Treaty establishing a constitution for Europe. October 29, 2004. URL: http://europa.eu/eu-law/decision-making/treaties/pdf/treaty_establishing_a_constitution_for_europe/treaty_establishing_a_constitution_for_europe_en.pdf (дата обращения: 15.02.2017).
- ¹³ Treaty of Lisbon. December 13, 2007. URL: http://www.europarl.europa.eu/ftu/pdf/en/FTU_1.1.5.pdf (дата обращения: 15.02.2017).
- ¹⁴ *Кавешников Н.* Лиссабонский договор : как меняется Европейский союз. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/lissabonskij_dogovor_kak_menajetsa_jevropejskij_sojuz_2009-12-22.htm (дата обращения: 20.12.2017).
- ¹⁵ *Иванов В.* Состояние и перспективы развития общей политики в области безопасности и обороны Европейского союза. URL: http://factmil.com/publ/obshhee/doktriny/sostojanie_i_perspektivy_razvitija_obshhej_politiki_v_oblasti_bezопасности_i_oborony_evropejskogo_sojuz_2013/55-1-0-47 (дата обращения: 24.12.2017).
- ¹⁶ Riksdag ratifies EU's Lisbon treaty. November 21, 2008. URL: <https://www.thelocal.se/20081121/15842> (дата обращения: 10.01.2018).

- ¹⁷ Getting the Lisbon Treaty ratified – Swedish Presidency 2009. URL: <http://www.eu-27watch.org/?q=node/777> (дата обращения: 10.01.2018).
- ¹⁸ Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community (Title VII Solidarity Clause). December 13, 2007. URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX :12007L/TXT](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12007L/TXT) (дата обращения: 15.02.2017).
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid.
- ²² Ibid.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ *Agius C.* The social construction of Swedish neutrality : challenges to Swedish identity and sovereignty. Manchester : Manchester Univ. Press, 2006. P. 247.
- ²⁵ *Bjorkdahl A.* Ideas and Norms in Swedish Peace Policy. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/spsr.12046/pdf> (дата обращения: 13.01.2018).
- ²⁶ Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community (Title VII Solidarity Clause). December 13, 2007. URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX :12007L/TXT](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12007L/TXT) (дата обращения: 15.02.2017).
- ²⁷ *Hugemark B.* Till bröders hjälp -vi vill, men kan vi och törs vi? December 12, 2011. URL: <http://blogg.forsvarsmakten.se/armebloggen/2011/12/12/gastkronika-om-en-svensk-solidarisk-strategi-till-broders-hjalp-vi-vill-men-kan-vi-och> (дата обращения: 31.10.2017).
- ²⁸ Nordiska stridsgruppen Nordic Battlegroup. December 12, 2007. URL: <http://www.regeringen.se/49bb66/contentassets/f99bc56a7dbb45f4a4085c99d2e232d5/faktablad-nordic-battlegroup> (дата обращения: 31.10.2017).
- ²⁹ *Rundquist S.* Sweden celebrates 200 years of peace. August 15, 2014. URL: <https://www.thelocal.se/20140815/sweden-celebrates-200-years-of-peace> (дата обращения: 23.12.2017).
- ³⁰ *Джанян С.* 200 лет без войны. И хватит? URL: <https://www.svoboda.org/a/26758665.html> (дата обращения: 04.11.2017).
- ³¹ *Шароградский А., Аронов Е.* Готовый кандидат в НАТО. URL: <https://www.svoboda.org/a/27224873.html> (дата обращения: 04.11.2017).
- ³² Сотрудничество Швеции с НАТО должно стать еще теснее. URL: <http://sverigesradio.se/sida/gruppsida.aspx?programid=2103&grupp=21538&artikel=6299758> (дата обращения: 27.12.2017).
- ³³ «Либо НАТО, либо нейтралитет». URL: <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=6005754> (дата обращения: 27.12.2017).
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ *Ferreira-Pereira L. C.* Swedish Military Neutrality in the Post-Cold War : ‘Old Habits Die Hard’ // Perspectives on European Politics and Society. 2005. Vol. 6, №. 3. P. 463–489.
- ³⁶ *Holmström M.* Löfven : Alliansfrihet bidrar till stabilitet. June 20, 2016. URL: <https://www.dn.se/arkiv/nyheter/lofven-alliansfrihet-bidrar-till-stabilitet/> (дата обращения: 23.12.2017).
- ³⁷ NATO’s relations with Sweden // nato.int : North Atlantic Treaty Organization. 2016/ URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_52535.htm (дата обращения: 7.09.2016).
- ³⁸ Сотрудничество Швеции с НАТО должно стать еще теснее. URL: <http://sverigesradio.se/sida/gruppsida.aspx?programid=2103&grupp=21538&artikel=6299758> (дата обращения: 26.12.2017).
- ³⁹ *Джанян С.* Указ. соч.
- ⁴⁰ Там же.

Образец для цитирования:

Савенко Е. И. Швеция – ЕС: эволюция сотрудничества в рамках политики обороны и безопасности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 501–507. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-501-507>

Cite this article as:

Savenko E. I. Sweden – the EU: Evolution of Cooperation in the Framework of the Defense and Security Policy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 501–507 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-501-507>

УДК [94+327](55)

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2012 ГОДА В ЕГИПТЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИРАНО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

А. В. Баранов

Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, baranovav@mail.ru

В статье анализируется реакция официального Ирана на итоги президентских выборов в Египте 2012 года. Победа исламиста Мохаммеда Мурси открывала широкие перспективы для Ирана по восстановлению дипломатических отношений на основе концепции «Исламского пробуждения». Рассматривается инициатива Ирана по приглашению М. Мурси на саммит Организации Движения неприсоединения (ОДН) в Тегеране и установление первых официальных контактов на высшем уровне. Выявляются совпадающие интересы двух стран в регионе Ближнего Востока, а также спорные моменты в подходах, которые затрудняли процесс налаживания двусторонних связей.

Ключевые слова: Ближний Восток, Иран, Египет, Исламское пробуждение, Арабская весна, Ассоциация братьев-мусульман, М. Мурси.

Presidential Elections of 2012 in Egypt and Prospects of Iran-Egypt Relations

A. V. Baranov

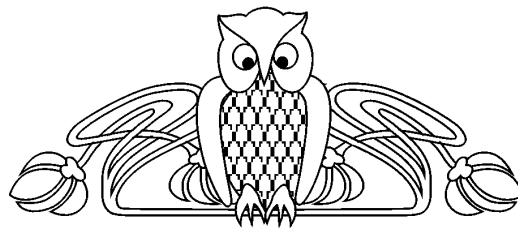
Alexey V. Baranov, <https://orcid.org/0000-0003-3351-9258>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, baranovav@mail.ru

The article analyzes the reaction of official Iran to the results of the presidential elections in Egypt in 2012. The victory of an Islamist Mohammed Mursi opened wide prospects for Iran to restore diplomatic relations based on the concept of «Islamic awakening». The initiative of Iran to invite M. Mursi to the Organization of Non-Alignment Movement (NAM) summit in Tehran and the establishment of the first official contacts at the highest level are considered. The coinciding interests of the two countries in the region of the Middle East are revealed, as are the points of contention in the approaches that hampered the process of establishing bilateral ties.

Key words: Middle East, Iran, Egypt, Islamic awakening, Arab Spring, Muslim Brotherhood, M. Mursi.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-508-513>

Приход в Египте к власти «братьев-мусульман» на первых свободных парламентских выборах в декабре 2011 г. мог качественно переформатировать всю сложившуюся систему региональной безопасности, которая и так была существенным образом подорвана событиями «Арабской весны». Крах или кризис традиционных центров влияния в арабском мире – Ирак, Ливия, Египет и Сирия – вывел на региональную

политическую арену новых претендентов на лидерство. И в первую очередь речь должна идти о таких странах, как Саудовская Аравия, Турция и Иран. Последний, не принявший клише «Арабской весны», выступил с альтернативной концепцией «Исламского пробуждения», ведущей свое происхождение от идей «Исламской революции» Имама Хомейни.

Официальные власти Ирана не скрывали своей заинтересованности в восстановлении отношений с Египтом после свержения авторитарного режима Хосни Мубарака. Однако по целому ряду причин, как внутреннего, так и внешнего характера, этого не произошло в 2011 г.¹

В канун президентской избирательной кампании в Египте верховный советник Великого Лидера по вопросам внешней политики Али Акбар Велаяти заявил, что Иран и Египет являются двумя мощными державами в мусульманском мире. В случае надлежащего исхода выборов станет возможной политика объединения двух региональных политических центров, которые «смогут сформировать мощное ядро исламской силы в сегодняшнем мире»². Наилучшим итогом президентских выборов станет, по мнению А. Велаяти, победа исламистского кандидата: «Если исламистский кандидат будет избран президентом страны, мы будем очевидцами знакового события в арабском мире»³.

В Тегеране в целом в положительном ключе трактовали развитие ситуации в Египте весной 2012 г., где полным ходом шла предвыборная президентская кампания. И в том, что ее итоги будут выгодны Ирану, мало кто сомневался.

Официальная инаугурация М. Мурси состоялась 30 июня 2012 г., и в Тегеране позитивно восприняли первые заявления нового президента. Развернуто о своих намерениях он рассказал в своей первой официальной речи 2 июля 2012 г. в Каирском университете перед студентами, преподавателями, политиками и представителями генералитета⁴. «Египет уже не вернется назад», – констатировал М. Мурси в начале своего выступления, которое транслировалось в прямом эфире. В стране будут проведены «честные и открытые» парламентские выборы. Власть будет принадлежать народу, и выражать интересы народа.

Во внешней политике, по словам М. Мурси, Египет будет выполнять роль «посланника мира». «Мы не будем вмешиваться во внутренние дела других народов, и в то же время не позволим вмешиваться и в свои», – заявил он,

намекая на арабские монархии Персидского залива, выразившие свою обеспокоенность фактом прихода к власти исламистов. Внешняя политика нового Египта будет строиться на приверженности международным договорам и соглашениям, но Каир будет поддерживать борьбу палестинского и сирийского народов за свободу и независимость.

На практике это должно было означать, что пока сирийский конфликт не принял характер международного, Каир будет инициировать его урегулирование на региональном уровне, привлекая к этому заинтересованные стороны. Это, в свою очередь, также отвечало интересам и Ирана, активно выступающего за урегулирование региональных конфликтов силами самих региональных держав, без привлечения внешних участников.

О решимости М. Мурси идти заявленным курсом говорили его инициативы, самая резонансная из которых была отставка 12 августа 2012 г. главы Высшего Совета Вооруженных Сил (ВС ВС) Арабской Республики Египет (АРЕ) маршала Мохаммеда Хуссейна Тантави, занимавшего пост более двадцати лет при Х. Мубараке. По признанию экспертов, как в Египте, так и за его пределами, произошел «мягкий переворот», который окончательно изменил баланс в стране в пользу гражданской власти и фактически отстранил военных от принятия государственных решений. При распущенном парламенте «переворот 12 августа» превратил М. Мурси из «слабого лидера в умудренного политика»⁵.

На фоне этих событий в Тегеране формируется идея о приглашении М. Мурси посетить Иран. Это должно было стать «прорывом» в двусторонних отношениях, учитывая тот факт, что между странами не было дипломатических отношений более тридцати лет. На абсурдность данной ситуации обратили внимание не только в Иране, но и в самом Египте. Так, например, политолог Фахми Ховеиди⁶, хоть и признал невозможность быстрого восстановления отношений, все же заявил о необходимости продвижения в данном направлении. Парадоксальность ситуации, по словам Ховеиди, заключается в том, что из всех исламских стран региона только Каир не имеет дипломатических отношений с Исламской Республикой Иран (ИРИ). Тогда как все арабские страны, включая Саудовскую Аравию с Катаром, выражающие обеспокоенность политикой Тегерана в регионе Персидского залива, имеют такие отношения. К тому же осуществляются взаимовыгодная торговля, достигающую десятков миллиардов долларов США. Тогда как Египет, заявляющий о разрыве с курсом Х. Мубарака, по-прежнему следует в фарватере США и Израиля, осуществляющих политику санкций и бойкота в отношении Ирана.

В самом Тегеране также не скрывали своих намерений в скорейшем налаживании полно-

масштабных отношений. МИД ИРИ Али Акбар Салехи уже 2 июля 2012 г. объявил, что его страна готова к расширению двусторонних связей с Египтом до уровня послов⁷. И именно Салехи первым озвучил возможность приглашения египетского президента посетить Иран, воспользовавшись случаем проведения очередного саммита Организации Движения неприсоединения (ОДН), который должен был пройти в Тегеране в августе 2012 г.

4 июля 2012 г. по инициативе иранской стороны состоялся первый телефонный разговор между президентами двух стран⁸. Ахмадинежад поздравил своего египетского коллегу с победой на выборах и пригласил посетить Иран, чтобы принять участие в работе саммита ОДН в Тегеране. Администрация президента ИРИ позже сообщила, что М. Мурси приглашение принял, но ответа никакого не дал. 21 июля состоялся второй разговор по правительственной линии, и М. Ахмадинежад вторично сделал М. Мурси предложение о посещении Ирана.

Комментируя данный разговор, спикер МИД ИРИ Рамин Мехманпараст подчеркнул, что М. Мурси приглашается как особый гость на саммит ОДН в Тегеране. И для подчеркивания этого статуса в Каир будет направлен личный советник М. Ахмадинежада Моджтаба Хашеми-Самарех⁹, который должен вручить личное приглашение президента ИРИ. Однако после обсуждения данного вопроса кабинетом министров, 1 августа, было принято решение о повышении статуса посланника до уровня вице-президента ИРИ. Им стал Хамид Бакаи, который 8 августа посетил Каир и встретился с египетским президентом. На встрече, которая прошла в президентском дворце, М. Мурси сообщил о своем решении принять участие в работе саммита. Он также заявил, что расценивает визит иранской делегации как важный момент на пути установления тесных связей с Ираном.

Известие о согласии М. Мурси посетить Иран в период работы саммита ОДН вызвало положительную реакцию и далеко идущие аналитические выкладки. В Тегеране он был воспринят как «позитивный сигнал о готовности двух стран возобновить прерванные более тридцати лет назад отношения»¹⁰. Визит также должен был стать демонстрацией перестройки внешней политики Египта через увеличение контактов с Тегераном, что могло бы изменить политический ландшафт Ближнего Востока в ближайшем будущем. Это нанесет удар по влиянию в регионе США и Израиля, так как визит египетского президента в Иран будет означать выход Египта из-под их опеки. Таким образом, сближение между двумя странами, по мнению Тегерана, сможет освободить отношения от манипуляций со стороны третьих стран, в особенности со стороны США и Израиля.

Общий тон иранских СМИ вполне вписывался в теоретические выкладки старшего со-

ветника Рахбара по вопросам внешней политики и одновременно директора Постоянного секретариата Всемирной Ассамблеи Исламского пробуждения (ВАИП) Али Акбара Велаяти, сделанные им под влиянием общего хода развития народных движений в регионе¹¹. Так, он отметил, что победа исламистов на выборах в целом ряде стран региона, в частности в Марокко, Тунисе и Египте, может свидетельствовать о все большем крене региональных народов в сторону ислама и исламских ценностей. В данном случае у лидеров движений Исламского пробуждения в регионе не остается выбора, как для защиты от «врагов исламской уммы» стремиться к налаживанию политики кооперации друг с другом. Мусульманские народы тем самым все больше склоняются к основанию единого фронта под руководством ИРИ. Это может свидетельствовать о становлении мусульманского мира в качестве полюса силы в будущей многополярной модели мира. Будущее мироустройство определено уже не будет однополярным, где будут доминировать одни США. ИРИ будет играть ведущую роль в формирующемся устройстве мусульманского мира, хотя тот противники или нет.

Египетские власти, в свою очередь, с осторожностью восприняли подобные заявления иранских СМИ. В стремлении сбить ненужный ажиотаж вокруг будущего визита представители администрации египетского президента сообщили прессе, что М. Мурси прибудет в Тегеран только 30 августа. Он примет участие в официальной церемонии передачи председательства в ООН Ирану. В целом все пребывание будет длиться не более четырех часов. При этом стоит отметить, что в Тегеран он прибудет по окончании 36-часового государственного визита в Китай.

Несмотря на прохладную реакцию, уже через неделю оба лидера смогли сделать «историческое рукопожатие» на полях чрезвычайного саммита Организации исламского сотрудничества (ОИС), состоявшегося 14–15 августа 2012 г. в Мекке по инициативе саудовского короля. Центральным вопросом встречи стала ситуация в Сирии и приостановка ее членства в Организации. Показательным моментом стало то, что собравшиеся практически единогласно проголосовали за предложение Саудовской Аравии. Против выступили только Иран и Алжир, сирийская делегация приглашение не получила¹².

Иранская сторона хотя и раскритиковала саудовскую резолюцию, но одновременно высказалась в поддержку инициативы, с которой на саммите выступил М. Мурси. Он предложил провести четырехстороннюю встречу по Сирии, куда будут приглашены Египет, КСА, Турция и Иран. Сформированная таким образом «контактная группа по Сирии», получившая в СМИ название «исламского квартета», должна будет попытаться выработать условия для мирного, дипломатического решения сирийского кон-

фликта. Инициатива М. Мурси по Сирии, где Иран является одним из ключевых союзников режима Башара аль-Асада, должна была стать центральным «каналом» для установления тесных контактов с Египтом, и при положительном развитии событий это могло иметь далеко идущие перспективы для Тегерана. Однако то, что этот путь окажется не из легких и полным «подводных камней», продемонстрировали уже события XVI саммита ОДН в Тегеране, который длился с 25 по 31 августа 2012 г.

Работа саммита была разделена на три этапа, на каждый из которых отводилось по два дня. На первом этапе заседания проводили эксперты, прорабатывавшие тематику саммита. Далее вступали в работу главы МИД стран-членов ОДН. И заключительные два дня – 30 и 31 августа – заседания проводили главы государств и правительств. Поэтому тот факт, что М. Мурси прибыл в Тегеран только 30 августа, не был экстраординарным. Так поступило большинство его коллег.

Да и пребывание М. Мурси в Тегеране оказалось более продолжительным, чем об этом заявлялось первоначально египетской стороной. В аэропорту высокопоставленную делегацию встретил вице-президент ИРИ Хамид Бакаи. После чего М. Мурси принял участие в пленарном заседании глав государств и правительств, где он выступил с речью и принял участие в торжественной церемонии в присутствии генерального секретаря ООН Пан Ги Муна по передаче председательства в Организации Ирану. По окончании церемонии состоялась двусторонняя встреча президентов Ирана и Египта, где стороны смогли уже свободно обменяться мнениями по вопросам, вызывающим взаимный интерес. Более того, в иранских СМИ даже прошла информация, что египетская делегация во главе с М. Мурси планирует посетить Бушерскую АЭС, чтобы ознакомиться с реализацией мирной ядерной программы Ираном¹³.

Императивом выступлений М. Мурси был не скрываемый им интерес к урегулированию сирийского кризиса. Еще до вылета в свое турне в каирском аэропорту 28 августа он заявил буквально следующее: «Мы выступаем против любого военного вмешательства в Сирии в любой форме»¹⁴. По его словам, Египет ищет мирного способа решения кризиса, «мир должен основываться на справедливости и всеобщем мире для всех, без исключения». При этом Египет никогда не станет частью сил, которые будут осуществлять военное принуждение какой-либо из сторон конфликта, но в то же время он не будет мириться ни с какой-либо угрозой национальной или региональной безопасности. Предлагаемая Каиром «контактная группа» призвана помочь в разрешении сирийского кризиса на основе желаний самого сирийского народа. А сирийский народ, по мнению М. Мурси, желает отречения от власти Башара аль-Асада.

Появление нового нюанса в египетской инициативе по Сирии было развито в выступлении М. Мурси 30 августа на пленарном заседании глав государств и правительств стран-членов ООН¹⁵. По его словам, «египетский народ, осуществив революцию 25 января, смог открыть новую главу, которая явится поворотным моментом в истории страны». Свергнув диктатора, он положил конец власти прозападному правлению, и сегодня продвигается по пути построения демократического общества. Египетский народ осуществил то, что до него сделал народ Туниса, а затем народы Ливии и Йемена. «Сегодня мы являемся свидетелями подобных массовых изменений и событий в Сирии, – заявил М. Мурси. – Мы солидарны с борьбой сирийского народа против жестокого режима, потерявшего всякую легитимность. Это не только политическая целесообразность, это наш моральный и этический долг». И Египет открыто поддерживает тех, кто борется за свободу и демократию в Сирии, и эта борьба, по словам президента Египта, должна закончиться переходом к демократической системе управления страной, отражающей интересы сирийского народа.

Присутствовавшая в зале сирийская делегация после этих слов М. Мурси демонстративно покинула зал заседаний. Принимающей стороне, то есть Ирану, пришлось серьезным образом «поработать» с сирийскими представителями, чтобы сгладить неприятный эффект. Позднее в СМИ появилась информация, что сирийская делегация вышла из зала заседаний потому, что у ее главы на это же время была назначена пресс-конференция, а вовсе не из-за протеста по содержанию речи египетского лидера. И как оказалось, это был не последний «казус», с которыми столкнулись организаторы по ходу визита М. Мурси в Тегеран.

Конечно, ни для кого не остались незамеченными высказывания египетского лидера о причинах и предпосылках египетской революции, среди которых он ни разу не сослался на пример Исламской революции в Иране, а также его позиция в отношении борьбы сирийского народа с диктатурой Башара аль-Асада. Пожалуй, центральным моментом для организаторов саммита стала двусторонняя встреча президентов Ирана и Египта в составе правительственных делегаций. Она также оказалась знаковой и «исторической» во взаимоотношениях. Это первая встреча президентов двух стран в официальной обстановке после победы Исламской революции 1979 г. в Иране.

Однако, что показательно, информация для СМИ о содержании этой встречи оказалась весьма скупой, что породило волну слухов и предположений, не лишенных доли истины. Так, например, 12 сентября спикер МИД ИРИ Рамин Мехманпараст на брифинге с журналистами был вынужден выступить с официальными опро-

вержениями, так как появившаяся в египетских и западных СМИ информация была подхвачена уже рядом иранских СМИ¹⁶. По его словам, западная пресса стремится дезинформировать мировое сообщество, распространяя ложную информацию. В ходе данной встречи президент Египта будто бы сделал предложение президенту Ирана о возобновлении дипломатических отношений между двумя странами, посредничестве в улучшении отношений со странами Персидского залива, а также гарантии безопасности лично Башару аль-Асаду и его семье, в обмен на прекращение поддержки Ираном властей Дамаска. По заявлению Р. Мехманпараста, данная информация специально распространяется американскими и израильскими СМИ в целях омрачить и затруднить восстановление отношений между странами.

По окончании встречи ее содержание прокомментировал присутствовавший в составе делегации заместитель МИД ИРИ Хоссейн Амир-Абдоллахиан. Он сообщил, что встреча прошла в «теплой и дружественной» обстановке¹⁷, египетский президент выразил надежду, что председательство Ирана в ООН в предстоящие годы сможет способствовать прогрессу Организации. Два президента также обсудили ключевые вопросы регионального и двустороннего сотрудничества. «Они подтвердили необходимость разрешения сирийского кризиса дипломатическим путем и недопущения иностранной интервенции», – заявил Абдоллахиан в интервью телеканалу «Аль-Алам».

Несмотря на то что саммит не стал «прорывным» в отношениях между Ираном и Египтом, эксперты признали его в целом успешным. Действительно, еще до его начала в Тегеране призывали не питать больших иллюзий по поводу визита М. Мурси и его встречи с М. Ахмадинежадом. Подводя итоги саммита ООН, иранские официальные лица высказывались в положительном ключе. Так, глава МИД ИРИ Али Акбар Салехи заявил, что он прошел успешно для Тегерана, есть видимые достижения его деятельности. И как страна – председатель ООН, Иран будет проводить консультации со всеми странами, заинтересованными в разрешении сирийского кризиса¹⁸.

Заместитель МИД ИРИ Бехруз Камалванд был более откровенен в своих комментариях, заявив, что присутствие на саммите М. Мурси оказалось очень эффективным для продвижения двусторонних отношений. «ИРИ и АРЕ способны идти навстречу друг другу по широкому кругу вопросов¹⁹», – отметил он. По словам Б. Камалванда, Египет как суверенное государство имеет право на развитие отношений с любым государством мира, и если Каир пожелает расширять свои связи с Саудовской Аравией, чтобы получить финансовую помощь, это не будет восприниматься в Тегеране как игнорирование Ирана в качестве региональной силы.

Для Ирана также представляет интерес стратегическое расположение Египта, имеющего общую границу с Газой и Израилем. «Египет имеет опыт опустошительной войны с Сионистским образованием, и в случае возможного повторения такой ситуации в будущем ИРИ может прийти на помощь Египту», – выразил уверенность Б. Камалванд. Хотя в Тегеране и понимают, что, предлагая Египту союзнические отношения, скорого результата ждать не стоит. Не все здесь будет зависеть от М. Мурси, который к тому же не смог заручиться поддержкой большинства электората, получив только 51% голосов. К этому следует добавить и внутреннюю ситуацию в Египте, с его тяжелым экономическим и финансовым положением. Камалванд посоветовал Каиру сменить свой вектор развития, оказавшийся провальным, и попробовать новые варианты, чтобы ослабить зависимость своего развития от внешней помощи.

Что характерно, и египетская сторона также положительно расценила итоги встреч на полях саммита ОДН в Тегеране. Так, глава МИД АРЕ Мохаммед Камаль Амр заявил, что инициатива Каира по созыву консультаций по сирийскому кризису в рамках «контактной группы» остается в силе. Правда, о сроках и месте проведения первой встречи говорить он не стал. Египетская сторона получила подтверждение от Ирана о его участии в работе «исламского квартета». И как заявил спикер администрации египетского президента Яссер Али, Египет рассматривает Иран как страну, обладающую «реальным влиянием» на происходящее в Сирии. Следовательно, Иран необходимо воспринимать как «часть решения, а не как часть проблемы» в этом вопросе²⁰. Другой представитель МИД Египта, принимавший участие в работе саммита ОДН, Йосри Абу Шади²¹, комментируя итоги форума для развития двусторонних отношений, отметил, что визит главы государства в Тегеран внесет огромный вклад в укрепление связей между странами. Он также отметил высокую вероятность возобновления дипломатических отношений и открытие египетского посольства в Тегеране. Этот шаг, по словам дипломата, приведет к расширению и углублению торговых отношений, так что давление Запада на М. Мурси, чтобы он не шел на активизацию связей с Ираном, окажется неэффективным.

Таким образом, подводя краткие итоги, необходимо констатировать, что в Иране с большим энтузиазмом было встречено избрание Мохаммеда Мурси в качестве президента Египта. В этом факте увидели хороший знак для возможно скорейшего восстановления дипломатических отношений между двумя странами. С точки зрения официальных властей Ирана, приход к власти в Египте представителя исламистов в полной мере вписывался в иранскую внешнеполитическую концепцию «Исламского пробуждения», а согласие М. Мурси участвовать в работе самми-

та ОДН в Тегеране расценивалось как наличие общих подходов в решении региональных проблем. Действительно, две страны быстро нашли возможность в установлении контактов в вопросе разрешения «сирийского кризиса» и Тегеран присоединился к египетской инициативе по формированию «контактной группы по Сирии», о чем окончательно и была достигнута договоренность на полях саммита. Это открывало хорошие перспективы для налаживания полноформатных отношений между странами в будущем.

Примечания

- ¹ Подробнее об этом см.: Баранов А. В. Инициатива Ирана по восстановлению отношений с Египтом в первой половине 2011 года в условиях противостояния с Западом // Иран в мировой политике. XXI век. / отв. ред. Н. М. Мамедова; Ин-т Востоковедения РАН. М.: Издатель А. В. Воробьев, 2017. С. 135–149; *Он же*. Ирано-египетские отношения после свержения Хосни Мубарака // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 504–510.
- ² 'Iran-Egypt unity will form core of a great Islamic power'. URL: <http://en.mehrnews.com/news/50826/Iran-Egypt-unity-will-form-core-of-a-great-Islamic-power> (дата обращения: 19.04.2012).
- ³ Iran hopes Islamists will come to power in Egypt: Leader's advisor. URL: <http://en.mehrnews.com/news/51476/Iran-hopes-Islamists-will-come-to-power-in-Egypt-Leader-s-advisor> (дата обращения: 05.06.2012).
- ⁴ Islamist president says Egypt won't reverse course. URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/1903552/Islamist+president+says+Egypt+won%27t+reverse+course.html> (дата обращения: 02.07.2012).
- ⁵ President shifts Egypt's balance of power. URL: <http://www.tehrantimes.com/news/401878/President-shifts-Egypt-s-balance-of-power> (дата обращения: 14.08.2012).
- ⁶ Analyst slams critics of Egypt-Iran diplomatic rapprochement. URL: <http://en.mehrnews.com/news/51960/Analyst-slams-critics-of-Egypt-Iran-diplomatic-rapprochement> (дата обращения: 17.07.2012).
- ⁷ Iran voices readiness for ambassadorial level ties with Egypt. URL: <http://isna.ir/en/news/91041307750/Iran-voices-readiness-for-ambassadorial-level> (дата обращения: 03.07.2012).
- ⁸ Iran invites Egypt's Morsi to NAM Summit. URL: <http://isna.ir/en/news/91041709506/Iran-invites-Egypt-s-Morsi-to-NAM-Summit> (дата обращения: 07.07.2012).
- ⁹ Ahmadinejad's advisor to meet Egyptian president soon. URL: <http://en.mehrnews.com/news/51926/Ahmadinejad-s-advisor-to-meet-Egyptian-president-soon> (дата обращения: 15.07.2012).
- ¹⁰ Morsi's visit to Iran could reshape political landscape. URL: <http://en.mehrnews.com/news/52162/Morsi-s-visit-to-Iran-could-reshape-political-landscape> (дата обращения: 20.08.2012).
- ¹¹ Muslims enthusiastic about establishing a united front led by Iran: Velayati. URL: <http://www.tehrantimes.com/>

- news/400871/Muslims-enthusiastic-about-establishing-a-united-front-led-by (дата обращения: 13.07.2012).
- ¹² Cairo seeks regional meeting over Syria conflict. URL: <http://en.mehrnews.com/news/52200/Cairo-seeks-regional-meeting-over-Syria-conflict> (дата обращения: 27.08.2012).
- ¹³ MP says Morsi to visit Bushehr nuclear plant : Press TV. URL: <http://isna.ir/en/news/91060502851/MP-says-Morsi-to-visit-Bushehr-nuclear-plant> (дата обращения: 26.08.2012).
- ¹⁴ Egypt opposes foreign military intervention in Syria : Morsi. URL: <http://www.tehrantimes.com/news/402284/Egypt-opposes-foreign-military-intervention-in-Syria-Morsi> (дата обращения: 28.08.2012).
- ¹⁵ Egypt president : NAM should play its pivotal role in global developments. URL: http://www.irna.ir/en/News/365807/تلود/Egypt_president_NAM_should_play_its_pivotal_role_in_global_developments (дата обращения: 30.08.2012).
- ¹⁶ Иран опровергает информацию о предложении президента Египта отказаться от поддержки Асада. URL: http://www.iran.ru/news/politics/83045/Iran_opровергает_informaciyu_o_predlozhenii_prezidenta_Egipta_otkazatsya_ot_podderzhki_Asada (дата обращения: 12.09.2012).
- ¹⁷ Ahmadinejad and Morsi meet on the sidelines of NAM summit. URL: <http://isna.ir/en/news/91061005300/Ahmadinejad-and-Morsi-meet-on-the-sidelines> (дата обращения: 31.08.2012).
- ¹⁸ Salehi : NAM Summit was a success for IR Iran. URL: http://www.irna.ir/en/News/365039/تلود/Salehi_NAM_Summit_was_a_success_for_IR_Iran (дата обращения: 02.09.2012).
- ¹⁹ Mursi's visit to Tehran effective in promotion of bilateral ties, deputy FM. URL: http://www.irna.ir/en/News/365146/تلود/Mursi%CB%88s_visit_to_Tehran_effective_in_promotion_of_bilateral_ties_deputy_FM (дата обращения: 06.09.2012).
- ²⁰ Egypt seeks meeting with Iran, S. Arabia, Turkey over Syria. URL: <http://www.tehrantimes.com/news/402223/Egypt-seeks-meeting-with-Iran-S-Arabia-Turkey-over-Syria> (дата обращения: 27.08.2012).
- ²¹ Посольство Египта в Тегеране возобновит свою работу. URL: http://www.iran.ru/news/politics/82652/Posolstvo_Egipta_v_Tegerane_vozobnovit_svoyu_rabotu (дата обращения: 29.08.2012).

Образец для цитирования:

Баранов А. В. Президентские выборы 2012 года в Египте и перспективы ирано-египетских отношений // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 508–513. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-508-513>

Cite this article as:

Baranov A. V. Presidential Elections of 2012 in Egypt and Prospects of Iran-Egypt Relations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 508–513 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-508-513>

УДК 94(47+569.1)[20]+327.5(100)[20]

РОЛЬ РОССИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА

А. Н. Вахшитех

Вахшитех Ахмад Насер, аспирант кафедры сравнительной политологии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, ahmadvakhshiteh@gmail.com

Вооруженное противостояние в Сирии продолжается с 2011 г. В сентябре 2015 г. сирийский президент Башар Асад обратился к Российской Федерации с просьбой о военной поддержке правительственной армии. Так началась операция воздушно-космических сил России в Сирии. При помощи российских войск сирийское правительство смогло восстановить контроль над большей частью сирийской территории и перейти к деэскалации и политическому урегулированию конфликта. Россия на сегодняшний день играет важную роль в политическом урегулировании сирийского конфликта, имеет свое собственное представление о мироустройстве и альтернативном варианте решения целого ряда международных проблем и занимает в сирийском конфликте твердую позицию защиты территориальной целостности Сирийской Арабской Республики. Москва инициировала создание «тройственной инициативы» гарантов Сирии в лице России, Ирана и Турции, а также создание новой переговорной площадки в Астане. В данной статье рассматривается роль Российской Федерации в политическом урегулировании сирийского конфликта, развитии «жизневского» и «астанинского» процессов.

Ключевые слова: Сирия, Россия, сирийский конфликт, переговорный процесс, постконфликтное урегулирование.

Role of Russia in the Syria's Negotiation Process

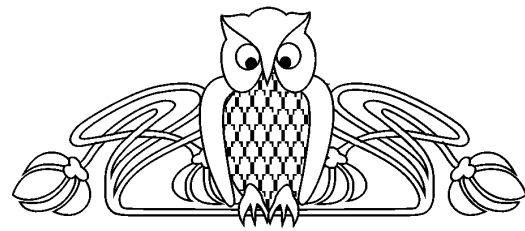
A. N. Vakhshiteh

Ahmad N. Vakhshiteh, <https://orcid.org/0000-0003-1128-2448>, Peoples' Friendship University of Russia, 13-271, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia, ahmadvakhshiteh@gmail.com

Armed confrontation in Syria has lasted since 2011. In September 2015, the President of Syrian Arab Republic Bashar Assad addressed the Russian Federation with the request for military support to the government army, thus the military campaign of Russia's military forces in Syria began. In virtue of Russian troop's operation, the Syrian government was able to regain control over most of the Syrian territory, and move on to de-escalation and a political settlement of the conflict. Russia today plays the most important role in the political settlement of the Syrian conflict. Russia has its own view of the world order and an alternative solution to the number of international problems, and in the Syrian conflict holds a firm position on the territorial integrity of the Syrian Arab Republic. Moscow initiated the creation of a "tripartite initiative" of the guarantors for Syria represented by Russia, Iran and Turkey, as well as the creation of a new negotiating platform in Astana. This article examines the role of the Russian Federation in the political settlement of the Syrian conflict, the development of the "Geneva" and "Astana" processes.

Key words: Syria, Russia, Syrian conflict, negotiation process, post-conflict settlement.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-514-522>

После окончания холодной войны и распада Советского Союза количество вооруженных конфликтов в современном мире не уменьшилось, мир не стал более стабильным и безопасным, наоборот, из года в год увеличивается не только количество конфликтов и конфликтных ситуаций, но и усложняются в значительной степени причины, характер, состав участников и, соответственно, процесс постконфликтного урегулирования.

Распад СССР сопровождался усилением межнациональной напряженности и эскалацией большинства латентных конфликтов. В этой связи Россия приобрела солидный опыт участия в урегулировании конфликтов и конфликтных ситуаций на постсоветском пространстве. Миротворческие операции в Приднестровье, Южной Осетии, Абхазии и Таджикистане в 1990-х гг. проходили при лидирующей роли России. При этом особенностью южно-осетинской, грузино-абхазской и приднестровской моделей миротворческого процесса стало участие российского воинского контингента в качестве нейтральной силы.

Так, например, Россия приняла активное участие в урегулировании грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов. Именно Москва стала местом подписания 14 мая 1994 г. Соглашения о прекращении огня и разделении сил конфликтующими сторонами в зоне грузино-абхазского противостояния. На основе достигнутых договоренностей российские миротворцы приняли участие и в миротворческих операциях. Далее после «пятидневной войны» 2008 г. России и Грузии в ходе постконфликтного урегулирования Москва из медиатора и миротворца окончательно превратилась в гаранта самоопределения двух бывших автономий Грузинской ССР, признав не только де-факто, но и де-юре независимость Абхазии и Южной Осетии.

При этом большинство экспертов сходятся во мнении, что конфликтное урегулирование в Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Абхазии, Приднестровье так и не стало необратимым процессом, соответственно Россия вовлечена в этот процесс до настоящего времени.

Что касается других региональных конфликтов, то Россия имела небольшой опыт урегулирования конфликтов и на Балканах. Это участие в миротворческих операциях в Боснии и Герцеговине, а также Косово и Метохии. Однако в начале 90-х гг. Россия, находясь в условиях внутреннего политического и экономического кризиса, не могла оказывать существенное вли-

яние на балканский переговорный процесс. Тем не менее, именно в тот период уже обозначились существенные различия в российских и западных подходах к переговорному процессу и урегулированию конфликтов, которых страны придерживаются до настоящего момента.

Россия руководствуется политикой реализма, рассматривает все вызовы и угрозы и ищет возможные варианты развития ситуации. Российский подход к урегулированию конфликтов отличается стремлением сохранить суверенитет и территориальную целостность, избежать международного вмешательства в зоне конфликта. Россия вовлекает в переговорный процесс всех участников конфликта и настаивает на прямом и открытом диалоге (пример: переговорный процесс по Ирану в формате 5+1 2012 г.).

США как один из главных участников процесса урегулирования современных конфликтов чаще всего отдают предпочтение прямому военному вмешательству в конфликт и прямому диктату условий в формате ультиматума во время переговорного процесса (пример: тот же самый иранский ядерный вопрос). США также практикуют и проведение военных операций для «наказания» одного из участников конфликта за невыполнение договоренностей или «неправильное» поведение. Один из самых ярких примеров такого подхода – бомбардировка сербов в 1999 г. и иракская кампания.

Самый актуальный пример столкновения российских и западных подходов к урегулированию конфликтов и ответственности по защите прав населения – это Сирия. Начиная с периода «арабской весны» Соединенные Штаты были активными участниками региональных процессов на Ближнем Востоке. Америка поддерживала ДАИШ (террористическая организация, запрещенная на территории России) на начальном этапе формирования, чтобы оказать влияние на Россию и Иран.

Именно США и их союзники – Саудовская Аравия и Турция – первыми были вовлечены в сирийский конфликт со своими целями и интересами, которые прежде всего касались смены действующего режима в лице президента Башара Асада. Иран и Россия подключились к урегулированию сирийского кризиса на втором этапе по просьбе правительства Сирии, с целью оказать поддержку сирийскому народу. Российский подход в сирийском кризисе с самого начала был выражен в четкой формулировке: прямые переговоры между сторонами конфликта без международного вмешательства и смены режима.

Позиция России по сирийскому кризису была вполне определенной в работе Организации Объединенных Наций. В рамках Совета Безопасности ООН Москва последовательно выступала и выступает:

– за полицентричное мироустройство и достижение равной и неделимой безопасности для

всех стран, при безусловном уважении суверенитета и права народов на самостоятельный выбор пути;

– за формирование широкого антитеррористического фронта с участием всех стран в меру их возможностей и с согласия государств, на территории которых ведется борьба с террористами, при центральной координирующей роли ООН и соблюдении принципов и норм международного права¹.

Российская Федерация препятствует политизации «гуманитарного досье» и давлению на правительство Сирийской Арабской Республики (САР), выступает против создания и применения так называемого «международного механизма проведения расследований в отношении лиц, которые несут ответственность за наиболее серьезные преступления по международному праву, совершенные в САР с марта 2011 года»².

Россия проводит активную политику по содействию мирному урегулированию сирийского кризиса в рамках Женевского переговорного процесса под эгидой ООН, поддерживает межсирийский диалог, выступая за его инклюзивность, поддерживает идею о том, что будущее устройство страны должно определяться самими сирийцами при сохранении преемственности в госуправлении, светского и мультикультурного характера государства.

России удалось продвинуть основанную на российском нормативном подходе повестку дня урегулирования: прямые переговоры между сторонами конфликта без международного вмешательства и смены режима. На переговорах «Женева-2» по Сирии в январе 2014 г. различия в позициях России и США относительно роли сирийского президента Башара Асада в будущем переходном правительстве по-прежнему остались, однако уход Асада, по крайней мере, уже не ставился в качестве предварительного условия для прямых переговоров между сирийской оппозицией и правительством.

Переговоры между правительством Сирии и представителями сирийской оппозиции «Женева-3» начались 29 января 2016 г. и проводились под эгидой ООН в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 2254 от 18 декабря 2015 г. Однако переговоры носили непрямой характер и проходили в форме контактов спецпредставителя Генерального секретаря ООН по Сирии Стаффана де Мистуры с той или иной группой оппозиции («эр-риядской», «москowsкой», «каирской» и «астанинской») с тем, чтобы найти общие подходы к диалогу. Главная особенность женевского переговорного процесса – это участие только антиасадовских групп. Россия настаивала на включение всех сирийских групп для урегулирования конфликта, в том числе курдов, без участия которых, по мнению Москвы, невозможно решить сирийскую проблему. В течение 2016 г. состоялись 3 этапа женевского пе-

реговорного процесса (первый – с 29 января по 5 февраля, второй – 14–24 марта, третий – 13–27 апреля).

Помимо участия в женевских переговорах Россия инициировала создание Астанинской площадки. 14 декабря 2016 г. в телефонном разговоре Президента РФ В. Путина с Президентом Турции Реджепом Эрдоганом главы двух государств договорились предложить конфликтующим сторонам (Россия – правительству Сирии, а Турция – представителям вооруженной оппозиции) продолжить процесс мирных переговоров, помимо Женевы, на новой площадке в столице Казахстана Астане. Предложение Президента России поддержал Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев.

20 декабря 2016 г. по итогам переговоров в Москве министры иностранных дел Ирана, России и Турции приняли совместное заявление по согласованным мерам, направленным на оживление политического процесса с целью прекращения сирийского конфликта. Стороны выразили готовность способствовать выработке и стать гарантами будущего соглашения между правительством Сирии и оппозицией.

Переговоры в Астане были призваны закрепить действующий режим прекращения огня, установленный в соответствии с договоренностями, подписанными 29 декабря 2016 г., и стать площадкой для прямого диалога между правительством Сирии и оппозицией.

Первый раунд переговоров проходил в Астане 23–24 января 2017 г. Помимо правительственной делегации Сирийской Республики и блока вооруженных группировок, на переговорах в Астане присутствовали представители РФ, Турции, Ирана – стран-гарантов соглашения о прекращении огня, а также ООН. Одно из главных отличий астанинской площадки от консультаций в Женеве заключается в том, что в переговорном процессе участвуют представители вооруженных оппозиционных группировок, которые непосредственно ведут боевые действия на земле, в то время как в Швейцарии собираются за редким исключением «политические» оппозиционеры, живущие зарубежом. На открытии переговоров стороны консультаций первые несколько часов провели за большим круглым столом.

Одним из главных военных итогов переговоров стала договоренность о создании Россией, Ираном и Турцией (как гарантами перемирия в Сирии) трехстороннего механизма контроля за режимом прекращения огня в Сирийской Арабской Республике. Большую работу стороны проделали по проблеме размежевания оппозиции и террористических группировок. В частности, военным переговорщикам удалось согласовать линии соприкосновения с радикальной группировкой ИГИЛ (запрещенной в России), а также был дан старт определению мест дислокации террористов из «Джебхат ан-Нусры». Россий-

ская сторона передала сирийской оппозиции предложения по проекту конституции страны. Как отметил глава МИД РФ С. В. Лавров, тем самым Россия открыла дискуссию по содержанию основного закона.

Второй раунд переговоров в Астане по урегулированию сирийского конфликта состоялся 15–16 февраля 2017 г. Участие в нем приняли делегация ООН, делегации стран-гарантов – России, Ирана и Турции, делегация Дамаска под руководством постпреда Сирии при ООН Башара аль-Джаафари, делегация оппозиции из девяти человек под руководством представителя группировки «Джейш аль-Ислам» Мухаммеда Аллуша. В качестве наблюдателей были приглашены представители Иордании и США.

Двухдневные переговоры прошли в закрытом режиме в различных форматах между РФ, Ираном и Турцией с участием делегаций правительства Сирии и вооруженной оппозиции, а также представителей Иордании и ООН.

Главным итогом второго раунда переговоров в Астане стала окончательная договоренность о создании мониторинговой группы по перемирию в САР с участием Ирана, России, Турции. В МИД РФ назвали встречу успешной, а представители вооруженной оппозиции САР, пессимистично оценивая переговоры, все же согласились с созданием комиссии по перемирию.

Астанинский переговорный процесс во многом стимулировал ООН к тому, чтобы возобновить активную работу. До того как была объявлена астанинская встреча в декабре 2016 г., более 10 месяцев ООН не делала ничего и постоянно переносила планировавшиеся тогда раунды переговоров.

Четвертый раунд межсирийских переговоров в Женеве проходил с 23 февраля по 3 марта 2017 г. На переговорах были представлены каирская, московская и эр-риядская группы, а также отряды вооруженной оппозиции, которые участвовали во встречах на площадке Астаны и которые подписали соответствующие соглашения о прекращении огня с сирийским правительством. По мнению экспертов, главным достижением четвертого раунда женевских переговоров стало согласование повестки дня из четырех пунктов. В начале переговоров де Мистура призвал стороны сосредоточиться на трех «корзинах» политических вопросов: конституция, правительство и выборы. По настоянию правительственной делегации и при активной поддержке Москвы к трем вопросам повестки дня была добавлена проблема борьбы с терроризмом. Одним из ключевых на переговорах стал вопрос объединения оппозиции.

Третий раунд переговоров в Астане по сирийскому урегулированию проходил 14–15 марта 2017 г., однако в этот раз без участия вооруженной оппозиции. Из-за отсутствия оппозиции не состоялось запланированное общее пленар-

ное заседание, и стороны сосредоточились на консультациях в различных форматах. Стороны обсудили и достигли предварительной договоренности о создании рабочей группы по освобождению заключенных, а также по дальнейшему размежеванию умеренной оппозиции от террористических группировок. Кроме того, было начато обсуждение непростого вопроса по созданию конституционной комиссии, а также поднята совершенно новая тема по восстановлению разрушенных древних памятников Сирии, в частности легендарной Пальмиры.

Пятый раунд межсирийских переговоров прошел в Женеве 23–31 марта 2017 г. без существенных достижений. Более успешным оказался четвертый раунд переговоров в Астане, проходивший 3–4 мая 2017 г. В переговорах участвовали представители ООН, представители стран-гарантов (РФ, Ирана, Турции), а также представители США, правительства и оппозиции. В ходе второго дня переговоров был подписан один из наиболее важных документов в рамках сирийского переговорного процесса – Меморандум о создании в Сирии «четырёх зон безопасности», в том числе в провинции Идлиб, в отдельных частях соседних Латакии, Алеппо и Хамы, на севере провинции Хомс, в Восточной Гуте, а также «в определенных районах на юге Сирии, в провинциях Дераа и Кунейтра».

Согласно Меморандуму, с 6 мая в этих зонах, границы которых предварительно должны были обозначить военные, запрещено использование любого вида вооружения, в том числе авиации. Кроме того, Меморандум предполагал обеспечение быстрого, безопасного и беспрепятственного доступа гуманитарной помощи в зоны деэскалации; вдоль линий зон деэскалации запланировали установить контрольно-пропускные и наблюдательные пункты.

Шестой раунд межсирийских переговоров в Женеве прошел с 16 по 19 мая 2017 г. Это был самый короткий период переговоров, однако по его итогам удалось согласовать дополнительный формат взаимодействия ООН со сторонами конфликта: неформальные технические встречи экспертов, на которых пока будут обсуждаться вопросы, касающиеся конституции Сирии.

«Нынешний раунд межсирийских переговоров под эгидой ООН оказался небезрезультативным», – так оценил итоги «Женевы-6» замглавы МИД РФ Геннадий Гатилов. «Этого удалось достичь в результате плотных контактов спецпосланника ООН по Сирии Стаффана де Мистуры со всеми сторонами. Были определенные трудности, связанные с различным видением сирийскими сторонами хода диалога. Но была проявлена готовность двигаться вперед», – сказал он.

Еще одна причина успешности «Женевы-6», по его мнению, в том, что происходит на астанинском треке переговоров. «Там идет реальная работа по определению зон деэскалации в Си-

рии... Прогресс, который удалось достичь на астанинском треке, несомненно, предопределил то, что происходило здесь, в Женеве... Тот факт, что Астана и Женева двигаются параллельными треками, свидетельствует о том, что возможно достижение дальнейшего прогресса по пути урегулирования сирийского кризиса», – сказал Геннадий Гатилов³.

4–5 июля 2017 г. прошел пятый раунд переговоров в Астане по сирийскому урегулированию. Ему предшествовал ряд двусторонних встреч на уровне экспертов. Главной темой переговоров стало определение зон деэскалации. По итогам переговоров никаких документов подписано не было, но было одобрено положение о совместной рабочей группе.

Седьмой раунд сирийских мирных переговоров в Женеве состоялся 10–14 июля 2017 г. без серьезных прорывов. По итогам Женевы-7 спецпосланник ООН по Сирии Стаффан де Мистура отметил, что прогресс на встречах по Сирии в Астане увеличивает успех межсирийских переговоров в Женеве.

Очередной (шестой) раунд международной встречи по Сирии в Астане прошел 14–16 сентября 2017 г. По итогам переговоров было объявлено о создании зон деэскалации в Сирии: к северу от города Хомс, в пригороде Дамаска – в районе Восточной Гуты, на границе Сирии с Иорданией – в провинции Дераа, а также в провинции Идлиб.

Кроме того, был принят пакет документов: правила функционирования полос безопасности, КПП и наблюдательных пунктов; правила применения военной силы подразделениями Сил контроля деэскалации; мандат на развертывание Сил контроля деэскалации; положение о совместном ирано-российско-турецком координационном центре по рассмотрению вопросов, связанных с соблюдением режима прекращения боевых действий в зонах деэскалации.

Седьмой раунд сирийских переговоров в Астане состоялся 31 октября 2017 г. Участники переговоров обсудили предложение России провести Конгресс сирийского национального диалога (КСНД) в Сочи, с инициативой которого выступил Президент РФ Владимир Путин на форуме «Валдай». Как заявил спецпредставитель президента РФ по Сирии Александр Лаврентьев, решение провести КСНД за пределами Сирии было принято, в том числе по соображениям безопасности. Согласно итоговому документу «Астаны-7», страны-гаранты договорились обсудить проведение Конгресса в рамках женевского процесса под эгидой ООН.

20 ноября 2017 г. в Сочи состоялись переговоры Президента РФ Владимира Путина с Президентом Сирийской Арабской Республики Башаром Асадом, который посетил Россию с рабочим визитом. Президенты обсудили подготовку трехсторонней встречи России, Турции и

Ирана, вопросы мирного политического урегулирования ситуации в Сирии, а также подготовку и проведение Конгресса сирийского национального диалога Сирии. Б. Асад выразил благодарность российской стороне за проведение успешной военной операции и борьбе с терроризмом. Кроме того, состоялась встреча Президента САР с руководящим составом Министерства обороны и Генерального штаба Вооружённых Сил РФ. После состоявшейся встречи с сирийским лидером Президент России В. Путин провел ряд телефонных переговоров с мировыми лидерами, включая президента США Дональда Трампа и короля Саудовской Аравии Сальмана бен Абдель Азиз Аль Сауда, в ходе которых проинформировал их о состоявшейся встрече с Б. Асадом.

22 ноября там же в Сочи состоялась трехсторонняя встреча Президента РФ Владимира Путина, Президента Турецкой Республики Реджепа Эрдогана и Президента Иранской Исламской Республики Хасана Роухани. Перед началом встречи В. Путин заявил, что благодаря усилиям России, Ирана и Турции в борьбе с террористами в Сирии удалось предотвратить распад Арабской Республики. Как отметил российский лидер, после нанесения «решающего удара» появился «реальный шанс положить конец многолетней гражданской войне» в Сирии. В. Путин, также проинформировал своих турецкого и иранского коллег о состоявшихся переговорах с Президентом Сирии Башаром Асадом и отметил высказанную сирийским руководством приверженность принципам мирного решения кризиса, готовность провести конституционную реформу и свободные подконтрольные ООН выборы.

По итогам трехсторонней встречи В. Путин, Р. Эрдоган и Х. Роухани согласовали совместное заявление. Как пояснил президент РФ, суть заявления заключается в том, что успехи на полях боев в Сирии открывают новый этап на пути к урегулированию кризиса в этой стране. Лидеры трех стран выразили удовлетворение нынешним уровнем трехсторонней координации в деле поддержания и укрепления режима прекращения огня в Сирии, гарантами которого выступают Россия, Иран и Турция. Президенты подчеркнули, что создание в рамках астанинского процесса зон деэскалации оказалось весьма эффективным и значительно помогло снизить уровень насилия в Сирии, облегчить гуманитарные проблемы, остановить поток беженцев и начать работу над созданием условий для безопасного возвращения беженцев и внутренне перемещенных лиц. Президенты подчеркнули, что астанинский формат и его достижения стали эффективным инструментом содействия миру и стабильности в Сирии. Они вновь подтвердили свою приверженность суверенитету, независимости, единству и территориальной целостности Сирийской Арабской Республики, а также поддержку широкому меж-

сирийскому диалогу с участием представителей всех сегментов сирийского общества⁴.

Подготовка к восьмому раунду межсирийских встреч в Женеве затянулась по времени, и дата проведения «Женевы-8» откладывалась несколько раз с начала сентября. Столь долгая подготовка была вполне объяснима. Спецпосланник ООН ждал итогов большой встречи групп основной сирийской оппозиции, которая была запланирована на 22–24 ноября в Эр-Рияде.

Около 150 сирийских оппозиционеров – делегатов разных групп и платформ – приняли участие в прошедшей в столице Саудовской Аравии конференции «Эр-Рияд-2». По итогам данной встречи сформирован новый состав Высшего комитета по переговорам (ВКП) в Женеве из 50 человек и принят текст итогового заявления конференции, в котором оппозиционеры призвали ООН организовать прямые переговоры единой делегации оппозиции с властями и призвали к уходу Башара Асада с поста президента Сирии в начале переходного периода в стране. Этот факт в значительной степени предопределил отсутствие прогресса на следующей встрече «Женева-8», проходившей с 28 ноября до 15 декабря, а, по мнению некоторых экспертов, вообще был направлен на срыв переговоров в Женеве.

Глава делегации Сирии Башар Джаафари еще в первую неделю своего пребывания в Женеве заявил о том, что Дамаск не приемлет заявления, согласованного оппозицией в ходе прошедшей конференции Эр-Рияд-2, в котором, в частности, содержалось требование об уходе Башара Асада с поста президента Сирии до начала переходного периода. На переговорах должны были обсудить новую конституцию Сирии и выборы в республике. Но вторая половина раунда прошла без участия правительственной делегации, которая покинула Женеву 2 декабря. Спецпосланник ООН по Сирии Стаффан де Мистура назвал прошедшие переговоры «упущенной возможностью».

Итоги женевского процесса, а также подготовку к встрече в Астане министр иностранных дел России С. Лавров обсудил 14 декабря 2017 г. с генеральным секретарем ООН А. Гутеррешем по телефону, а со спецпосланником Генсекретаря ООН по Сирии Стаффаном де Мистурой – при личной встрече. Вообще интенсивность регулярных встреч Стаффана де Мистуры с российским дипломатическим корпусом свидетельствует о той важной роли, которую играет Россия в астанинском процессе. Спецпосланник по Сирии собирался принять участие в восьмом раунде переговоров в Астане, но перед этим посетил Москву, где встретился с министром иностранных дел Российской Федерации С. Лавровым и министром обороны Российской Федерации С. К. Шойгу. По словам С. Лаврова – «это было весьма полезно для того, чтобы “сверить часы” по целому ряду процессов, которые были нача-

ты в последнее время и которые мы хотим синхронизировать, обеспечив их вклад в успех женеvского процесса в соответствии с резолюцией 2254 под эгидой ООН»⁵.

21–22 декабря 2017 г. в Астане прошла восьмая международная встреча по Сирии, по итогам которой было принято совместное заявление России, Ирана и Турции, а также еще два важных документа – о гуманитарном разминировании в Сирии и об освобождении задержанных/заложников. Страны-гаранты соблюдения режима прекращения боевых действий подтвердили твердую и неизменную приверженность суверенитету, независимости, единству и территориальной целостности Сирийской Арабской Республики; выразили удовлетворение ходом реализации Меморандума о создании зон деэскалации в Сирийской Арабской Республике от 4 мая 2017 г.; подтвердили решимость продолжить сотрудничество в интересах полной и окончательной ликвидации ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная на территории России), «Джабхат Ан-Нусры» и других террористических организаций; отметили необходимость энергичных и незамедлительных международных шагов по восстановлению единства Сирии и достижения политического урегулирования кризиса в соответствии с положениями резолюции 2254 через инклюзивный, свободный, справедливый и прозрачный, вedomый и осуществляемый самими сирийцами процесс, направленный на принятие конституции, пользующийся поддержкой сирийского народа, и на проведение свободных и справедливых выборов с участием всех имеющих на это право сирийцев под соответствующим надзором ООН⁶.

Особое внимание в ходе работы форума в Астане уделили вопросу подготовки Конгресса сирийского национального диалога, проведение которого было запланировано на 29–30 января 2018 г. в Сочи. Предстоящий Конгресс стороны рассматривали как инициативу, направленную на придание импульса переговорному процессу под эгидой ООН в Женеве и способствующую достижению межсирийских договоренностей на основе взаимного согласия.

25–26 января 2018 г. в Вене состоялся девятый раунд межсирийских консультаций с участием представителей правительства Сирийской Арабской Республики и оппозиционного Сирийского комитета по переговорам при посредничестве спецпосланника Генсекретаря ООН по Сирии Стаффана де Мистуры, в ходе которого продолжилось обсуждение политического урегулирования сирийского кризиса в соответствии с резолюцией СБ ООН 2254 и на основе договоренностей, достигнутых в рамках межсирийского переговорного процесса. Особый акцент был сделан на проблематике конституционной реформы, а также подготовке к предстоящему Конгрессу сирийского национального диалога в

Сочи. В рамках венской встречи между российской стороной и представителями ООН было достигнуто взаимопонимание по ряду вопросов. В Москве отметили высокую значимость заявления Стаффана де Мистуры, сделанного по итогам венского раунда, а также приветствовали решение Генсекретаря ООН А. Гутерреша направить спецпосланника по Сирии в Сочи для участия в работе Конгресса⁷.

Конгресс сирийского национального диалога прошел в Сочи 30–31 января 2018 г. с участием специального посланника ООН по Сирии Стаффана де Мистуры. Инициаторы Конгресса – три страны-гаранта – Россия, Иран и Турция. На Конгресс были приглашены представители всех стран-постоянных членов СБ ООН, ряда региональных и международных партнеров России.

Проведению Конгресса предшествовала огромная работа дипломатического корпуса Российской Федерации. Приведем только несколько встреч, посвященных подготовке данного мероприятия.

10 января в Москве состоялась встреча Министра иностранных дел России С. В. Лаврова с министром иностранных дел ИРИ М. Д. Зарифом.

16–17 января состоялись телефонные разговоры министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова с министром иностранных дел Исламской Республики Иран М. Д. Зарифом и с министром иностранных дел Турецкой Республики М. Чавушоглу. В числе актуальных вопросов министры обсудили ход подготовки конгресса сирийского национального диалога.

16 января специальный представитель президента РФ по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель министра иностранных дел России М. Л. Богданов принял делегацию сирийского оппозиционного «Движения за национальное обновление» во главе с его председателем Обейдой Наххасом. В ходе беседы состоялся обстоятельный обмен мнениями о развитии ситуации в Сирии и подготовке к Конгрессу.

17 января министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров встретился с главами дипломатических миссий арабских государств и представителем Лиги арабских государств в Москве для того, чтобы обсудить ситуацию на Ближнем Востоке и в том числе сирийское урегулирование и инициативу проведения Конгресса.

В этот же день специальный представитель президента РФ по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель министра иностранных дел России М. Л. Богданов принял делегацию Сирийской социально-национальной партии (ССНП) во главе с руководителем внешнеполитического бюро ССНП Х. Сакром. Предметом разговора стало сирийское урегулирование и подготовка к проведению в Сочи Конгресса сирийского национального диалога.

19 января в Москве состоялся очередной раунд российско-иранских межмидовских консультаций по проблематике Ближнего Востока с участием специального представителя президента РФ по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителя министра иностранных дел России М. Л. Богданова и старшего помощника министра иностранных дел Исламской Республики Иран по особо важным вопросам Х. Джабери-Ансари. Одним из главных вопросов стало сирийское урегулирование и подготовка Конгресса сирийского национального диалога. В тот же день и с той же самой повесткой М. Л. Богданов принял представителя руководства сирийского оппозиционного Фронта за перемены и освобождение, руководителя «Московской платформы» сирийской оппозиции Кадри Джамиля.

22 января министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров принимал в Москве делегацию «Комиссии по переговорам» сирийской оппозиции во главе с Н. Аль-Харири. В ходе беседы состоялось развернутое обсуждение развития ситуации в Сирии и была обозначена необходимость скорейшего перехода к практическим шагам по политическому урегулированию сирийского кризиса.

В этот же день состоялась встреча специального представителя президента РФ по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителя министра иностранных дел России М. Л. Богданова и посла Сирийской Арабской Республики в Москве Рияда Хаддада, в ходе которой состоялось обсуждение ситуации в Сирии, вопросов политического урегулирования сирийского кризиса и подготовки к проведению в Сочи Конгресса.

Таким образом, в процесс подготовки Конгресса были вовлечены дипломатические ведомства Сирии, стран-гарантов, а также широкий круг сирийских оппозиционных групп.

Основная тема сочинского Конгресса – конституционная реформа в Сирии. Генеральный секретарь ООН высоко оценил прошедший Конгресс и заявил, что «мы находимся на важном этапе мирного процесса». По словам Антониу Гутерриша, присутствие ООН в Сочи базировалось на «достигнутом понимании между ООН и Российской Федерацией относительно характера и результатов этой встречи и ее вклада в Женевский процесс. ... Я хочу с удовлетворением отметить взаимодействие с ООН министра иностранных дел С. Лаврова и Российской Федерации в целом. Конгресс завершился заявлением, которое полностью соответствует нашему общему пониманию», – подчеркнул А. Гутерриш⁸.

В сочинском заключительном заявлении подтверждены:

– суверенитет, независимость, территориальная целостность и единство Сирийской Арабской Республики / Государства Сирия;

– необходимость определения будущего Сирии сирийским народом через демократические

выборы, без внешнего давления или вмешательства в соответствии международными правами и обязанностями Сирии;

– стремление построить Сирию как демократическое и нефракционное государство, основанное на принципах политического плюрализма и равного гражданства, независимо от религиозной, этнической и гендерной принадлежности, полном уважении и защите верховенства закона, разделении властей, независимости судебной системы, полном равенстве всех граждан, культурном многообразии сирийского общества;

– активная борьба с терроризмом, фанатизмом, экстремизмом, межконфессиональной рознью во всех их проявлениях⁹.

В документе также было зафиксировано, что Конституционная комиссия Сирии будет сформирована под эгидой ООН и в соответствии с резолюцией 2254. Комитет должен включить представителей правительства и оппозиции, участвующих в межсирийских переговорах в Женеве, сирийских экспертов, представителей гражданского общества, этнических и религиозных общин, независимых деятелей, местных лидеров и женщин. Окончательное решение о мандате, порядке работы, полномочиях, правилах процедуры и критериях отбора членов Конституционной комиссии будет принято в рамках женевского процесса.

Сочинский форум стал беспрецедентным по охвату представителей различных слоев сирийского общества (не стал он стопроцентно инклюзивным в силу отсутствия группы Н. Аль-Харири и части оппозиции из стамбульской группы). Данная встреча способствовала развитию всеохватывающего межсирийского диалога на основе резолюции 2254 СБ ООН. Российская сторона выразила уверенность, что результаты Конгресса помогут специальному посланнику Генерального секретаря ООН по Сирии Стаффана де Мистуре активизировать работу женевского процесса по проведению конституционной реформы с представителями сирийского правительства и широким спектром оппозиции.

Заключительное заявление прошедшего 30 января в Сочи Конгресса сирийского национального диалога было распространено в качестве официального документа Совета Безопасности ООН.

Заключение

Сирийский конфликт продолжается семь лет. После победы над ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная на территории России), достигнутой при решающей роли ВКС России, сложились предпосылки для решительного продвижения по пути прекращения внутреннего конфликта и политического урегулирования кризиса, который расколол сирийское общество.

Российская Федерация с самого начала принимала активное участие в переговорном про-

цессе по Сирии под эгидой ООН. Однако после проведения военной операции Москва стала одним из главных медиаторов урегулирования конфликта. Именно благодаря российскому активному участию удалось сделать качественный прорыв в рамках астанинской переговорной площадки. В Астане за столом переговоров встретились как представители правительства Сирийской Арабской Республики, так и вооруженной оппозиции, которые до этого не были представлены в женеvских дискуссиях. Благодаря такому прямому диалогу в Сирии удалось создать «зоны деэскалации», которые в значительной степени снизили уровень насилия в сирийском конфликте.

Одним из наиболее значимых событий в рамках политического урегулирования сирийского кризиса стал проведенный в Сочи Конгресс сирийского национального диалога. Цель данной встречи намного шире и сложнее, чем содержание астанинского процесса, и тем более женеvских переговоров, в которых принимают участие только внешние оппозиционеры. Здесь Россия «собрала под одной крышей» представителей официальной сирийской стороны: парламентариев, членов правящей партии, независимых делегатов, а также представителей внутренней и внешней оппозиции, племён, которые играют очень важную роль в общественной жизни Сирии. По мнению министра иностранных дел РФ С. Лаврова данный Конгресс позволит перевести выполнение резолюции 2254 в практическую плоскость, а также будет способствовать достижению общественного согласия и консенсуса по вопросу будущего сирийского государства. На Конгрессе одобрено итоговое заявление с основными принципами будущего государственного устройства Сирии и инициативой создания Конституционного комитета.

Россия верна своему стремлению вовлечь в переговорный процесс все стороны конфликта в отличие от США, которые инициировали подписание «бумаги пяти» без приглашения ключевых игроков, задействованных в сирийском урегулировании, таких как Россия, Иран и Турция, не говоря уже сирийских представителей. Анализируя речь Госсекретаря США Р. Тиллерсона в Стэнфордском университете 17 января 2018 г., становится ясно, что американское правительство по-прежнему ориентируется на устранение от власти законно избранного Президента Сирии Б. Асада и бессрочное американское военное присутствие на территории суверенной Сирии. А дальнейшие действия США по созданию неких «сил безопасности границы» в северной Сирии, населенной по преимуществу курдами, и поставки вооружения Сирийским демократическим силам, опирающимся на курдское ополчение, можно расценить как курс на расчленение этой страны и создание альтернативных органов власти на значительной части сирийской тер-

ритории. Кроме того, США всеми доступными средствами стремятся подрывать усилия России по мирному урегулированию в Сирии.

Так, накануне проведения Конгресса сирийского национального диалога 22 января 2018 г. США возложили на Москву и Дамаск ответственность за химическую атаку в сирийской Восточной Гуте, сам факт которой не был подтвержден. При этом по инициативе американской стороны 20 и 24 января состоялись телефонные разговоры министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова и Государственного секретаря США Р. Тиллерсона. Обсуждался широкий круг вопросов совместной повестки дня, в том числе и сирийский кризис. Стороны договорились находиться в плотном контакте по сирийскому урегулированию. С. В. Лавров вновь акцентировал внимание собеседника на том, что только сами сирийцы вправе определить будущее своей страны¹⁰.

Серьезная вовлеченность России в дела Сирии, ликвидация основных террористических группировок в этой стране, формирование предпосылок для политического урегулирования конфликта и проведение сирийского национального диалога с участием широкого круга представителей народа Сирии вошли в число основных внешнеполитических итогов РФ 2017 г.¹¹

Однако конечная цель России в рамках сирийского урегулирования – суверенитет и территориальная целостность Сирии, конституционная реформа и проведение на этой основе свободных выборов под надзором ООН, как это и предусмотрено резолюцией 2254, требуют дальнейших серьезных усилий как в военном отношении для стабилизации ситуации, так и на дипломатическом уровне. В рамках астанинского процесса на повестке – создание новой зоны деэскалации и перевод в практическую плоскость решений КСНД, прежде всего, о формировании Конституционного комитета и начале работы над Конституционной реформой.

Реализация данной цели также требует выработки общего подхода между Россией и Соединенными Штатами к вопросам противодействия отдельным террористическим группам, прежде всего, сосредоточенной в Восточном Идлибе «Джабхат ан-Нусры», которая регулярно дестабилизирует ситуацию. Россия и Иран всегда говорили, что если мы хотим достичь мира в Сирии, США и Саудовская Аравия не должны поддерживать террористические группы.

Кроме того, есть определенные противоречия и среди стран-гарантов Сирии, в частности Турецкая Республика в рамках сирийского конфликта пытается решить курдскую проблему. Генштаб ВС Турции 20 января 2018 г. объявил о начале операции «Оливковая ветвь» против формирований курдов в сирийском Африне. Одновременно с Турцией действуют боевики «Сирийской свободной армии». Дамаск решительно

осудил действия Турции в Африне, отметив, что он является неотъемлемой частью Сирии. Москва в связи с ситуацией в Африне призвала все стороны к сдержанности и уважению территориальной целостности Сирии. Президент России Владимир Путин провел телефонные переговоры со своим турецким коллегой Реджепом Эрдоганом. В ходе беседы лидеры обсудили ситуацию в сирийских Африне и Идлибе. Однако ситуация требует дальнейшего анализа и выработки общего решения.

Российская Федерация утвердила за собой статус ключевого регионального игрока на Ближнем Востоке, благодаря ее военно-политическому присутствию и политической поддержке сирийского руководства удалось избежать военной кампании против Сирии и перейти к политическому урегулированию кризиса. При этом любой успех в столь нестабильной обстановке с большим количеством игроков является неустойчивым и требует дальнейших серьезных согласований.

Примечания

- 1 Основные российские подходы к актуальным вопросам текущей повестки дня ООН. URL: <http://www.mid.ru/gossia-i-oon> (дата обращения: 15.01.2018).
- 2 Там же.
- 3 Кратчайший раунд переговоров по Сирии в Женеве может дать долгосрочный итог. URL: <https://ria.ru/syria/20170519/1494703348.html> (дата обращения: 15.01.2018).
- 4 Совместное заявление Президентов Ирана, России и Турции, 22 ноября 2017 года. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5256> (дата обращения: 15.01.2018).
- 5 Выступление и ответ на вопрос СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров со спецпосланником Генерального секретаря ООН по Сирии С. де Мистурой, Москва, 21 декабря 2017 года. URL: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3000048 (дата обращения: 15.01.2018).
- 6 Совместное заявление Ирана, России и Турции по итогам Международной встречи по Сирии в Астане, 21–22 декабря 2017 года. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3001212 (дата обращения: 15.01.2018).
- 7 О девятом раунде межсирийских консультаций в Вене. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOwMERcf/content/id/3039585 (дата обращения: 03.02.2018).
- 8 Генсек ООН: продвижение сирийского политического процесса должно сопровождаться улучшением ситуации в самой Сирии. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=29284#.WnXHtSLSt8> (дата обращения: 03.02.2018).
- 9 Заключительное заявление Конгресса сирийского национального диалога, Сочи, 30 января 2018 года. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOwMERcf/content/id/3046246 (дата обращения: 03.02.2018).
- 10 О телефонном разговоре Министра иностранных дел России С. В. Лаврова с Госсекретарем США Р. Тиллерсоном. URL: http://www.mid.ru/web/guest/telefonnyerazgovory-ministra/-/asset_publisher/KLX3tiYzsCLY/content/id/3033597 (дата обращения: 03.02.2018).
- 11 Основные внешнеполитические итоги 2017 года. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3034243 (дата обращения: 03.02.2018).

Образец для цитирования:

Вахшитель А. Н. Роль России в урегулировании сирийского конфликта // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 514–522. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-514-522>

Cite this article as:

Vakhshiteh A. N. Role of Russia in the Syria's Negotiation Process. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 514–522 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-514-522>

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 904(470,44–25)|12/14 |

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ УКЕК И УВЕКСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Н. М. Малов

Малов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, malovnm@mail.ru

Статья посвящена золотоордынскому городу Укеку и археологическим объектам Увекского городища. Укек, основанный монголами, был одноименным административно-политическим, экономическим, торговым и культурным улусным центром. Городище находится на берегу Волги в поселке Увек г. Саратова.

Ключевые слова: Укек, Увек, городище, Золотая Орда, археологические объекты, природная среда, археологический мониторинг, Саратов.

The Golden Horde City of Ukek and the Uvek Settlement Site

N. M. Malov

Nikolay M. Malov, <https://orcid.org/0000-0002-0397-923X>, Saratov State University, 83, Astrakhan-skaya Str., Saratov, 410012, Russia, malovnm@mail.ru

The paper deals with the Golden Horde city of Ukek and the archaeological objects in the Uvek settlement site. Ukek was founded by the Mongols and used to be an ulus administrative-political, economic, trading and cultural center. The settlement site lies on the bank of the Volga – in the township of Uvek within Saratov.

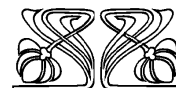
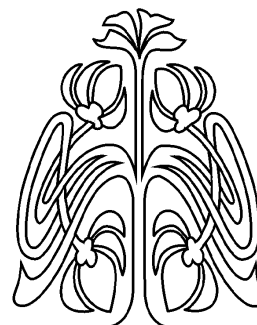
Key words: Ukek, Uvek, settlement site, Golden Horde, archaeological objects, natural environment, archaeological monitoring, Saratov.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-523-527>

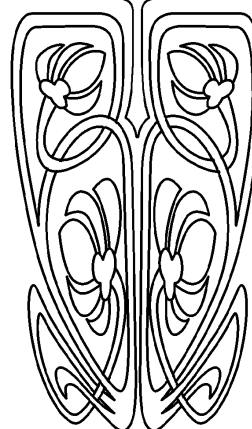
Информация о золотоордынском городе Укеке, основанном монголами, встречается в средневековых источниках XIII–XIV вв. Х. М. Френ аргументированно доказал, что остатки этого города находятся на берегу Волги около Саратова¹. Впервые как город «Укака» он упомянут в 1262 г., когда его посетили Николо и Маффео Поло – отец и дядя Марко Поло². Однако Укек был заложен раньше – около 1253 г. Основанием для этого служит сообщение Гильома де Рубрука о новом безымянном поселке, «*которые татары устроили попережку из русских и сарацин, перевозящих послов*»³. Версия о том, что этот поселок мог быть предшественником Бельджамена («Водянское городище»), недостаточно аргументирована. К тому же Укек, денежное обращение в котором сложилось еще в XIII в., возник ранее Бельджамена⁴.

Укек являлся одноименным административно-политическим, экономическим, торговым и культурным улусным центром. Укекские монеты датируются с 1273 г. по 1386 г.⁵ Наиболее активная экономическая жизнь протекала здесь около одного столетия – с 1270 по 1370-е гг., условная численность населения составляла 9–10 тысяч человек⁶. Этноконфессиональный состав Укека, как и большинства других золотоордынских городов, был неоднородным. Тюркское население Золотой Орды и Укека разговаривало на кипчакском наречии.

Укек – город средней величины⁷. В XIX – начале XX в. городище находилось в 10–12 км от Саратова на месте небольшой деревушки,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

превратившейся в крупный поселок Набережный Увек⁸. Нижняя увекская терраса могла занимать около 2 квадратных верст⁹. В 1919 г. остатки городища фиксировались вниз по течению от места впадения р. Увековки на протяжении более 2 верст¹⁰. Сейчас сохранившаяся площадь Увекского городища превышает 205 га, но в период существования Увека она была гораздо больше, поскольку значительная его часть разрушена¹¹.

На городище зафиксированы остатки домов, водопровода, горнов для обжига керамики, выявлены погребальные памятники¹². А. А. Кротков наметил в нем четыре района: «Первый находящийся в низине, приходится на линии Каланча-Вокзал. Здесь встречаются русские древности и исключительно остатки деревянных построек. Второй находится в промежутке между Каланчей и Мамаевым бугром, ближе к последнему и севернее его – это торговый район. Вслед за ним к берегу Волги проходит третий район – промышленный. На юг от Каланчи видны остатки золото-ордынского кладбища»¹³.

В 1891 и 1895 гг. была раскопана общественная баня площадью не менее 228 кв. м, состоящая из предбанника с угловыми мьельнями и топочной частью (тип III по Э. Д. Зиливинской)¹⁴. В Саратовском музее краеведения хранится крупная могильная плита с надписью. Она до сих пор не изучена и не опубликована специалистами. Плита поступила с Увека от администрации склада товарищества «Братья Нобель». Судя по надписи, она могла относиться к 1267 г.¹⁵ Плиту обнаружили при срытии горы под керосиновые резервуары. Она происходит с разрушенного кладбища, в одном из склепов которого при скелете со следами шелкового одеяния рабочие нашли сверток из трех листов очень крепкой бумаги (возможно, пергамент?). Находчики разорвали бумагу и выбросили. В 1913 г. П. Н. Шишкин исследовал на Увек богатый мавзолеей второй половины XIV в., относящийся к типу ПГ4б (2 портала) с порталным пештаком¹⁶.

В конце XIX в. с экспонатами Увекского городища познакомились специалисты из Венгрии (Национальный музей, Будапешт), Франции и Швеции. В связи с раскопками на Увек 23 сентября 1895 г. музей Саратовской ученой архивной комиссии посетил Барон де Бай – руководитель французской археологической миссии в России. Хранитель Археологического музея в Стокгольме доктор Т. И. Арне оставил 20 сентября 1913 г. запись на французском языке в книге посетителей следующего содержания: «После Казани музей архивной комиссии в Саратове является крупнейшим музеем восточной России по древним цивилизациям, и я был очень приятно удивлен, увидев здесь столько интересной бронзы, а также очень красивую коллекцию поселения Увека. Систематические раскопки будут, безусловно, обогащать музей. Очень интересным

оказалось обнаружить здесь следы хазарской культуры»¹⁷. Посещение музея СУАК Т. И. Арне было связано с раскопками, осуществленными им в 1913 г. на «Шареном бугре» недалеко от Астрахани. В октябре 1913 г. «Товарищество Нефтяного производства Братья Нобель» переслало в Музей археологии и этнографии вещи, найденные Т. И. Арне во время его раскопок данного памятника¹⁸.

Гибель Увека, как и других золотоордынских городов Нижнего Поволжья, связывают с походом Тамерлана в 1395 г. Это подтверждается комплексом письменных, археологических и нумизматических артефактов. Основным документом для этого служит рассказ о выступлении Тамерлана (Тимура) в набег вслед за Токтамышем из сочинения «Книга побед». Здесь сказано: «Царевич Джучиева рода, согласно приказанию, перешел на ту сторону реки и занялся собиранием рассеянной армии и устройством улуса, а войска подобные судьбе, поспешив по пятам неприятелей, дошли до Увека и многих из них убили. В этот день несчастным, с одной стороны; угрожали удары губителя-меча, а с другой – волны-кровопийцы Итиля. Большую часть их взяли в плен, а немногие из них бросились на плоты в воду и переправились на ту сторону Итиля»¹⁹. После полного разгрома золотоордынского войска, превращения городов в пепел и победоносного завоевания Дешт-и-Кипчак, в том числе и области-земли Увек, Тимур в начале весны года мыши благополучно выступил из своего зимовья²⁰.

Ф. В. Баллод допускал, что Увек мог существовать и после его разрушения войсками Тимура, поскольку на памятнике встречены монеты XV–XVI вв.²¹ Вряд ли Увек функционировал как город после нашествия Тамерлана и распада Улуса Джучи. Тем более, что с XVI в. источники и «Книга Большому чертежу» уже не упоминают его как существующий город. От него остались только развалины в виде городища. К тому же монеты могли попасть на городище позже, вместе с крымцами, ногайцами и рыбаками.

В 1521 г. значительное количество русских рыбаков промышляло на будущей территории Саратовского Поволжья от Девичьих и Змеёвых гор до места расположения разрушенного Увека, на котором позднее, в 1558 г., отмечено их столкновение с крымцами²². Не исключено, что небольшое сезонное селение русских рыбаков продолжало существовать около развалин Увека вплоть до основания Московским государством города-крепости Саратов. В некоторых сочинениях, среди которых издание Стэндфордского университета, с Увеком пытались отождествлять Сары-Тау, обозначая их расположение на картах Казанского ханства в одном и том же месте²³. В основе этих «заблуждений» лежит использование крайне тенденциозного и позднего исторического сочинения конца XVIII – начала XIX в.,

так называемой «Булгарской истории» Хисамутдина Булгари-Муслими. Культурный слой с артефактами, относящимися ко времени существования Казанского ханства, не зафиксированы на Увекском городище. В этой связи напомним, что С. Г. Саблуков справедливо отмечал: «Достоверно только, что нет ничего, что могло бы относиться к 16–18 столетиям»²⁴. Поэтому уже не существующий Укек не мог послужить тем центром, где 200 лет спустя был заложен новый город Саратов. С падением Казанского и Астраханского ханств началась колонизация данной территории молодым Российским государством, в ходе которой на восточных и южных его границах возводились новые города-крепости. Среди них был и Саратов, внесенный в список исторических городов и населенных мест нашего государства, как город, основанный в 1590 г.

Монголы не случайно выбрали место для строительства Укека. Этот участок берега Волги издревле был удобен и выгоден для осуществления переправы. Начиная с бронзового века места переправ, находившихся около песчаных отмелей, перекатов и бродов, контролировались 2–3 поселениями, расположенными на противоположных берегах, но тесно связанными между собой²⁵. Такие песчаные косы и отмели существовали на Волге в районе слободы Покровской и Саратова. Например, в 1869 г. ниже Саратова между правым берегом и Ильинским островом образовался перекат, через который не могли проходить суда²⁶.

Поэтому волжское побережье привлекало сюда носителей различных археологических культур, древних скотоводов и средневековых кочевников. На месте будущего Укека известны археологические памятники и находки артефактов домонгольского периода. Например, от С. А. Щеглова в музей СУАК поступил медный топор эпохи средней бронзы, найденный в 1894 г.²⁷ Кроме того, здесь обнаружены каменное навершие булавы и каменный топор-молот эпохи бронзы²⁸. О существовании здесь более древних поселений свидетельствуют материалы селища срубной культуры эпохи поздней бронзы «Правобережный I». Оно расположено в 3 км юго-западнее поселка Увек, ниже по течению Волги от станции «Правобережный» и в 2 км южнее ж/д моста через Волгу²⁹. Селище приурочено к современной нижней террасе, затопляемой Волгой. В поселке Увек обнаружены монеты домонгольской эпохи. По данным Б. В. Зайковского, здесь найдено 7 монет, среди которых: серебряная – парфянская; серебряная – Александра Великого; медная – Афинская II века; медная – Византийского императора Цимисхия; три серебряных западноевропейских (Фризия, Генриха IV и Саксонского герцогства IX в.)³⁰.

Физико-географические и природно-климатические условия существования золотоордынских поселений на побережье Нижней Волги не

были одинаковыми. При этом Укек, в отличие от более южных золотоордынских городов Нижнего Поволжья, располагался на границе степи и лесостепи. Около этой географической границы проходит Большая климатическая ось Евразии³¹. Г. С. Саблуков, основываясь на сообщении Абульфеда об Укеке как пограничном городе царя татарского, отметил его особое положение на пограничье, отделявшем собственно ордынцев от мордвы, половцев и русских³². Климатические условия того времени изменялись и отличались от современных³³. По данным палеоклиматологии на время существования Золотой Орды приходится похолодание, или так называемая «малая ледниковая эпоха». Ибн-Баттута, посетивший Укак 14 июня 1334 г., также отметил похолодание в виде «сильной стужи»³⁴. Тогда среднегодовые, июльские и январские температуры были ниже на 2,5°, а количество атмосферных осадков большим³⁵. Кроме того, в связи с позднедербентской трансгрессией Каспия произошло существенное повышение его уровня. На время «Великой зямтни» приходится отступление лесов на север. Это может быть индикатором гипотезы социально-экономического кризиса в степях Евразии во второй половине XIV–XV вв.³⁶

Многие исследователи XIX в. отмечали, что в районе городища, расположенного на огромном оползневом косогоре берега Волги, почва оседает и разрушается, особенно со стороны реки. Нижняя терраса Увекской горы и Набережного Увека представляла собой крайне неровную поверхность из ям и куч. Смещение земляных масс здесь протекает под влиянием нескольких факторов³⁷. Уточнить и детализировать эти процессы применительно к культурному слою и объектам городища позволят комплексные геархеологические исследования. Об Увекском оползне впервые сообщает англичанин Х. Бэрроу: «Город этот вместе с частью замка был поглощен землей по божьему правосудию за беззаконие обитавших в нем людей»³⁸. Вероятно, с этого времени распространяется мифологизированная фольклорная традиция, связывающая гибель золотоордынского Увека с христианским вариантом объяснения геологической природной катастрофы.

На сохранности Увекского городища негативно сказались естественные и антропогенные воздействия внешней среды, поэтому многие объекты безвозвратно утрачены или заняты современным посёлком. Нижняя часть Увекской террасы постоянно подмывалась Волгой. Из-за этого в 1880-е гг. на расстоянии 250 м от её берега образовался остров, а около ледорезов проследивался каменный фундамент и часть кирпичной стены³⁹. В итоге к концу XIX в. значительная часть археологического памятника фактически была смыта рекой. К тому же, очевидно, местное население не только издавна торговало археологическими предметами и продавало монеты

ювелирам, но также разрушало объекты городища. Например, писатель Вс. Крестовский увез с Увека две корзины различных вещей⁴⁰. Особенно существенно городище пострадало при строительстве железной дороги. Ф. Ф. Духовников, которому Императорская археологическая комиссия поручила покупать вещи, находящиеся на Уевке при проведении железнодорожного полотна, отправил в Петербург 26 пудов находок.

В начале XX в. Увекское городище было застроено почти полностью: «рельсовые пути, насыпи, дамбы, железнодорожные и частные постройки занимают все площадь древнего города; его кладбища погребены под нефтяными резервуарами»⁴¹. Кроме того, 10 000 возов золотоордынского кирпича увезли для устройства мостовых в Саратове. По мнению П. С. Рыкова, непосредственно городская часть Увека, постепенно осыпаясь, исчезла под водой, а то, что называлось Уевком, представляло собой некрополь, часть окраинных построек и остатки мастерских⁴². Поселку Увек необходимы постоянный археологический надзор со стороны государственных органов, охрана историко-культурного наследия. Механизм взаимодействия застройщика, исполнителя работ и уполномоченного органа охраны обозначены Министерством культуры Российской Федерации (Письмо № 236-01.1-39-ОР от 03.08.2017 г.). Проведение регулярного археологического мониторинга теснейшим образом связано с Земельным кадастром. Базовыми компонентами мониторинга за состоянием историко-культурного наследия Увекского городища являются инвентаризация археологических объектов и их картирование с использованием современных картографических систем и ГИС-технологий.

Примечания

- 1 См.: Языков Д. О бывшем монгольском городе Увек, в южной стороне от Саратова (Перевод из сочинения академика Френа) // Труды Императорской Российской академии. Ч. III. СПб., 1840. С. 100–125; Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 13–14.
- 2 См.: Книга Марко Поло / пер. И. П. Минаева. М., 1955. Гл. III. С. 45.
- 3 См.: Саблуков Г. С. Остатки древностей в с. Усть-Набережный Увек, Саратовской губернии и уезда. Археологический очерк (составленный в 1846-м году) // Изв. о-ва археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете : в 32 т. Т. 3. Казань, 1884. С. 298–322; Баллод Ф. В. Приволжские «Помпеи». М.; Пг., 1923. С. 70.
- 4 См.: Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Увек и его округа. М., 2000. С. 12–13.
- 5 См.: Гераклитов А. А. Увек. Ставрополь, 1910. С. 4.
- 6 См.: Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город... С. 3–5, 171. Рис. 1.
- 7 См.: Ибн-Баттута. О моем путешествии в Константинополь // Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды : в 1 т. Т. 1. СПб., 1884. С. 302–303.
- 8 См.: Гераклитов А. А. Увек. С. 1; Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. Вклейка 3, рис. 1.
- 9 См.: Минх А. Н. Набережный Увек // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Том первый. Отд. 1. Саратов, 1881. С. 223.
- 10 См. Баллод Ф. В. Указ. соч. С. 73.
- 11 См.: Недашковский Л. Ф. Увек и его округа // История татар с древнейших времен : в 7 т. Т. 3. Казань, 2009. С. 210–215.
- 12 См.: Малов Н. М. Археологические объекты и историческая топография золотоордынского города Увек // Золотоордынскому городу Увеку семь с половиной столетий. Саратов, 2003. С. 27–42.
- 13 Рыков П. С. Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю. Саратов, 1928. С. 80.
- 14 См.: Зиливинская Э. Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань, 2011. С. 80.
- 15 См.: Гераклитов А. А. Увек... С. 4.
- 16 См.: Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культовое зодчество. Казань, 2014. С. 154–155, 166. Табл. 3, № 19.
- 17 Малов Н. М. Из истории Саратовского областного музея краеведения : памятная книга посещения музея и библиотеки Саратовской ученой архивной комиссии (1895–1918 гг.) // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона : история и современность. Саратов, 2003. С. 56.
- 18 См.: Соболева Е. С. В поисках варяжской Руси : о некоторых эпизодах российско-шведского музейного сотрудничества в начале XX века // Тезисы конференции к 1150-летию зарождения Российской государственности. СПб., 2012. С. 1.
- 19 Золотая Орда в источниках : в 3 т. Т. 1, ч. II. Извлечения из сочинений персидских / сост., ввводн. ст. и коммент. Р. П. Храпачевского. М., 2003. С. 357.
- 20 Там же. С. 362.
- 21 См.: Малов Н. М. Археологические объекты... С. 39.
- 22 См.: О печали великого князя московского о христианах, в Казани погибших, и радости его о Шигалееве животе // Казанская история. М.; Л., 1954. С. 345; О присылке от воеводы из Свяиги // ПСРЛ : в 43 т. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. Дополнение к Никоновской летописи. СПб., 1965. С. 305.
- 23 См.: Малов Н. М. Археологические объекты... С. 28–29.
- 24 Саблуков Г. С. Указ. соч. С. 320.
- 25 См.: Малов Н. М. Саратовское Поволжье в древности // Энциклопедия Саратовского края... С. 236.
- 26 См.: Преображенский Фл. Волга в Саратовской губернии // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Том первый. Отдел 1. Саратов, 1881. С. 292.
- 27 См.: Шилов В. П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // Материалы и исследо-

- вания по археологии СССР. № 60. Древности Нижнего Поволжья : в 2 т. Т. I. М., 1959. С. 21–22. Рис. 7–5.
- ²⁸ См.: Моржерин К. Ю. Случайные находки на территории Саратовской области (из фондов СОМК, поступления 1980–1995 гг.) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2. № 9. С. 167–168.
- ²⁹ См.: Деревягин Ю. В. Юному туристу-археологу // Изучай родной край и берегай его богатства. Саратов, 1976. С. 130. № 43.
- ³⁰ См.: Зайковский Б. В. Из монетной летописи Нижневолжской области // Труды Нижневолжского ин-та краеведения. Вып. 35, ч. 1. Саратов, 1926. С. 43.
- ³¹ См.: Кульпин Э. С. Борьба за природные ресурсы в XI–XV вв. // Природа и самоорганизация общества. М., 2002. (Сер. Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. XXII). С. 119–130.
- ³² См.: Саблуков Г. С. Указ. соч. С. 313–314.
- ³³ См.: Блохин В. Г., Яворская Л. В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья : учеб. пособие. Волгоград, 2006. С. 28–31.
- ³⁴ См.: Ибн-Баттута. Указ. соч. С. 302–303.
- ³⁵ См.: Иванов И. И., Васильев И. Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995. С. 169–176 ; Рыськов Я. Г., Демкин В. А., Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене : Опыт реконструкции с использованием методов геохимии стабильных изотопов. РАН ; Институт почвоведения и фотосинтеза. Пушкино, 1997. 166 с.
- ³⁶ См.: Кульпин Э. С. Указ. соч. С. 126.
- ³⁷ См.: Гольнец Ф. Ф. К изучению оползневого побережья в районе ст. Увек // Нижне-Волжское областное науч. о-во краеведения. Вып. 35, ч. 4. Саратов, 1928. С. 1–29.
- ³⁸ Христофор Бэрроу. 1581–1581 // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С. 264–285.
- ³⁹ См.: Минх А. Н. Набережный Увек. С. 223 ; Баллод Ф. В. Указ. соч. С. 72.
- ⁴⁰ См.: Гераклитов А. А. Увек... С. 6.
- ⁴¹ Зайковский Б. В. К открытию в Саратовской губернии стоянок и городищ медного века. Саратов, 1913. С. 11.
- ⁴² См.: Рыков П. С. Очерки по истории Нижнего Поволжья. По археологическим материалам. Саратов, 1936. С. 126.

Образец для цитирования:

Малов Н. М. Золотоордынский Укек и Увекское городище // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 523–527. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-523-527>

Cite this article as:

Malov N. M. The Golden Horde City of Ukek and the Uvek Settlement Site. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 523–527 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-523-527>

УДК [94+355/359.08](470.44)1650–1674

РЫБОЛОВНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В ЛЕВОБЕРЕЖНОМ САРАТОВЕ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА

Я. Н. Рабинович

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левобережного Саратова в 1650–1674 г. Особое внимание уделено рыболовному промыслу, которым здесь занимались как местные жители, так и иногородние откупщики, а также Дворцовое ведомство и некоторые монастыри. Впервые представлен список откупщиков, в том числе саратовских служилых и посадских людей. Показано, какие новшества наблюдаются в данный период в рыболовном промысле и торговле в окрестностях города.

Ключевые слова: левобережный Саратов, А. А. Гоздаво-Голомбиевский, рыбные угодья, откупщики, Печатный приказ.

Fishing and Trade in Left-Bank Saratov in the Third Quarter of the XVII Century

Ya. N. Rabinovich

Yakov N. Rabinovich, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, RabinovichYN@yandex.ru

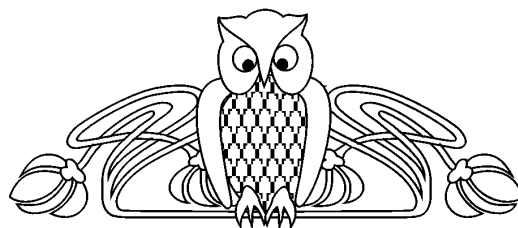
The article deals with the unknown pages of left-bank Saratov's history in 1650–1674. Special attention is paid to fishing and trade, which was the occupation not only for the locals, but also for the residents of other cities, palace and patriarch offices and some monasteries. For the first time the list of farmers, including Saratov hereditary servicemen and tradespeople is presented. New features of fishing and trade in the city suburbs in this period are considered.

Key words: left-bank Saratov, A. A. Gozdavo-Golombievsky, fishing areas, farmers, Print Prikaz.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-528-535>

Данная статья написана на основании источников (документов Печатного приказа), опубликованных в 1892 г. А. А. Гоздаво-Голомбиевским (8 января 1863 г. – 25 августа 1913 г.)¹. Несмотря на то что эти источники были введены Голомбиевским в научный оборот 125 лет назад, они еще недостаточно используются исследователями истории левобережного Саратова.

Вопрос о рыболовном промысле и торговле в левобережном Саратове, который находился около 60 лет (1616–1674) на северо-восточной окраине современного г. Энгельса, впервые был рассмотрен А. А. Гераклитовым в книге, посвященной истории Саратовского края XVI–XVIII вв.² Гераклитов, без сомнения, один из крупнейших исследователей истории края на-

чала XX в. Данный труд до настоящего времени так и остался непревзойденным, хотя с момента его публикации прошло около 100 лет. Эта книга отличается богатством фактического материала, глубокой разработкой конкретных сюжетов. Но нужно иметь в виду, что работа Гераклитова, на которую многие ссылаются как на монографию, по сути – конспект его лекций. Об этом ученый сам пишет во введении, чем он и объясняет отсутствие сносок. Из-за отсутствия справочного аппарата трудно выяснить, из какого источника автор взял ту или иную информацию. Хронология исследования даже несколько выходит за рамки, обозначенные в названии работы. Это относится к более раннему периоду. В первых главах книги приводится много ценной информации о событиях в Поволжье до XVI в. Историю Саратовского края XVIII в. Гераклитов завершает появлением немецких колонистов на Волге. Кроме того, в этой книге рассматриваются процессы, протекавшие в указанный период на огромной территории, включавшей современные Саратовскую, Волгоградскую, Пензенскую Самарскую, Ульяновскую и другие области. Не случайно многие исследователи из соседних областей вот уже почти сто лет пользуются данной книгой А. А. Гераклитова.

Через полвека после выхода этого труда в 1976 г. была написана книга (учебное пособие) другого саратовского ученого В. А. Осипова, посвященная Саратовскому краю конца XVI–XVII вв., автор которой взял более узкие, чем А. А. Гераклитов, хронологические рамки, что позволило ему больше внимания уделить именно левобережному Саратову. Сюжет, связанный с рыболовным промыслом и торговлей, в учебном пособии В. А. Осипова нашел отражение в специальной главе, которая так и называется «Рыболовный промысел и торговля: их значение в освоении и заселении края»³.

В. А. Осипов больше внимания уделил правобережному Саратову последней четверти XVII в., а не более раннему периоду. Источники, введенные в научный оборот А. А. Голомбиевским, автор использовал недостаточно. К слову сказать, фамилия А. А. Голомбиевского ни в тексте, ни в ссылках у В. А. Осипова не упоминается, имеется лишь несколько «глухих» ссылок на его критическую статью в «Библиографических записках»⁴.

Современный исследователь Э. Л. Дубман в своей монографии о промысловом предпринимательстве на Нижней и отчасти Средней Волге в

конце XVI – XVII вв. привел ряд ценных сведений о Саратове указанного периода и сделал ряд интересных выводов. В работе он широко использовал неопубликованные рукописи А. А. Гераклитова, хранящиеся в личном фонде ученого в архиве СПб ИИ РАН. Однако, на наш взгляд, источники, опубликованные А. А. Голомбиевским, Э. Л. Дубман использовал не в полном объеме, как и документы, напечатанные в Трудах СУАК⁵.

По-видимому, настало время разобрать вопрос о рыболовном промысле более подробно, используя источники, опубликованные А. А. Голомбиевским (около сотни документов Печатного приказа). Почти все эти источники посвящены Саратову третьей четверти XVII в.

Рыболовством в Саратове занимались не только посадские люди, но и служилые, которых было в несколько раз больше, чем посадских. Духовенство, получавшее ругу, также было заинтересовано в рыболовстве. В городе, где рыба составляла основную еду населения (хлеб привозной, мяса мало), число местных жителей, занятых рыболовством, было весьма значительным.

Правительство извлекало доход из рыбных ловель различными путями. Во-первых, это отдача ловель на оброк. Во-вторых, рыбные ловли предоставлялись ружникам вместо хлебного и денежного жалования (это также было выгодно правительству). В-третьих, правительство само эксплуатировало рыбные ловли. Эти казенные промыслы именовались дворцовыми, так как их добыча шла главным образом на нужды дворцового обихода. Ведение таких дел поручалось особым промышленникам, назначаемым из торгового сословия, которым передавались рыбные и насадные промыслы на Нижней Волге. Они выполняли другие поручения, например, осуществляли доставку хлебных запасов в Саратов, Царицын и Астрахань, строили «зимовые дворы», в которых хранились снасти и рыба, следили за состоянием и ремонтом таких дворов. Напротив саратовской крепости на правом берегу Волги в 1660-х гг. был построен рыбный городок, в котором сосредоточивалось управление дворцовым промыслом⁶. По-видимому, зоной ответственности чиновников такого рыбного городка были не только окрестности Саратова, но и все Нижнее Поволжье.

В течение всего XVII в. рыбные ловли – «Саратовские, Курдюмские, Чирлатовские», а также Иргизские урочища, угодья у Колтова острова, Гусельский затон, места «от Чардымского острова по Саратовский остров» от имени казны ежегодно – сдавались воеводами на оброк разным людям. Среди таких оброчных людей были и местные люди, и иногородние промышленники (их называли «верховых городов приезжие люди»).

С 1650-х гг. наибольшую активность в приобретении рыбных угодий в окрестностях Саратова среди иногородних предпринимателей проявляют промышленники из Кадашевской слободы в За-

москворечье, Гороховца, а также купцы гостиной и суконной сотни. Рыбные угодья в окрестностях Саратова также сдавались «откупщикам всяких чинов людям Саратовским», «саратовским жильцам», но в значительно меньших объемах.

Жители Саратова были не такими состоятельными людьми, как иногородние откупщики. Местные жители в первые десятилетия существования левобережного Саратова по размеру своего капитала не могли конкурировать с иногородними предпринимателями, хотя рыбным промыслом были заняты многие саратовцы. Горожане были не в силах заплатить годовой откуп в размере 40 руб., как это сделали в свое время откупщики из Нижнего Новгорода, арендовавшие сразу обширные угодья, ведь все имущество даже самых богатых людей, занятых рыбным промыслом, судя по Окладной росписи пятины 1634 г., оценивалось всего в 25 руб.⁷ Саратовские промышленники, занятые рыбной ловлей, с капиталом в 15–25 руб., которые отмечены в этой Окладной росписи, такие как Степан Трофимов, Оська Кривоносов, Митька Родионов, Мишка Кисельников и др., могли лишь переснимать небольшие участки у крупных иногородних арендаторов.

К середине XVII в. положение в рыбном промысле немного изменилось. Некоторые саратовцы, в том числе служилые люди, настолько разбогатели, что смогли сами арендовать рыбные ловли. Известен саратовский стрелец Богдан Мордвинов, арендовавший Иргизские рыбные воды до 1653 г. (потом, правда, эти рыбные воды пришлось передать Новоспасскому монастырю)⁸.

Сбор пошлин за добываемую и отправляемую в Москву рыбу и соль составлял один из важнейших источников доходов царской казны в Нижнем Поволжье. Правительство взыскивало пошлины в казну со всех рыбопромышленников и соледобытчиков. Пошлины не платили только монастыри, освобожденные от этой обязанности специальными грамотами.

Рассмотрим владения московских и других монастырей в окрестностях Саратова, о которых сохранилось больше всего сведений в источниках.

Еще в 1630-е гг. активность в приобретении рыбных угодий в районе Саратова стал проявлять Новоспасский монастырь. Право ловить рыбу в Иргизских водах, которое этот монастырь получил в 1630-х гг., было вновь подтверждено в апреле 1653 г.⁹

До этого одно время воевода Саратова стольник Алексей Пантелеевич Чириков сдавал Иргизские воды на оброк стрельцу Богдану Мордвинову, но в 1653 г. они были переданы Новоспасскому монастырю¹⁰. Этот московский монастырь, как и другие центральные монастыри (Троице-Сергиев, Чудов и др.), не строил в Саратове или возле него других монастырей. Получение каких-либо угодий в пожалование ограничивалось лишь хозяйственным предпринимательством, сезонной эксплуатацией водных богатств. Для ведения ры-

боловного дела этому монастырю нужны были постоянные жилые помещения, чтобы там могли находиться управляющие и другие монастырские люди. Для этого в 1652 г. монастырь обзавелся в Саратове четырьмя дворовыми местами, одно из которых принадлежало ранее ярославскому купцу Надее Светешникову. Горожане сами предоставили эти места Новоспаскому монастырю; саратовцы, посадские люди, заявили, «*что им те места не надобны*»¹¹.

Саратов стал для Новоспаского монастыря базой: здесь находились монастырские амбары, склады заготовленной рыбы и соли, обосновалась постоянная контора монастыря для управления Волжскими и Иргизскими рыбными ловлями. От имени монастыря сделки на оброк совершали специально посланные для этого старцы или служки. С 1660-х гг. монастырь сам занимался доставкой соли и рыбы из Саратова в Москву гужевым транспортом, но в основном этот вид транспорта стал широко использоваться монастырем уже после переноса Саратова на правый берег Волги.

По мнению В. А. Осипова, уже в середине XVII в. при патриархе Никоне начинает приобретать земельные владения и рыбные угодья в окрестностях Саратова Воскресенский монастырь. Этот монастырь был построен патриархом Никоном под Москвой на реке Истра – Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Старцы этой обители добились у царя пожалования огромного количества земли и волжских рыбных угодий у Змиевых гор, основав здесь в середине XVII в. (так считает В. А. Осипов) село Воскресенское. Первоначально это село составилось из переведенных крестьян других вотчин этого монастыря, а затем пополнилось разным беглым людом, холопами, крестьянами, которых монастырь охотно принимал для поселения на своих землях, записывая их за собою и объявляя в дальнейшем таких крестьян своей собственностью¹².

В. А. Осипов не ссылается на источник о времени начала занятия рыбным промыслом и о приобретении рыбных угодий в районе Змиевых гор старцами Воскресенского монастыря. Возможно, что это было не в середине XVII в., а несколько позже, в третьей или даже в четвертой четверти XVII в.

Рыбными ловлями в окрестностях Саратова в середине XVII в. владел Андреевский монастырь. В 1656 г. по челобитью наместника этого Андреевского монастыря «Варнавы с братьею» саратовскому воеводе В. В. Нелединскому поступило указание из Москвы: «*Велено всяких чинов жителям людям в их откупных водах про себя рыбу ловить*»¹³. Обратим внимание на слова «в их откупных водах». Их можно понимать двояко: либо благодетель Андреевский монастырь разрешает ловить рыбу в его откупных водах всем жителям для своего домашнего обихода, либо этот монастырь передает всем желающим на откуп свои воды в районе Саратова.

Богатства окрестностей Саратова интересовали и старцев Нижегородского Макарьевского Желтоводского монастыря. Игумен этого монастыря Исая и келарь старец Пахомий с братией подали челобитную с просьбой выделить им в Саратове место под амбар, куда могли бы складывать разные товары. Эта челобитная была удовлетворена, и воеводе Саратова (имя не указано, но мы знаем, что в это время воеводой Саратова был стольник Иван Иванович Косагов) в 1661 г. было дано соответствующее распоряжение¹⁴.

Саратовский Богородицкий мужской монастырь также владел рыбными ловлями в окрестностях города. К примеру, в 1658 г. игумену этого монастыря Филарету были пожалованы рыбные ловли. Грамота из Москвы от 10 июня 1658 г. была адресована саратовскому воеводе стольнику Никите Ивановичу Головину. В грамоте указано, что «*Саратовскими Ахмацкими, Бородинскими и Багаевскими рыбными ловлями владеть ему, игумену с братьею по-прежнему, как им те рыбные ловли даны на свечи и ладан*»¹⁵. Слово «по-прежнему» означает, что еще ранее этому монастырю были даны эти рыбные ловли на свечи и ладан, когда именно – трудно сказать. Но стоит вспомнить грамоту строителю этого Богородицкого монастыря старцу Петру 1626 г., приведенную А. А. Герасимовым, в которой говорится о даче монастырю «*в руги место рыбные ловли в саратовских водах от Бородина песку да на низ по Сунбуловку*»¹⁶. По-видимому, причиной выдачи монастырю грамоты 1658 г. послужили какие-то конфликты Богородицкого монастыря с местными властями, жителями, откупщиками или другими монастырями. Чтобы устранить подобные недоразумения на будущее время и была дана Филарету такая грамота.

Еще через 7 лет, 2 сентября 1665 г., грамота 1658 г. на владение Богородицкому монастырю Ахмацкими, Бородинскими и Багаевскими рыбными ловлями была снова подтверждена¹⁷.

До этого в 1662 г. по челобитью игумена Филарета воеводе Саратова Федору Леонтьеву было «*велено сыскать про пустыи земли*»¹⁸. По-видимому, старцы Богородицкого монастыря хотели приобрести новые угодья, и монастырь сам выбирал подходящие ему земли возле города. Однако не исключен вариант, что здесь речь идет не о каких-то сельскохозяйственных угодьях в окрестностях Саратова, а об отводе пустых дворовых мест для постройки складов или амбаров. Такие амбары были нужны, к примеру, для складирования запасов соли. Их приобретали и другие монастыри. Можно вспомнить конфликт между нижегородским Макарьевским монастырем и саратовским Богородицким монастырем из-за такого амбара в Саратове, когда архимандрит Макарьевского Желтоводского монастыря Пахомий предъявил старцам Богородицкого монастыря иск в 550 рублей в соляной поклаже¹⁹. Это говорит о том, что оба монастыря принимали какое-то участие в соляных операциях. Данный спор при-

шлось решать в 1666 г. воеводе Саратова кн. Ивану Борятинскому. В источниках не сказано, кто выиграл данный спор.

Что касается саратовского женского Воздвиженского монастыря, то в сохранившихся источниках ничего не говорится об отводе этому монастырю рыбных ловель «в руги место». Наоборот, источники упоминают о хлебном и денежном жаловании насельникам этого монастыря. Известно о грамоте царя Алексея Михайловича от октября 1661 г. воеводе Саратова Ивану Ивановичу Косагову, в которой говорится о том, что старице этого монастыря Дорофее с сестрами царь велел учинить «*годовые денежные и хлебные руги*». Приведем размер этого государева жалования. Игуменья – денег 2 рубля, хлеба 2 чети ржи и 2 чети овса (четы овса – 6 пудов, или 96 кг, а четь ржи – 6,25 пудов – 100 кг). В монастыре в 1661 г. находилось 29 стариц. Для отдаленного небольшого города, каким был в то время Саратов, эта цифра очень значительная, монастырь был многолюдным. Каждой из 29 рядовых стариц полагалось в год полтора рубля денег, полторы чети ржи и полторы чети овса. Царь указал давать это жалование ежегодно, без переводов, из Саратовских денежных доходов и «присыльных хлебных запасов»²⁰.

Дворцовые казенные рыбные промыслы были предметом особого внимания правительства. В XVII в. эти промыслы превратились в важнейшую доходную отрасль хозяйственной деятельности Казны. Дворцовые ловли, как правило, отдавались на откуп крупным предпринимателям. Эти откупщики ловили рыбу для царского двора, для казны и для себя. Казна строго соблюдала свои интересы. Известны откупщики рыбных ловель в районе Саратова 1620–1630-х гг. – крестьянин села Восмы Олимпиев, нижегородцы Матвей Козлов, Богдан Кокшаровский, Иван Охтин и др.

Иргизские рыбные ловли и Чирлатовские воды были дворцовыми угодьями. А. А. Герасимов ввел в научный оборот две грамоты, обнаруженные им в Книгах Печатного приказа. Эти грамоты (от 24 ноября 1621 г. и 10 февраля 1622 г.) были адресованы саратовскому воеводе князю Е. Ф. Мышецкому. В них приводятся сведения о старом оброке 33 рубля 50 алтын и старом откупе 12 рублей 12 алтын. Словосочетания «старый оброк» и «старый откуп» означают, что эти Иргизские и Чирлатовские воды сдавались на оброк не впервые. Эти два документа указывают, что в Саратове, как и в Астрахани, рыбные ловли издавна служили источником казенного дохода, а также издавна находились в эксплуатации промышленников. Из этих документов можно выяснить порядок сдачи рыбных ловель. Они сдавались с торгов и оставались за тем человеком, который предложит наивысшую цену²¹.

Патриаршее ведомство также интересовалось угодьями в районе Саратова. У представителей патриарха были собственные суда (насады). Два таких патриарших насада встретились Ада-

му Олеарию в 1636 г. возле Саратова. «*Патриаршаго насаду промышленники*» старец Аарон и Семен Грязных после написания челобитной получили разрешение построить в Саратове амбар для насадного промысла. Саратовскому воеводе Ф. И. Леонтьеву в 1664 г. было дано указание – выделить старцу Аарону место под этот амбар²².

На следующий год этот старец Аарон, который, видимо, надолго обосновался в Саратове, попросил выделить ему новые амбары. Сменившему воеводу Ф. И. Леонтьева саратовскому воеводе князю А. Путятину в 1665 г. поступило указание отдать на оброк новые амбары патриаршим промысловикам, «а оброку положить по рассмотрению»²³. Видим, что владения патриарха в Саратове расширяются. Несмотря на ссылку в те годы патриарха Никона, правительство и лично царь Алексей Михайлович продолжали заботиться о патриарших владениях, тем более, что новые руководители церкви ни в чем царю не перечили. После отставки Никона с 1558 г. местоблюстителями патриаршего престола были крутицкий митрополит Питирим и Иоасаф II. Официальное низложение Никона произошло в декабре 1666 г. после прибытия в Москву Вселенских патриархов, а суд над Никоном состоялся 6 декабря 1666 г.

В середине XVII в. в окрестностях Саратова, наряду со старыми промыслами, появляются новые казенные дворцовые промыслы. Эксплуатация таких промыслов осуществлялась, как и ранее, через подрядчиков. В 1658 г. кадашевцу Герасиму Богданову были сданы на оброк дворцовые саратовские, а также царицынские промыслы. Ему было велено «*ловить на наш великого государя обиход рыбу – белуги и осетры, а вешние оханные белые рыбицы велено ему ловить на себя*»²⁴. В. А. Осипов, привел данный текст с искажением. Он цитирует текст этой грамоты следующим образом: «...*ловить на наш великого государя обиход рыбу – белуги и осетры и вешние оханные белые рыбицы*». В результате такого неточного цитирования получилось, что и вешнюю белорыбицу этот кадашевец Г. Богданов также ловил на Государя, а не для себя (в сноске также неверно указал выходные данные – номера тома и страниц)²⁵.

Старцы Новоспасского монастыря жаловались на этого Г. Богданова. Суть жалобы заключалась в следующем. Монастырь имел в районе Саратова оброчные рыбные ловли Иргизские воды. В те воды монастырь сам нанимал работников ловить всякую рыбу на монастырский обиход с весны до заморозков. Этот откупщик Богданов «перенял» монастырских рыбных ловцов и запретил им впредь подражаться и ловить рыбу на монастырский обиход. Видим, что рыбных ловцов в этом районе не хватало, борьба шла за каждого человека. Старцы в челобитной просили запретить кадашевцу Богданову забирать у них рыбных ловцов, «*чтоб их монастырского промыслу не остановить*». Получив данную челобитную

старцев Новоспасского монастыря, дьяки приказа Казанского дворца 3 марта 1659 г. написали указ воеводе Саратова стольнику Даниилу Вахромеевичу Хитрово, чтобы тот запретил кадашеvcу Герасиму Богданову «насильством к себе в рыбные промыслы имать» подрядчиков и рыбных ловцов Новоспасского монастыря. Мало того, этот кадашевец Богданов отныне и впредь не имел право чинить препятствия новым рыбным ловцам подражаться для ловли рыбы в монастырь, чтобы монастырю не было убытков. В грамоте подчеркивалось, что кадашевец Богданов должен «рыбных ловцов подражать и на наш Великого Государя обиход и про себя рыбу ловить, как ему указано», кроме рыбных промыслов и ловцов Новоспасского монастыря, которые будут в подраде у монастырских старцев. Мы видим, что этот Г. Богданов сам занимал от имени казны для промыслов рыбных ловцов. Дата ответной грамоты воеводе Д. В. Хитрово (март 1659 г.) косвенно может указывать на то, что конфликт произошел еще в 1658 г., если учесть время на составление старцами челобитной и доставки ее в Москву, а также принятие решения по данному вопросу дьяками приказа Казанского дворца²⁶.

Во второй половине XVII в. внимание казны к организации добычи рыбы на Волге еще более усилилось. Дворцовыми рыбными промыслами на Волге – в числе других дел – занимался Тайный приказ. Часть дел Тайного приказа давно уже опубликована в РИБ. В. А. Осипов, ссылаясь на архивные документы РГАДА, привел сведения о том, что в 1671 г. для государева дворцового рыбного промысла на Саратов и на Царицын были посланы рыбные государевы промышленники: «Кормового дворца стряпчий Иван Исаев и кадашевец Агафон Федорович Юрносоев». Эти государевы промышленники получили широкие полномочия, им было дано право закупать хлебные и всякие иные запасы для промыслов, все, что необходимо, в Нижнем Новгороде, Казани и других городах беспроцентно. В помощь И. Исаеву и А. Юрносоеву для организации рыбного промысла были определены 4 целовальника из нижегородских посадских людей, опытных в этих делах, «добрых и праведных людей и к тому промыслу заобычных». Воевода Н. Новгорода стольник В. Я. Голохвастов получил указание из Москвы: дать нижегородцев для службы на саратовских и царицынских рыбных промыслах в распоряжение Исаева и Юрносоева²⁷.

В документах Тайного приказа уточняется, что 24 августа 1671 г. была подписана в Москве государева проезжая грамота И. Исаеву и А. Юрпосову (а не Юрносоеву) за тремя красными печатями. Эти люди отправились на Саратов и Царицын в конце августа 1671 г. Обратим внимание на дату. В конце июня – начале июля 1671 г. в Москве узнали об освобождении от разинцев Саратова и Царицына, и уже через месяц в этих городах восстанавливается дворцовый рыбный промысел²⁸.

На оброк сдавались все рыбные ловли, за исключением тех, что были отданы жителям Саратова. Эти ловли саратовцев располагались по пять верст от города вверх и вниз по Волге.

В 1650 – начале 1660-х гг. наблюдается чрезвычайная активность посадских людей верховых городов в приобретении откупа Саратовских рыбных угодий. Это были жители Гороховца (Алешка Ершов и Иван Белин), Кадашевской слободы (Федька и Ивашка Прозоровы, Герасим Богданов), а также московские торговые люди Гостиной и Суконной сотни (Киприан Климин, Яков Шустов и Ефим Микитин). Из саратовцев рыбными откупами занимались в это время посадский человек Микита Дубенский, сын боярский Петр Климов, конный стрелец Артюшка Маланьин и стрелец Богдан Мордвинов.

В 1651 г. воеводе Саратова стольнику В. Г. Феофилагьеву пришло указание из Москвы: «По челобитью Гороховлянина посадского человека Алешки Ершова, велено Саратовские рыбные ловли, Курдюмские и Чирлатовские воды, дать на откуп на 3 года и впредь до перекупищиков, а откупу велено ему платить старого и с новою наддачею по 83 рубля по 8 денег на год, итого на 4 года 332 рубля 6 алтын 4 деньги»²⁹.

Мы видим, что цена на Курдюмские и Чирлатовские воды значительно выросла, по сравнению с ценами первой половины XVII в., когда их брал на откуп Новоспасский монастырь. Ранее годовой откуп этих вод составлял 40 рублей (не считая льготы Новоспасскому монастырю – 20 рублей), а теперь цена возросла в два раза, до 80 рублей.

В 1651/52 г. упоминаются Столбовские воды, которые даны на три года гороховлянину посадскому человеку Ивану Белину. Границы этих Столбовских вод определены следующие: «...сверху по Волге реке по Щербакову, на Низ по Волге по Уруславской по верхней осередок, по нижнюю изголовь». Продолжительность откупа этих Столбовских вод от Щербаковки до Еруслана определена с 1 марта 1652 г. по 1 марта 1655 г., «а откупу велено платить по 75 руб., 30 алт., 2 ден., итого на 3 года 527 руб., 24 алт., 2 деньги. (Кн. 63, л. 82 об.)». Судя по данной записи, откуп за каждый год составил 75 рублей 30 алтын и 2 деньги, итого за 3 года – 527 рублей 24 алтына и 2 деньги³⁰. По-видимому, одна из данных цифр в источнике указана неверно. Либо годовой откуп составлял 175 рублей, тогда за три года действительно получится 527 рублей, либо годовой откуп – 75 рублей, но тогда за три года получится 227 рублей, а не 527.

В 1652 г. были отправлены грамоты на Самару и Саратов воеводам Ивану Бутурлину и Алексею Чирикову. Обе грамоты касались откупщика торгового человека Гостиной сотни Киприана Климина и его откупных владений между Самарой и Саратовом (поэтому адресованы двум воеводам). Границы откупных владений определены следующим образом: «Самарские и Саратовские

с Елань Иргизские вопчия воды с верхние изголови Хорошева острова на низ по Канину тубу и с Каниною тубою, по обе стороны Волги реки, с пески и с затоны и с озера и с речки и с частичковыми ловли». Ранее эти воды находились на откупе у кадашевца Онофрейки Михалева. Теперь с 1652/53 г. эти воды передавалась фактически на четыре года Киприану Климшину «без перекупки и далее до иных перекупщиков». Он был обязан платить «откуп старый и с новой отдачей» и с пошлинами самарскому воеводе за год по 5 рублей и 2 алтына на год, итого за 4 года сумма на Самаре составила 20 рублей и 8 алтын. На Саратове этот же откупщик Климшин должен был платить несколько больше – по 7 рублей, 15 алтын и 2 деньги в год³¹.

В 1654 г. очередная грамота воеводе А. П. Чирикову касалась откупа Саратовских рыбных ловель, Курдюмских и Чирлатовских вод. Их взяли на откуп кадашевцы Федька и Ивашка Прозоровы сроком на три года, начиная с 1 марта 1654 г. до 1 марта 1657 г. без перекупки, а возможно, и далее, до иных перекупщиков. Откуп старый и «с новой наддачей» составил 88 рублей 27 алтын и 3 деньги на год³².

В 1657/58 г. при воеводе Н. И. Головине купец, торговый человек гостиной сотни Яков Шустов по челобитной получил Саратовские Ураслановские рыбные ловли «и с частичковою и с язочною ловлями нынешнего 166 году по 169 год, на 3 года без перекупки». Годовой откуп Якову Шустову был определен в размере 35 рублей 13 алтын пол 4 деньги (старый откуп «с новой наддачей» и пошпиной). Итого за 4 года откуп составил 141 руб. 21 алтын³³.

В том же 1658 г. еще один торговый человек приобрел откуп на другие саратовские рыбные угодья. Это был купец суконной сотни Ефим Микитин. Он получил «Саратовские рыбные ловли, Кривушенские воды с пески и с затоны и с завороты и с озера, по обе стороны Волги реки» на два года. Годовой откуп был по сравнению с другими рыбными ловлями относительно небольшим, 8 рублей и 10 алтын³⁴.

Рыбные ловли в окрестностях Саратова брали на оброк также сами саратовцы, кто имел для этого большой капитал. В 1656 г. при воеводе В. В. Нелединском саратовский посадский человек Микита Дубенский написал челобитную с просьбой дать ему на откуп «Збородинской юрт и Чардымской» по старым рубежам на этот 1655/56 год и на следующие три года без перекупки, а возможно, и на последние годы, до очередных перекупщиков. Этот откуп Микита Дубенский получил. Было определено взять с него «откуп старый и с новой наддачей» в размере 24 рубля 1 алтын и 5 с половиной денег. Всего за 4 года откуп составил 96 рублей 7 алтын и 4 деньги³⁵.

Саратовские служилые люди также брали на оброк рыбные ловли в окрестностях города. Один из таких людей – сын боярский Петр Кли-

мов (взял на откуп Каюковскую воложку и юрт), другой – простой конный стрелец Артюшка Маланьин, причем стрелец сумел заплатить за откуп Бородинского, Чардымского и Караманского юрта 80 рублей за два года. Оба эти откупа были взяты в 1658 г. при воеводе Головине³⁶. Ранее уже упоминался другой саратовский стрелец Богдан Мордвинов, арендовавший Иргизские рыбные ловли.

Таким образом, в 1658 г. мы видим несколько новых урочищ, а именно Ерусланские ловли, Кривушенские воды, Бородинский, Чардымский и Караманский юрты и Каюковский юрт.

К 1661 г. относится документ, из которого можно определить границы ловель, входящих в зону ответственности Саратовского или Самарского воевод. В те времена уезды не существовали, соответственно границ уездов не было. Граница зон ответственности воевод Самары и Саратова проходила по Волге. К Самаре относились Самарские рыбные частичковые ловли, «что от Оханскаго острова да Чигринския воды и с Черным Затонном, да гневашенския воды, что от Сосноваго острова». Далее упоминаются общие Самарские и Саратовские Ялань-Иргизские воды. Все эти рыбные угодья были отданы упоминавшемуся ранее кадашевцу Герасиму Богданову на откуп на 5 лет без перекупки. Ему был определен большой годовой откуп, который с новой «наддачей» и пошпиной составил 110 рублей 15 алтын и 5 денег. Итого за 5 лет этот Г. Богданов должен был сразу заплатить 552 рубля 12 алтын и 3 деньги³⁷.

Все эти сведения – далеко не полные, ведь мы узнаем о них благодаря челобитным, отправляемым в Москву. Но до Москвы доходила не вся информация, дела по рыбным ловлям доходили до приказа Казанского дворца только в исключительных случаях. Значительная часть ловель сдавалась в самом Саратове. Но даже из приведенных источников видно, что число рыболовных угодий, подлежавших сдаче, постепенно увеличивалось. При этом арендная плата повышалась постоянно из года в год. Все это доказывает, что рыболовство в Саратовском крае развивалось.

Большинство обнаруженных в документах сведений относится к пришлым откупщикам рыбных промыслов, как будто бы местное население Саратова не было особенно заинтересовано в рыбных промыслах. Однако это не так. Действительно, сохранилось очень мало прямых свидетельств о сдаче рыбных вод саратовцам. Это можно объяснить следующими факторами. Во-первых, саратовцы имели дело с местными воеводами, делопроизводство которых до нас не дошло. Во-вторых, крупные иногородние предприниматели арендовали сразу обширные угодья, оброк которых был непосилен для мелких саратовских промышленников. Саратовцы лишь могли переиснимать небольшие участки у крупных арендаторов, а такая незначительная частная документация естественно не могла сохраниться.

В рыбной промышленности был заинтересован весь город целиком, на ней основывалось благополучие Саратова, поэтому мы видим, как в 1658 г. служилые и посадские люди совместно пишут челобитную, по которой им выделяют рыбные угодья по 5 верст вверх и вниз от города. Эти краткие сведения А. А. Голомбиевского дополнил А. А. Герасимов, который привел содержание грамоты саратовцам.

«Велено нам, богомольцам и холопам и сиротам вашим рыбу ловить в реке Волге всякими рыбными снастями под городом и от города вверх и вниз реки Волги по 5 верст про себя безоборочно,

и впредь тех рыбных ловель, которые отданы нам, богомольцам и холопам и сиротам вашим, никому в откуп давати не велено,

а в тех водах велено рыбу ловить про себя,

и привозить тое уловную рыбу рыбным ловцам в город,

и продавать нам богомольцам и холопам и сиротам вашим всякому, чем сытым быть,

а в закуп и в отвоз саратовским перекупщикам и прасолам рыбу ловить ни коими мерами не велено,

также и иных городов торговым и приезжим всяким людям в те наши в саратовские въезжати и рыбу ловить и ватаг и станом и стругов для рыбного промысла в отвоз по городам и по островам и по пескам и в затолах и ни в каких местах заводить и становить не велено»³⁸.

Судя по этой грамоте, саратовцы получили право ловить рыбу не только для своего обихода, но и на продажу, с условием, чтобы эта продажа не носила промышленного характера.

Обратим внимание на фразу «богомольцы, холопы и сироты». Под богомольцами подразумевается духовенство, под холопами – служилые люди, а сироты – это посадские люди. Именно так данные категории людей указываются во всех грамотах XVII в. Эта фраза свидетельствует, что льгота данной грамоты распространялась на всё без исключения население Саратова.

Таким образом, рыбные ловли в окрестностях Саратова в середине XVII в. поступали в пожалование (к примеру, саратовским людям), сдавались на оброк (промышленникам и монастырям) и частично становились дворцовыми. Здесь имелись крупные казенные, монастырские, купеческие и множество мелких рыбных промыслов, которые держали жители Саратова. Отсюда в Центральную Россию шли водным и гужевым транспортом десятки и сотни тысяч пудов добытой на Волге красной рыбы, икры и других рыбных товаров. По мнению В. А. Осипова, в это время в Саратове складывался крупный рыбный рынок, хотя слово «рынок», а тем более крупный, предполагает, прежде всего, продажу и покупку товаров, в том числе рыбы, что в одиноком, оторванном от других мест городе, где каждый житель имел много рыбы, мало ве-

роятно. Будет точнее сказать, что в Саратове регулярно шли торги за владение рыбными угодьями (кто больше даст денег). Можно утверждать точно, что здесь в Саратове постоянно находились огромные запасы рыбы, икры и привозной соли (свою соль на озере Эльтон еще не добывали к тому времени). В Саратове в те годы имели свои конторы, склады и дворы казна, монастыри и крупные предприниматели того времени (Н. Светешников и др.).

Таким образом, в третьей четверти XVII в. в рыболовном промысле и торговле в Саратове наблюдаются значительные новшества.

Во-первых, впервые в качестве промышленников выступают некоторые саратовцы (стрельцы, дети боярские и посадские люди).

Во-вторых, рыбные угодья приобретают новые монастыри, а не только Новоспасский монастырь.

В-третьих, среди иногородних откупщиков мы видим новых людей из Кадашевской слободы, Гороховца, купцов гостиной и суконной сотни.

В-четвертых, в Саратове развивается дворцовый и патриарший промыслы, что приводит к появлению нового поселения на Нагорной стороне.

В-пятых, начинает развиваться не только водный, но и гужевой транспорт. Значительная часть грузов отправляется теперь из Саратова в Москву новым путем, через Пензу.

В-шестых, в качестве продавцов товара (лошадей) выступают новые люди – калмыки, а торговля лошадьми позволяет некоторым саратовцам стать довольно богатыми людьми.

В торговле происходят многие другие изменения, связанные с возникновением сухопутного торгового пути из Саратова в Москву. Этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Круглогодичная добыча рыбы, заготовка ее впрок и отправка водным и гужевым транспортом внутрь страны превращали Саратов в один из крупнейших рыбопромышленных центров на Нижней Волге. Сюда стекались рыбопромышленники для участия в торгах на рыбные угодья, сдаваемые в оброк. С каждым годом в Саратов прибывало все больше работных людей, нанимавшихся на промыслы, на суда, в извоз и т. д. Все это вместе со строительством засечных черт способствовало оживлению хозяйственной жизни Саратова, образованию на территории края новых населенных мест.

Примечания

¹ См.: *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Материалы для истории г. Саратова : записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.) / сообщил А. Голомбиевский. М., 1892 (далее – *Голомбиевский А. А.* Материалы...); *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* История города Саратова в исследованиях местного любителя старины // Библиографические записки : ежемесячное иллюстрированное издание. М., 1892. № 3 (март).

- ² *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923.
- ³ *Осипов В. А.* Очерки по истории Саратовского края конец XVI и XVII вв. Саратов, 1976. С. 41–59. См. также: *Он же.* Саратовское Поволжье в XVI–XVII вв. // Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1 : С древнейших времен до отмены крепостного права / под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1993. Здесь нет ничего нового по данному вопросу, хотя этот труд написан через 17 лет после выхода первой книги В. А. Осипова. Одна из причин заключалась в том, что собственно рукопись была подготовлена почти за 10 лет до выхода тома.
- ⁴ *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* История города Саратова в исследованиях местного любителя старины...
- ⁵ *Дубман Э. Л.* Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI–XVII вв. Самара, 1999. В монографии удалось обнаружить всего две ссылки на труд А. А. Голомбиевского.
- ⁶ См.: *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. С. 221.
- ⁷ Подробнее об этой окладной росписи пятины по Саратову см.: *Рабинович Я. Н.* Воеводы левобережного Саратова (1616–1641). 2-е изд., перераб. и доп. Саратов, 2014. С. 182–186.
- ⁸ См.: *Голомбиевский А. А.* Грамоты по Саратову, хранящиеся в Московском архиве Министерства Юстиции : Грамота из Приказа Казанского дворца к воеводе Чирикову об отдаче на оброк Новоспасскому монастырю Иргизских рыбных ловель... 1653, апреля 6 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 4, № 5. С. 446.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ См.: *Голомбиевский А. А.* Грамоты по Саратову... : Грамота из Приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе стольнику Алексею Пантелеевичу Чирикову о пожаловании Новоспасскому монастырю в г. Саратов дворового места бывшего Светешникова и ещё трех дворовых мест. 1652, мая 24 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 4, № 4. С. 446.
- ¹² См.: *Осипов В. А.* Очерки по истории Саратовского края... С. 45.
- ¹³ *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 71. С. 17.
- ¹⁴ Там же. № 74. С. 18.
- ¹⁵ Там же. № 73. С. 17.
- ¹⁶ *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. С. 235.
- ¹⁷ См.: *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* История города Саратова в исследованиях местного любителя старины... С. 214 ; *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 73. С. 17 (примеч.).
- ¹⁸ *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 75. С. 18.
- ¹⁹ Там же. № 79. С. 18.
- ²⁰ *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Некоторые сведения о саратовских монастырях // Труды СУАК. Саратов, 1890. Т. 3, вып. 1. С. 245.
- ²¹ См.: *Герасимов А. А.* История Саратовского края... С. 217 ; *Он же.* Материалы для истории Саратовского Поволжья : столбцы Московского архива Министерства юстиции // Труды СУАК. Саратов, 1912. Вып. 29, № 2, 3. С. 63.
- ²² *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 76. С. 18.
- ²³ Там же. № 77. С. 18.
- ²⁴ *Голомбиевский А. А.* Грамоты по Саратову... : Грамота из Приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе стольнику Даниилу Вахромеевичу Хитрову о запрещении Кадашевцу Герасиму Богданову брать подрядных ловцов Новоспасского монастыря. 1659, марта 3 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 4. № 6. С. 446–448.
- ²⁵ *Осипов В. А.* Очерки по истории Саратовского края... С. 46.
- ²⁶ *Голомбиевский А. А.* Грамоты по Саратову... : Грамота из Приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе стольнику Даниилу Вахромеевичу Хитрову... // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 4, № 6. С. 446–448.
- ²⁷ *Осипов В. А.* Очерки по истории Саратовского края... С. 46. Автор при этом делает следующую ссылку : ЦГАДА. Приказные дела новой разборки. Ф. 159/1. Д. 1094. Л. 144–146.
- ²⁸ См.: Дела Тайного приказа. Кн. 1 // Русская историческая библиотека (РИБ) : в 39 т. СПб., 1907. Т. 21. Стб. 1567.
- ²⁹ *Голомбиевский А. А.* Материалы... № 80. С. 18.
- ³⁰ Там же. № 83. С. 19.
- ³¹ Там же. № 85. С. 20.
- ³² Там же. № 86. С. 20
- ³³ Там же. № 89. С. 20–21.
- ³⁴ Там же. № 90. С. 21.
- ³⁵ Там же. № 88. С. 20.
- ³⁶ Там же. № 91, 92. С. 21.
- ³⁷ Там же. № 94. С. 21.
- ³⁸ *Герасимов А. А.* История Саратовского края... С. 219. Пока не удалось выяснить, была ли ранее опубликована данная грамота, в каком сборнике документов и откуда Герасимов взял такое подробное содержание грамоты.

Образец для цитирования:

Рабинович Я. Н. Рыболовный промысел в левобережном Саратове в третьей четверти XVII века // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 528–535. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-528-535>

Cite this article as:

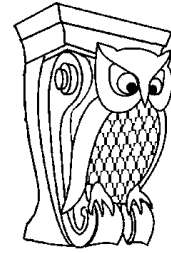
Rabinovich Ya. N. Fishing and Trade in Left-bank Saratov in the third Quarter of the XVII Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 528–535 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-528-535>

УДК 34(091)+349.42

ВЛИЯНИЕ ПОВОЛЖСКИХ КООПЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ПОВЫШЕНИЕ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

И. Н. Коновалов

Коновалов Иван Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и социологии политики, Саратовская государственная юридическая академия, i.n.konovalov@mail.ru

Исследуется культурно-просветительская деятельность поволжских кооперативных организаций и ее влияние на повышение самодетельности российского крестьянства в начале XX века. Наибольшее внимание в статье уделяется созданию народных домов, кооперативной пропаганде и агитации, борьбе с пьянством, развитию народного образования, кооперативной печати, организации библиотечного дела.

Ключевые слова: кооперативное движение, деревенская кооперация, культурно-просветительская деятельность кооперативов, кооперативная агитация и пропаганда, кооперативная печать и образование, кооперативные библиотеки.

**The Influence of Volga Cooperation Organizations
on Increasing Amateur Initiative and Cultural Level
of the Russian Peasantry at the Beginning of the XX Century**

I. N. Konovalev

Ivan N. Konovalev, <https://orcid.org/0000-0002-7359-9160>, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, i.n.konovalev@mail.ru

The cultural and educational activity of the Volga cooperation organizations and its influence on the increase of amateur initiative of the Russian peasantry at the beginning of the 20th century are investigated. The most attention in the article is paid to the creation of people's houses, to cooperative propaganda and agitation, to combat with drunkenness, the development of public education, the cooperative press, and the organization of the library business.

Key words: cooperative movement, cooperative organizations, cultural and educational activities of cooperatives, cooperative agitation and propaganda, cooperative press and education, cooperative libraries.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-536-539>

К началу XX в. деревенская кооперация в России превратилась в серьезную общественную и экономическую силу. Для многочисленных кредитных, сельскохозяйственных, потребительских и промысловых кооперативов, окрепших в экономическом отношении, культурно-просветительская работа становится такой же необходимостью, как и торговля, выдача ссуд, посреднические операции, переработка молока. Об активизации культурно-просветительской деятельности, несмотря на запреты администрации, свидетельствует массовое проведение кооперативных собраний, заседаний правлений, совеща-

ний, съездов, создание союзных объединений, которые охватывали значительные территории и могли оказывать своим членам необходимую кадровую и финансовую помощь.

Кооперативные съезды и совещания обсуждали все наиболее выдающиеся события кооперативной жизни, намечали пути ее развития. Значение этих съездов не подлежит сомнению. По протоколам Саратовского (1904 г.), Казанского (1908 г.), Самарского (1913 г.), Пензенского (1913 г.) и других губернских кооперативных съездов заметно, как рядовые участники, молчавшие на первых заседаниях, постепенно втягиваются в обсуждение самых серьезных вопросов. Во взаимном общении участники кооперативных совещаний черпали ту энергию, то воодушевление, без которых был невозможен рост кооперативного движения и культурно-просветительской работы¹.

Несмотря на рост кооперативной активности, просветительская работа в сельской местности, проводимая через кооперативы, была связана с большими трудностями: сказывались удаленность деревни от культурных центров, отсутствие интеллигенции, финансовых средств, темнота и невежество крестьян. К тому же рядовые члены и руководство кооперативов чаще всего были нацелены на получение наибольшей прибыли, просвещение масс их мало интересовало.

Определенный перелом в психологии консервативно настроенных кооператоров произошел после первых всероссийских кооперативных съездов: в Москве (1908 г.) и Киеве (1912 г.). Московский съезд рекомендовал кооперативам «отчислять часть своих прибылей на различные просветительские цели». Киевский съезд разработал первую программу культурно-просветительской деятельности кооперативов. В принятом постановлении съезда о просветительской деятельности кооперации говорилось, что «необходимо возможно большее участие кооперации в просветительской деятельности и уделение возможно большего количества сил и средств на поднятие народного образования и народного сознания»². Другие постановления съезда – «О кооперативных народных домах», «О школе для подготовки служащих», «О борьбе кооперативов с пьянством», «Об участии женщин в кооперативном движении» – завершили формирование перспективной программы культурно-просвети-

тельской деятельности кооперативных учреждений³.

Решения всероссийских кооперативных съездов по этим вопросам освещались и комментировались в центральной и местной прессе, что позволило ознакомиться с ними широкие слои сельского населения.

К 1914 г. главную роль в просветительской работе стали играть народные дома. Первые подобные центры культуры в поволжских губерниях были построены в 1912–1913 гг. кредитными товариществами: Сокурским (Саратовской губернии), Кинель-Черкасским (Самарской губернии), Сибирчинским (Казанской губернии)⁴.

Народные дома по сравнению с крестьянскими постройками выглядели дворцами. Их фотографии печатались на страницах журналов и газет. Так, каменное здание народного дома Лебежанского кредитного товарищества Самарской губернии располагалось в центре села на площади рядом с церковью и школой. Кроме большого светлого зала для общих собраний, в доме имелась операционная комната, канцелярия, квартиры для счетовода, сторожа, приезжающих. К нему вплотную примыкали надворные постройки с помещением для склада земледельческих машин и орудий⁵. Открытие народных домов проходило очень торжественно и превращалось в праздник для всей деревни.

Одним из важнейших направлений просветительской работы крестьянских товариществ была кооперативная пропаганда и агитация. Ее целью было не только изучение истории и теории кооперативного движения, но и воспитание кооперативного сознания, реализация кооперативных идеалов в российской деревне. Основными методами такой работы были организация на основе народных домов лекций, кинематографических сеансов, выпуск легальных агитационных листов, плакатов и разнообразной популярной литературы. Лекционная пропаганда, как правило, носила целенаправленный характер. Тематика лекций в подавляющем большинстве случаев была специальной: «Как организовать ссудо-сберегательное и кредитное товарищество», «Цели потребительских обществ», «Сельскохозяйственная кооперация в России и на Западе» и т. п. Лекции на кооперативные и сельскохозяйственные темы вызывали большой интерес всего сельского населения. На них, по выражению крестьян – членов Котовского сельскохозяйственного общества Камышинского уезда Саратовской губернии, от наплыва народа «стены трещали»⁶.

Значительное место в культурно-просветительской работе сельскохозяйственных кооперативов региона занимали вопросы пропаганды «трезвого образа жизни». Наиболее активно борьба с пьянством проводилась кооператорами в 1911–1914 гг. Именно в эти годы сельскохозяйственная кооперация становится серьезным конкурентом частным торговцам и предприни-

мателям, она ведет с ними успешную борьбу, вытесняя с рынка, превращаясь в эффективный общественный механизм, действующий в интересах не столько собственных членов, сколько всего населения.

До конца 1913 г. в большинстве губерний и уездов региона прошли кооперативные съезды и совещания, которые затрагивали проблемы борьбы с пьянством. Так, совещание десяти кредитных товариществ Семеновского и Балахнинского уездов Нижегородской губернии летом 1913 г. признало необходимым участие учреждений мелкого кредита в борьбе с этим злом в русской деревне. Кредитным товариществам запрещалось принимать в число членов «шинкарей», выдавать ссуды «пьяницам»⁷.

Борьба кооперативов с пьянством явилась частью их культурно-просветительской работы, способствующей физическому и нравственному возрождению крестьянства.

Важное место в этой работе занимала листовочная агитация и пропаганда. С образованием союзов она приобретает более целенаправленный характер. Типичным примером агитационных материалов было распространение кооперативами так называемых памяток и заповедей: «Памятка членам артели», «Памятка членам учреждений мелкого кредита», «Десять заповедей для членов потребительских обществ». Как правило, подобные материалы размещались на видном месте в правлениях кооперативов, магазинах, народных домах. Их авторы предлагали крестьянам объединиться, указывали пути борьбы с торговцами, скупщиками, ростовщиками. Агитационные листки были написаны лаконичным, понятным для крестьян языком: «Ссуду на дело возьмешь – легко ее вернешь!»; «Плати ссуду вовремя. Срок соблюдешь, себе кредит сбережешь!»; «Аккуратно посещай общие собрания, они всему делу и правлению общий хозяин!»⁸.

Другой формой агитационных материалов являлись кооперативные лозунги-плакаты. Они вывешивались на стенах кооперативных магазинов, зданий правлений и преследовали конкретные цели: «Будите кооперативную мысль! В ней сила нашего движения!», «Без просвещения кооперативная работа не может быть плодотворной!». Однако призывы кооператоров не всегда разделяли местные власти. Они запрещали и конфисковывали многие лозунги-плакаты. По этому поводу столичная «Маленькая газета» напечатала заметку «Борьба с плакатами». В ней говорилось, что когда-то цензоры вычеркивали из поваренных книг советы молодым хозяйкам ставить пироги в «вольный дух», теперь же «опасными считаются не поваренные книги, а кооперативные плакаты»⁹. Кроме листовок и плакатов, кооперативные организации издавали большими тиражами популярные агитационные брошюры. Они пользовались большим спросом и рассылались кооперативам бесплатно.

Так, далеко за пределами поволжских губерний были известны работы саратовского организатора кооперации Н. Т. Юрина¹⁰, труды которого постоянно попадали в литературные обзоры центральных и местных журналов.

Помимо агитации и пропаганды, кооператоры вели большую образовательную работу. Они считали, что получить необходимые знания для подрастающего поколения можно за счет развития всеобщей начальной школы, а взрослого населения – путем внешкольного образования. Многие сельскохозяйственные, кредитные, потребительские кооперативы отчисляли деньги в фонд народного образования, а некоторые открывали даже свои школы. Например, Богородицкое кредитное товарищество Самарской губернии открыло в своем селе начальное училище, выделив на его строительство 2 тыс. рублей. Днем в училище занимались дети, а вечером – взрослые. На содержание училища и стипендии учащимся товарищество ежегодно отчисляло 300 рублей¹¹.

Большое значение для развития культурно-просветительской деятельности имела кооперативная печать. Пресса играла роль главного «популяризатора кооперативных идей в широких массах». В рассматриваемый период читатели региона могли выписать не менее 7 кооперативных и земских газет и журналов («Вестник кооперации», «Вестник мелкого кредита», «Союз потребителей», «Объединение», самарская «Кооперативная жизнь», «Саратовская земская неделя», «Пензенский земский вестник»), которые освещали деятельность крестьянских кооперативов.

Важным пропагандистским материалом служили подборки фотографий. Как правило, фотографии объединялись одной темой. Например, в «Вестнике мелкого кредита» помещены фотографии народных домов, потребительских лавок, участников кооперативных съездов и совещаний, организаторов кооперативного движения. На страницах журнала «Кооперативная жизнь» собрана подборка фотографий товарищеских молотилок, промысловых артелей, зерносушилок и элеваторов¹².

Одной из важных форм просветительской работы деревенских кооперативов была организация библиотечного дела. Сельские библиотеки, как правило, принадлежали земским организациям. Однако книжный фонд в них был очень беден, а кооперативная литература фактически отсутствовала. По мере роста кооперативных учреждений образуются и первые кооперативные библиотеки. Большую помощь в обеспечении библиотек сельскохозяйственной и кооперативной литературой оказывал Департамент земледелия, который бесплатно высылал книги наиболее нуждающимся сельскохозяйственным обществам. Так, 7 августа 1902 г. в его адрес поступило одно из многочисленных писем от Ивантеевского сельскохозяйственного обще-

ства Самарской губернии с просьбой «положить основание общественной библиотеке сельскохозяйственной литературы». Просьба Ивантеевского общества была удовлетворена, кроме него Департамент выслал подборки сельскохозяйственной и кооперативной литературы казанским и астраханским обществам¹³.

К 1914 г. около 50% сельскохозяйственных кооперативов региона имели собственные библиотеки. Большинство организаций содержали в правлениях импровизированные читальни, получавшие свежие кооперативные газеты и журналы. Коллективные чтения и беседы устраивали Дворянско-Терешанское сельскохозяйственное общество Саратовской губернии, Алексеевское – Самарской губернии и др.¹⁴

С ростом свободных средств отдельные кооперативные учреждения приобретают киноустановки. В 1914 г. кинематографы были открыты Богуминским обществом потребителей, Высококолковским кредитным товариществом Самарской губернии и другими. Набор фильмов первых кино клубов был небольшим. Однако их посещаемость была очень высокой¹⁵.

Таким образом, с развитием в Поволжских губерниях кооперативного движения возрастает социальная активность, самодеятельность и культурный уровень крестьянства. Неторговую деятельность кооператоров следует рассматривать как явление многогранное, сочетавшее в себе целый комплекс социально-культурных, просветительских и благотворительных мер. Культурно-просветительская работа кооперативов региона шла в русле общероссийских кооперативных задач и развивалась по нескольким направлениям: пропаганда кооперативных знаний и идей, социальная помощь, организация досуга крестьянского населения губерний.

Примечание

- ¹ См.: *Тотомиянц В. Ф.* Кооперация в русской деревне. М., 1912. С. 38–39; Съезды и совещания по мелкому кредиту // *Вестник мелкого кредита*. 1914. № 11. С. 431; Пензенский кооперативный съезд // *Союз потребителей*. 1913. № 27. С. 732; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 398. Оп. 75. Д. 40. Л. 408.
- ² *Махновец В.* По поводу работы комиссии просветительской деятельности кооперативных обществ на Киевском съезде // *Союз потребителей*. 1913. № 24. С. 639, 640.
- ³ См.: Постановление второго Всероссийского кооперативного съезда в Киеве // *Союз потребителей*. 1913. № 27. С. 719.
- ⁴ См.: Сокурское кредитное товарищество // *Вестник мелкого кредита*. 1913. № 33. С. 1182; Кинель-Черкасское кредитное товарищество (5 лет деятельности) // *Вестник мелкого кредита*. 1914. № 9. С. 347; По товариществам России. Народные дома // *Вестник мелкого кредита*. 1913. № 50. С. 1868.

- ⁵ См.: Лебежанское кредитное товарищество // Вестник мелкого кредита. 1914. № 47. С. 1852.
- ⁶ См.: Союз потребителей. 1905. № 3. С. 85 ; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102. Оп. 123. Д. 151. Л. 33.
- ⁷ См.: Совещание в селе Бор Семеновского уезда Нижегородской губернии // Вестник мелкого кредита. 1913. № 44. С. 1627.
- ⁸ Из жизни учреждений мелкого кредита // Вестник мелкого кредита. 1913. № 38. С. 1353.
- ⁹ Маленькая газета. 1916. 25 июля ; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 16. (2). Л. 81.
- ¹⁰ См.: Юрин Н. Т. Сельскохозяйственные общества малого района действий (крестьянские) и их деятельность // Саратовская земская неделя. 1902. № 1. С. 55–77 ; *Он же*. Из деятельности крестьянских сельскохозяйственных обществ // Союз потребителей. 1904. № 6. С. 184–188 ; *Он же*. Крестьянские сельскохозяйственные общества. Саратов, 1905.
- ¹¹ См.: Кооперативная жизнь. 1913. № 2. С. 9.
- ¹² РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 603. Л. 192.
- ¹³ См.: Меркулов А. В. Вопросы кооперативного движения в России. Пг., 1918. С. 167 ; РГИА. Ф. 398. Оп. 68. Д. 22091. Л. 51, 51 об. ; Оп. 70. Д. 24329. Л. 14, 37, 54.
- ¹⁴ См.: Обзор кооперативной жизни в России. Просветительская деятельность кооперативов // Кооперативная жизнь. 1913. № 1. С. 9 ; Юрин Н. Т. Хроника. Сельскохозяйственные общества в деревне // Союз потребителей. 1904. № 9. С. 244.
- ¹⁵ См.: Меркулов А. В. Указ. соч. С. 167.

Образец для цитирования:

Коновалов И. Н. Влияние поволжских кооперативных организаций на повышение самодеятельности и культурного уровня русского крестьянства в начале XX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 536–539. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-536-539>

Cite this article as:

Konovalev I. N. The Influence of Volga Cooperation Organizations on Increasing Amateur Initiative and Cultural Level of the Russian Peasantry at the Beginning of the XX Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 536–539 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-536-539>

УДК 94(47).083+929Корнилов

САРАТОВСКИЙ «ДНЕВНИК» ИСТОРИКА А. А. КОРНИЛОВА: ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ю. В. Варфоломеев

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ybartho@mail.ru

Данная статья продолжает биографическую зарисовку саратовского периода жизни и деятельности выдающегося ученого и видного представителя земско-либерального движения России Александра Александровича Корнилова. Во второй части «Саратовского дневника» автор исследует драматические перипетии в судьбе Корнилова, связанные с его арестом. Наряду с этим анализируются его общественно-политическая деятельность и научно-публицистические работы по проблемам земского движения. **Ключевые слова:** А. А. Корнилов, историк, публицист, земское представительство.

Saratov «Diary» of the Historian A. A. Kornilov: Part Two

Yu. V. Varfolomeev

Yuriy V. Varfolomeev, <https://orcid.org/0000-0002-4488-6582>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ybartho@mail.ru

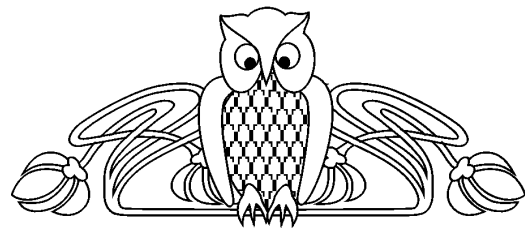
This article continues the biographical sketch of the Saratov period of life and activities of an outstanding scholar and a prominent figure in the Zemstvo liberal movement in Russia Alexander Alexandrovich Kornilov. In the second part of the «Saratov diary» the author examines the dramatic twists and turns Kornilov's fate associated with his arrest. Along with this, his social and political activities, scientific and publicistic papers on the problems of the Zemskoe movement are analyzed.

Key words: A. A. Kornilov, historian, publicist, Zemstvo representation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-540-546>

Окончание. Начало см.: Варфоломеев Ю. В. Саратовский «дневник» историка А. А. Корнилова: часть первая // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 520–529. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2017-17-4-520-529>

По возвращении А. А. Корнилова от Арцимовичей из Люцина в Саратов в конце августа 1902 г. в его жизни произошла драматичная и неприятная метаморфоза. Спустя несколько месяцев на Александра Александровича, воодушевленного творческим успехом от блестяще подготовленной рукописи об В. А. Арцимовиче, «холодным душем» обрушились серьезные невзгоды. «В конце осени я неожиданно был подвергнут обыску в своей квартире»¹, – вспоминал Корнилов о непрошенном визите жандармов в ночь на 1 ноября 1902 г. Очевидно, он попал под

пристальное наблюдение полиции сразу после посещения его квартиры политически неблагонадежными товарищами – супругами Натансон и четой Старынкевичей.

При обыске жандармы нашли на письменном столе ученого три номера журнала «Освобождение», которые, очевидно, передал Корнилову его старый знакомый Д. И. Шаховской вместе с поклонами и просьбой о сотрудничестве от редактора этого издания П. Б. Струве². Сам Александр Александрович не придавал значения этому, как ему казалось, ничтожному обстоятельству, но «жандармский офицер с большим рвением за это уцепился»³, – с изумлением для себя заметил он. Уже под утро жандарм пригласил Корнилова в квартиру Федоровых, которые жили по соседству с опальным ученым и тоже были подвергнуты обыску. Между тем Александр Александрович, ничего не подозревая, спокойно чаёвничал, когда вдруг жандарм объявил о том, что его должны доставить в тюрьму. На изумленный вопрос ученого о том, какова причина его ареста, жандарм воскликнул: «Как, а три номера “Освобождения”?»⁴.

Кроме трех экземпляров журнала жандармы изъяли при обыске: проект программы Российской социал-демократической партии, революционные песни и стихи, «Былое и думы» А. И. Герцена, «Так что же нам делать?» Л. Н. Толстого, три фотографии, запечатлевшие избивание студентов казаками, а также всю имевшуюся у Корнилова переписку с родными и знакомыми. Эти материалы, а также многочисленные сведения агентурного характера, полученные полицией в ходе негласного наблюдения за политически неблагонадежным ученым, послужили основанием для привлечения его к дознанию «О социал-революционном кружке в Саратове». Всего по этому делу к следствию было привлечено 18 человек, в том числе и будущий глава советского правительства А. И. Рыков, а также его сестра Фаина⁵.

Находясь в крайне возбужденном состоянии, сразу после заключения в тюрьму Корнилов написал два заявления, как он сам отметил, «в очень повышенном тоне»⁶. Одно из заявлений было адресовано саратовскому губернатору А. П. Энгельгардту, а второе – прокурору Судебной палаты А. А. Макарову, впоследствии министру внутренних дел. В заявлении на имя губернатора он, в частности, пояснил характер своих оппозиционных настроений и аргументировал свою невиновность: «Если я имею образ мыслей, несогласный

с нынешним правительством, если я даже позволяю себе иногда читать брошюры не революционного, а лишь оппозиционного содержания, но не принимаю никакого участия ни в какой противозаконной политической деятельности» (подчеркнуто А. А. Корниловым), то ведь едва ли можно признать справедливым заключение меня за одно только это в тюрьму без следствия и суда»⁷.

Наряду с этим, в своем заявлении он попросил Энгельгардта, также подчеркнув это на письме, о разрешении жене – Наталье Антиповне – видеться с ним или, по крайней мере, передавать ему необходимые вещи и предметы. Особенно ученый сетовал на то, что в числе изъятых у него при обыске бумаг находились рукописи начатых им литературных работ, до возвращения которых он будет лишён заработка, необходимого для содержания его семьи⁸.

Действительно, Корнилов стремился не прерывать научные и литературные занятия даже в тюрьме, и после того как его просьба была удовлетворена, жена передала ему труд А. И. Скребицкого «Крестьянское дело в царствование императора Александра II», исследования по отмене крепостного права, материалы по земской реформе и другие публикации, касающиеся эпохи Великих реформ. Как видим, тематика перечисленных материалов, с которыми работал историк, а также рвение и основательность, с которыми он приступил к работе, подтверждают выводы большинства исследователей, считающих, что именно в Саратове начинается карьера Корнилова как историка и, в частности, как специалиста по эпохе Великих реформ. «Внимание Корнилова привлекают великие реформы, и прежде всего крестьянская, – отмечает А. А. Левандовский. – Собрав и обобщив огромный по объему фактический материал, Корнилов сумел по-новому оценить причины отмены крепостного права – одним из первых он обратил внимание на кризисное состояние помещичьего хозяйства в предреформенные годы»⁹.

Между тем ответ прокурора на заявление Корнилова был получен им в кратчайшие сроки, однако высокопоставленный чиновник разъяснил задержанному, что дело, по которому он проходит, секретное и прокуратура сможет в него вмешаться только через две недели – после того как закончится предварительное дознание¹⁰. А вот официального ответа губернатора так и не последовало, но зато он «вступился, как мне было известно, за меня довольно энергично»¹¹, – отметил Корнилов. Именно вмешательство А. П. Энгельгардта, принявшего деятельное участие в судьбе опального историка, способствовало его освобождению из заключения уже через неделю – 8 ноября 1902 г. Корнилов был выпущен на свободу под особый надзор полиции, в то время как полицейское дознание по этому делу продолжалось еще больше года – до 2 января 1904 г.

Как впоследствии выяснилось, жандармы арестовали А. А. Корнилова по ошибке, причислив его к организации эсеров. «Поводом к этой ошибке, как я впоследствии убедился, – вспоминал он, – было, во-первых, то, что Натансон приехал прямо с вокзала ко мне на квартиру, а затем еще то обстоятельство, что жандармы, вероятно, проследили, как Гершуни, приезжавший в Саратов для организации убийства Сипягина, был раз или два на квартире у Кати, чтобы видеться со своими единомышленниками»¹². В ходе допросов жандармы все-таки выяснили его непричастность к эсерам, но злополучные три номера «Освобождения», изъятые у него при обыске, хотя и не помешали освобождению Корнилова из-под стражи, однако как улики послужили для правоохранительной основой для проведения в отношении него уже другого расследования. В итоге он был отдан под особый надзор полиции и лишен возможности отлучаться из Саратова без разрешения власти. Еще одним неприятным последствием этого инцидента явилось также и то, что срок ссылки Корнилова был увеличен на целый год.

А. А. Корнилов оказался в очень сложном положении. Газета «Саратовский дневник», в которой он до этого работал, закрытая летом 1902 г. на два месяца открывалась вновь, но её издателю Н. Н. Львову было рекомендовано изменить состав редакции. При таких условиях Львов решил от нее отказаться и передал издание «Саратовского дневника» всецело в руки В. К. Самсонова. При таком раскладе Александр Александрович считал, что оставаться редактором еженедельника для него не имело смысла, и он ушел из газеты вслед за её издателем. «Я ушел, но из Саратова двинуться не мог в течение еще двух лет», – так он охарактеризовал свою патовую жизненную ситуацию.

Лишившись журналистского заработка как основного, Корнилов обращается с этого времени в большей мере к общественной и научной работе, и здесь как всегда рядом с ним оказывается Н. Н. Львов, который в очередной раз спешествует в его начинаниях. Кроме того, очевидно, не без помощи Львова и местных земско-либеральных деятелей, Корнилов был оформлен помощником присяжного поверенного А. А. Токарского¹³, возглавлявшего Саратовскую губернскую группу «Союза освобождения». Законные основания для подобного «трудоустройства» А. А. Корнилова, безусловно, были, так как он имел высшее юридическое образование и опыт (стаж) административно-правовой работы. Сам новоиспеченный стажер при этом уточнял, что «это определение было только формально, так как я не брал никаких дел»¹⁴.

В то же время такое, как выразился Корнилов, «прикосновение к присяжной адвокатуре» проявилось, прежде всего, в его участии в работе саратовского Юридического общества, где Корнилов прочитал реферат «Об административном

устройстве крестьян», который, как скромно заметил сам докладчик, «имел некоторый успех»¹⁵. Впоследствии этот реферат был опубликован в «Саратовской земской неделе» вместе с другой его статьей «Из истории вопроса о земском представительстве», которая, в свою очередь, вошла в цикл докладов комиссии по вопросу о понижении земского ценза.

Корнилов, имевший немалый опыт практической работы гласным городской думы¹⁶ и глубоко исследовавший проблемы городского и земского самоуправления, считал, что «В истории земских учреждений красной нитью проходит более или менее сознательное убеждение всех наиболее влиятельных и преданных делу земских деятелей, что в России можно сильно и плодотворно работать лишь будучи представителем народных интересов и истолкователем нужд и потребностей народной массы, которой до последнего времени олицетворялась в глазах земских людей главным образом в лице крестьянства. Это направление определило и содержание земской работы, им же обуславливалось и отношение земств к вопросу об организации земского представительства»¹⁷.

Анализируя причины неудовлетворительно состояния системы земского представительства, он указывал на две основные причины: «1) неуравновешенность этой системы в невыгодную для массы населения сторону; 2) вследствие ограничения имущественным цензом контингента земских избирателей постоянно ощущался недостаток людей в земстве»¹⁸. По его мнению, эти два главных недостатка в организации земского представительства, очевидно, «могли бы коренным образом быть уничтожены лишь введением всеобщего избирательного права»¹⁹.

Размышляя над проблемами земского представительства, А. А. Корнилов отмечал, что при существовавшем на тот момент положении вещей, при существовавшей компетенции земских учреждений необходимо абсолютное признание принципа, что «только земские плательщики имеют право избирать своих уполномоченных для заведывания земским хозяйством, <...> независимо от состава избирательных съездов или собраний»²⁰. Таким образом, он последовательно отстаивал свою точку зрения, заключающуюся в том, что всему населению необходимо предоставить право «избирать своими представителями, т. е. гласными всех местных жителей, хотя и не обладающих имущественным цензом, но достаточно прочно водворившихся в данной местности и обладающих образовательным цензом»²¹. Подобное расширенное толкование пассивного избирательного права, по мнению ученого, «было бы плодотворно и полезно в высокой степени, даже и в таком случае, если бы при проведении начала бессословности в крестьянские учреждения удалось их слить с земскими в одну систему и заменить ныне действующую избира-

тельную систему по группам населения системой территориальных избирательных собраний или съездов»²².

Характеризуя состав саратовского земства, Корнилов, конечно, особое место отводил Н. Н. Львову, которого считал «прекрасным руководителем земства в губернии», правда, с одной оговоркой, что тот «не был достаточно терпелив». Последнее обстоятельство, очевидно, и объясняет то, что Николай Николаевич «несколько охладел к земству и скоро, не дослужив трехлетия, отказался от места председателя земской управы»²³. Вместе с тем, по мнению Александра Александровича, при Львове в саратовском земстве сложился прекрасный подбор «третьего элемента»: заведующий статистическими исследованиями Саратовской губернии Н. Н. Черненко, его помощник В. И. Серебряков, сотрудики Н. И. Ракитников, Н. Д. Россов, М. Е. Березин, заведующий ветеринарной частью земства Ф. А. Березов, заведующие медициной врачи М. Д. Ченыхаев и Н. И. Теляков. По мнению Корнилова, это были земские деятели, «могущие составить честь любому правительственному или общественному учреждению»²⁴.

Действительно, земское собрание в Саратове отличалось выдающимися деятелями как либерального, так и консервативного направления. По признанию Корнилова, он «с удовольствием ходил слушать речи» в земском собрании таких блестящих ораторов, как гр. Д. А. Олсуфьев, гр. А. А. Уваров, кн. Н. Н. Львов, С. А. Котляревский, А. М. Масленников и др. Но особое впечатление на ученого производил, несомненно, Львов. Наблюдая за ним в собрании, Корнилов не раз ловил себя на мысли, что Николай Николаевич «мог бы быть превосходным министром в стране с парламентским управлением»²⁵. По сути, Александр Александрович впервые высказал мысль, которая вполне могла обрести реальные черты в недалеком будущем. В июле 1906 г. Николай II предложил П. А. Столыпину ввести Н. Н. Львова в состав Совета министров и назначить его главноуправляющим землеустройством и земледелием. Однако после беседы с кандидатом на этот пост сам же изменил свою точку зрения. В записке, адресованной Столыпину, он подчеркнул: «Вынес глубокое убеждение, что они не годятся в министры сейчас. Они не люди дела, т. е. государственного управления, в особенности Львов». А своей матери, Марии Федоровне, он написал с куда большей откровенностью: «У них собственное мнение выше патриотизма вместе с ненужной скромностью и боязнью скомпрометироваться. Придется без них обойтись»²⁶.

С другой стороны, и Н. Н. Львов высоко ценит интеллектуальный потенциал и профессионализм А. А. Корнилова. Летом 1903 г. после того как Львов вернулся из-за границы, где состоялся съезд русских конституционалистов, он настойчиво уго-

варивал Александра Александровича переехать в Париж, обещая два года платить ему по 3000 рублей содержания с тем, чтобы он вместе со Струве вел журнал «Освобождение». «Струве, – пояснял Львов свой выбор, – изнемогает один, ведя этот в высшей степени полезный орган, а вы приехали бы с обновленным опытом и оказали бы ему сильную поддержку»²⁷. Это предложение поддерживали и соратники Львова – земские гласные С. А. Котляревский и К. Б. Веселовский. Корнилов и сам чувствовал, что мог быть действительно полезен в этом качестве, но обреченно признавался, что «вынужден сидеть с обрезанными крыльями»²⁸ под надзором полиции в Саратове. Как оказалось, получить разрешение полиции на поездку даже в Петербург ему стоило больших трудов.

В марте 1903 г. саратовским губернатором вместо А. П. Энгельгардта, ставшего товарищем министра земледелия, назначили, по выражению Корнилова, «молодого и очень представительного Петра Аркадиевича Столыпина»²⁹. Однако хлопоты ссыльного ученого перед новым губернатором о разрешении поездки в Петербург оказались тщетными. В ответ на просьбу Корнилова Столыпин ответил, что он своей властью дозволить ему этого не может, однако согласился послать в Петербург телеграмму на имя директора департамента полиции, которую предложил составить Александру Александровичу самому. Телеграмма была отправлена, и через несколько дней был получен ответ, что прошение, изложенное в телеграмме, оставлено без последствий. «Нечего было делать, пришлось покориться»³⁰, – угрюмо подытожил свои напрасные хлопоты Корнилов.

Между тем, не теряя времени даром, ученый продолжал работу над историческими монографиями для журналов «Русское богатство» и «Мир Божий». Для первого он написал большую работу «Губернские комитеты по крестьянскому делу в 1858–1859 годах», которая была помещена в первых 5-ти книжках «Русского богатства» за 1904 год. А для второго историк подготовил ряд статей под заглавием «Николай Иванович Тургенев и Союз Благоденствия». В 1905 г. обе эти работы, вместе с другими, были изданы в отдельном сборнике, за который А. А. Корнилову в 1911 г. была присуждена большая Самаринская премия. Находясь в Саратове, Корнилов подготовил обстоятельную рецензию о книге С. С. Татищева «Александр II». Все эти труды вселили в ученого уверенность в правильности избранного пути, и он с удовлетворением констатировал: «в сущности, нашел свою дорогу в будущее»³¹. А. А. Левандовский считает, что именно в Саратове Корнилов «становится историком, и прежде всего, историком крестьянской реформы. К подобному выбору его подвела сама жизнь – сказались стремление дойти до сути, до самых корней того крестьянского вопроса, с которым ему постоянно приходилось сталкиваться и теоретически – в студенческие годы, и практиче-

ски – в период государственной службы. <...> В сущности, именно в эти годы Корнилов создал себе репутацию ученого, специалиста по истории общественного движения и крестьянского дела в России»³².

В научной работе большую помощь ученому оказывала сестра жены Катя³³. «Она переписывала все мои работы набело, – вспоминал он. – Но помощь ее была не помощь простого писца. Мне важно было, что она прочитывала со вниманием текст и часто давала мне советы то или другое исправить. В отношении губернских комитетов она сделала для меня большую работу. В Скребицком³⁴ все сведения о них разбросаны по отдельным томам, а она свела их воедино, чем очень облегчила мою задачу»³⁵.

Вместе с тем А. А. Корнилова угнетало его поднадзорное положение и трудности передвижения по стране. Не желая мириться с этим, как он считал, незаконным преследованием со стороны правительства, он написал большую докладную записку на имя директора департамента полиции А. А. Лопухина, в которой Корнилов изложил все свои доводы о неправильности преследования его полицией, и просил еще раз разрешения приехать в Петербург на две недели. Свою просьбу к Лопухину он мотивировал тем, что ему «было бы существенно важно лично переговорить в Петербурге с редакциями тех изданий, в которых я сотрудничаю, так как на расстояниях многое очень трудно уладить, а между тем литературный заработок у меня – единственное средство к жизни и к содержанию моей семьи. Наконец, я хотел путем личного свидания с Вашим Превосходительством выяснить свое положение и снять с себя те незаслуженные и неясные для меня подозрения, которые, очевидно, против меня существуют и обуславливают несправедливые преследования, которым я подвергаюсь»³⁶.

Однако на эту докладную записку Корнилов не получил никакого ответа. Тогда в Петербург отправилась его жена, которая встретила с А. Н. Нарышкиной и получила от неё рекомендательное письмо к А. А. Лопухину. Эта протекция возымела свое действие – по этому письму Лопухин принял Н. А. Корнилову даже в неприемный час. Поначалу директор Департамента полиции отклонил просьбу ссыльного ученого, но пообещал более подробно ознакомиться с его делом, и на второй раз уже, не выражая никаких опасений, дал ему разрешение приехать на две недели в столицу.

В апреле месяце 1903 г. Корнилов наконец приехал в Петербург и там первым делом явился к Лопухину. Но, несмотря на приемный день, директор Департамента полиции его не принял. Однако через два дня у него появилась возможность аудиенции у самого министра внутренних дел В. К. Плеве, которому Александра Александрович лично передал свою записку, в которой просил разрешить ему переезд на жительство в

Москву со всем своим семейством. В обоснование своей просьбы он изложил следующее: «Мои литературные занятия и интересы моей семьи требуют переезда в Москву, а я не могу двинуться отсюда. В августе мне надо определять сына в гимназию (он выдержал экзамен во 2-ой класс), а я еще не знаю, можно ли мне переехать в Москву (я желал бы в Москву, так как климат Петербурга нехорош для моей жены); в Саратове же, где я перенес столько незаслуженных неприятностей, я решительно не хочу оставаться, тем более, что местные условия также нехорошо отражаются на слабом здоровье моей жены»³⁷. Рассмотрев это прошение, министр поручил саратовскому губернскому жандармскому управлению еще раз изучить дело ссыльного А. А. Корнилова.

Однако просьба Корнилова на этот раз не была удовлетворена и ему пришлось ждать еще около года решения своей судьбы. Только 27 мая 1904 г. поступило сообщение департамента полиции губернскому жандармскому управлению о том, что против выезда А. А. Корнилова на дачу к матери в селение Галахи Варшавской губернии возражений не имеется³⁸.

В 1903 г. Корниловы сменили квартиру. Новая «квартира» оказалась целым особняком в два этажа, с большим садом и баней. «Дом этот отдали всего за 600 рублей в год, так как он находился почти за городом, на Малой Царицынской улице, – пояснял Александр Александрович. – Все-таки цена его была очень невелика, потому что в доме было десять жилых комнат. Мы наняли его вместе с сестрами и отцом жены и вели сообща хозяйство»³⁹.

Несмотря на периферийность, этот дом стал центром общественной жизни саратовской интеллигенции. Здесь каждую неделю, как выразился Александр Александрович, на «журфиксах» собиралась вся земская и городская интеллигенция столицы Поволжья: Н. Н. Львов, С. А. Котляревский, Черненковы, Сиротинины, Серебряковы, Березовы, М. Е. Березин, А. А. и Е. К. Никоновы, Старынкевичи и мн. др. На этих вечерах, кроме самовара и блюд с бутербродами, ничего особенного не было, но зато всегда царил оживленная дружеская обстановка с интересными и насыщенными беседами. «Здесь обсуждались все получаемые новости, все политические толки того времени»⁴⁰, – вспоминал Корнилов.

Так, например, Н. Н. Львов постоянно рассуждал о ходе политических событий в стране и о том, можно или нельзя предоставить всеобщее избирательное право в России. Н. Н. Черненко твердо отстаивал идею всеобщего избирательного права и утверждал, что никакой нет опасности дать всеобщее избирательное право каждому мужику, так как «мужики будут выбирать и не мужика, а кого следует». А вот И. Ю. Старынкевич настаивал на необходимости образования либеральной партии. Он аргументировал свою точку зрения тем, что пока есть только партии эсеров

и социал-демократов все прочие могут говорить, что мы не принадлежим ни к тем, ни к другим, и толку из этого не выйдет⁴¹.

В это же время А. А. Корнилов плодотворно и увлеченно работает над несколькими научными произведениями. Идея одной из таких работ – «Общественное движение при Александре II» – была предложена Корнилову Н. Н. Львовым, «частью из желания доставить мне заработок, а частью в интересах общества»⁴², – уточнял ученый. Причем эту работу он мог свободно писать, не оглядываясь на цензурные ограничения и используя весь тот запрещенный материал, который в Саратове, по словам Корнилова, «достать было легче, чем в другом городе»⁴³. Корнилов с энтузиазмом принялся за работу и очень скоро написал первые три главы, характеризующие конец царствования Николая I и начало царствования Александра II. Эти три главы были напечатаны П. Б. Струве в первой книжке «Освобождения». Александр Александрович, воодушевленный успехом, не остановился на достигнутом, и его работа по систематическому изучению общественного движения эпохи царствования Александра II продолжалась поступательно и динамично.

С особой благодарностью А. А. Корнилов отзывался о книжных «сокровищах», любезно предоставленных ему Василием Ивановичем Семевским. Имея в своей библиотеке много редких книг, частью недозволенных цензурой или вовсе не поступавших в продажу, он охотно предоставил историку возможность пользоваться ими и переслал в Саратов по почте целый ящик редких книг. В этой посылке было, в частности, полное собрание работ редакционных комиссий, «Бумаги по крестьянскому делу М. П. Позена», «Материалы для истории упразднения крепостного состояния в России» и «Записки А. И. Кошелева», изданные в Берлине, работа В. Л. Бурцева «За сто лет» и много других редких и ценных книг.

Меньше чем через год Корнилов уже подготовил рукопись объемом в 14–15 печатных листов. По мере написания этой работы он зачитывал отрывки из книги Н. Д. Россову, который, по словам автора, остался ими очень доволен и выразился о них так: «Это будет у вас многогранное произведение!»⁴⁴. Произведение это, хотя и было уже готово в начале 1904 г., но было издано за границей не раньше, чем туда прибыл сам автор. «Это было первое мое произведение по истории царствования Александра II, – с удовлетворением отмечал Корнилов. – Оно имело успех»⁴⁵. Подтверждением этого может служить тот факт, что профессор Берлинского университета Теодор Шиман дал о нем краткий, но весьма лестный отзыв в «*Kreuzzeitung*», отметив, что это лучшее, что было к тому времени написано по истории царствования Александра II. Это произведение было напечатано сначала за границей значительным для того времени тиражом – 4 тысячи экземпляров, правда без подписи

автора. Затем с некоторыми изменениями эта работа была опубликована в журнале «Минувшие годы», причем некоторые номера журнала из-за этого труда были привлечены к суду. В третий раз эта работа Корнилова была издана журналом «Русская мысль» в 1909 и 1913 гг.

Тем временем в Саратове сестры жены затеяли новый общественно-значимый проект. По идее Н. Н. Сиротина, имевшего большую семью⁴⁶, они организовали детский сад. Принимали туда детей «третьего элемента» – земских и городских служащих. «Предприятие это, начавшееся весьма скромно, – уточнял А. А. Корнилов, – не доходило более чем до 12 человек, потому что не было подходящего помещения в городе; к нам же водить маленьких детей было далеко»⁴⁷. Возраст детей был от 4 до 9 лет, и занятия с ними были довольно разнообразными. Открытие этой школы оказалось весьма кстати для сестры жены Кати, потому что она лишилась своего места в городской управе, так как губернатор отказался утвердить ее в должности. На святках для малышей детского сада, а также для сына Александра Александровича Володи и его товарищей устраивали в большом зале квартиры елку, которая зажигалась несколько раз. Детей на этом празднике собиралось очень много, и по отзывам родителей это была самая веселая елка в Саратове на Рождество⁴⁸.

В январе 1904 г. началась война с Японией. По воспоминаниям Корнилова, первое известие о ней пришло в Саратов во время земского собрания, которое готовилось отправить адрес в поддержку тверского земства, раскассированного В. К. Плеве. Однако потрясение от удручающих известий с Дальнего Востока было настолько сильным, что Саратовское земское собрание выработало другой адрес, адрес по случаю войны. С этих пор война сделалась главным предметом обсуждения и на корниловских журфиксах, где неравнодушная публика разделилась на два лагеря, как и все общество в стране: желающих поражения царской России и, напротив, желающих победы русскому оружию. Корнилов был на стороне тех, кто желал победы, но при этом слабо на нее надеялся. «Так с этими отголосками споров в голове я и уехал из Саратова, – вспоминал Александр Александрович. – Таля с Володей поехали на лето в Галахи, Катя с Машей поехали в Крым, а я поехал в Вернадовку»⁴⁹.

Весной 1904 г. Корнилов наконец получил долгожданное положительное решение по своему делу, а вместе с тем получил и свободу передвижения. Однако в Саратове ему пришлось задержаться более чем на год из-за семейных проблем – болезни жены и учебы сына. Тем не менее, получив право на свободу передвижения, Корнилов посетил сначала российские столицы, а затем уехал в Париж к П. Б. Струве, которому помогал в редактировании оппозиционного неподцензурного журнала «Освобождение».

В сентябре 1905 г. перед отъездом из Саратова с Корниловым произошел необычный инцидент. Вот как он его описал. «Мы с Катей были на даче – на так называемой “Горе”⁵⁰ у Н. Н. Сиротина и Серебряковых. Нам нужно было оттуда ехать на ст. Разбойщина, на дачу, занимаемую Федоровыми. Когда мы дошли до вокзала, то поезд был не только подан, но уже отходил, и мы бегом добежали до последнего вагона. Не заметив, что провожают губернатора, я быстро толкнул в вагон Катю и вскочил сам, причем почувствовал, что меня сильно дергают назад. Обернувшись, я увидел растерянные физиономии полицмейстера и жандармского полковника; но Столыпин, который стоял в дверях этого вагона, сказал: “Не трогайте, они не успеют иначе”, и мы вошли в вагон. Тут только я заметил, что мы находимся в вагоне Столыпина. Между тем поезд отошел, и мы оказались случайными соседями. Сообразив положение, я сказал, что мы можем пройти в следующий вагон. Но Столыпин ответил: “Не беспокойтесь. В следующий вагон хода нет, вы проедете со мною до следующей станции”. Так и пришлось сделать. Извинившись перед Столыпиным за доставленное беспокойство, на следующей станции, которая и была Разбойщина, мы вышли из вагона»⁵¹.

На этом эпопея саратовского периода жизни Александра Александровича Корнилова завершилась. Долгожданный исход из саратовской ссылки открыл перед ним широкое поле общественно-политической и научной деятельности в Москве и Петербурге. Правда, день возвращения в Москву (29 сентября 1905 г. – Ю. В.) врезался в память и омрачился в его сердце нерадостным знаком. «Тотчас по возвращении моем из Саратова в Москву произошло очень печальное событие: смерть и похороны князя Сергея Николаевича Трубецкого»⁵², а вслед за этим беспокойная осень и зима 1905-го принесли и Высочайшее дарование свобод, и «разбойщину» декабрьского вооруженного восстания, на фоне которых годы, проведенные Корниловым в Саратове, выглядели провинциальным «затишьем» перед разразившейся революционной «бурей», но это уже другая страница его биографии.

Примечания

- ¹ Корнилов А. А. Воспоминания // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 113.
- ² Там же. С. 139.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 113.
- ⁵ См.: Гусакова З. Е. «...Я решительно не знаю, за что попал в тюрьму» (саратовский автограф А. А. Корнилова) // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2011. Вып. 4. С. 216.
- ⁶ Корнилов А. А. Воспоминания. С. 113.
- ⁷ Гусакова З. Е. Указ. соч. С. 219.
- ⁸ Там же.

- ⁹ Левандовский А. А. Последний общий курс русской истории и его автор : вступ. ст. А. А. Корнилова. М., 1994. С. 7.
- ¹⁰ См.: Корнилов А. А. Воспоминания. С. 114.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Подробнее об А. А. Токарском см.: Варфоломеев Ю. В. Присяжный поверенный А. А. Токарский («На его руках Чернышевский и умер...») // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 55–60.
- ¹⁴ Корнилов А. А. Воспоминания. С. 140.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ В 1895 г. А. А. Корнилов был избран гласным Иркутской городской думы, входил в комиссию для образования делопроизводства городской управы и ее хозяйственной деятельности.
- ¹⁷ Корнилов А. А. Из истории вопроса о земском представительстве // Саратовская земская неделя. 1903. № 10–11. С. 36.
- ¹⁸ Там же. С. 37.
- ¹⁹ Там же. С. 38.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 40.
- ²³ Корнилов А. А. Воспоминания. С. 140.
- ²⁴ Там же. С. 141.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Цит. по: Шевырин В. М. Николай Николаевич Львов : «Нельзя оставлять население в таком пренебрежении к его культурным нуждам...». URL: <http://new.z-pdf.ru/33kulturologiya/182125-1-vmshevirin-bolee-let-nazad-emigracii-umer-nikolay-nikolaevich-lvov-1867-1944-krupni.php> (дата обращения: 30.04.2018).
- ²⁷ Корнилов А. А. Воспоминания. С. 140.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 142.
- ³² Левандовский А. А. Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. А. А. Корнилов. М., 1982. С. 21.
- ³³ Через несколько лет после смерти супруги А. А. Корнилова Натальи Антиповны её младшая сестра Екатерина в 1908 г. стала женой историка.
- ³⁴ Очевидно, здесь имеется в виду Скребницкий Александр Ильич (1827–1915), писатель, врач-окулист, общественный деятель и историк, автор фундаментального труда «Крестьянское дело в царствование Императора Александра II» (в 4 томах).
- ³⁵ Корнилов А. А. Воспоминания. С. 142.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 143.
- ³⁸ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1/1902. Д. 114. Т. 3. Л. 293.
- ³⁹ Корнилов А. А. Воспоминания. С. 144.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 147.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Любопытную деталь сообщила в своих воспоминаниях доктор филологических наук, профессор Саратовского государственного университета О. Б. Сиротина : «первый ребенок (в семье Сиротининых. – Ю. В.) родился только в 1882 году, это была моя мама. Как рассказывала бабушка, десять лет у них не было детей, потому что дед боялся, что его арестуют и ребенок останется без отца. В конце концов бабушка отважилась забеременеть, в результате чего родилась моя мама. После её рождения он уже ничего не имел против детей, и они рождались каждые два года. Всего в их семье было пятеро детей : четыре девочки и срединный мальчик, Николай Николаевич – младший» (Сиротина О. Б. Жизнь вопреки, или Я счастливый человек : Воспоминания / запись и подгот. текста, предисл., справ. аппарат О. В. Мякшевой. Саратов, 2009. С. 23–24).
- ⁴⁷ Корнилов А. А. Воспоминания. С. 113.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ О. Б. Сиротина поясняет появление их дачи на «Горе» : «В то время можно было купить по дешевке срубы деревянного дома, которые сплавлялись по Волге. Дед с бабушкой такой домик купили и еще приобрели ли, взяли ли в аренду, я не знаю каким образом, землю – очень неудобное место в Октябрьском ущелье на крутом склоне горы. На этом склоне горы они и поставили две дачи, которые сделали из одного сруба. Одну постоянно сдавали саратовскому художнику Россову (очевидно, имеется в виду земский статистик, и, как значится в справочнике С. Д. Соколова «Саратовские художники (XIX и XX в.)», «художник-дилетант» Н. Д. Россов. – Ю. В.), который со своим семейством жил на этой даче летом» (Сиротина О. Б. Указ. соч. С. 24).
- ⁵¹ Корнилов А. А. Воспоминания. С. 113.
- ⁵² Там же. С. 114.

Образец для цитирования:

Варфоломеев Ю. В. Саратовский «дневник» историка А. А. Корнилова: часть вторая // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 540–546. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-540-546>

Cite this article as:

Varfolomeev Yu. V. Saratov «Diary» of the Historian A. A. Kornilov: Part Two. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 540–546 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-540-546>

УДК 94(470)»1894/1917»

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Д. П. Шишкин

Шишкин Дмитрий Петрович, соискатель ученой степени кандидата исторических наук по кафедре отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, dshishkin@hsmedia.ru

Главное внимание в работе уделено изучению архивных и иных документальных источников, связанных с направлениями и спецификой реализации столыпинской аграрной реформы в Саратовской губернии. Анализ источников позволил изучить совокупность объективных факторов, а также экономических, социальных, этнических, демографических и иных особенностей развития саратовской деревни накануне аграрной реформы начала XX в. Автор приходит к выводу о том, что в названный период в саратовской деревне объективно оформились основные противоречия, которые послужили причиной для последующих социальных катаклизмов. Одним из возможных путей разрешения социальных противоречий на селе был путь проведения быстрой, радикальной и эффективной капиталистической модернизации. Некоторые идеи такой модернизации впоследствии были заложены в концепцию правительственной аграрной реформы.

Ключевые слова: столыпинская аграрная реформа, объективные предпосылки, особенности развития саратовской деревни.

Formation of the Main Prequisites of Saratov Province Agricultural Reform in the Beginning of the XX Century

D. P. Shishkin

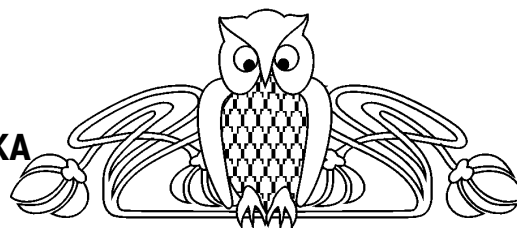
Dmitry P. Shishkin, <https://orcid.org/0000-0001-6682-0069>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, dshishkin@hsmedia.ru

The emphasis of the paper is on the research of the archives and other documentaries connected with directions and specifications of Stolypin agricultural reform realization in Saratov province. Various sources analysis provided an opportunity to study the objective factors as well as economic, social, ethnic, demographic and other characteristics of Saratov province rural development at the pre-reform period of the beginning of the XXth century. The author came to the conclusion that inconsistencies objectively formed at the given time period served as the reason for the following social cataclysms. Rapid, radical and effective capitalistic modernization represented one of the possible solutions of social collisions. Some concepts of modernization were realized as an agricultural reform.

Key words: Stolypin agricultural reform, objective perquisites, Saratov province rural development characteristics.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-547-550>

Капиталистическая модернизация России начала XX в. затронула многие сферы жизни российского общества. В этот период в стране бы-

стро набирали силу процессы индустриализации, урбанизации, концентрации промышленного производства, характерные для начальной стадии модернизации. Одной из особенностей российской модернизации являлось то обстоятельство, что промышленный переворот в стране был завершен до начала буржуазной революции, а не после ее окончания. В то же время аграрный переворот в Российской империи в силу ряда причин так и не был осуществлен. Поэтому в пореформенный период в стране постепенно сложилось резкое противоречие между городом и деревней по уровню развития капиталистических отношений. Основным препятствием для развития капитализма на селе являлся примат отсталых полуфеодалных отношений в аграрной сфере. Консервация архаичных аграрных отношений в российской деревне обусловила вызревание основных предпосылок для социальных катаклизмов начала XX века.

Процессы развития аграрной сферы в Саратовской губернии протекали в рамках общероссийских тенденций. Однако эти процессы имели свои особенности, которые были обусловлены природными, социальными, историческими, этническими и иными специфическими факторами региона. Доминирующее положение в экономике губернии в начале XX в., безусловно, занимал аграрный сектор. Более 80% населения губернии так или иначе было тесно связано с сельским хозяйством. Сельское население составляло более 87%, а городское население – около 13%. При этом численность крестьянства, основного сословия деревни, составляла 77,8% от общей численности всего населения губернии¹.

Саратовское Поволжье являлось важнейшим зернопроизводящим регионом страны. Под зерновыми культурами было занято около 80 % общей площади пахотных угодий. Однако аграрное производство носило преимущественно экстенсивный характер. Количество пахотных земель быстро увеличивалось на всей территории губернии. Недостаток пахотных земель вынуждал крестьян к распашке пастбищных угодий. По темпам роста запашки земель Саратовская губерния занимала второе место в Поволжье. В 1913 г. площадь посевов в Саратовской губернии составляла уже свыше 3 млн десятин². Пахотные земли использовались крестьянством крайне неэффективно. На общинных землях сохранилась трехпольная система использования земли, часто не выдерживался севооборот. Урожайность основных зерновых культур являлась крайне низкой. К примеру,

средний урожай пшеницы за 1900–1906 гг. в Саратовском Поволжье составлял 52 пуда зерна с десятины на частных землях и около 40 пудов зерна на крестьянской общинной земле³.

Как известно, общий земельный фонд России делился на три основные категории: частновладельческая земля, крестьянская надельная земля, а также третья категория, которая включала все остальные земли. К третьей категории относились земли, которые принадлежали различным государственным и церковным структурам, а также губернским органам администрации. В Саратовской губернии доля крестьянской надельной земли составляла 51,3% от общего земельного фонда, доля частновладельческой земли составляла 37%, а на долю остальных земель приходилось всего 11,7%⁴.

Главным условием успешной хозяйственной деятельности крестьян являлось наличие достаточного количества пахотной земли. Консервация общинного уклада жизни привела к аграрному перенаселению. Это породило острую проблему малоземелья крестьянства в отдельных регионах европейской части России, включая Саратовскую губернию.

Основная причина такой ситуации состояла в сохранении доминирующей роли дворянского землевладения. К примеру, в Европейской России 30 тыс. дворянских семей владели 70 млн десятин земли. В среднем на каждое помещичье землевладение приходилось около 2 333 десятины. В то же время в землепользовании 10,5 млн крестьянских хозяйств находилось 75 млн десятины. В среднем на один крестьянский двор приходилось по 7 десятины земли. В 1905 г. 19,7% крестьянских дворов имели по 5 десятины земли, 34,7% имели от 5 до 10 десятины. Таким образом, крестьянская беднота составляла около половины сельского населения европейской части России⁵.

Центральной проблемой саратовской деревни стало малоземелье крестьян, которое мешало ведению ими полноценного хозяйства. Она усугублялась также тем обстоятельством, что реформой 1861 г. крестьянское надельное владение землей в губернии было урезано почти на 43%. Проблема «аграрного голода» была обусловлена огромным неравенством во владении землей основными сословиями саратовского села. Переход основной массы крестьян на «дарственный» надел вызвал значительное сокращение земли, находящейся в их землепользовании. При отмене крепостного права крестьяне – «дарственники» Саратовской губернии – получили нищенские земельные наделы, в среднем по 1,6 дес. на ревизскую душу, остальные бывшие помещичьи крестьяне – по 3,4 дес., государственные крестьяне – по 7,9 десятины⁶. В начале XX в. размер крестьянских наделов еще более сократился вследствие естественного прироста крестьянского населения. Параллельно этому процессу интенсивно шел процесс измельчания крестьян-

ских наделов. К примеру, если в 1861 г. крестьяне Саратовской губернии имели в среднем по 5,2 дес. надельной земли на душу, то в 1904 г. – только по 3,6 дес. земли⁷. К 1906 г. по губернии в среднем на 1 мужскую душу приходилось 4 дес., что фактически означало только «кормовой участок», с которого крестьянин мог прокормиться. Однако такой участок земли не мог обеспечить уплату крестьянами их различных повинностей. Для пропитания и уплаты повинностей размер крестьянского земельного надела в среднем по губернии должен был составлять не менее 7–8 дес. земли на одну душу⁸. Причем размеры такого крестьянского надела должны были существенно отличаться на плодородном севере и засушливом юге Саратовской губернии⁹. Меньший размер земельного надела делал убыточным ведение крестьянского хозяйства.

Массовая вырубка лесов и распашка лугов не могли покрыть «земельный голод» крестьян, поэтому к началу XX в. многие крестьянские хозяйства Саратовской губернии утратили возможности для своего развития. Важным социальным институтом регулирования земельных отношений являлась крестьянская община. Однако, по мнению некоторых ученых, именно община мешала созданию оптимальных размеров крестьянского хозяйства и повышению культуры аграрного производства¹⁰.

Проблема «аграрного голода» вызывала нарастание социальной напряженности в селе. Большинство крестьян видело свои главные трудности в недостатке земли. Основная причина недовольства крестьян заключалась в огромном неравенстве во владениях землей между помещиками и крестьянами. На надельные земли саратовских крестьян приходилось около половины земельного фонда в губернии. Всего крестьянам губернии принадлежало около 3300 тыс. десятины надельной земли, или 49,2% всех земельных угодий в регионе. Надельное землевладение особенно было распространено в Балашовском, Вольском, Камышинском, Петровском и Хвалынском уездах.

Спецификой развития саратовского села являлось консервация различий между разными социальными и этническими группами крестьянства. Анализ архивных данных выявил определенную зависимость этнической принадлежности крестьян с их конкретным прежним статусом помещичьих, государственных и удельных крестьян. В определенной степени это обусловило различие между этническими и социальными группами в неравенстве владения пахотной землей, а также разницей в налоговой нагрузке. Так, великороссы были ранее в основном помещичьими крестьянами. Напротив, помещичьи мордовские крестьяне составляли менее 10 % от их общей численности этноса. В пореформенное время бывшие помещичьи крестьяне Саратовской губернии стали самыми малоземельными среди других групп крестьян¹¹.

Татарское сельское население состояло в основном из бывших государственных крестьян. К началу XX в. татарам Саратовской губернии принадлежало более 90 тыс. десятин земли, однако земельные отношения в татарской деревне являлись очень сложными¹². Земля распределялась по количеству наличных мужских душ, так же как и в мордовских и чувашских селах. Сами татары в основном не вели земледелия и зачастую сдавали свои земли в аренду¹³. Выше средних губернских показателей были земельные наделы у бывших государственных и удельных крестьян. Группы бывших государственных и удельных крестьян состояли в основном из великороссов, мордвы, чувашей и некоторых других народов. Лучшее всего землей были обеспечены бывшие немцы-колонисты¹⁴.

К началу XX в. около 20% всех частных земельных собственников Саратовской губернии, в число которых входили представители разных сословий, обладали 80% от всей частновладельческой земли. Однако общий размер личной земельной собственности крестьян в губернии составлял всего 247,3 тыс. десятин. В то же время помещику дворянству, численность которого составляла около 1,5% от численности населения региона, принадлежало свыше 1 600 тыс. десятин земли¹⁵. Около 90% дворян Саратовского Поволжья были великорусами и являлись основными землевладельцами в регионе. Дворянам принадлежали самые лучшие по качеству пахотные земли и самые доходные земельные угодья¹⁶.

В начале XX в. стала набирать силу одна из важных тенденций развития поземельных отношений, которая заключалась в увеличении товарного оборота земли и формировании земельного товарного рынка в губернии. В условиях становления рыночных отношений на селе стала формироваться экономическая тенденция превращения дворянского землевладения в частное бессословное.

В торговых операциях по обороту товарной земли принимали участие все сословные группы. Однако ведущая тенденция начала XX в. заключалась в быстром сокращении землевладения дворян путем перехода их земли в собственность других сословий. Дворянство губернии продавало земли гораздо больше, чем покупало. К примеру, в 1905 г. дворянам принадлежало уже лишь 1,3 млн дес. земли, что составляло менее половины частновладельческой земли в губернии¹⁷. В 1906 г. дворяне губернии продали еще более 186 тыс. дес. своих хозяйственных земель.

Новым явлением было также быстрорастущие темпы покупки дворянской частной земли другими социальными слоями населения. Названная тенденция способствовала формированию буржуазной земельной собственности в саратовской деревне. Однако дворянское землевладение в губернии по-прежнему осталось значительным. Основная доля частновладельческих земель в губернии (70,7%) принадлежала помещику дво-

рянству. Остальные земли, приобретенные путем покупки их в частную собственность, принадлежали купцам (7,7%), крестьянам (8,9%), мещанам (2,1%) и лицам прочих сословий (0,6%)¹⁸.

Новой тенденцией поземельных отношений в губернии явилось изменение в социальном составе покупателей земли. Если в пореформенный период сельскохозяйственную землю покупали главным образом дворяне и купцы, то уже в период 1900–1905 гг. в качестве основных покупателей земли стали выступать крестьяне. Таким образом, общее направление развития поземельных отношений состояло в постоянном уменьшении дворянского частного владения землей и увеличении частного владения землей крестьянами¹⁹. Однако объемы купленной земли не смогли коренным образом пополнить ее недостаток для большей части крестьян. Важным фактором экономического прогресса деревни являлась аренда земли крестьянами. Так, в некоторых уездах Саратовской губернии крестьяне арендовали до 75% используемой ими земли²⁰. Однако существенный недостаток земли, а также высокая плата за ее аренду зачастую вели к разорению значительной части крестьянства.

В этот период в Саратовском Поволжье стали появляться и развиваться определенные процессы капитализации сельского хозяйства. Набирали силу процессы расслоения крестьянства, формировались слои бедняков и середняков, а также постепенно выделялись слои сельской буржуазии и наемных рабочих. К примеру, к кулацким хозяйствам относилось 1,5% от общего количества крестьянских домохозяйств губернии. В связи с ростом слоя сельской буржуазии на селе оформился новый социальный конфликт между частными хозяйствами «кулаков», которые носили товарный характер, и отсталыми хозяйствами основной массы крестьян-общинников.

Происходила также интеграция небольшой части средних и мелких помещиков в рыночные отношения. Они стали применять наемный труд батраков, технику, что повышало урожайность и поставки зерна на рынок. Прогрессивная часть дворянства понимала необходимость аграрной реформы для преодоления отсталости сельского хозяйства. Однако основная часть дворян продолжала вести хозяйство по-старому, феодальными методами. Эта часть дворянства не пыталась адаптироваться к капиталистическим отношениям и не хотела перемен. Консервативная часть дворян видела только проблемы отсталости и слабой организации хозяйства крестьян. Монархия пыталась действовать в интересах дворянства, защитить его интересы в разных сферах. Однако подобная политика на деле приводила к иным результатам. Помещичье землевладение сохранило крепостнические формы эксплуатации крестьян, распространяя их как на общинников, так и на новых собственников, что приводило к обезземеливанию и массовому разорению самих дворян.

Ситуация углублялась рассогласованностью аграрной реформы и промышленной политики правительства, в итоге аграрное перенаселение постоянно росло. Искусственное сохранение общинного образа жизни крестьян привело к так называемому аграрному перенаселению. Правительство считало, что промышленность не в состоянии обеспечить работой всех крестьян, мигрировавших в города, потому что ее развитие было связано с покупательной способностью большей части населения страны – крестьян²¹. Не обеспечивая в достаточной степени село машинами и удобрениями, промышленность в то же время не смогла вобрать из деревни излишнюю рабочую силу. Избыток рабочей силы в России, по некоторым оценкам, составлял около 23 млн человек²². Все это привело к резкому обострению социальных противоречий, нарастанию противоборства основных социальных сословий деревни. Таким образом, в начале XX в. вопросы о реформировании аграрных отношений и судьбе крестьянской общины встали на повестку дня под воздействием объективных факторов и вызревания необходимых предпосылок. В российском селе назрели и обострились огромные социальные проблемы, которые необходимо было срочно решать. В этих условиях стали оформляться политические позиции консервативных и либеральных слоев дворянства. Два политических лагеря дворянства попытались создать свои концепции аграрных преобразований²³. Царское правительство пришло к пониманию необходимости кардинальных перемен в сельском хозяйстве страны. В итоге политической борьбы была сформирована компромиссная концепция реформы. Правительству было необходимо провести ряд реформ, которые могли бы укрепить социальную базу монархии и снять социальное напряжение в деревне, стимулировать товарный обмен между городом и селом. Главными задачами аграрных преобразований было создание социальной базы для монархии путем формирования широкого слоя частных собственников, а также быстрая интеграция села в рыночную экономику²⁴.

Примечания

¹ См.: Дядиченко А., Чермак Л. Статистический справочник : в 3 вып. СПб., 1906. Вып. 1. Население и землев-

ладение России по губерниям и сравнительные данные по некоторым европейским государствам. С. 34–35.

- ² См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 421. Оп. 1. Д. 2930. Л. 104, 114.
- ³ См.: Кабытов П. С. Русское крестьянство в начале XX века. Саратов, 1990. С. 24–25.
- ⁴ См.: Дядиченко А., Чермак Л. Указ. соч. С. 34–35.
- ⁵ См.: Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты // Вестник Богучаровского общества сельского хозяйства. 1915. № 1. С. 123.
- ⁶ См.: Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния. Издание Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1911. С. 176.
- ⁷ Там же. С. 44.
- ⁸ ГАСО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2658. Л. 165–165 об.
- ⁹ Березов Ф. А. Из быта крестьян Саратовской губернии // Русское богатство. СПб., 1908. № 8. С. 58.
- ¹⁰ Берснев В. Л. Исторические особенности реформирования аграрных отношений в России. Екатеринбург, 1994. С. 136.
- ¹¹ ГАСО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2658. Л. 47 об.
- ¹² Там же. Л. 165–165 об.
- ¹³ См.: Шишкин Д. П. Особенности социальной структуры народов Саратовской губернии в пореформенный период // Сельское население России в условиях модернизации XIX–XXI веков : сб. ст. Оренбург, 2012. С. 340–341.
- ¹⁴ См.: Хованский Н. Ф. Помещики и крестьяне Саратовской губернии // Материалы по крепостному праву. Саратовская губерния. Саратов, 1911. С. 27.
- ¹⁵ См.: Кабытов П. С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917 гг.). Саратов, 1982. С. 30–32.
- ¹⁶ ГАСО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 2930. Л. 128.
- ¹⁷ Там же. Л. 120, 127.
- ¹⁸ См.: Кабытов П. С. Указ. соч. С. 37–38.
- ¹⁹ См.: Дядиченко А., Чермак Л. Указ. соч. С. 45.
- ²⁰ См.: Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С. 300.
- ²¹ См.: Берснев В. Л. Указ. соч. С. 136.
- ²² См.: Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII – нач. XX в.) : в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 412.
- ²³ См.: Баранова Е. П. Российское дворянство в начале века : социокультурный портрет. Самара, 2006. С. 14.
- ²⁴ См.: Шелохаев В. П. Столыпинский тип модернизации России // Российская история. 2012. № 2. С. 74.

Образец для цитирования:

Шишкин Д. П. Формирование основных предпосылок аграрной реформы в Саратовской губернии начала XX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 547–550. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-547-550>

Cite this article as:

Shishkin D. P. Formation of the Main Prequisites of Saratov Province Agricultural Reform in the Beginning of the XX Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 547–550 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-547-550>